

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**АКАДЕМИЯ НАУК ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
СЛАВЯНСКИЙ ИНСТИТУТ**

**РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-ГУМАНИТАРИИ
В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

**Москва
2008**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**АКАДЕМИЯ НАУК ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
СЛАВЯНСКИЙ ИНСТИТУТ**

**РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-
ГУМАНИТАРИИ
В МЕЖВОЕННОЙ
ЧЕХОСЛОВАКИИ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва, 2008

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: кандидат исторических наук М.Ю. Досталь

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Л. Белошевская, А.Н. Горяинов, М.Ю. Досталь М.А. Робинсон,
Е.П. Серапионова

РЕЦЕНЗЕНТЫ: доктор исторических наук С.И. Михальченко
кандидат исторических наук А.С. Стыкалин

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-ГУМАНИТАРИИ В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ. Сборник статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 269 с.

Сборник статей подготовлен на материалах одноименной конференции, проведенной в Институте славяноведения РАН в июне 2005 г. в рамках договора о сотрудничестве со Славянским институтом АН ЧР. В статьях рассматриваются актуальные проблемы участия российской гуманитарной интеллигенции в межвоенной Чехословакии в сфере истории, филологии, философии, юриспруденции, политологии, религиозной и общественной мысли и пр., деятельности научных учреждений и обществ, научного наследия отдельных ученых-эмигрантов.

Для специалистов и всех любителей истории отечественной науки и культуры.

ISBN 978-5-7576-0218-9

© Институт славяноведения РАН, 2008.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
М.Г. Вандалковская (ИРИ, Москва) Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии	7
Л. Белошевская (СлИ, Прага) Русские литературоведы-эмигранты в межвоенной Чехословакии	26
В.Т. Буданов (МГУ) Т.Г. Масарик и русская эмиграция	34
Л. Гарбулева (Прешовский университет) Жизнь и творчество русских эмигрантов-гуманитариев в Словакии.....	51
Е.О. Пивовар, Е.В. Вьюницкая (МГУ) Питомцы и выпускники Московского университета в изгнании.....	58
И.В. Лемешкин (Карлов университет) Профессура императорского Варшавского университета и Прага.....	72
М.Ю. Досталь (ИСл, Москва) Российские эмигранты и советские слависты: проблемы взаимоотношений.....	80
В. Вавржинек (СлИ, Прага) Участие русских византинистов и славистов в межвоенный период в сборнике «Byzantinoslavica»	90
Ю.Н. Емельянов (ИРИ, Москва) К истории русско-чешского научного сотрудничества: Издания Русского народного (свободного) университета в Праге.....	96
Е.П. Серапионова (ИСл, Москва) Русское историческое общество в Праге	119
Л.И. Петрушева (ГАРФ, Москва) Русский заграничный исторический архив и ученые-эмигранты в Чехословакии.....	131
Ю. Янчаркова (СлИ, Прага) Н.Л. Окунев: Архив и Галерея славянского искусства.....	140
Л.П. Лаптева (МГУ) Русский историк-славист Н.В. Ястребов и его деятельность в эмиграции.....	148
Н.С. Надьярных (ИМЛИ, Москва) «Оправдание барокко» по Дм. Чижевскому.....	159

М. Магидова (Славянская библиотека, Прага) Печать эмиграции и труды А.Л. Бема о Ф.М. Достоевском.....	185
А.Н. Горяинов (ИСл, Москва) Русская эмиграция в Чехословакии и «первая жизнь» этнографа Т.А. Крюковой	198
М. Соучкова (Карлов университет, Прага) Научная деятельность фольклориста А.Д. Григорьева в Чехословакии. Из Прешова в Прагу	211
А.Г. Гачева (ИМЛИ, Москва) К истории пражской федоровианы	221
В.И. Косик, О.В. Косик (ИСл, Москва) Архиепископ Пражский Сергий (Королев) и П.Н. Савицкий: два портрета.....	232
М. Байесвенгер (Университет Нотр Дам, США) Петр Николаевич Савицкий (1895–1968): славяноведение как религиозный поиск.....	242
В.В. Бурега (Московская духовная академия) «Пражский период» жизни протоиерея Сергия Булгакова	249
М. Шнайдер (ФРГ) Формы и каналы чехословацкой эмиграции в Советский Союз	257

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей составлен по материалам международной научной конференции «Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии», организованной в Институте славяноведения РАН по договору о сотрудничестве со Славянским институтом Академии Наук Чешской Республики. Конференция состоялась 21–22 июня 2005 г. В ней приняли участие 23 докладчика из России (Москва), Чехии (Прага) и Словакии (Прешов). Оргкомитет конференции составили М.Ю. Досталь, Л. Белошевская и Е.П. Серапионова.

История российской эмиграции привлекла пристальное внимание исследователей с начала 1990-х годов, когда в постсоветской России тема «белой эмиграции» перестала быть запретной, открылись спецхраны во многих архивах и библиотеках России и других стран СНГ, ближнего Зарубежья. За почти 15-летний срок интенсивных исследований была серьезно переосмыслена роль российской эмиграции в межвоенной истории многих европейских государств, постепенно исчез ажиотажный интерес к названной проблематике и ее исследование перешло в русло серьезных систематических научных разработок. Только в Москве существует несколько научных центров по изучению разных аспектов деятельности эмиграции в рамках РАН – в Институте всеобщей истории, в Институте российской истории, в Институте мировой литературы, в МГУ, РГГУ, ГАРФ’е, РГАЛИ и пр. Регулярно проводятся научные конференции. В Институте славяноведения РАН также ряд сотрудников (А.Н. Горянинов, М.Ю. Досталь, покойный Л.С. Кишкин, В.И. Косик, М.А. Робинсон, Е.П. Серапионова и др.) постоянно занимались и занимаются проблемами эмиграции. Опубликован ряд книг¹ и множество статей. Проблемам эмиграции на протяжении многих лет посвящался четвертый номер журнала «Славяноведение». Тем не менее подобная масштабная конференция в Институте проводилась впервые и притом в тесном сотрудничестве со Славянским институтом в Праге, где в Отделе истории российской эмиграции Л. Белошевской и ее коллегами с 1992 г. ведутся интенсивные исследования данной проблематики, увидели свет новые важные научные труды².

Устроители конференции не случайно избрали объектом своего внимания проблемы судеб российской творческой интеллигенции гуманитарного профиля в межвоенной Чехословакии, так как они, несмотря на обилие литературы по эмиграции, еще не были предметом специального комплексного исследования. А ведь именно в этой демократической стране были созданы благодаря «русской акции» помочи эмигрантам президента Т.Г. Масарика наиболее благоприятные условия для реализации нерастраченного творческого потенциала российских интеллектуалов, вынужденных эмигрировать из большевистской Рос-

ции. Здесь были основаны Русский народный (свободный) университет, Русский педагогический институт имени Я.А. Коменского, Археологический институт имени Н.П. Кондакова, Русское историческое общество, Русский заграничный исторический архив и др. Многие ученые из России стали профессорами и преподавателями университетов в Праге, Брно, Братиславе и членами Славянского института в Праге. Вся эта многогранная работа российской эмиграции, так или иначе, нашла отражение в статьях В. Вавржинека, Ю. Янчарковой, Е.П. Серапионовой, Л.И. Петрушевой настоящего сборника.

Здесь также рассматривается разносторонняя деятельность историков (статьи М.Г. Вандалковской, Л.П. Лаптевой, В. Вавржинека, Е.П. Серапионовой, И.В. Лемешкина, М. Байссенгера и др.), филологов (статьи Л. Белошевской, М. Магидовой, Н.С. Надъярных, М. Соучковой, Л. Гарбулевой и др.), философов (статья А.Г. Гачевой), искусствоведов (статья Ю. Янчарковой), правоведов (статья Л. Гарбулевой), религиозных деятелей (статьи В.И. Косика и В.В. Буреги) и пр. Ставится проблема взаимоотношений с чешскими научными учреждениями и университетами (статьи В.Вавржинека, В.Т. Буданова) и советскими славистами (статьи М.Ю. Досталь и А.Н. Горяинова). Просматриваются судьбы выпускников Московского и профессоров Варшавского университетов в Чехословакии (статьи Е.О. Пивовара и И.В. Лемешкина) др.

Сборник завершает статья М. Шнейдера (ФРГ), в которой в дополнение к названным исследованиям рассматривается деятельность чехословацкой эмиграции в СССР.

Многогранная тематика сборника и участие в нем историков и филологов позволяет более широко и комплексно осветить проблемы адаптации российской эмиграции в культурном пространстве межвоенной Чехословакии и вопрос о ее вкладе в развитие науки и культуры этой страны.

Благодаря тому, что большинство статей сборника основано на новых архивных материалах и малоизвестных данных периодики и содержит оригинальную интерпретацию предмета исследования, он, несомненно, привлечет внимание специалистов и более широких кругов заинтересованных читателей.

*М.Ю. Досталь.
Ноябрь 2005 г.*

¹ Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992; Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995; Русская эмиграция в Югославии. М., 1996 и др.

² Сладек З., Белошевская Л. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике. Прага, 1998; Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике. М., 1999; Хроника культурной, научной, и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике. Т.1. 1919 – 1929. Прага, 2000; Т.2. 1930–1939. Прага, 2001 и др. (Названия книг параллельно на чешском языке)

М.Г. Вандалковская
(Москва)

Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии

Историки-эмигранты внесли значительный вклад в развитие отечественного и мирового научного знания. Чехословакия, особенно Прага, была научным и интеллектуальным центром российской эмиграции.

Президент Чехословакии Т.Г. Масарик формировал новое отношение своей страны к славянской проблеме и роли в ней России. Он отрицал панславизм как идеологическое обоснование политической жизни и в Чехословакии и в России, резко осуждал теократизм, монархизм и милитаризм, отвергал монархические, феодальные и клерикальные основы старой славянской общности под скоплетром Романовых.

Новое понимание основ славянской культуры Масарик связывал с созданием общеевропейской культуры, способной подняться над национальным своеобразием до общечеловеческого уровня, не претендуя на расовую избранность и мировое господство.

Идея освобождения Чехословакии и утверждения в ней демократических основ общественного устройства была поддержана русскими демократическими кругами.

П.Н. Милюков, лидер кадетской партии, известный общественный деятель и историк был хорошо знаком с Масариком, с которым его связывали давние и прочные узы, глубоко солидаризировался с ним в этом вопросе.

В кабинете Милюкова в Париже висел портрет Масарика с надписью «Моему другу». В своих воспоминаниях Масарик причислял Милюкова к кругу «личных знакомых и друзей», оказавших ему содействие в «великом подвиге его жизни»¹. В Чехословакии Милюкова считали первым из иностранных политических деятелей, который высказался за создание нового государства Чехословакия; пресса писала, что его имя войдет в историю страны и ее освободительных усилий. В марте 1929 г. во время празднования 70-летия Милюкова министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш признавал, что Милюков «знаменовал многое» не только для русской науки и политики, но и для Чехословакии и что чехи «сердечно благодарны ему за отношение к Чехословакии»².

Взгляды Масарика на необходимость создания нового демократического славянского мира, а также на историческое развитие России как европей-

ской страны, отличавшейся лишь замедленным темпом развитием, значительно способствовали благосклонному отношению к беженцам из большевистской России, которую в Чехословакии не признавали.

В Чехословакии развертывалась так называемая «Русская акция». Она являлась грандиозным мероприятием, как по содержанию, так и по масштабам своей деятельности. Это был уникальный опыт создания иностранного, в частности, русского научно-образовательного комплекса за рубежом. Не случайно известный чешский историк З. Сладек говорил о русском Оксфорде в Праге. «Проблема русской эмиграции становилась, — писал он, — составной частью политической жизни Первой республики»³. Цель русской акции — помочь России во имя ее будущего. Российским беженцам был «обеспечен приют, нашему подрастающему поколению — русская школа, нашим воспоминаниям о прошлом — временное хранение в Русском архиве. Никто не сделал больше, утверждал Милноков, для остатков Великой России как эта возрожденная маленькая Чехословакия. И это вызывает у нас... чувство вечной благодарности»⁴. А известный русский историк А.А. Кизеветтер, живший после своей высылки из Советской России в 1922 г. в Праге, с удовлетворением констатировал: «...Над нами не тяготеют духовные вериги. Наше слово свободно. Никакая принудительная указка не властвует над нами. И мы имеем поэтому полную возможность чувствовать себя в мировой республике наук на равной ноге со всеми другими ее представителями. Мы можем говорить от имени подлинной русской науки, не умаленной в своем авторитете никакими окриками большевистского держиморды. И поэтому наше служение русской науке помимо удовлетворения нашей личной потребности в научном творчестве, приобретает в условиях настоящего момента характер общественной функции высокого значения. Мы стоим на страже достоинства русской культуры, в то время как большевистские палачи из всех сил стремятся унизить и растоптать его»⁵.

В Чехословакии возникли многочисленные организации, призванные обеспечить устройство, быт, правовой статус, профессиональную деятельность эмигрантов. Прежде всего имеется в виду пражский Земгор, который занимался бытовой и культурно-просветительской деятельностью. Работали профессиональные корпорации: академическая группа, Педагогическое бюро, Объединение русских учительских и студенческих организаций. Были созданы Русский народный (свободный) университет, Русский Юридический факультет по принципу и с правами русских государственных университетов, Кабинет С.Н. Прокоповича, собравший огромный материал по экономической истории России, Семинар (Институт) им. Н.П. Кондакова, обогативший русскую и мировую науку разработкой проблем древнерусского искусства в сравнительно-историческом плане (византийского и восточного), археологии и истории. Огромную роль в развитии исторической

науки сыграл Русский институт имени Я.А. Каменского во главе с известным русским ученым В.А. Францевым, ставшим членом Чешской Академии наук и искусств, профессором славянской филологии Карлова университета. Целью создания этого Института было сближение двух стран «распространение в Чехословакии сведений о России, русской культуре и результатах текущих работ русских ученых, писателей и представителей всех областей знания и искусства»⁶. Лекции в Институте читались на русском и чешском языках.

Бесценна и уникальна для науки деятельность созданного в Праге Русского Исторического общества и Русского заграничного исторического архива, именовавшегося сначала после открытия Архивом русской эмиграции.

Все эти научно-образовательные и просветительские учреждения выпускали свои научные издания, в которых публиковались статьи их участников.

Каждая из этих институций и сторон их деятельности может быть предметом самостоятельного научного изучения. В Чехословакии обосновалась значительная часть русских историков-эмигрантов. Здесь находились Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, Н.П. Кондаков, В.А. Францев, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, С.Г. Пушкирев, В.А. Мякотин, И.И. Лаппо, А.Н. Фатеев, Б.А. Евреинов, Е.Ф. Максимович. Правда, не все из них жили продолжительное время в Чехословакии. Эмигрантские ученые по разным, чисто личным, бытовым причинам меняли свое местожительство. Однако жизнь в Чехословакии, например, для Вернадского, позднее ставшего всемирно известным ученым в США, или В.А. Мякотина, с 1930 г. жившего в Болгарии, оставила неизгладимый след в их научном творчестве. «Начертание русской истории» Вернадского, послужившее основой многих фундаментальных трудов по русской истории, изданных в США, было создано и опубликовано в Чехословакии в 1927 г. Здесь же вышли в свет и основные исследования Мякотина – «Украинцы в XVII–XVIII веках» (1924–1926) и «Переяславский договор 1654» (1930). Эмигрантскую историческую науку обогащали не только труды профессиональных историков. Российская элита, оказавшись за пределами отечества, стремилась понять и осмыслить все, что произошло с Россией: причины ее гибели, несостоятельности монархии и краха политических партий, исторические корни революции и жизнеспособность советского строя. Мечтая о возращении на Родину, эмигранты были поглощены мыслями о России. Размышления на эти темы писателей, литератороведов, философов, правоведов, богословов, публицистов и других представителей неисторической специальности постоянно были окрашены русской историей. Российская история стала своеобразной панацеей для ответа на мучившие русских людей вопросы. Поэтому много

интересных мыслей и суждений дали исторической науке правоведы Н.Н. Алексеев, философ и богослов Г.В. Флоровский, философы Д.А. Равсовский, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский и др.

Многоплановость научного наследия российских историков-эмигрантов (археология, славистика, искусство и литература) определяет необходимость сосредоточить внимание на рассмотрении их вклада в разработку истории России, не претендуя, однако, в ограниченных рамках статьи, на всеобъемлющее освещение.

В 1920-е годы в эмигрантской исторической науке четко обозначились два исследовательских направления. Одно из них в лице известных ученых Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтера, А.В. Флоровского, П.А. Остроухова, А.Н. Фатеева и др. развивало традиционную русскую историческую науку прозападнической ориентации. Общие курсы Шмурло, которые он читал в Карловом университете, выдержали в Праге несколько изданий. Кизеветтер, ученик В.О. Ключевского, прославленный лектор Московского университета и в эмиграции, по общему признанию, «лучший оратор из русской профессуры», блестательно вел курсы русской истории на Русском юридическом факультете, читал лекции в Карловом университете. А.В. Флоровский, профессор этого же факультета, член Кондаковского семинария также читал лекции в Карловом университете. И Кизеветтер, и Шмурло, и Флоровский активно занимались научной деятельностью и стали ведущими учеными пражской эмиграции.

Второе направление – евразийское, в значительной мере создавалось в Чехословакии. Здесь жили П.Н. Савицкий, известный историк и географ, поэт, редактор многих евразийских изданий, некоторое время Г.В. Вернадский, С.Г. Пушкирев, человек близкий Вернадскому, преподаватель Русского народного университета, член ученого Совета Русского заграничного исторического архива, в 1949 г. переехавший в США, М.В. Шахматов, представитель более молодого поколения русских ученых-эмигрантов, преподаватель Русского юридического факультета и другие основатели евразийской концепции истории России.

История России учеными традиционного направления рассматривалась сквозь призму западноевропейского развития. Россия, по выражению Кизеветтера, лишь одна из местных вариаций мировой истории; в ней происходили те же процессы, что и в других странах европейской культуры, однако они отличались более медленным темпом и принимали сравнительно более тусклые очертания. В данных особенностях историки этого направления признавали главное своеобразие русского исторического процесса.

В российском развитии особая роль отводилась государству; оно определяло внутреннюю (финансы, социальное и культурное развитие) и внешнюю политику. Следуя традиции С.М. Соловьева, эти историки были сто-

ронниками поступательного и органического развития российской истории во всех ее проявлениях от государственности до культуры и просвещения.

Зарождение русского государства Шмурло и Кизеветтер относили к эпохе древнерусской истории IX–XI вв., подчеркивая органический характер его происхождения, «развитие предшествующих форм общежития». Они отрицали наличие норманнского периода в жизни восточного славянства, вопрос о призвании либо завоевании Руси варягами считали недоказанным. «В русской жизни, – писал Шмурло, – варяги сыграли "роль фермента", способствующего формированию сознания общности своих интересов, обусловленной общей выгодой и общей опасностью»⁷. Киевская Русь, по мысли этих историков, не была связана «внутренними нитями» с последующим развитием государства в Древней Руси. Историю древнерусской государственности они вели не от Приднепровской, а от Северо-Восточной Руси. В курсах лекций Шмурло и Кизеветтера подчеркивались различия исторического развития Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, которые особенно проявились в период превращения Руси в национально-военное государство. Юго-Запад, в отличие Северо-Запада, стал развиваться в русле западноевропейских феодальных порядков. Северо-Запад же, составляющий часть территории Руси, по меркам западного развития, не пошел по пути феодализма.

Историю Московского царства вышеназванные историки рассматривали как начальный этап культурной истории России, ее общественного и национального самосознания; образование этого государственного объединения они связывали с задачами военных и финансовых нужд для обороны страны от Золотой орды, губительного татаро-монгольского ига и других кочевников, а также потребностью укрепления власти московского князя в борьбе с другими русскими князьями.

Вопросы феодального землевладения, с их точки зрения, по существу были подчинены решению проблемы войска. Земельные пожалования за службу формировались, по мнению Шмурло, по типу византийской пронии и турецкого тимара; образование военно-служилого класса связывалось главным образом с политикой правительства, заинтересованного в создании войска.

История России XV–XVI вв. для этих ученых – период падения феодализма и утверждения единодержавия. Феодализм при этом понимался ими как «политический феодализм» – раздробление верховной власти, а также связанные с ним вассальная иерархия и господство крупного землевладения. XVI век, и особенно царствование Ивана Грозного, Кизеветтер считал «одним из капитальнейших моментов нашей истории», «крупным поворотным пунктом» в ходе государственного развития. «По обе стороны века, – писал он, – лежат две совершенно различные России: удельная и Москов-

ская Русь». Последняя, по его словам, представляла собой крепко сколоченное военное государство, построенное на началах сильнейшей централизации.

Значительное внимание ученые уделяли и характеристике социальной политики московских князей. Следуя традиции государственной школы, они полагали, что с середины XV в. население России постепенно становилось закрепощенным государством. Формы закрепощения были различны: вся масса населения делилась на служилых и тяглых людей. Первые были обязаны государству ратной службой, вторые – торгово-промышленным либо земледельческим трудом.

Период с начала XVII по середину XIX вв. историки квалифицировали как превращение России в европейскую державу, указывали на рост ее государственной мощи. Реформы Петра I они рассматривали как «величайший» и «глубоко благотворный» этап российской истории, закономерно подготовленный предшествующим историческим развитием и имевший «крепкие корни» в национальной почве; значительное внимание уделяли личности Петра I, признавая его «громадный» государственный ум, широту взглядов, осознание гражданской ответственности за нужды страны, преданное служение обществу и государству. Реформаторская деятельность Петра I, его внешняя политика, открытие «окна» в Европу укрепили самодержавную власть, создали абсолютную монархию, преобразовали все формы государственной жизни: экономическую, социальную, военную, государственно-управленческую и культурную.

Правление Екатерины II для ученых этой ориентации – эпоха просвещенного абсолютизма, продолжение национального направления русской политики во внешних делах, просветительский характер правительственные мероприятий во внутренней политике, раскрепощение дворянства и закрепощение крестьянства. Деятельность Екатерины II связывалась этими учеными с ее умной прозападнической направленностью и одновременно с укреплением самодержавно-крепостнического строя.

XIX век – продолжение основ, заложенных предшествующим развитием⁸.

В евразийской концепции русской истории делались иные акценты. Основное внимание историки этого направления уделяли периоду татаро-монгольского ига и Московского царства.

Татаро-монгольское иго, восточное влияние, по мысли евразийцев, играло определяющую роль в русском историческом процессе. Русь, считали они, постепенно, «из века в век» «пропитывалась» как византийской (греко-восточной) цивилизацией, так и культурой степных кочевников. Поэтому монгольское иго не было чем-то «принципиально новым» для Руси. «Это была, – писал Вернадский, – ...глубоко-материковая волна... Этим и была

создана новая основа русско-восточных отношений. Началось политическое подчинение русской земли Востоку – монгольское иго⁹. Главное достижение монгольского периода евразийцы видели в образовании российской государственности, при этом недооценивая собственно российское развитие.

Древнерусское государство они называли исключительно варягоподобным, преувеличивая в политике древнерусских князей и в ходе самой русской истории роль восточного элемента.

По мнению Савицкого, государственной организации России во многом способствовало татарское иго, «прививавшее или раскрывавшее дремавшие дотоле навыки»; оно было в то же время «горнилом, в котором ковалось русское духовное своеобразие». Россию он называл наследницей великих ханов, объединительницей Азии, частью особого «окраинно-приморского мира, носительницей углубленной культурной традиции. Без татаршины не было бы России»¹⁰.

С татаро-монгольским нашествием евразийцы связывали образование Московского царства, которое служило для них эталоном российской государственности. Известный теоретик евразийства Н.Н. Алексеев уделял особое внимание идеологическому обоснованию государства. Он отмечал, что в противостоянии двух идеологических систем – иосифлянства, отождествляющего божественную и земную власть, и заволжских старцев, разделяющих их и признающих греховность земного государства, – евразийцы отдавали предпочтение последней¹¹. В политическом плане это ставило проблему подчинения царя законности, ограничения самодержавия, собственного самоусовершенствования и верховенства в государстве религии.

Московское царство М.В. Шахматов называл «государством правды», в котором религиозно-нравственные основы распространялись и на область государственных и правовых отношений.

Концепция русской истории евразийцев делила ее на московский, до-петровский и императорский периоды. Противопоставление Московского царства и императорской России является вторым после татарского ига стержневым постулатом евразийской концепции русской истории. Европеизацию России евразийцы оценивали как самое вредное и пагубное последствие российского развития, связывая это с деятельностью Петра I, хотя и признавали, что его обращение к Европе диктовалось необходимостью защиты русской самостоятельности, и он служил России как солдат, генерал, законодатель, администратор и прокурор. Европеизация, по словам С.Г. Пушкирева, имела поверхностный характер, «оторвала» верхи общества от народной массы, разрушила «то религиозно-моральное и общественно-бытовое единство народа, которое существовало в Московской Руси», «сделало дворянство и чиновничество иностранцами в собственной стране»¹². Со временем Петра I «были вырыты» две пропасти, сказавшиеся на всей

последующей истории России: одна между допетровской и послепетровской Русью, другая – между народом и образованными классами. Эти последствия петровских преобразований евразийцы считали «глубоко пагубными», уничтожившими самобытную русскую культуру, вплоть до 1917 г.¹³ Особой критике Петр I подвергался за его отношение к религии: в вину ему ставили отмену патриаршества, бюрократизацию церкви, падение ее духовного авторитета.

«Властным актом секуляризации» и «государственного обмирщения» называл «петровский переворот» известный богослов, отошедший от евразийства в 1928 г., Г.В. Флоровский, так же как и его единомышленники жившие в Праге в начале 1920-х годов. С петровских времен, утверждал он, начался «великий русский раскол» не столько между правительством и народом, сколько между властью и церковью¹⁴.

Правление Екатерины II для евразийцев – продолжение императорского периода, дальнейшее углубление западного влияния, втягивание России в европейскую систему и отторжение от религиозной целостности, свойственной Московской, допетровской Руси. Развитие этого процесса евразийцы видели и в истории XIX в.

Учеными этих направлений велись постоянные и оживленные дискуссии как на научных собраниях, так и в печати. Против русской истории поевразийски всегда ярко выступали А.А. Кизеветтер, А.Н. Фатеев, часто приезжавший в Прагу П.Н. Милюков.

Русские ученые разрабатывали многие конкретные проблемы и исследовали периоды российской истории, которыми в той или иной мере занимались еще до эмиграции. Разумеется, их изучение было неравномерным, различной была и степень их научной обоснованности; на трудах в той или иной степени отражались особенности научных концепций и политических возврений их авторов.

Исследовались проблемы российской государственности, роль древнерусских князей и церковных деятелей в укреплении русского государства, проблемы взаимоотношений государства и церкви, законодательства и власти, идеологии, общественно-политической мысли и т. д.

М.В. Шахматов, например, указывал на особое значение Владимира Мономаха, воплотившего, по его мнению, в государственном строительстве идеал самобытности и богоподобности и противопоставляя его деятельность «злым умыслам» западнического Петра I. И.И. Лаппо, ученик С.Ф. Платонова, В.Г. Васильевского и В.И. Ламанского, в Праге – член Русской учебной коллегии (Совета профессоров) опубликовал цикл статей в серии «Великие строители России» (митрополиты Макарий, Алексий, московские князья-собиратели земли русской, Сергий Радонежский); к

числу крупных государственных деятелей он относил Петра I, высоко чтил государственные идеи Н.М. Карамзина¹⁵.

Идеологическим, культурным и мировоззренческим аспектам российской истории посвящены были работы Н.Н. Алексеева, М.В. Шахматова, Д.А. Расовского и др.¹⁶

Предметом исследования стало изучение кочевых племен, их взаимоотношений с Русью, что в значительной степени было связано с оформлением евразийской концепции русской истории¹⁷.

Ученых занимали и вопросы присоединения к России отдельных территорий, в частности Сибири русскими первопроходцами¹⁸.

Научную ценность представляет статья П.Б. Струве, в которой он продолжал свою полемику, начатую в конце XIX в., о русском феодализме. Струве разделял мнение тех (Милюков, Тарановский), кто считал, что в России не существовало «стандартного» (западного) феодализма¹⁹.

Изучались проблемы крестьянской общины и форм землевладения в России и Византии, характер византийского влияния на развитие славянской задруги²⁰.

Фундаментальный характер имели исследования, посвященные взаимоотношениям Московской Руси с Западной Русью, Польшей, Литвой и Украиной.

С докладом «Литовско-русское государство и Польша в XVII столетии» на съезде русских академических организаций в Белграде от чешских эмигрантских ученых выступал И.И. Лаппо. Тщательный анализ текста Люблинской унии 1569 г. привел автора к новой трактовке этого документального памятника. Лаппо доказал, что бытующее в исторической литературе, в том числе и польской, мнение об инкорпорации Литвы в Польшу по Люблинской унии несостоятельно. В действительности, Литва органически не была соединена с Польшей и сохраняла все атрибуты государства (войско, казна, финансы и т. д.)²¹.

Социальной истории Малороссии и русско-украинским отношениям были посвящены работы В.А. Мякотина. По его мнению, Переяславский договор 1654 г. не включал Малороссию в Московское государство, их отношения он называл вассальными. Возникновение крепостного права в Левобережной Малороссии ученый считал не следствием закрепостительной политики России, а результатом социально-экономического развития и политического строя самой Малороссии. Эти заключения Мякотина, основанные на изучении огромного фактического материала, являются существенным противоречием утверждениям советской исторической науки и должны занять свое место в современной науке²².

Проблемы русско-итальянских связей, соотношения православия, католицизма и лютеранства, Востока и Запада в русской истории рассматрива-

лись в трудах Е.Ф. Шмурло. Он был одним из ведущих русских историков в Чехословакии. До приезда в Прагу (1924 г.) состоял ученым корреспондентом в Риме, создав на основе материалов итальянских архивов прочный научный фундамент для разработки многих проблем российской истории. В Праге Шмурло стал одним из учредителей Русского исторического общества и его первым председателем. Рассмотрение указанных проблем осуществлялось Шмурло на конкретно-историческом материале преимущественно в эпоху Петра²³.

А.А. Кизеветтер и А.В. Флоровский уделяли большое внимание изучению XVIII в., в частности, эпохи правления Екатерины II. Характерен особый интерес к проблеме соотношения двух периодов в правлении императрицы. В дореволюционной литературе преобладало мнение о том, что Екатерина до 1767 г. мечтала об уравнении сословий и отмене крепостного права, а в последующий период под давлением дворянства стала на защиту крепостничества. Кизеветтер считал подобную точку зрения не подкрепленной документальными данными. Он полагал, что во второй период своей деятельности Екатерина II лишь усвоила иные приемы законодательной работы, продолжая политику укрепления самодержавно-бюрократического строя. Эту точку зрения в известной мере разделял и Шмурло, характеризующий политику Екатерины II как непоследовательную и отмеченную «расхождением слова с делом»²⁴.

В работах Кизеветтера и Флоровского находили освещение и вопросы идейных основ мировоззрения Екатерины II, источников ее просвещенного абсолютизма, восприятия императрицей идей французского просветительства. Ученые утверждали, что между ее увлечением просветительской философией и программой внутренней политики не существовало большого противоречия. Социально-политические взгляды Вольтера вполне совмещались с самодержавно-дворянской политической программой российской императрицы, в то время как идеи Монтескье и Дидро Екатерина II приспособила к своим самодержавно-деспотическим устремлениям.

Флоровского интересовала и история экономической политики Екатерины II. Он отмечал ее покровительственное отношение к судьбе кустаря-промышленника в России, земледельческой стране, осуждение ей регламентации в развитии сельскохозяйственного предпринимательства²⁵.

Широта осмысления эпохи Екатерины II проявилась в интересе историков-эмигрантов, особенно Кизеветтера, к крестьянской проблеме, к крестьянским бунтам, в частности к восстанию Е. Пугачева.

Причину возникновения восстания Кизеветтер (об этом же писал в курсе лекций Шмурло) видел в общности социальных интересов крестьянства и казачества. К числу причин, способствующих разрастанию русской Жакерии, Кизеветтер относил близорукость администрации, недооценку опасно-

сти, нерасторопность властей; успехи восстания связывал не с его собственной силой, а со слабостью царского войска. Пугачев, по мнению Кизеветтера, не понимал задач крестьянского восстания, постоянно метался, был дюжинным человеком, посредственным авантюристом, боялся масштабов движения; роль народного вождя была ему не по плечу.

Признание обоснованности социального протesta крестьянства, проявившегося в пугачевском движении, Кизеветтер ставил в связь с постановкой крестьянского вопроса в России в целом. Он считал, что русское крестьянство никогда не обладало анархическими свойствами, ему всегда было присуще государственное сознание и стремление к государственному порядку. Борьба крестьян с крепостным правом не являлась борьбой с государством. Все крестьянские восстания стремились встать под знамя политической лояльности; отсюда возникла определенная схема, выработанная крестьянским сознанием; крепостное право – измыщение господ, но не государственной власти. Поэтому восстания крестьян поднимались под лозунгом: «На господ во имя царя». Что касается крестьянских требований, то они никогда не ограничивались борьбой за землю, в них всегда присутствовали мотивы личной свободы и политических прав²⁶. Подобные выводы были новым словом в освещении этой проблемы в дореволюционной и советской историографии.

Интенсивно разрабатывалась тематика российской истории XIX в. Ученые сосредоточивали внимание на государственной деятельности Александра I, реформах М.М. Сперанского, истории русской общественной мысли, декабристах, М.А. Бакунине и т. д.

Законодательству Александра I были посвящены исследования молодого и рано умершего историка Б.А. Евреинова, работавшего в Праге под руководством А.А. Кизеветтера, приват-доцента Славянского института, секретаря Русского Исторического общества.

Доклад Евреинова в Варшаве на конференции историков Восточной Европы и Славянского мира (1927 г.) рассматривал Александра I как реформатора, государственные преобразования которого устанавливали в России правовой строй и начала законности.

Е.Ф. Шмурло акцентировал внимание на личности Александра I, обвинял его в двуличии, лицемерии и слабости и не признавал заслуг в деле государственного строительства.

М.А. Циммерман, представитель молодого поколения историков права, окончив Русский юридический факультет, преподавал в Брно и писал работы по истории международного права, в том числе о Священном союзе Александра I. Он утверждал, что созданием Священного союза Россия преодолела международный цезаризм; основные принципы Священного союза – социальное служение всечеловеческим и христианским идеалам,

провозглашение начал новой политики стабильности и противопоставление ей «революционного царства» зла и разрушения. Священный союз, считал он, нес идею «систематической однородности политического устройства». Кизеветтер также видел в Александре I искуснейшего дипломата, как во внутренней, так и во внешней политике, умевшего осуществлять «извилистые» и сложные дипломатические комбинации.

Ученые возвращались к традиционной теме о Федоре Кузьмиче и его творчестве с Александром I²⁷.

Роли М.М. Сперанского и законодательству первой половины XIX в. посвятил свои исследования историк-правовед, профессор Русского юридического факультета и Русского народного (свободного) университета А.Н. Фатеев. Он называл этого государственного деятеля «зодчим русской культуры». Ему была созвучна мысль Сперанского: «Все, что замедляет необходимость реформ, – приближает к революции». В конце жизни Фатеев обобщил свои изыскания в этой области и написал книгу «Жизнь, труды, мысли и план преобразования России М.М. Сперанского», которая так и не вышла в свет²⁸.

Противовесом советской науке являлись не только труды об эпохе Александра I и его законодательной и внешнеполитической деятельности, но и исследования по истории декабристов.

Кизеветтер выступил против противоречивых утверждений М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова о декабристиах как о предшественниках большевиков – одновременно «политических фарисеях, прикидывавшихся демократами» и стремившихся к укреплению своих классовых преимуществ. Он признавал в идеологии декабристов три основных начала: надклассовый общегосударственный подход к истории России (а не идею классовой борьбы), «пламенный патриотизм» и чувство чести (а не всеобщий интернационализм) и укрепление государственной силы России «в то время, как большевики ее разрушают»²⁹.

Ряд исследований был посвящен оценке декабристских идей и программ в контексте эпохи. Так, Фатеев усматривал родственность преобразовательных проектов декабристов и Сперанского, утверждая, что Сперанский не мог одобрять их тактику. Н.Н. Жекулин, стремясь определить идеиные основы «Практических начал политической экономии» Пестеля, считал это произведение «журнальным упрощенчеством» учения А. Смита³⁰.

Различались суждения М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова в трактовке роли С.П. Трубецкого в подготовке восстания 14 декабря 1825 г. Покровский видел в Трубецком в одних работах – заблуждавшегося представителя властивущей аристократии, в других – «северного Пестеля»; Рожков, отдавая в тень Рылеева, рассматривал Трубецкого как первостепенного вождя и организатора движения декабристов.

Е.Ф. Максимович, историк молодого поколения русской эмиграции, сотрудник Русского заграничного исторического архива, позднее – Славянской библиотеки в Праге, Славянского института, член Русского исторического общества, кстати, зять А.А. Кизеветтера, специально занялся фигурой Трубецкого. Он представил его убежденным декабристом, глубоко вдумчивым человеком, но осознавшим бессмысленность восстания; нерешительность Трубецкого в ходе восстания Максимович объяснял не изменой делу декабристов, о чем утверждалось в исторической литературе, а осознанием трагедии, психологической растерянностью и пассивностью воли³¹.

Ряд работ о Бакунине и его творчестве создал Б.А. Ереинов. Он отмечал живучесть идей Бакунина, его стремление избавить славянские народы от феодальной зависимости, онемечивания, власти мадьярской аристократии и создать «вольную и великую» федерацию всех свободных народов, предоставив землю крестьянским массам. Сочинения Бакунина Ереинов рассматривал как памятник умственного и революционного движения России и как замечательные литературные произведения этого времени³².

Экономическую историю России XIX в. успешно разрабатывал П.А. Остроухов. Он преподавал на Русском юридическом факультете, в Высшей коммерческой школе в Праге политическую экономию, латинский и русский языки, стал доктором философии Карлова университета. Основная тема его научных изысканий – Нижегородская ярмарка XIX в., «торговое сердце России». Автором впервые рассмотрены механизм деятельности ярмарки, ее кредит и денежное обращение, национальный и социальный состав торговцев, связь торговли с торговлей окрестных районов и Китая. Основанные в значительной мере на архивных источниках труды Остроухова существенно продвинули изучение капиталистического рынка в России³³.

Русская наука в Чехословакии отдала дань и творчеству А.С. Пушкина. Это было связано с еще большим в эмиграции осознанием великого поэта как символа русской литературы. Не случайно «День русской культуры» проводился в день рождения Пушкина; проведением этого праздника «сгущенных воспоминаний о России» реализовывалась идея национального единения, сохранения национальных традиций (язык, наука, культура), осуществлялись пропаганда русской культуры и взаимодействие разных национальных культур.

О Пушкине писали литературоведы, философы, филологи, историки: И.И. Лапшин, В.А. Францев, Е.А. Ляцкий, С.В. Завадский, Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, Г.В. Вернадский, В.А. Мякотин и др. Основной чертой творчества Пушкина Вернадский и Кизеветтер считали историзм, что особенно проявилось в освещении Пугачевского бунта и истории Петра I³⁴.

Труды российских эмигрантских историков значительно продвинули изучение русско-чешских отношений, культурных и политических связей.

Ведущее место среди ученых, занимающихся данными проблемами, принадлежит В.А. Францеву и А.В. Флоровскому.

В.А. Францев был родоначальником в разработке этих тем. Флоровский свои многочисленные статьи по указанным сюжетам обобщил в труде «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (Х–XVIII вв.)» (Прага, 1935–1947. Т. 1–2.). Его второй фундаментальный труд о чешских иезуитах в России (XVII–XVIII вв.) был издан на чешском языке³⁵.

Касаясь изучения русско-чешских отношений, нельзя не отметить выхода в свет работы «Местное самоуправление», напечатанной в 2-х выпусках в «Трудах общества для изучения городского самоуправления в Чехословакской республике». Членами этого общества и авторами статей о городском хозяйстве и бюджете чешских городов, о местном самоуправлении в Чехословакии и России, Германии, Подкарпатской Руси выступали русские ученые и общественные деятели, до эмиграции занимающиеся этими проблемами.

В предисловии к книге было сказано, что ее авторы, стремясь осмыслить в «мировом масштабе» опыт городского управления и хозяйства, ставили перед собой цель усовершенствовать управленческое устройство гостеприимной Чехословакии³⁶.

Неоспоримым свидетельством уровня исторической науки всегда является источниковедение и историография.

Публикацией источников ученые-эмигранты сопровождали разработку многих исследовательских тем, вводя в научный оборот документы российских и чешских архивов.

Работы по истории исторической науки обобщали опыт научных исследований, традиций и методов российской исторической науки, раскрывали связь в ней работ дореволюционного периода и написанных в эмиграции, русского и чешского научного знания. Об этом писали А.В. Флоровский, И.И. Лаппо, А.А. Кизеветтер, А.Н. Фатеев и др.³⁷

Представление об исторической науке было бы неполным без освещения огромной лекционной работы, которая велась в Чехословакии, и, прежде всего, в Праге.

Эмигрантские ученые читали лекции во всех учебных и научных учреждениях: в Русском народном (свободном) университете, в Русском научном институте, на Русском юридическом факультете, в Карловом университете и др.

Однако центром этой деятельности, имевшей научно-исследовательский характер, являлось Русское историческое общество. Во главе этого общества стал Е.Ф. Шмурло, далее, с 1930 г. А.А. Кизеветтер и затем А.Н. Фатеев, А.В. Флоровский, Е.А. Ляцкий, П.А. Остроухов. Общество объединяло представителей разных исторических специальностей: русистов, славяноведов, источниковедов, историографов, византинистов, а также историков права, литературы, философии, экономики и др. Его целью была консолида-

ция российских ученых, забота о сохранении «русской исторической школы», научных традиций и передаче их молодому поколению.

За первые девять лет работы в Обществе было прочитано более 170 докладов, их большая часть относилась к русской истории. Докладчиками выступали Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, И.И. Лапто, В.А. Францев, А.В. Флоровский, С.Г. Пушкирев, Г.В. Вернадский, М.В. Шахматов А.Н. Фатеев, А.Л. Погодин, Е.Ф. Максимович, И.О. Панас, Б.А. Евреинов, В.В. Саханев и др. Большинство из прочитанных докладов было опубликовано в «Записках Русского исторического общества», вышедших в 3-х томах.

Общество отмечало также памятные, юбилейные даты крупных ученых и исторических событий: В.П. Бузескула, Д.И. Багалея, П.Г. Виноградова, В.В. Водовозова, С.А. Голубцова, Н.М. Карамзина, А.А. Корнилова, А.А. Кизеветтера, С.Ф. Платонова, С.М. Соловьева, чешских ученых Л. Нидерле, К. Кадлеца, а также декабристов, Пушкина, Л. Толстого, царей Петра I, Екатерины II, Александра I и др.

Русская эмигрантская общественность отмечала 175-летие Московского университета, Татьянин день, годовщину основания Чехословацкой республики, 75- и 80-летие Т.Г. Масарика.

Активная лекционная работа научного характера велась в многочисленных объединениях: Философском обществе, Семинаре по изучению Достоевского, в кружках по изучению Мировой войны, экономической политики, в кружке «Социальные условия жизни в России» при Институте изучения России и др.

Российские ученые вели большую просветительскую работу в русско-чешских объединениях, таких, например, как Русско-чешская еднота (объединение), основанной для установления «чешско-русской взаимности», изучения российской жизни чехами и чешской жизни русскими, «Зbraslavskie пятницы» и др.

Учеными из России читались лекции во многих городах Чехословакии: Брно, Кладно, Будеёвицах и др.; с лекциями о России, Москве, русских писателях Кизеветтер, Флоровский, Завадский ездили в Берлин, Белград, Загреб, Софию и т. д.

Ни одно сколько-нибудь крупное культурного значения мероприятие не проходило без участия ученых в среде российской эмиграции. А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло, С.В. Завадский были участниками съезда ученых и съезда писателей в Белграде. Кизеветтер был награжден орденом Св. Саввы, одним из самых высоких орденов Югославии. В 1930 г. историк был выбран председателем V съезда русских ученых за границей. Значение этих и других научных съездов было огромным: встречи, воспоминания, единение в пропаганде русской науки и культуры. Почти ежегодно Кизеветтер, Шмурло выступали на Днях русской культуры, где отмечались памятные даты, посвященные Пушки-

ну, Толстому и т.п. На этих собраниях Ф.И. Шаляпин пел «Бориса Годунова», И.А. Бунин рассказывал о русской литературе, хор Архангельского исполнял русские народные песни.

В Чехословакию как в крупный научный центр приезжали русские учёные из других эмигрантских центров. В Праге читали лекции П.Б. Струве, Е.В. Спекторский, В.А. Мякотин, П.Н. Милюков. «В приятной и любимой» для Милюкова, по его словам, златоглавой Праге он читал лекции о положении в России, о задачах русской эмиграции, о славянском вопросе, о еврействе и о роли интеллигенции в революции, о белом движении. Большой европейский резонанс получили его лекции по национальному вопросу. В решении национальной проблемы Милюков называл себя последователем Масарика, «одного из самых крупных и симпатичных фигур современного славянства», ссылался на программную брошюру Масарика «Славяне после войны» (1923), в которой речь шла об освобождении славянского мира от политического угнетения, от панславизма и о создании новой славянской общности на базе демократических принципов самоопределения народов.

В трех лекциях, посвященных национальному вопросу, Милюков выступил против традиционной точки зрения, связывающей национальность с наследственными свойствами «народной души», религией, языком и территорией. Названные признаки он считал основой официальных и консервативных государственных теорий. Аргументация из области антропологии, этнографии и языковедения, с точки зрения Милюкова, опровергала неизменность и наследственность этих признаков. Для Милюкова национальность – не антропологическое понятие, а продукт общения людей на пространстве определенной территории в течение определенного времени; национальность существует только в живом социальном процессе, эволюционируя в своем развитии³⁸. Так называемые «Милюковские дни» в Праге всегда проходили при огромном стечении народа, выступления Милюкова сопровождались оживленными дискуссиями.

Русские учёные в Чехословакии, стране, создавшей наиболее благоприятные условия для научной деятельности эмигрантов, продолжали и развивали традиции русской науки и культуры, несли ее завоевания в науку и культуру Чехословакии, оказывая тем самым на них огромное нравственное воздействие, расширяли свой научный кругозор в содружестве с чешскими учёными и деятелями культуры, укрепляли научные и культурные связи двух славянских народов.

Примечания

¹ Милюков П. Мои встречи с Масариком // Последние новости. 1937. 16, 21 сент.; T.G. Masaryk. Světová revoluce. Vzpomínky. Praha. 1926. S.148.

² Последние новости. 1925. 7 марта; 1929. 16 марта.

³ Сладек З. Русская акция помощи в истории русско-чешских и чехословацко-советских отношений // Русская украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 1995. С. 20.

⁴ Последние новости. 1936. 24 января.

⁵ Кизеветтер А.А. Работа русских ученых за рубежом // Сегодня (Рига). 1930. 15 окт.

⁶ Сборник Русского института в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 3.

⁷ Шмурло Е.Ф. История России (IX–XX вв.). М., 1997. С.44–48; Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (далее – РО РГБ). Ф. 566 (Кизеветтера). К. 7. Д. 13. Л. 10, 14–15.

⁸ Шмурло Е.Ф. Указ. соч. РО РГБ. Ф. 566. К. 7. Д. 12, 13, 14.

⁹ Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Берлин, 1927. Кн. V. С. 156.

¹⁰ Савицкий П.Н. Степь и оседлость России между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М. 1993. С. 123–125; Шахматов М. Подвиг власти // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 59.

¹¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство // Путь. 1927. № 8; Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. Пушкирев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991 и др.

¹² См.: Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927; Алексеев Н.Н. Русское западничество // Путь. 1928/1929. № 8; Трубецкой Н.С. Мы и другие // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4.; Пушкирев С.Г. Указ. соч. С. 245–256.

¹³ Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры. Этническая основа русской культуры // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 94–95.

¹⁴ Флоровский Г.В. Митрополит московский // Путь. 1928. № 12. С. 4–5.

¹⁵ Лаппо И.И. Великие строители России// Русский колокол. 1927. № 2; 1928. № 3, 5, 6, 8 и др.; Он же. Н.М. Карамзин и его государственные идеи // Россия. 1927 26 ноября; Шахматов М.В. Вл. Мономах как идея // Записки Русского исторического общества. 1927. Т. I.

¹⁶ Алексеев Н. Русский народ и государство // Путь. 1927. № 8; Шахматов М.В. Платон в Древней Руси // Записки Русского исторического общества. Прага, 1930; Расовский Д.А. Древнерусское светское мировоззрение // Там же. Т. I.; Ляцкий Е.А. Слово о полку Игореве. Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли (Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль.). Прага, 1933.

¹⁷ Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях. Берлин, 1922; Он же. О задачах кочевниковедения (Почему скиты и гунны должны быть интересны для русского) // Приложение к книге Г.П. Толя. Скиты и гунны. Из истории кочевого мира. Прага, 1928; Расовский Д.А. Русь и кочевники в эпоху святого Владимира // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве. Прага, 1925; Он же. Русь, черные клобуки и половцы в XII веке // Сборник в память на проф. П. Ников. София, 1939; Ереинов Б.А. Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы // Записки Русского исторического общества. Прага. 1927. Т.I.

¹⁸ Пушкирев С.Г. Как русский народ заселял Сибирь // Хозяин. 1925; Савицкий П.Н. Сказание иностранцев о Сибири. Историко-географические заметки // Записки Русского народного университета. 1933. Т. V.

¹⁹ Струве П.Б. Наблюдения и исследования из области истории хозяйственной жизни и права Древней Руси. Существовал ли в Древней Руси феодальный правопорядок // Сборник русского Института в Праге. Прага. 1929. Вып. I.

²⁰ Вернадский Г.В. Заметки о крестьянской общине. Формы землевладения в Византии // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией. Прага, 1924 Вып. II.; Пушкирев С.Г. Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России. Ч. I. Введение. Крестьянское землевладение и землепользование в Московском государстве XVI–XVII

- ²⁸ // Записки научно-исторического объединения. 1939. Т. IX(XIV), Ч. II. 1941 Т. X(XV); *Шахматов М.В.* Происхождение сельской общины // Хозяин. 1927. № 14.
- ²¹ *Лаппо И.И.* Литовско-русское государство в составе Речи Посполитой // Научные труды Русского Народного университета. 1929. Т. II; *Он же.* Уравнение прав Великого княжества Литовского и Короны Польской в 1697 г. // Записки Русского научного института. 1930. Вып. I; *Он же.* Литовско-Русское государство и Польша в XVII стол. // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. I.
- ²² *Макотин В.А.* Переяславский договор // Сборник статей, посвященный Павлу Николаевичу Милюкову. 1859–1929. Прага. 1929; *Он же.* Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII веках. Прага, 1924–1926. Т. I. Вып. I–3; *он же.* Шляхетские имения в гетманщине // Научные труды Русского народного университета. Прага. 1931. Т. IV и др.
- ²³ *Шмурло Е.Ф.* Римская курия на православном Востоке в 1609–1654 годах. Прага, 1928; *Он же.* Петр Великий и его наследие // Речь. Прага. 1925; *Он же.* Россия в Европе и Азии. Прага. 1926; Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого. 1697–1707 Прага // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей.; *Он же.* Русские католики конца XVIII века. (По данным архивов Пропаганды и коллегии св. Афанасия) // Записки русского научного Института. Прага. 1931. Вып. 3 и др.
- ²⁴ *Кизеветтер А.А.* Первое пятилетие правление Екатерины II // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову. 1859–1929. Прага, 1929; *Он же.* Исторические силуэты. Люди и события. Берлин. 1931; *Он же.* Критические заметки по истории политических идей в России // Научные труды Русского Народного университета. Прага. 1928. Т. I; *Шмурло Е.Ф.* История России (IX–XX вв.). М., 1997. С.497–499.
- ²⁵ *Флоровский А.В.* Две политические доктрины («Наказ» и Дидро) // Труды IV съезда русских академических организаций за границей в Белграде 16–23 сентября 1928. Ч. I. 1929; *Он же.* Академия наук и законодательная комиссия 1769–1774 гг. // Ученые записки Русской учебной коллегии в Праге. Прага. 1924. Т. I; *Он же.* К истории экономических идей в России в XVIII веке // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага. Т. I. 1928.
- ²⁶ *Кизеветтер А.А.* Крестьянство в истории России // Крестьянская Россия. Сб. статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. Прага. 1923. Т. III; *Он же.* Крестьянство в русской научно-исторической литературе // Крестьянская Россия. Прага, 1923. V/VI; *Он же.* Пугачевщина // На чужой стороне. Прага, 1925. IX; *Шмурло Е.Ф.* История России (IX–XX вв.). С. 499–503.
- ²⁷ *Евреинов Б.А.* Реформа высших государственных учреждений в России в царствование императора Александра I (Conférence d'histoircience des Etats de l'Europe Orientale et du Monde Slave. Varçovil). 1927–1928. Т. II; *Он же.* Александр I в гостях у кн. Шварценберга (Центральная Европа). 1932. № 4; *Цымлерман М.А.* Священный союз и Лига наций // Записки Русского Исторического общества. 1927. Т. I; *Шмурло Е.Ф.* Император Александр I (К характеристике его личности) // Там же; *Кизеветтер А.А.* Валишевский об Александре I // На чужой стороне. Прага. 1925. Кн. XIII; *Фатеев А.Н.* Политическое направление первого десятилетия XIX века в борьбе за Сенат // Сборник Русского Института в Праге. Прага, 1929.
- ²⁸ *Фатеев А.Н.* Сперанский // Зодчие русской культуры. Прага. 1926; *Он же.* Бумаги Сперанского (Как могли попасть в руки декабристов преобразовательные планы Сперанского). По данным Архива Государственного совета // Записки Русского исторического общества. Т. I; *Он же.* Сперанский и декабристы // Там же; *Он же.* О литературных источниках художественного образа М.М. Сперанского в «Войне и мире» // Научные труды Русского народного университета. 1929. Т. II; *Он же.* Свод законов и его творец // Записки Русского народного университета. 1931. Т. IV; *Он же.* Политическое падение государственного человека (К столетнему юбилею кончины графа М.М. Сперанского) // Научные труды Русского свободного университета. 1940. Т. X. № 72 и др.

- ²⁹ Кизеветтер А.А. Спорные вопросы в истории декабристов // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2.
- ³⁰ Фатеев А.Н. Сиеранский и декабристы // Записки Русского исторического общества. Т. I; Жекулин Н. Практические начала политической экономии Пестеля. Там же. Т. II.
- ³¹ Максимович Е.Ф. Ки. С. Трубецкой в подготовке к 14 декабря 1825 // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову. Монография Е.Ф. Максимовича под этим же названием была опубликована в Праге в 1930 г.
- ³² Евреинов Б.А. «Исповедь» М.А.Бакунина // Записки Русского исторического общества. Т. 2; Он же. М.А.Бакунин и австрийские власти в 1849–1851 // Научные труды Русского Народного университета. 1931. Т. IV; Он же. Бакунин и Палацкий // Центральная Европа. 1931. № 1; Он же. Последний этап славянской деятельности Бакунина // Научные труды Русского Народного университета. 1933. Т. V; Он же. Бакунин и славянский съезд 1848 года в Праге // Записки Русского научного института. 1936. Вып. 13 и др.
- ³³ Остроухов П.А. К вопросу о кредитных и платежных отношениях на Нижегородской ярмарке в первой половине XIX столетия // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве; Он же. Нижегородская ярмарка в первой половине XIX столетия. Источники и методы ее изучения // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. 1929. Ч. I; Он же. Всероссийский товарообмен в Нижнем Новгороде // Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета. Прага. 1935. Т. VI; Он же. Москва и ее промышленная область на Нижегородской ярмарке в 1822 году // Там же. 1936. Т. III (VIII).
- ³⁴ Вернадский Г.В. Пушкин как историк // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. Прага. 1924. Вып. II.; Мякотин В.А. Пушкин и декабристы. Прага. 1923; Кизеветтер А.А. Пушкин и Россия // Сегодня. 1925. 20 сентября; Он же. Пушкин и Петр Великий // Россия и славянство. 1932. 25 июня. См. также: Пушкинский сборник Русского Института. Прага. 1929.
- ³⁵ См.: Лаптева Л.П. В.А.Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Slavia. 1966. R. 35/I; Syllaba T. Vladimír Andrejevič Frantzev. Praha, 1977
- ³⁶ Местное самоуправление // Труды общества для изучения городского самоуправления в Чехословацкой республике. Прага. 1924. Вып. I. С. 12–15.
- ³⁷ Флоровский А.В. Историческая наука на съезде русских ученых в Праге осенью 1924 // Slavia. 1925. R IV/3; Он же. Об исторической конференции в Варшаве 1927 // Возрождение. 1927. 26 июля; Он же. La littérature historique russe d'émigration. Compte-rendu 1921–1926 // Bulletin d'information de la société d'Ethnographie. Paris, 1928. Т. I/2; Флоровский Г.В. О типах исторического истолкования // Сборник в честь Василь Н. Златарски. София, 1925; Лаппо И.И. Михаил Петрович Погодин // Возрождение. 1926. 18 февраля; Он же. Карамзин и его государственные идеи // Россия. 1927. 26 ноября; Кизеветтер А.А. Историческая наука на съезде в Праге // Руль. 1924. 14 и 16 октября; Он же. Общие построения русской истории в современной литературе // Современные записки. 1928. № 37; Фатеев А.Н. Политический профиль Карамзина // Записки Русского исторического общества. 1927. Т. I и др.
- ³⁸ Vandalkovská M. Miljukovské dny v Praze // Slovanský přehled. 1993. № 1 . S. 45–54.

Любовь Белошевская
(Прага)

Российские литературоведы-эмигранты в межвоенной Чехословакии

Впервые к проблеме российского зарубежного литературоведения как самостоятельного раздела русской науки в эмиграции обратился Р.В. Плетнев, выпускник Карлова университета, позднее профессор русской литературы Монреальского университета в Канаде. В своей статье 1972 г. «Русское литературоведение в эмиграции»¹ он опубликовал первый обзор работ российских ученых-гуманитариев, занимавшихся литературоведческими темами в Зарубежье. Немалая доля имен в нем принадлежит русским ученым из России, жившим в период двух межвоенных десятилетий в Чехословакии. Почти одновременно с Р.В. Плетневым и первый историк и историограф эмиграции П.Е. Ковалевский выпустил свой двухтомный труд², в котором выделяя области жизни, науки, культуры российской эмиграции, назвал в числе пражских филологов, известных ему на тот момент, имена В.А. Францева, Е.А. Ляцкого и А.Л. Бема.

Как известно, в силу целого ряда причин, как исторического, так и политического характера, Чехословакия приняла многочисленный поток беженцев из России, чья доэмигрантская жизнь, научные цели либо зарождающиеся новые планы на будущее были связаны с наукой или образованием. Центральную роль в процессе развития их научной мысли и становлении личности, если говорить о молодежи, сыграл пражский Карлов университет.

В структуре философского (историко-филологического) факультета этого университета большое место отводилось семинарам. В 1886 г. начал работу Семинар славянской филологии, позднее преобразованный в отделение, ориентированное, главным образом, на богемистику. После образования ЧСР (1918 г.) руководство философского факультета Карлова университета, в рамках общих структурных преобразований, вызванных возрастанием престижа славяноведения в общеобразовательном процессе и в научных кругах, занялось созданием в Праге центра славянских исследований, подобного парижскому. В самом начале 1920-х годов после основания новых университетов в Брно и Брatisлаве (согласно закону 1919 г.), помимо традиционных кафедр (семинаров) славянской филологии, разделившихся со временем на кафедры старославянского языка, сравнительного славянского языкознания и компаративистики славянских литератур, решено было постепенно открыть новые кафедры языков и

литератур всех славянских наций³. На преподавательские должности решено было приглашать иностранных специалистов, ученых и педагогов, пользовавшихся международным признанием. В 1922 г. словенский профессор М. Мурко возглавил реорганизованный Славянский семинар, в состав которого входил ряд отделений (в 1923 г. их насчитывалось девять)⁴, в том числе и отделение русского языка и литературы, его руководство было поручено В.А. Францеву.

Владимир Андреевич Францев⁵, славист широкого профиля, был хорошо известен в научных и университетских кругах Чехословакии еще с конца 90-х годов XIX в. В 1904 г. он был избран членом Чешской академии наук и искусств, обладал и другими высокими, в том числе и чешскими, титулами, поэтому его участие в работе семинара в качестве одного из славянских специалистов было предопределено. По инициативе профессоров Карлова университета Ф. Пастрнека, Й. Поливки и Я. Махала на профессорском совещании 6 марта 1919 г. было одобрено решение пригласить В.А. Францева для работы в Праге (подписано 27 ноября 1919 г.), о чем его уведомил декан факультета. Францев приглашение принял и из Ростова-на-Дону, где его застала Гражданская война, через Киев переехал в Варшаву, а оттуда 10 ноября 1921 г. прибыл в Прагу. Через месяц (20 декабря) он был назначен ординарным профессором славянской филологии Карлова университета и стал руководителем отделения русистики Славянского семинара. В конце 1920-х годов, после образования Славянского института (его первым директором был профессор М. Мурко), должность главы Славянского семинара стала выборной и в период с 1931 по 1933 г. семинар возглавлял В.А. Францев⁶. Кстати, в 1928 г. одним из первых ученых-эмигрантов он был также принят в действительные члены Славянского института. Впоследствии членами института стали около 40 эмигрантов из России, среди них филологи Е.А. Ляцкий, А.Л. Бем, Р.О. Якобсон, С.О. Карцевский, Ю.А. Яворский и др.

С начала 1920-х годов открываются кафедры русистики в чехословацких университетах и русские ученые-эмигранты становятся во главе новой для чехословацких вузов дисциплины: в Братиславском университете имени Я.А. Коменского – В.А. Погорелов (профессор университетов в Варшаве и Ростове-на-Дону), в новом, открывшемся в 1919 г., университете в Брно – С.Г. Вилинский (бывший проректор Новороссийского университета). В том же брненском университете лингвист Роман Якобсон с 1937 по 1939 г. занимал должности профессора русской филологии и, одновременно, профессора древнечешской литературы.

В Карловом университете кафедру русского языка и литературы возглавил Евгений Александрович Ляцкий, литературовед, этнограф, педагог, издатель. Еще будучи студентом, он обратил на себя внимание

этнографическими работами, был избран членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии по отделу этнографии. В литературоведческих работах Ляцкий был приверженцем культурно-исторической школы. Его дореволюционные печатные труды, например, книга об И.А. Гончарове, выдержавшая четыре издания, свидетельствуют о том, что Ляцкий уже тогда состоялся как ученый.

Работы Е.А. Ляцкого этнографического, фольклорного характера были, вне всякого сомнения, известны профессору Й. Поливке как специалисту по славянскому фольклору. Предположительно в 1921 г. он обратился к русскому ученому письменно с предложением принять участие в преподавательской работе на создаваемой в Праге кафедре русистики. Ляцкий с энтузиазмом принял приглашение. «Преподавательская деятельность в Чешском университете как нельзя более ответила бы моим внутренним влечениям, и я был бы рад посвятить ей оставшиеся в моем распоряжении годы моей деятельности», — писал он в ответном письме Й. Поливке⁷.

3 марта 1922 г. Е.А. Ляцкий был назначен экстраординарным профессором русского языка и литературы Карлова университета. В 1927 г. он стал ординарным профессором.

На филологическом отделении философского факультета лекции по славистическим дисциплинам читались на разных языках, т.е. русские читали по-русски, поляки — по-польски, болгары — по-болгарски и т.д. Основные лекции читались по-чешски. По воспоминаниям Н.Е. Андреева, окончившего пражский университет, «это была отличная идея — вы переставали бояться чужого славянского языка и, в конце концов, не только хорошо понимали его, но и чувствовали»⁸. В.А. Францев читал лекции то по-русски, то по-чешски, свободно переходя с одного языка на другой, повторяя главную мысль на обоих языках, что способствовало и лучшему запоминанию материала, и освоению чужой речи. Он ставил высокие цели перед студентами, требовал от них не только широты знаний по славянским вопросам, но и наличия о них собственного мнения. Ляцкий, хотя и свободно владел чешским языком, по воспоминаниям современника, читал лекции по-русски, нередко весьма остроумно, хотя манера его была «отвлеченная, иногда трудно уловимая». Оба профессора руководили и семинарскими занятиями.

В первое десятилетие (до 1930 г.) В.А. Францев читал лекционные курсы по историко-литературной тематике, фольклору, древней письменности, по литературе от древнерусской до XIX в., к примеру, такие, как «Зарождение русского славянофильства», «Древнерусская литература», «Основные направления русской литературы XVIII в.», «Русское народное творчество», «История русского языка», «Русский романтизм», «Русский

богатырский эпос», «Русская сказка», «Чтение и разбор “Слова о полку Игореве”», знакомил слушателей с историей славянской филологии и др.

Е.А. Ляцкий за тот же период вел более 10 тематических курсов, прежде всего по общим темам, таким как, например, «Русская литература XIX в.», «Обзор основных произведений русской литературы от зарождения письменности», «Язык и жизнь классического периода русской истории», «Ведущие представители русской критики», «Кризис литературных традиций». Он также читал и специальные курсы лекций: «Гоголь и его направление в русской литературе», «Художественная эволюция Л. Толстого», «Толстой как художник и философ», «Тургенев и его время», «Поэты пушкинской школы и молодой Тургенев». Но кроме перечисленных еще и «Историю польской драмы»⁹.

Было бы ошибкой, однако, при этом считать, что до университетских преобразований, начавшихся после 1918 г., в учебной программе Карлова университета не было русского языка. С 1911 г. его преподавал Б.В. Морковин, подготовивший и издавший несколько книг, среди которых были первая русская книга для чтения, предназначенная чешскому читателю, краткий фразеологический русско-чешский словарь и др. Однако к концу 1921 г. преподавательская деятельность перестала его интересовать, и с 1 мая 1922 г. Б.В. Морковин уже не числился в штате преподавателей. В должности лектора русского языка его сменил приглашенный для этой цели, по инициативе В.А. Францева, новый преподаватель – А.Л. Бем.

Имя Альфреда Людвиговича Бема, литературоведа, библиографа, критика и педагога, начавшего свою научную деятельность еще в России, проявившего большие организаторские способности, но не успевшего до эмиграции в полную силу развернуть свой научный талант, ныне уже начинает по достоинству оцениваться современным литературоведением.

Приехав из Варшавы в конце января 1922 г., он приступил к своим обязанностям на факультете 13 сентября. Кроме языковых занятий, А.Л. Бем вел отдельные курсы чтения и разбора основных произведений новейшей русской литературы. Этим его преподавательская деятельность в высших учебных заведениях не ограничивалась. С марта 1923 г. в течение почти 10 лет он также преподавал русский язык и литературу в Русском педагогическом институте имени Я.А. Коменского в Праге.

Ученые вели обширную педагогическую работу в эмигрантских учебных заведениях, прежде всего в Русском народном (свободном) университете (РНУ), где литературе уделялось весьма серьезное внимание. В этом образовательном процессе участвовали наряду с филологами представители других наук, прежде всего, философы и историки, к примеру, Н.О. Лосский, С.И. Гессен, Е.Ф. Шмурло и др.

В работе основанного при РНУ в конце 1925 г. по инициативе А.Л. Бема семинария по изучению Ф.М. Достоевского приняли участие ученые разного рода знаний – философы, историки, филологи, правоведы, богословы – Д.И. Чижевский, С.И. Гессен, Н.О. Лосский, П.Н. Савицкий, А.В. Флоровский, С.И. Карцевский, Р.В. Плетнев, И.И. Лапшин, С.В. Завадский, В.В. Зеньковский, Л.А. Зандер, медик-психиатр Н.Е. Осипов и др. Семинарий, по характеру своей деятельности более соответствовавший рангу научного общества, прославил русскую зарубежную науку в филологическом мире. Сборники¹⁰ работ его участников, которые ныне привлекают всеобщее пристальное внимание, уже тогда внесли ценнейший вклад в достоевсковедение, не потеряли и сегодня своего значения, а в 1930-е годы превратили Прагу в центр по изучению наследия писателя и сами филологические исследования вывели на новый уровень. Неоценима заслуга А.Л. Бема в этом начинании, многочисленные выдающиеся работы по творчеству Достоевского поставили его в ряд ученых мирового масштаба.

По мнению того же Р.В. Плетнева, более всего отклик в зарубежной литературоведческой науке имело именно творчество Ф.М. Достоевского, при этом в разной мере использовались этико-религиозный, философский, фрейдианский, формальный методы изучения, при отсутствии социологического и марксистского. На втором месте находился А.С. Пушкин (в трех эмигрантских центрах – в Праге, Белграде и Харбине – вышли даже специальные сборники). Третьим писателем, концентрирующим внимание ученых, без сомнения, был Лев Толстой, его личность и творчество. Такой ракурс научных интересов лишь отчасти соответствовал тематической специфике русского литературоведения в Чехословакии. В рамках настоящей статьи мы попытаемся очертить лишь ее общие контуры.

Биограф В.А. Францева, Т. Силлаба, считал, что в своем понимании славянской филологии в широком смысле русский ученый исходил из представлений и концепции Й. Добровского и его учеников. В работах периода двух межвоенных десятилетий В.А. Францев большое внимание уделял, прежде всего, вопросам литературных и исторических русско-славянских взаимосвязей, истории славянской взаимности. Особый резонанс вызвала его монография 1924 г. «Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX в.» Р.В. Плетнев особо выделил его большую работу «Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. (Опыт исторического комментария к стихотворениям “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”)¹¹. Чешский биограф выразил точку зрения, что труды В.А. Францева содержат материал, который никоим образом не может остаться вне поля зрения исследований по истории славистики.

Е.А. Ляцкий в последнее предреволюционное десятилетие сосредоточил свои научные изыски на русской прозе и критике XIX в. (Гончаров, Чернышевский, Белинский), в эмиграции он продолжил изучение этой проблематики, которую расширили статьи, посвященные Пушкину, Толстому, а также Лермонтову, Крылову, Грибоедову, в круг научных интересов вошло и творчество чешских писателей-классиков. Центральным трудом этого периода является его монография 1925 г. «Роман и жизнь. Разворачивание творческой личности И.А. Гончарова. Жизнь и быт. 1812-1857» Книга, вышедшая в 1934 г., «Слово о полку Игореве». Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли» (Очерк из истории древне-русской литературы. Композиция, стиль) вызвала горячую дискуссию в среде зарубежных филологов. Позднее Р.В. Плетнев назвал работу спорной. Кроме этого, в Праге Е.А. Ляцкий углубленно занимался вопросами поэтического перевода¹².

Пражские литературоведческие работы А.Л. Бема обширны и, пожалуй, наиболее полно соответствуют профилю зарубежного литературоведения, обозначенному Р.В. Плетневым: центральное место в них занимает творчество Достоевского (упомянем здесь хотя бы крупнейшие труды – «Тайна личности Достоевского», опубликована на чешском языке в 1928 г., «Достоевский. Психоаналитические этюды», 1938), затем А. Пушкина и Л. Толстого. Эти работы Бема уже вошли в исследовательское поле современного литературоведения. Но ученый разрабатывал также другие темы, например: церковь и русский литературный язык, русские писатели XIX в. в Чехии, творчество А. Блока, Н. Гумилева, Б. Пастернака, С. Есенина, представители советской литературы, чешские писатели. Его интересовали и общие вопросы литературоведения, например, взаимоотношения и взаимовлияния национального и инокультурного элементов в произведениях¹³.

С не меньшим энтузиазмом А.Л. Бем трудился и на ниве литературной критики, стоит упомянуть хотя бы большой цикл его статей «Письма о литературе».

Особое место в пражском литературоведении, как и в философии, принадлежит Д.И. Чижевскому, творившему на стыке двух культур, русской и украинской. Он внес также значительный и своеобразный вклад в область изучения творчества Достоевского.

С.Г. Вилинский, специализировавшийся до революции в области древнерусской литературы, в эмиграции главное внимание уделял литературе XIX в. Научные интересы В.А. Погорелова, знатока сербохорватского и болгарского языков, лежали в сфере древнеславянской словесности, кирилло-мефодиевской традиции в литературе. И Ю.А. Яворский, печатавший статьи по фольклору, карпаторусской проблематике, разрабатывал вопросы

древнерусской литературы. В своей научной деятельности фольклорист и диалектолог А.Д. Григорьев, работы которого в настоящее время дождались переиздания на родине, продолжал начатое в России – готовил к изданию один из томов архангельских былин и исторических песен. Философ и музыкoved И.И. Лапшин занимался изучением философского аспекта в творчестве Ф. Достоевского и Л. Толстого. Литературоведческие работы С.В. Завадского, переводчика Эсхила, кроме достоевковедения, касались, главным образом, области пушкинистики, но также и личности Л. Толстого.

Наиболее ярко среди молодых выпускников философского факультета по отделению славистики заявили о себе Р.В. Плетнев (работы по Достоевскому) и Н.Е. Андреев (работы широкого спектра по русской древней истории и литературе). Оба впоследствии стали на Западе профессорами университетов, в Канаде и в Англии. Р.В. Плетнев определял направление своих исследований так: «Работы о влиянии св. Писания и духовной литературы на Достоевского, Толстого, Гоголя, Тютчева; о чувстве природы, о животных у Лермонтова и т.д. Первая работа о фразеологии “житий” у Достоевского; статьи о сербских, хорватских, чешских, словацких и закарпатских писателях и об языке»¹⁴.

К сожалению, мы не имеем возможности в рамках настоящей статьи полностью охватить, даже в виде обзора, научное творчество всех пражских исследователей и ученых, кто, так или иначе, занимался филологическими вопросами. Однако можно с уверенностью констатировать, что русские ученые литературоведы сыграли значительную роль в становлении пражского славистического центра, который вскоре после своего основания приобрел европейское и мировое значение. С начала 1920-х годов, когда молодая Чехословакия республика формировала государственные и общественные структуры, вырабатывала новые направления своей идеологической ориентации в науке и культуре, русские ученые, прежде всего педагоги, оказались не просто востребованы. Установившийся плодотворный диалог поддерживал уровень партнерских отношений с инокультурной средой, что обусловило возможность даже временно стать, в некотором роде, составляющей ее государственного механизма, отчасти влияваясь и в ее социально-культурную систему.

Тщательное изучение и анализ созданного русскими филологами-эмигрантами межвоенной Чехословакии в зарубежный период еще не закончены, но мы уже располагаем и определенными результатами. К настоящему моменту в данной области наиболее исследованы труды В.А. Францева, частично, работы Е.А. Ляцкого, А.Д. Григорьева, Н.Е. Андреева, в меньшей степени, Р.В. Плетнева. Особенно интенсивными темпами сейчас идет освоение и оценка наследия А.Л. Бема. Что касается источников, то составлены первые, хотя и не всегда полные, персональные библиографии В.А. Францева¹⁵, А.Л. Бема¹⁶, Н.Е. Андреева¹⁷, в наши дни

выходят и общие (например, профилированные по месту издания и времени) библиографии¹⁸.

Только сейчас, спустя почти три четверти века, наш объем знаний в этой области, особенно благодаря последним пятнадцати-двадцати годам, постепенно достигает такого уровня, который позволяет нам, наконец, по-настоящему оценивать и жизненный путь, и научные труды русских ученых зарубежья.

Примечания.

¹ Плетнев Р. Русское литературоведение в эмиграции // Русская литература в эмиграции. Сборник статей. / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбургский университет (Питтсбург, 1972). С. 255–270.

² Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. Ч. 1; 1973. Ч. 2.

³ Slovanská filologie na Univerzitě Karlově Praha, 1968. S. 111–112. См. также: Slovanská filologie na Karlově univerzitě v letech 1918–1929. Praha, 1929.

⁴ Dějiny Univerzity Karlovy. IV. 1918–1990. / Red. F. Kavka, J. Petraň. Praha, 1998. S. 141.

⁵ См. о нем: Syllaba T. Vladimír Andrejevič Frantzev. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Praha, 1977; Лаптева Л.П. В.А. Францев. Библиографический очерк и классификация трудов // Slavia. 1966. № 1. С. 79–95; Она же В.А. Францев как историк славянства // Славянская историография. М., 1966. С. 204–246; Она же. Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России // Rossica. 1997. № 2. С. 55–62; Досталь М.Ю. Из переписки В.А. Францева (Письма В.А. Францева В.С. Иконникову, письма А.В. Флоровского В.А. Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 102–107.

⁶ Syllaba T., Op. cit. S. 10–12, 15.

⁷ Олонова Э. Из неопубликованных автобиографий Е.А. Ляцкого // Slavia. № 3. 1998. С. 343.

⁸ Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. 1–2. / Под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллин, 1996. Т. 1. С. 270.

⁹ Архив Карлова университета. Философский факультет. (Материалы студентов). См. также: Slovanská filologie na Karlově univerzitě v letech 1918–1929.

¹⁰ О Достоевском. Сборники статей / Под ред. А.Л. Бема. Вып. 1. Прага, 1929; Вып. 2. Прага, 1933; Вып. 3. У истоков творчества Достоевского. Прага, [Берлин] Петрополис, 1936.

¹¹ Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 65–208.

¹² См.: Перевод в системе межкультурных связей русской эмиграции в Чехословакии в 20-е – 30-е годы // Slavia. 1993. № 4. С. 507–518.

¹³ Свое и чужое как фактор литературного развития: Опыт методологической постановки вопроса // III ème Congrès international des slavistes (philologues slaves). № 4. Discours et conférences. Beograd, 1939. P. 93–107.

¹⁴ Плетнев Р. Указ. соч. С. 269.

¹⁵ Syllaba T. Op. cit.

¹⁶ Bubeníková M., Vachalovská L. Alfréd Ljudvogovič Bém (1886–1945 ?). Bibliografie. Praha, 1995.

¹⁷ Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 1–2. Poetry, Prose and Public Opinion: Aspects of Russia, 1850–1970 / Ed. W. Harrison & A. Pyman. Letchworth, 1984; Белобровцева И. (Таллин), Рогачевский А. (Глазго). Эstonские годы Н.Е. Андреева. Материалы к библиографии // Диаспора. Новые материалы. Париж; СПб., 2002. Вып. 3. С. 687–702.

¹⁸ Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v ČSR v I. 1918–1945. Sv. 1–3. Praha, 1996. (Sv. 1, 2.)

Б.Т. Буданов
(Москва)

Т.Г. Масарик и русская эмиграция

Первые эмигранты из России появились в Чехословакии в начале 1920-х годов. Они покинули родину ввиду событий Первой мировой войны, революций и Гражданской войны. Молодое Чехословацкое государство оказалось им существенную поддержку, которую вряд ли можно сравнить с помощью российской эмиграции в какой-либо другой стране¹.

В связи с этим появился специальный термин, обозначавший политику чехословацких властей по оказанию всесторонней помощи эмигрантам из России, – «Русская акция».

Инициаторами «Русской акции», начавшейся 28 июля 1921 г. по постановлению МИД ЧСР², были президент страны Т.Г. Масарик и русофильски настроенные бывший глава первого правительства Карел Крамарж, заместитель министра иностранных дел и один из бывших руководителей чехословацких легионеров в России Вацлав Гирса, а также министр иностранных дел Эдуард Бенеш³.

Целью мероприятия являлись поддержка русских и украинских беженцев в Чехословакии и подготовка из их среды новых профессиональных и научных кадров для постбольшевистской России⁴.

Чтобы понять причины широких масштабов «Русской акции», необходимо проанализировать позицию президента ЧСР Т.Г. Масарика в славянском вопросе, его отношение к России в целом и Октябрьской революции в частности.

Известно, что Масарик, сторонник прозападной ориентации, тем не менее, тщательно изучал труды своих предшественников, посвященные славянскому вопросу, – П.Й. Шафарика, Я. Коллара и Ф. Палацкого. Идея славянской взаимности оказала значительное влияние на формирование его философских взглядов и политических концепций⁵.

Интерес Масарика к России проявился рано – еще в гимназические годы он выучил русский язык, а позднее стал серьезно заниматься изучением русской литературы. Особенно его интересовало творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. С Толстым Масарик был знаком лично, несколько раз посещал его и беседовал с ним. Достоевский был его любимым писателем. Можно сказать, что он стремился понять русскую действительность изнутри, сквозь призму русской словесности⁶.

Накануне Первой мировой войны, в 1913 г., Масарик опубликовал большую работу «Россия и Европа», где предсказал революцию в Российской империи. На основе сравнительного анализа развития этих регионов он сделал вывод, что Россия должна быть европеизирована.

Узнав о февральских событиях 1917 г. в России, Масарик, будучи председателем Чехословацкого национального совета, направил приветственную телеграмму председателю Временного комитета Государственной Думы М.В. Родзянко и одновременно заверил министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова, с которым состоял в дружеских отношениях, в том, что чехословацкий народ поддерживает русскую революцию. Масарик рассматривал Первую мировую войну как столкновение двух систем – западной демократии и реакционных имперских режимов⁷. Россия, выступавшая на стороне союзных держав, не укладывалась в его схему, поэтому Февральскую революцию Масарик воспринял как логическое следствие позиции Российской империи в войне. Он принял решение поехать в Россию, чтобы на месте понять характер разворачивавшихся там событий и уяснить их возможные последствия для решения «чехословацкого вопроса».

Приехав в мае 1917 г. в Петроград, Масарик убедился, что местные политики слишком погружены в решение внутренних российских проблем. Поддержку идей независимости чехов и словаков он нашел лишь у группы социал-демократов во главе с Г.В. Плехановым, у народных социалистов («Воля России») и «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской⁸. Позднее в эмиграции те из них, кто оказался в Чехословакии, пользовались поддержкой властей и лично Масарика.

Октябрьская революция застала Масарика в Петрограде. Он стал ее непосредственным свидетелем. Отрицательно относясь к марксизму вообще, (с его критикой он выступил еще в 1898 г. в работе «Социальный вопрос») Масарик крайне негативно воспринял захват власти большевиками. При этом он разделял понятия «марксизм» и «большевизм», утверждая, что большевизм ни по теории, ни по практике марксизмом не является, а представляет собой «чисто русское явление»⁹.

Политический опыт, приобретенный в России, Масарик, несомненно, использовал при проведении «Русской акции», которая преследовала не только гуманитарные, но и практические цели, что нисколько не умаляет ее значения. По замыслу президента Масарика, надо было «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил России»¹⁰, которые после краха большевизма начнут у себя на родине строить новое демократическое государство. Поэтому приоритетными были наука и образование. Одновременно Чехословакия надеялась удовлетворить свою потребность в рабочих руках на селе, где началась реформа землеустройства. Этими соображениями и была продиктована телеграмма В. Гирса от 7 ноября 1921 г. турецким властям, в ко-

торой он уведомлял Анкару^{*}, что его страна примет 800 студентов и 4 000 земледельцев, из них 50% казаков, донских и кубанских¹¹. Недавним военным предстояло найти свое место в мирной жизни, став эмигрантами.

На «Русскую акцию» Чехословакия истратит больше средств, чем все остальные европейские страны, вместе взятые – более полумиллиарда крон, или пять процентов среднегодового бюджета республики¹². Средства будут поступать через Министерство иностранных дел, фонд президента, Чехословацкий Красный Крест. Существенную поддержку, материальную и моральную, окажут эмигрантам благотворительные организации и частные лица, знавшие Россию или жившие там ранее, сочувствовавшие ей, легионеры, прошедшие долгий и мучительный путь до Владивостока, представители чешской интеллигенции.

Беспрецедентность «Русской акции» заключалась в том, что она была направлена не только на ассимиляцию русских, но и на сохранение и развитие собственно русской культуры. Вначале она развивалась в двух направлениях. Первое концентрировалось на оказании помощи голодающим в самой России, второе – на решение проблемы беженцев¹³.

В середине 1922 г. деятельность иностранных благотворительных миссий в России была запрещена советскими властями. Местные общественные организации были закрыты, а их члены обвинены в контрреволюционной деятельности. С этого времени под «Русской акцией» подразумевались лишь мероприятия по поддержке российских эмигрантов на территории Чехословакии.

Первоначально помочь им оказывалась благотворительными организациями. Свою деятельность развернули Русский комитет во главе с мэром Праги К. Баксой, Крымский комитет, возглавлявшийся К. Крамаржем, Чехословацкий Красный Крест, американская миссия методистов¹⁴.

Считается, что инициатором проведения «Русской акции» был первый премьер-министр ЧСР К. Крамарж, имевший репутацию политика традиционно пророссийской ориентации. Однако без участия и поддержки Т.Г. Масарика «Русская акция» вряд ли смогла бы принять такие внушительные размеры: к 1924 г. сумма ежемесячных расходов чехословацкого правительства на «русскую акцию» достигла 7 млн чехословацких крон, превышая расходы на эмигрантов из России всех европейских государств вместе взятых¹⁵. При этом необходимо отметить, что по количеству российских эмигрантов Чехословакия занимала всего лишь 11 место в списке из 20 стран¹⁶. В разные годы здесь пребывало от 6 до 30 тыс. российских эмигрантов.

* В Турции тогда находилось большое число эмигрантов из России.

Отношение Масарика к различным категориям эмигрантов было весьма избирательным. Он понимал, что с монархией в России покончено и стремился избегать контактов с консервативными, монархическими кругами, а также связей с Врангелем и его штабом. В отличие от большинства западных политиков, Масарик не был уверен в скором падении Советской власти, но предсказывал крах этого режима в будущем вследствие «политического дилетантизма большевиков»¹⁷. При этом он надеялся, что более умеренные политические силы придут им на смену, и левой российской эмиграции удастся найти с ними общий язык.

По своим политическим взглядам Масарик был наиболее близок к П.Н. Милюкову, жившему в эмиграции в Париже и часто посещавшему Прагу для выступлений с лекциями. Во время своих визитов Милюков беседовал с Масариком и министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем. Благодаря позиции Масарика чехословацкое правительство проводило своеобразный отбор среди российских эмигрантов, предпочитая сосредоточивать у себя лишь студенчество, ученых, писателей, деятелей культуры, а также казаков-земледельцев. Оно не просто «фильтровало» поток эмигрантов, но и само активно способствовало переселению определенных групп в ЧСР.

Одной из важнейших составных частей плана по оказанию помощи российской эмиграции в Чехословакии являлось предоставление эмигрантам возможности получения или продолжения образования. В Прагу приехали тысячи русских детей и молодых людей из числа студентов для обучения в средних и высших учебных заведениях, которое было бесплатным.

Так, в начале 1920-х годов из Константинополя (Стамбула) в ЧСР были перевезены 4 тыс. казаков и 5 тыс. студентов, не закончивших своего образования в России¹⁸. Несколько позднее были приглашены и русские профессора. Переезд осуществлялся на деньги чехословацкого правительства, которое выделяло средства на проживание и образование студентов, на обеспечение работой ученых, писателей и тд.¹⁹ Поэтому не случайно большая часть высланных из Советской России по распоряжению Ленина от 1922 г. философов, писателей, ученых, экономистов, журналистов, профессоров и студентов обосновалась в Чехословакии. Вскоре Прага становится крупнейшим центром науки и образования Российского Зарубежья.

Помощь молодым ученым, по мысли Масарика, должна была быть работой для будущего: в один прекрасный момент Россия придет в более нормальное состояние, русские эмигранты из Чехословакии вернутся на родину и – если они получили образование в Праге, имели контакт с чешской культурой и с чехословацкими культурными и политическими кругами – это идет на пользу обоим государствам²⁰. И он, кроме всего прочего, решил учредить при Археологическом институте имени Н.П. Кондакова две стипен-

дии для молодых ученых, последние, по его мнению, могли бы оказаться полезными для будущих отношений Чехословакии с Россией²¹.

Российские эмигранты в Чехословакии создали свою систему обучения, объединявшую дошкольное, среднее, профессионально-техническое и высшее образование. Наряду с многочисленными яслими, детскими садами были открыты две русские гимназии, одна в Моравской Тршебове, другая в Праге²², автотракторная школа при Земгоре, различные курсы.

Еще в мае 1921 г. в Праге был создан Русский институт сельскохозяйственной кооперации, имевший несколько факультетов: кооперативный, экономический и юридический. Его закончили 259 человек, из них 48 получили звание инженера.

В 1922 г. в Праге основывается Русский юридический факультет, под руководством профессора П.И. Новгородцева, где были собраны квалифицированные педагогические и научные кадры по всем специальностям юридической науки. Это учебное заведение закончили 384 студента²³.

Русский педагогический институт имени Яна Амоса Коменского с двухлетним обучением закончили 10 студентов²⁴. Кроме того, в Праге в 1923–1925 гг. работал Русский коммерческий институт, выпустивший 37 специалистов. С 1922 г. функционировал Русский народный (свободный) университет, ставивший перед собой просветительские задачи и располагавший разветвленной сетью местных филиалов, которые устраивали лекции по всем ведущим дисциплинам. Его закончили 450 человек²⁵.

Функционировали специальные учебные заведения. В 1922 г. было основано Высшее училище путей сообщения. Его закончили 80 студентов, которые легко находили себе работу в Чехословакии. Такие же шансы имели и 712 специалистов, закончивших автомобильную и тракторную школы в Праге²⁶.

После Октябрьской революции независимая Чехословакия стала пристанищем для многих русских писателей-эмигрантов. Некоторые из них приехали сюда по персональным приглашениям, которые, вероятно, не делались без ведома Масарика. Отдельных русских писателей-эмигрантов Масарик принимал на Граде и в Ланах (Б.В. Савинкова, приехавшего из Польши, А.В. Амфитеатрова, с которым Масарик встретился еще летом 1913 г. на Капри, Е.Н. Чирикова)²⁷. С Б.В. Савинковым (В. Ропшиным) Масарик познакомился в 1917 г. в Лондоне, затем встречался с ним в Москве. «В своей книге о России, – пишет Масарик, – я посвятил философским романам Савинкова особый раздел, и мне было интересно говорить с автором романа "Конь бледный". Я был разочарован: политически – он судил о ситуации в России неправильно и недооценивал силу большевизма; философски и нравственно – он не пришел к пониманию значительного различия между революцией и индивидуальным террористическим актом. Не понимал раз-

личия между войной и революцией оборонительной и агрессивной, нравственно не поднимался над примитивизмом кровавой мести. Позднейшее развитие Савинкова — он служил даже Колчаку — показало его слабость, слабость террористического титана, превратившегося в Гамлета»²⁸.

Во время пребывания М. Горького в Чехословакии в 1923—1924 гг. президент официально его не принял, но виделся с ним на курорте Марианске-Лазне. 4 января 1932 г. Масарик встретился с Евгением Замятиным, роман которого «Мы» в 1926 г. был опубликован в чешской газете «Лидове новины» (в 1927 г. отрывки из него Масарик мог прочитать по-русски в пражском эмигрантском журнале «Воля России»).

По личному приглашению Масарика в Прагу в 1923 г. приехала вдова видного деятеля кадетской партии В.Д. Набокова Е.К. Набокова (мать знаменитого писателя В.В. Набокова) с тремя младшими детьми и даже некоторое время жила в его собственном загородном доме. Финансирулась «Русская акция» из бюджета республики, но известно, что Т.Г. Масарик и К. Крамарж иногда вкладывали в нее свои собственные деньги, когда не хватало государственных²⁹. Ведь каждому, кого принимала Чехословакия, выдавалось ежемесячное пособие в 500 крон, русские студенты получали стипендию, а профессора — приличную зарплату. Некоторые выдающиеся люди культуры продолжали получать материальную поддержку и после отъезда из Чехословакии. Например, Марина Цветаева, которая прожила в Праге три с половиной года и затем уехала в Париж³⁰.

В 1922 г. советское правительство обвинило во враждебном отношении к советскому режиму более ста ученых, писателей и общественных деятелей и выслало их из России. Философ С.Н. Булгаков поселился в Праге и остался там до переезда в Париж в 1925 г. Пользовавшийся мировой известностью Н.О. Лосский, также высланный советским правительством, был профессором в Праге до 1942 г. С 1942 по 1945 г. преподавал философию в Братиславе. В своих книгах и статьях по религиозным проблемам, созданных в Чехословакии, он уделял большое внимание разработке системы метафизики, необходимой для христианского истолкования мира³¹.

С.А. Левитский уехал из России после большевистской революции. Учась в Пражском университете, он стал последователем интуитивизма и персонализма Лосского. Левитский получил степень доктора философии за диссертацию, в которой доказывал, что свобода воли есть необходимое условие критического отношения к суждению, помимо которого истина является недостижимой³². Известный философ, историк, экономист П.Б. Струве в период эмиграции находился с 1920 г. сначала в Праге (до 1928 г.), потом в Париже. Своей деятельностью он активно способствовал утверждению идей национального либерализма, акцентировал внимание политических сил России того периода на проблемах сохранения и развития российской

государственности. В предисловии к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском», Струве вступил в полемику с Т.Г. Масариком по вопросу о корнях мировоззрения Маркса³³.

Прага являлась одним из центров русского философского Зарубежья, где продолжались традиции философии «серебряного века». На философском факультете Карлова университета преподавали П. Новгородцев, С.Н. Булгаков, В.И. Вернадский, П.Б. Струве, И.И. Лапшин, Н.О. Лоссий, Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский. Пятьсот слушателей факультета воспринимали традиции философии начала века – из первых рук³⁴.

Одним из значительных проявлений преемственности традиций русской социально-философской мысли считается евразийство – основательно разработанная концепция, сложившаяся в русском Зарубежье. Сторонниками этого направления были: лингвисты Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон, философы Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, историки Г.В. Вернадский и Г.В. Флоровский, правовед Н.Н. Алексеев, религиозный писатель В.Н. Ильин, ученые и публицисты П.П. Сувчинский. Д.П. Святополк-Мирский, экономист П.Н. Савицкий³⁵.

Масарик был против создания в Праге политических центров, но за – появление академических. Не случайно, во время «Русской акции» возник здесь «Русский Оксфорд»³⁶. Масарик не довольствовался уже прибывшими представителями интеллектуальной элиты. По свидетельству академика РАН В.П. Маслова, он обращался к его отцу, известному специалисту по аграрным вопросам П.П. Маслову, с приглашением работать в Чехословакии³⁷.

Видный русский социолог и публицист П.А. Сорокин так описывает свою встречу с Масарием, после которой последовало предложение читать лекции в Карловом университете: «На четвертый день пребывания в Берлине я получил из чехословацкого посольства приглашение от моего друга доктора Масарика, президента Чехословацкой республики, приехать в Прагу в качестве официального гостя страны. Следующим же вечером мы уже обедали с президентом, его женой, доктором Алисой Масарик. Несмотря на свое высокое положение, этот великий человек, ученый и государственный деятель оставался столь же искренним и естественным в своих манерах, как и раньше, когда сам был скромным эмигрантом»³⁸.

«Русская акция» подразумевала не только оказание помощи отдельным эмигрантам, но и создание различных организаций для поддержки беженцам, однако в более широких масштабах. Первой такой организацией в Праге была «Чешско-русская еднота» («Чешско-русское объединение»), образованное 28 апреля 1919 г. В его задачи входило развитие чехословацко-русской взаимности, изучение русской жизни и знакомство с нею обществ-

венности Чехословакии, распространение знаний о жизни чехов и словаков среди русских³⁹. В Японском салоне отеля «Беранек», владелец которого даже отказался от арендной платы, вокруг огромного самовара еженедельно устраивались чешско-русские посиделки, где можно было отдохнуть, развлечься, хоть на время забыв о своем утраченном доме. Читались лекции, завязывались дружеские отношения, начиналось знакомство с новой, неизвестной эмигрантам, страной, с ее культурой и стилем жизни⁴⁰.

В деятельности «Едноты» принимали участие как русские, так и чехи. На протяжении долгих лет ее председателем был профессор Ю.И. Поливка, заместителями председателя – доктор А.О. Курц и профессор Е.А. Ляцкий.

Почетными членами «Едноты» были избраны Т.Г. Масарик, покровительствовавший ей, а также Вас.И. Немирович-Данченко и Е.Н. Чириков, удостоенные этой чести за их вклад в осуществление целей объединения и содействие сближению славянских народов⁴¹. «Еднотой» было проведено более 600 вечеров, лекций, докладов и диспутов. Литературные вечера посвящались как чешским (П. Безруч, Я. Врхлицкий, И.С. Махар, Я. Неруда, А. Соба, И. Голечек и др.), так и русским (А.С. Пушкин, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, А.А. Блок, Л.Н. Андреев, С.А. Есенин, В.И. Немирович-Данченко, Е.Н. Чириков и др.) писателям и поэтам⁴².

Еженедельно проходили музыкальные вечера. С лекциями по литературе, философии, истории, филологии, искусству и на другие темы с русской стороны выступали Е.В. Аничков, А.Л. Бем, В.Ф. Булгаков, С.В. Завадский, П.И. Новгородцев, С.К. Маковский, А.А. Кизеветтер, И.И. Лапшин, С.И. Гессен, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, Г.В. Флоровский и многие другие⁴³. «Еднота» имела для своих членов клуб и библиотеку.

В конце 1920 г. «Русский трудовой союз взаимопомощи» организовал в ресторане «У Юнгру» ежевечерне работавший клуб, юридическую консультацию, биржу труда, мебельную и переплетную мастерские, кондитерскую⁴⁴. Столовая, открывшаяся 11 января 1921 г. в Старом Месте, в центре Праги, зазывала земляков на «здравую русскую кухню»: «Каждый вторник – пельмени, по пятницам – блины, по воскресеньям – пироги, мясные и рыбные. Чай, кофе, пиво, ежедневно – свежие калачи, пончики, пирожки. Все по доступным ценам»⁴⁵.

В тот же день «Общество русских оперных и драматических артистов» дало свой первый концерт: исполнялись русские танцы и сцены из «Кармен». А еще через два дня в кабаре «Люцерна» праздновалась встреча старого Нового года с чешско-русской концертной программой⁴⁶.

Второй по значимости культурной организацией эмигрантов в Праге явился «Русский очаг», начавший свое существование с ноября 1924 г.⁴⁷ Он был создан по инициативе дочери президента Алице Масариковой, при нем работали библиотека-читальня, клуб для проведения лекций и вечеров, бу-

фет. С появлением этих двух организаций культурные мероприятия со временем становятся регулярными.

Русскую историческую науку в Чехословакии представляли академики Н.П. Кондаков, Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, М.В. Шахматов, П.Б. Струве, И.И. Лаппо, С.Г. Пушкирев, Б.А. Евреинов, Г.В. Вернадский, П.А. Остроухов, В.В. Саханев, П.Н. Савицкий, А.В. Флоровский, Г.В. Флоровский, Е.В. Спекторский и др.⁴⁸ В 1925 г. в Праге ими было образовано Русское историческое общество, в которое входило 22 члена. К 1928 г. в составе общества было 59 действительных членов, председателем Общества являлся проф. Е.Ф. Шмурло⁴⁹. Последнее заседание Общества состоялось в 1944 г.

Особое место среди созданных эмигрантских общественных организаций принадлежит Объединению земских и городских деятелей в Чехословакской Республике (Земгору)⁵⁰, учрежденному в 1921 г. Он взял на себя основную заботу об эмигрантах. У Земгора были свой санаторий в Засмуках, сеть русских библиотек и читален. Земгор заботился о трудоустройстве, образовании, медицинской помощи, жилье⁵¹. В пражском районе Либень было открыто одно из первых общежитий для эмигрантов «Свободарна». В центре Праги аренда квартиры стоила дорого, поэтому беженцы селились в новых городских районах, но это могли себе позволить только наиболее обеспеченные, дешевле было жить в небольших деревнях вокруг столицы — Зbrasлаве, Черношице, Вшенонах.

Земгор создавал трудовые артели, открывал курсы, столовые, выдавал ссуды, организовал юридическую консультацию, библиотеку, учреждал школы для русских детей, издавал журнал «Русская школа за рубежом»⁵². Земгор осуществлял регистрацию эмигрантов в Праге.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что Пражский Земгор стал учредителем таких известных научных центров, как Институт изучения России, Экономический кабинет С.Н. Прокоповича, Русский заграничный исторический архив, Русский народный (свободный) университет, Русский камерный театр и др.⁵³

Пражский Земгор был, пожалуй, одной из самых авторитетных организаций русской эмиграции и в других странах. Не случайно, Нансеновский комитет по делам русских беженцев приглашал на свои сессии от общественных организаций Чехословакии именно представителей Земгора. В состав комитета в разное время входили В.М. Зензинов, Б.Ф. Соколов, В.Г. Архангельский, Ф.С. Мансветов, М.Л. Слоним, В.Ф. Малинин, И.И. Каюжный, Г.Ф. Фальчиков, С.Н. Николаев и др. С 1922 по 1932 г., когда деятельность организации прекратилась, ее руководителем был И.М. Брушвит⁵⁴.

Кроме того, в Чехословакии осуществляли свою деятельность переведенный из Стамбула Временный главный комитет Всероссийского союза городов за границей, Представительство Российского общества Красного Креста в Чехословакии, Административная комиссия по делам русских земледельцев при Земледельческой единоте Чехословацкой Республики, Объединение русских эмигрантских организаций в ЧСР, Объединение русских общественных организаций и благотворительных учреждений в Чехословакии и многие другие. По подсчетам некоторых историков число русских эмигрантских организаций в межвоенный период в Чехословакии достигало ста сорока⁵⁵.

В начале 1930-х годов, когда размеры помощи русским в Чехословакии значительно сократились, Масарик, по просьбе эмигрантских общественных организаций, взял под личный контроль заботу о студентах и передал необходимые деньги из личных средств с тем, чтобы 142 студента смогли закончить институты в 1932 г., а еще 50 студентов продолжать обучение вплоть до октября 1936 г.⁵⁶

Русских ученых, работавших в разных странах, включая и Чехословакию, объединял Союз русских академических организаций, руководство которого находилось в Праге. Чехословацкая группа Союза принимала активное участие в проводившихся научных съездах, оказывала помощь студенчеству, осуществляла издательскую и исследовательскую деятельность. В ЧСР были созданы историческое, педагогическое и философское научные общества, учрежден Русский заграничный исторический архив, проводились многочисленные семинары естествоиспытателей. Большой интерес эмигрантов к политическим, экономическим и культурным процессам в Советской России привел к созданию специального Института изучения России и Экономического кабинета профессора С.Н. Прокоповича⁵⁷.

Уже в начале 1920-х годов Прага становится одним из крупных издательских центров российской эмиграции. В середине этого десятилетия пражское «Пламя» было самым продуктивным русским зарубежным издательством. За первые три года деятельности (1923–1926 гг.) оно выпустило более 100 наименований книг. Издательство имело отделения в Варшаве и Прешове, представительство в Лондоне, Париже, Риге, Ковно, Харбине и агентства по всему миру⁵⁸. Кроме того, в Чехословакии издавалось около 20 газет и сотни журналов на русском языке. Русская народная библиотека, основанная в 1921 г. как библиотека-читальня Земгора, а в 1930 г. переименованная в Русскую публичную библиотеку имени Т.Г. Масарика, насчитывала свыше 50 тыс. томов и являлась самой крупной после парижской библиотекой российской эмиграции.

Чехословацкое правительство и лично Масарик оказывали поддержку не только научным и культурно-просветительским организациям эмигрантов

из России, но и отдельным писателям, художникам и актерам, что давало последним возможность заниматься своей профессиональной деятельностью и обеспечивать достаточно активную светскую жизнь русской колонии в Чехословакии. Эмигрантские издания были полны объявлений о литературно-музыкальных вечерах, благотворительных концертах, театральных постановках, заседаниях литературных кружков и обществ. Русские писатели и журналисты, жившие в Чехословакии, были объединены в союз под председательством С.И. Варшавского⁵⁹. Ежегодно проводился «День русской культуры», приуроченный ко дню рождения А.С. Пушкина.

Многие талантливые русские писатели и поэты нашли в разные годы приют и поддержку в ЧСР. Среди них Вас.И. Немирович-Данченко (братья известного театрального режиссера В.И. Немировича-Данченко), Е.Н. Чириков, А.Т. Аверченко, М.И. Цветаева, Д.С. Мережковский, В.Г. Федоров, А.А. Воеводин, Д.М. Ратгауз, В. Лебедев, А. Эйслер, А. Головина, С. Рафальский, А. Ладинский.

Союз русских писателей и журналистов существовал в Праге с 1922 г., первоначально в Цнего входили 29 членов, среди них А.Т. Аверченко, Н.И. Астров, П.И. Новгородцев. Союз организовывал литературные и литературно-музыкальные вечера по случаю юбилейных дат чешских и русских писателей (например, И. Голечека, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, В.Г. Короленко, А.К. Толстого, С.А. Есенина и др.).⁶⁰ На его заседаниях личный секретарь Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаков зачитывал неопубликованный дневник великого писателя.

По инициативе Союза состоялись авторские литературные вечера Цветаевой, Чирикова, Амфитеатрова-Кадашева, Булгакова. Проходили публичные диспуты о Толстом, о новой русской литературе, о писателях и поэтах Советской России. Союз издавал большой сборник «Ковчег» под редакцией В.Ф. Булгакова, С.В. Завадского, М.И. Цветаевой, был организатором публичных выступлений русских писателей и журналистов (например, приветствия Т.Г. Масарику по поводу его переизбрания на пост президента, заведующему «Русской акции» помочи В. Гирсе, К. Крамаржу в связи с 10-летием образования Чехословацкого государства, речи в честь писателей-юбиляров В. Червинки, М.П. Арцыбашева, К.Д. Бальмонта, А.И. Куприна, политических и научных деятелей Е.Е. Лазарева, П.Б. Струве, В.А. Мякотина)⁶¹.

Кроме того, Союз осуществлял материальную и практическую помощь своим членам (была создана ссудная касса, наложен контроль за охраной авторских прав и получение различных виз, льгот, стипендий), организовывал экскурсии, сотрудничал с другими общественными организациями в проведении совместных культурных и благотворительных мероприятий. Почетными членами Союза являлись чешские писатели А. Ирасек, И. Голечек, а

также Вас. И. Немирович-Данченко, Е.Н. Чириков. К концу 20-х годов в Союзе насчитывалось около 70 действительных членов, а всего за первые 10 лет его существования в его состав входили 168 писателей и журналистов⁶².

Литераторы С.К. Маковский, Д.Н. Крачковский, В.А. Амфитеатров и П.А. Кожевников основали литературный кружок, названный в честь кафе, где они собирались – «Далиборка». Его членом был талантливый грузинский писатель К.А. Чхеидзе.

С некоторыми эмигрантскими политиками или деятелями культуры Масарик был знаком лично, многим предоставлял помощь, в том числе и из своих личных средств⁶³. Наряду с этим он оказывал поддержку видным представителям российской интеллигенции в других странах, например, живущим во Франции. Немало крупных русских писателей в Париже одно время пользовались помощью из Чехословакии, предоставляемой по его указанию. Масарик принял эмиграцию как политический и культурный фактор, с которым он хотел считаться⁶⁴.

Помощь, оказанная российским эмигрантам в Чехословакии, и в частности эмигрантской интеллигенции в 1920-е годы, осуществлялась в очень значительных масштабах, даже более широких, чем ожидали сами эмигранты. С начала 1930-х годов ее масштабы резко сокращаются, как в силу внутренних экономических причин (мировой экономический кризис и всеобщая безработица), так и изменения международной ситуации (дипломатическое признание Советского Союза и ЧСР и его вступление в Лигу Наций и др.), однако она не прекратилась окончательно и в это десятилетие⁶⁵.

Все это не могло не сказаться на отношении чехосlovakского президента к волне русских эмигрантов, хлынувшей из Советской России после окончания Гражданской войны.

Как уже отмечалось, Масарик рассматривал эмиграцию как часть более широкого вопроса об отношении к Советской России⁶⁶. В межвоенный период Чехословакия продолжала придерживаться политики невмешательства во внутренние дела Советской России. Вместе с тем существовала сильная заинтересованность в установлении с ней торговых и экономических связей. Предполагалось, что деятельность международного капитала в СССР приведет большевиков к эволюционировать вправо.

Подобная точка зрения определила чехосlovakскую позицию в вопросе об оказании помощи России. Эта проблема всталась перед Европой в связи с голodom, разразившимся в 1921–1922 гг. на Украине и в Поволжье в результате военной разрухи и экономической политики большевиков. В представлении Масарика помочь этой стране являлась новой формой «старой проблемы европеизации России»⁶⁷. Единственно возможным путем ее возрождения Масарiku представлялось приспособление большевиков к западной политике. В свою очередь европейские государства и США должны заклю-

чить соглашение и придерживаться специализации в оказании помощи России. Роль Чехословакии, по мнению Масарика, должна была заключаться в подготовке российской интеллигенции к будущей систематической работе на родине, когда там начнется период реконструкции⁶⁸.

Излишняя вера в панацею «европеизации» обусловила нереальность прогноза Масарика в отношении России, подобно тому, как его концепция внешней политики не предотвратила крах демократических идеалов в самой Чехословакии: в 1938 г. Чехословакия не получила поддержки западных держав, в чью роль гарантов Масарик верил до конца своей жизни.

Среди мотивов, обусловивших начало «Русской акции», неоднократно назывались уважение к русской культуре и благодарность России за поддержку, оказанную во время войны. Тем не менее, важную роль сыграло убеждение, что гуманитарная помощь может оказаться выгодным вложением политического капитала⁶⁹. Не случайно на первых порах «Русская акция» в документах чехословацкого правительства называлась программой по установлению экономических и культурных связей с Россией и Украиной. Многие эмигранты были известными политиками, и ожидалось, что они вскоре займут ведущие позиции в новом правительстве России. Далеко не на последнем месте находились также соображения престижа. Если Крамарж рассматривал интервенцию как средство превращения Чехословакии в одно из лидирующих в мировой политике государств, то Масарик полагал, что «Русская акция» сделает Чехословакию ведущим славянским центром в Европе⁷⁰.

Таким образом, нельзя согласиться с точкой зрения о том, что «Русская акция» носила исключительно гуманитарный характер. Хотя она и не подразумевала поддержку каких бы то ни было эмигрантских политических организаций, в ходе ее осуществления «ковались кадры» ученых и политиков, которые после падения большевистского режима должны были действовать в России в русле демократии, направляя ее по западному образцу – которое Т.Г. Масарик считал единственно верным.

Личная позиция Масарика во многом повлияла на то, что положение русских эмигрантов в Чехословацкой республике было гораздо лучше, чем в других странах, особенно в 1920-е годы⁷¹. Несмотря на весьма ограниченное количество мест для трудоустройства лиц умственного труда, люди творческих профессий, опираясь на поддержку чехословацкого правительства и президента, смогли выстоять, сохранить свой научный и культурный потенциал, внести вклад в мировую науку и искусство.

Уже к концу 1920-х годов было решено постепенно закончить «русскую акцию»⁷². Причин этому было несколько. Во-первых, «Русская акция» была с самого начала задумана как проект, ограниченный во времени. Предполагалось, что власть большевиков в России вскоре падет, и эмигранты смогут

вернуться на родину и помочь строительству нового, демократического государства. Во-вторых, в значительной мере сократился количественный состав эмиграции. Многие эмигранты переехали в другие, прежде всего западные страны. О престарелых, больных и сиротах продолжал заботиться Чехословацкий Красный Крест⁷³.

В-третьих, мировой экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов не обошел Чехословакию стороной. Каждая статья в расходах правительства подвергалась очень строгому обсуждению в парламенте и в печати. Прежних средств на «Русскую акцию» правительство выделять уже не могло: вместо 90 млн крон в лучшие годы ограничилось в 1930 г. 15 млн; к 1937 г. эта сумма падает до 2,6 млн крон⁷⁴. Рабочие места, занятые русскими эмигрантами, освобождаются в пользу граждан республики.

В-четвертых, Советская Россия стала реальностью международных отношений, поскольку многие государства признали ее де-юре, и Чехословакия также была вынуждена налаживать свои отношения с ней. Поддержка эмиграции чехословацким правительством встречала в советских кругах резкое сопротивление и становилась политически неоправданной ввиду нарастания фашистских тенденций в соседних государствах, вызывая все более резкое сопротивление.

В-пятых, 14 декабря 1935 г. Т.Г. Масарик ушел в отставку с поста президента⁷⁵ по состоянию здоровья, серьезно ухудшившегося еще в начале 1934 г. Здоровье уже не позволяло Первому президенту ЧСР заниматься государственными делами. Поэтому о продолжении его деятельности по оказанию поддержки русской эмиграции не могло быть и речи.

Эмигрантские учреждения, деятельность которых было решено сохранить, постепенно переходили под управление отдельных министерств⁷⁶. Так, например, школы, институты, курсы – в ведение министерства просвещения, школы и институты с сельскохозяйственным уклоном – министерства сельского хозяйства; Русский заграничный исторический архив – министерства иностранных дел. Хотя «Русская акция» была официально закончена в 1931 г., финансирование и поддержка учреждений, связанных с жизнью русской и украинской диаспоры в Чехословакии, фактически при помощи чехословацких государственных органов, продолжались до падения Первой республики (т.е. до 1938 г.).⁷⁷

Наряду с Парижем и Берлином, в течение первой четверти двадцатого века Прага стала центром плодотворного существования культуры Русского Зарубежья (философия, литература, гуманитарные науки). Так, многообразие философских идей российских эмигрантов свидетельствовало о жизненности традиций русской философской мысли и всей русской культуры, что являлось настоящим духовным подвигом русской эмигрантской культуры,

поскольку удалось сохранить и развить духовные богатства, накопленные на протяжении многих столетий.

Несмотря на все трудности в развитии «Русской акции», положение эмигрантов из России в Чехословакии было значительно лучше, чем в других странах. Порожденная идеей реконструкции России, в которой Чехословакия стремилась играть ведущую роль⁷⁸, «Русская акция» стала уникальным в современной истории примером сотрудничества между обычно столь нежелательными эмигрантами и правительством страны, их приотившей. Бессспорно, это произошло во многом благодаря непосредственному участию в «Русской акции» первого Президента ЧСР Т.Г. Масарика, явившегося одним из ее главных инициаторов и внесшего огромный, поистине неоцененный вклад в дело помощи русским эмигрантам.

Примечания

¹ Серапионова Е.П. Т.Г. Масарик и «русская акция» // Власть и интеллигенция. М., 1999. Вып. 3. С. 12.

² Chinyaeva E. Russians outside Russia. The Émigré Community in Czechoslovakia 1918–1938. München, 2001. Р. 52.

³ Вербин Е. Юбилей «Русской акции» // <http://www.sloven.cz/read.php?article=53>. См. также: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике. 20–30-е годы. М., 1995; Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. По материалам международной научной конференции. М., 2005 и др.

⁴ Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Славяноведение. 1991. № 6. С. 32.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: Серапионова Е.П. Т.Г. Масарик и российская эмиграция в ЧСР // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. С. 63.

¹⁰ Савицкий И. Прага и зарубежная Россия. Прага, 2002. С. 131.

¹¹ Вербин Е. Указ. соч.

¹² Серапионова Е.П. Российская эмиграция... С. 22.

¹³ Там же.

¹⁴ Chinyaeva E. Op. cit. P. 51.

¹⁵ Серапионова Е.П. Т.Г. Масарик и «русская акция»... С. 14.

¹⁶ Вербин Е. Указ. соч.

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Петрушева Л.И. «Русская акция» правительства Чехословакии и эмиграция из России // www.rusarchives.ru/exhibitions/minsk_p.shtml

²¹ Там же.

²² Серапионова Е.П. Т.Г. Масарик и «русская акция». С. 15.

- ²³ Сладек З. Указ. соч. С 27.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 27–28.
- ²⁷ Масарик Т.Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях России. СПб., 2003. Кн. III. Ч. 2–3. С. 507.
- ²⁸ Masaryk T.G. *Světová revoluce*. Praha, 1925. S. 254–255.
- ²⁹ Вербин Е. Указ. соч.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Лосский Н.О. История русской философии. М., 2000. С. 316.
- ³² Там же. С. 354.
- ³³ Струве П.Б. *Patriotica. Политика, культура, религия, социализм*. М., 1997. С. 343.
- ³⁴ Ноаков А.И. История русской философии. СПб., 1998. С. 286.
- ³⁵ Voráček E. *Evrasijství v ruském politickém myšlení*. Praha, 2004.
- ³⁶ Масарик Т.Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях России. СПб., 2003. Кн. II. С. 617.
- ³⁷ Маслов В.П. Роль Масарика в попытке восстановления законно избранной власти в России: К 150-летию со дня рождения первого президента Чехословакии // Вестник Российской Академии наук. 2003. № 7. С. 633.
- ³⁸ Прага. Русский взгляд. Век восемнадцатый – век двадцать первый. М., 2003. С. 122.
- ³⁹ Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е годы). // Славяноведение. 1995. № 4. С. 8–19.
- ⁴⁰ Вербин Е. «Сберечь... остаток культурных сил России» // Эхо планеты. 2001. № 10. С. 27.
- ⁴¹ Кишкин Л.С. Указ. соч. С. 19.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Вербин Е. «Сберечь... остаток культурных сил России»... С. 27.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 27–28.
- ⁴⁷ Кишкин Л.С. Указ. соч. С. 19.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Вербин Е. Юбилей «Русской акции»...
- ⁵¹ Петрушева Л.И. Указ. соч.
- ⁵² Серапионова Е.П. Российская эмиграция ... С. 94.
- ⁵³ Серапионова Е.П. Т.Г. Масарик и «русская акция». С. 15.
- ⁵⁴ Серапионова Е.П. Российская эмиграция ... С. 60–61.
- ⁵⁵ Серапионова Е.П. Т.Г. Масарик и «русская акция». С. 15.
- ⁵⁶ Там же. С. 16.
- ⁵⁷ Серапионова Е.П. Российская эмиграция ... С. 98.
- ⁵⁸ Серапионова Е.П. Т.Г. Масарик и «русская акция». С. 16.
- ⁵⁹ Там же. С. 17.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. С. 18.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. С. 19.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие русской акции // Славяноведение. 1993. № 4. С. 30.
- ⁶⁷ Там же. С. 31.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Chiryaeva E. Op. cit. P. 53.

⁷⁰ Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии... С. 32.

⁷¹ Там же.

⁷² Бубеникова М. Проект помощи чехословацкой республики эмигрантам из советской России – «Русская акция» // Ruská a ukrainská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. Sborník studií. 3. Praha, 1995.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Вербин Е. «Сберечь... остаток культурных сил России»... С. 30.

⁷⁵ Tomáš Garrigue Masaryk vzdal se úřadu prezidentského // Spisy Masaryka T.G. Sv. 36. Cesta demokracie IV. Praha, 1997. S. 451.

⁷⁶ Вербин Е. Юбилей «Русской акции»...

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии... С. 38.

Л. Гарбулева
(Прешов, Словакия)

Жизнь и творчество русских эмигрантов-гуманитариев в Словакии

Для политических эмигрантов, вынужденных покинуть Россию в 1917 г., межвоенная Чехословацкая республика стала важным образовательным и научным центром всего Русского Зарубежья¹. В рамках реализации одобренной правительством ЧСР «Русской акции» (акции помощи российским эмигрантам) стало возможным создать в столице республики – Праге целую сеть русских образовательных и научно-исследовательских институтов. Их существование стало одним из факторов, способствовавших тому, что в Чехословакии постепенно обосновалась целая плеяда ведущих представителей российской науки.

Креативное (творчески инициативное) ядро интеллигенции из России поселилось в Праге, где открывались более широкие возможности для педагогической и научно-исследовательской работы. Часть российских специалистов начала работать и в остальных чешских и моравских городах (Пришибрам, Подебрады, Брно), некоторые из них перебрались в Словакию.

В Словакии жизнь в сфере науки и высшего образования в начале 20-х годов XX столетия сосредоточивалась, прежде всего, вокруг университета имени Яна Амоса Коменского в Братиславе. Университет, основанный в 1919 г., решая проблему персонального кадрового обеспечения некоторых научных дисциплин, был готов открыть свои двери для иностранных специалистов.

Русская интеллигенция в формирующемся землячестве российских эмигрантов на территории Словакии была представлена весьма скромно². Ее доля в социальном составе российской эмигрантской общины увеличилась только в начале 30-х годов XX в., когда в Словакию приехала большая группа русских инженеров и техников. Среди специалистов по общественным наукам только несколько человек перебралось в Словакию в два этапа – в начале 20-х и в начале 40-х годов.

Первым в Словакию приехал Евгений Юлианович Перфецкий (1888–1947), принятый на философский факультет университета имени Я.А. Коменского в Братиславе в 1921 г. в качестве ассистента исторического семинара³. В 1922 г. он получил (путем габилитации) звание доцента российской истории, со специализацией «История Подкарпатской Руси». В 1935 г. Президент республики присвоил

Е.Ю. Перфецкому звание экстраординарного профессора. В течение всего периода работы на философском факультете (вплоть до самой смерти в 1947 г.) профицирующим предметом его педагогической деятельности стала история восточных славян, история России и история Подкарпатской Руси. Последняя долгое время оставалась приоритетным направлением и в научных исследованиях историка. Данной теме он посвятил ряд монографий⁴ и множество статей. Другой ведущей областью профессионального интереса Перфецкого во время его пребывания в Словакии была древняя и средневековая русская история, прежде всего, в экономическом, философском и культурном аспектах. Эту проблематику он разрабатывал также в монографиях и статьях⁵. Е.Ю. Перфецкий участвовал в работе разных научных обществ. Был членом Ученого общества имени П.И. Шафарика в Братиславе и членом Чехословацкого общества по изучению вопроса о нацменьшинствах в Праге. Не забывал он и о популяризации истории России в Словакии, чему способствовало чтение многочисленных лекций по всей стране⁶.

В 1923 г., через два года после Перфецкого, в Братиславу на философский факультет университета прибыл известный русский славист **Валерий Александрович Погорелов** (1872–1955). Его пригласило Министерство школ и народного просвещения ЧСР. В 1924 г. декретом Президента республики ему было присвоено звание так называемого «договорного» профессора русского языка и литературы в университете имени Я.А. Коменского. Содержание его педагогической деятельности составили лекции по русской филологии и литературе. Погорелов продолжал и свою научно-исследовательскую работу. Его научные интересы сосредоточились в области сравнительно-исторической филологии: он анализировал древнерусские и староболгарские рукописи, изучал памятники кирилло-мефодиевской традиции, период древнейшей истории славян и ее письменные источники. По указанной проблематике ученый опубликовал целый ряд специальных исследований в научной периодике – журналах «Slavia», «Byzantinoslavica», «Slovenské pohl'ady», «Bratislava» (журнале Ученого общества имени П.И. Шафарика), обобщив их в монографии «Кирилл, Мефодий, Горазд. Их деятельность и происхождение» («Cyril, Metod, Gorazd. Ich činnost' a pôvod». Trnava, 1936). Во время пребывания в Словакии он расширил круг своих научных интересов, обратившись к карпаторусским проблемам (книга «Karpato-ruské štúdie». Bratislava, 1939)⁷, но не забывал и русскую литературу, популяризации которой в словацкой среде он посвятил несколько статей и исследований. Русская литература и ее ведущие представители нередко были предметом популярных лекций В.А. Погорелова, которые он читал по всей Словакии⁸. Здесь он

достиг пика своей научной карьеры. Его многочисленные глубоко фундированые специальные исследования публиковались не только в Словакии, но и в русских, польских, немецких и чешских научных журналах.

В.А. Погорелов активно включался в деятельность русского землячества в Словакии. Он являлся членом нескольких русских обществ в Братиславе и активно помогал русским студентам, учившимся в словацких вузах. В.А. Погорелов жил в Братиславе до 1944 г.

В 1925 г. в Словакию приехал другой русский славист – **Александр Дмитриевич Григорьев** (1874–1945), который поселился не в Братиславе, как оба его коллеги, а в Восточной Словакии, в Прешове, где в тамошней русской гимназии преподавал русский язык и литературу в должности учителя средней школы. За это время он написал книгу «Краткая грамматика церковнославянского языка», которая вышла в Ладомировой в 1938 г. Григорьев работал в Прешове до 1936 г. Выйдя на пенсию, он переселился в Прагу, где продолжил свою научную деятельность.

В 1932 г. на вакантное место на кафедре международного права юридического факультета университета имени Я.А. Коменского в Братиславе претендовал **Георгий Николаевич Гарин-Михайловский** (1890–1946), бывший дипломат царской России. В 1922–1932 гг. он состоял профессором международного права в Русском юридическом институте в Праге. Хотя указанное место на данном факультете ему получить не удалось, он переселился со всей семьей в Братиславу, остался жить в Словакии⁹. Важной областью реализации себя как специалиста стала для Гарина-Михайловского в 1932–1939 гг. публицистическая деятельность. Он был внештатным сотрудником двух словацких газет (*«Slovenský denník»* и *«Slovák»*). Как публицист он выступал с аналитическими и специальными статьями, готовил материалы для радиовещания. Тематически его статьи касались актуальных проблем международного права, освещали некоторые события истории России, затрагивали вопросы истории международных отношений. В 1939 г. Г.Н. Гарин-Михайловский стал референтом отдела печати МИД Словацкой республики. В этом министерстве он проработал до апреля 1945 г., когда был арестован органами НКВД, отправлен в СССР, где скоро и скончался.

Когорту русских специалистов-гуманитариев, работавших в Словакии в межвоенный период, замыкает **Петр Григорьевич Богатырев** (1893–1971), который в 1936–1939 гг. читал лекции по славянской этнографии на философском факультете университета имени Я.А. Коменского. До приезда в Словакию Богатырев работал в Праге, где проводил исследования в области этнографии и фольклористики. Как деятельный участник Пражского лингвистического круж-

ка, Богатырев и в Словакии продолжал поиск более точных методологических (функционально-структуральных) подходов в изучении традиционной культуры. Он изучал историю народной культуры Словакии и Подкарпатской Руси, публикуя результаты своих исследований в словацких научных журналах¹⁰.

Общественно-политические события конца 30-х годов XX в., распад Чехословацкой республики, возникновение самостоятельного Словацкого государства сказалось и на судьбах русских эмигрантов. В независимой Словацкой республике начали формироваться новые высшие учебные заведения (главным образом, технической и естественнонаучной направленности), что обусловило новый прилив сил русских специалистов в Словакию, прежде всего, из Чехии, где после провозглашения Протектората Чехии и Моравии их жизненные условия значительно ухудшились. Однако в области гуманитарных дисциплин существенных перемен в кадровом отношении не произошло. В Словакии продолжали жить и работать Перфецкий, Погорелов и Гарин-Михайловский. Их ряды в годы Второй мировой войны пополнили еще два русских ученых – А.В. Исаченко и Н.О. Лосский.

В 1940 г. в связи с приближающимся юбилеем В.А. Погорелова (в 1942 г. ему исполнялось 70 лет) стали поговаривать об его уходе с философского факультета. Часть словацких языковедов, преподавателей этого факультета, выступила с предложением рекомендовать на место профессора русского языка и литературы Александра Васильевича Исаченко (1911–1978), который в то время работал в Словении, в Люблянском университете. Исаченко принял приглашение и в марте 1941 г. приехал в Братиславу¹¹. Место на философском факультете, однако, не освободилось, и он, в результате, был вынужден стать лектором русского языка и литературы в Высшей торговой школе в Братиславе. Для учебных целей он издал в 1943 г. на словацком языке «Пособие по русскому языку: систематическая грамматика и словарь для студентов Высшей торговой школы» («Príručka ruského jazyka: systematická gramatika, glosár pre Vysokú obchodnú školu»). Постепенно он вернулся к научно-исследовательской работе, где сосредоточился на анализе древних западнославянских текстов. Результаты своих исследований он обобщил в монографии («Язык и происхождение Фрейзингенских отрывков». *Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok*. Bratislava, 1943). По приезде в Словакию он начал также собирать материал о Великой Моравии. В работе «О начале образованности в Великоморавской державе» («O začiatkoch vzdelenosti vo Veľkomoravskej říši». Bratislava, 1948) он доказывал факт создания кирилло-мефодиевских западнославянских литургических текстов на территории Словакии. Он также интенсивно занимался изучением диалектологии. Его внимание, в частности, привлекли хор-

ватские диалекты в словацких поддунайских деревнях и украинские наречия на территории Северо-Восточной Словакии. А.В. Исаченко активно включился в научную жизнь страны. В 1941 г. он стал членом Языковедческого отделения Матицы словацкой и регулярно публиковался на страницах словацких научных изданий. В Словакии он остался жить и после 1945 г.

Последним из русских специалистов-гуманитариев, работавших в Словакии, стал известный русский философ **Николай Онуфриевич Лоссий** (1870–1965)¹². Он приехал в Братиславу из Праги. Его приглашение было инициировано словацкими философами, а также коллективом профессоров философского факультета университета. Лоссий прибыл в Братиславу в апреле 1942 г.¹³

Лоссий преподавал в университете имени Я.А. Коменского в Братиславе несколько дисциплин: логику, историю греческой философии, историю современной философии, метафизический идеализм неокантианцев, эстетику и этику. Русский философ преподавал в Братиславе в общей сложности семь семестров. В сентябре 1944 г. он попросил декана факультета освободить его от педагогических обязанностей в университете с конца 1944/45 учебного года. Несмотря на свое кратковременное пребывание в Словакии, Лоссий сумел объединить вокруг себя молодых словацких философов, активно включился в научную жизнь, стоял у истоков основания специального философского журнала «Filozofický zborník». Не забывал он и о своей научной работе. В 1944 г. в Мартине вышла его книга «Podmienky dokonalého dobra» («Условия существования совершенного добра»). Летом 1945 г. он покинул Словакию.

Подведем некоторые итоги. Первые русские учёные и преподаватели высшей школы прибыли в Словакию в начале 20-х годов XX столетия. Молодое чехословацкое государство использовало их для кадрового пополнения высшей школы. Проявила интерес к русским специалистам и словацкая сторона, так как речь шла о специалистах высокого класса, об учёных, признанных в кругах профессионалов. Поэтому их деятельность на разных факультетах словацких вузов повышала реноме этих учебных заведений.

Число русских специалистов-гуманитариев было невелико. Речь шла об отдельных учёных, которые приезжали по конкретному личному или официальному приглашению и на конкретные места. Некоторые из них вступали в контакты со словацкой интеллигенцией еще до прибытия в эту страну. Они знакомились с ее представителями в своих предшествующих научных командировках (Е.Ю. Перфецкий) или опосредованно, как, например, В.А. Погорелов через своего гимназического учителя – словаца Юлиуса Стovика. Для остальных Сло-

вакия была совершенно *terra incognita*. После приезда сюда они сосредоточивались главным образом на педагогической работе, не забывая, однако, и о научных исследованиях. Результаты своих изысканий в Словакии они публиковали в форме монографий, научных и популярных статей. Русские ученые активно включились в научную жизнь Словакии, соучаствуя в ней вместе со словацкими коллегами, становились членами словацких научных обществ (Ученое общество имени П.И. Шафарика, Словацкое языковедческое общество при Матице словацкой), сотрудничали в специальных словацких журналах (*«Prády»*, *«Slovenské rohľady»*, *«Bratislava»* и др.), поддерживали личные дружеские отношения с представителями словацкой интеллигенции. (Так, Е.Ю. Перфецкий дружил со словацким писателем Йозефом Грекором-Тайовским и его супругой Ханой Грековой, В.А. Погорелов находился в приятельских отношениях со словацким лингвистом, профессором Людовитом Новаком).

Российские специалисты, однако, никогда не забывали о своей Родине. Все они поддерживали связи с другими русскими учеными-эмигрантами, проживавшими в Европе, и охотно контактировали с русским эмигрантским землячеством в Словакии (В.А. Погорелов). Они выступали перед словацкой общественностью с лекциями, писали статьи в словацкие газеты, в которых популяризовали русскую историю и культуру. С окончанием Второй мировой войны жизненные судьбы российских специалистов-гуманитариев в Словакии сложились по-разному. Часть из них покинула Словакию еще до прихода Красной Армии (Погорелов, Лосский), другая – осталась в стране после 1945 г. (Перфецкий, Исаченко), а некоторые – погибли в застенках НКВД (Гарин-Михайловский).

Хотя в межвоенной Словакии оказалось лишь несколько крупных специалистов из числа российских обществоведов, они своей педагогической и научно-исследовательской деятельностью сумели внести ценный вклад в становление высшего гуманитарного образования в Словакии и формирование отдельных общественно-научных дисциплин¹⁴.

Примечания

¹ О жизни и деятельности российской эмиграции см., например: *Tejchmanová S. Rusko v Československu. Bílá emigrace v ČSR 1917–1939*. Praha, 1993; *Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословакской республике (20–30-е годы)*. М., 1995; *Veber V., Sládeček Z., Bubeníková L., Harbul'ová L'. Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945*. Praha, 1996; *Savický I. Češi v Rusku a Rusové v Čechách*. Praha, 1999; *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919–1939)* / Ed. L'. Beloševská. Praha, 1999.

- ² Подробнее см.: *Harbul'ová L'*. Ruská emigrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov, 2001.
- ³ Более подробно о деятельности Е.Ю. Перфецкого в Братиславе см.: *Dostal' M.Ju.* Bratislavské roky historika Eugena Julianoviča Perfeckého // Slovenské štúdie. Bratislava, 1995. Č. I. S. 51–56.
- ⁴ *Perfekčí E.Ju.* Dve statí k dejinám Podkarpatské Rusi. Martin; Bratislava, 1922; *Idem.* Sociálno-hospodárske pomery Podkarpatské Rusi ve století XIII–XV. Bratislava, 1924; *Idem.* Podkarpatské a haličskoruské tradicie o králi Matyášovi Corvinovi. Bratislava, 1926.
- ⁵ *Перфекцкий Е.Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения. Bratislava, 1922; *Idem.* Čár Petr I a Leibniz. Bratislava, 1925; *Idem.* Historia Polonica Jana Dlugosze a ruské letopisectví. Praha, 1931.
- ⁶ В 1922–1931 гг. Е.Ю. Перфекцкий читал лекции в 40 городах Словакии и Подкарпатской Руси. Тематика их была разнообразна: начальная история России, прошлое украинцев и восточных славян, идеологические и духовные аспекты жизни России в XVIII – XIX вв. и др.
- ⁷ Кроме этой работы В.А. Погорелов посвятил данной проблематике следующие исследования: Literárna činnosť M. Lučkajá, karpatského spisovateľa a záštitkom XIX. storočia. Bratislava, 1939; Bulharizm v dialektoch karpatoruských. Bratislava, 1939.
- ⁸ В.А. Погорелов читал лекции по всей Словакии. Тематически они посвящались главным образом творчеству А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.К. и Л.Н. Толстых.
- ⁹ Подробнее о жизни Г.Н. Гарина-Михайловского см.: *Harbul'ová L'*. Ruský diplomat Georgij Nikolaevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. Bratislava, 2005. Roč. 53. Č. 2. S. 355–364.
- ¹⁰ Из работ П.Г. Богатырева, которые вышли из печати во время его проживания в Словакии, можно указать, например: *Bogatyrev P.* Funkcia kraja na Moravskom Slovensku. Martin, 1937; Funkčnoštrukturálna metóda a iné metódy etnografie a folkloristiky // Slovenské pohl'ady. Bratislava. 1935. Roč. 51. S. 550–558; Byli slovenské písne pramenom Puškinovým? // Slovo a slovesnosť. Bratislava. 1937. Roč. 3. S. 53.
- ¹¹ О пребывании А.В. Исаченко в Словакии см.: *Harbul'ová L'*. Prvé roky pobytu A.V. Isačenka na Slovensku // Slavica Slovaca. Bratislava, 2003. Roč. 38. Č. I. S. 60–64.
- ¹² О пребывании Н.О. Лосского в Братиславе см.: *Matejko L'*. Bratislavské roky ruského filozofa N.O. Losského // Verbum. Bratislava, 1992. Č. 3. S. 158 и др.
- ¹³ Об этом событии подробно информировала словацкая газета «Словак» // «Slovák». Bratislava. № 89. 1942. 19.IV. S. 1.
- ¹⁴ Некоторые аспекты данной темы освещены в статьях: *Дюрович Л.* Александр Васильевич Исаченко (1910–1978) // Russian linguistica. 1979. № 4; *Досталь М.Ю.* Русские слависты – эмигранты в Братиславе. // Славяноведение. 1993. № 4. С. 49–62; *Она же.* П.Г. Богатырев в Чехословакии в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1998. № 4. С. 31–42 и др. – Прим ред.

Е.О. Пивовар, Е.В. Вьюницкая
(Москва)

Питомцы и выпускники Московского университета в изгнании

Русское Зарубежье – уникальное явление, сложившееся в ходе эмиграции «первой волны». Однако возникновение такого феномена, как Русское Зарубежье – результат не только скопления за границей беженцев из России, но и национальная и культурная диаспора. Его сформировали не просто эмигранты, но представители российской интеллигенции, ориентированные на сохранение и преумножение достижений отечественной науки и культуры.

Существует немало работ, посвященных как феномену эмиграции «первой волны» в целом, так и судьбам тех или иных групп эмигрантов. Не обойдена вниманием и научная интеллигенция. Однако исследований, посвященных собственно питомцам Московского университета в изгнании, пока нет. Нельзя сказать, что эта категория выпала из поля зрения исследователей. Причина в другом – выпускники первого русского университета, продолжавшие заниматься наукой и добившиеся признания, становятся объектами исследований, прежде всего, как выдающиеся ученые. Те, кто в Первую мировую и Гражданскую войну связал свою судьбу с армией, попадают в иную категорию – «российские военные за рубежом». Эмигранты, чьим основным занятием стала общественная деятельность, изучаются сегодня как публицисты или представители тех или иных идеальных течений. Такой фактор, как общее образование высочайшего качества, полученное в первом русском университете, не выделялся как нечто общее для всех этих категорий.

Между тем эмигрантские судьбы выпускников главного университета России – это материал, позволяющий делать выводы о судьбах российской интеллигенции в изгнании. Выпускники университета – образованные люди, попавшие в чужую страну со своими обычаями, нравами, законами и вынужденные круто менять свою жизнь. Получить представление о путях трудоустройства и специфике адаптации выпускников Московского университета в новых условиях поможет массовый источник, созданный в 1929–1930 гг. самими эмигрантами – анкета Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета.

Эмигранты никак не могли пропустить эту знаменательную дату. За рубежом традиции российской науки и просвещения не только не сдавали позиций, но и обретали некое новое значение. Московский университет стал символом прежней России, в которой знали цену науке, культуре и просвещению. Это было не просто высшее учебное заведение, но и «светоч общечеловеческой науки», «источник познания объективной истины, национальной, духовной, внеклассовой культуры». По крайней мере, именно такие термины использовались в публикуемых Пражским комитетом обращениях к широкой общественности.

2 июля 1929 г. состоялось первое – учредительное – заседание Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета. В нем приняли участие М.М. Новиков (председатель), А.Ф. Изюмов (секретарь), С.Н. Прокопович, В.В. Стратонов, Н.И. Астров, А.А. Эйхенвальд, Н.Е. Осипов, В.А. Розенберг, С.И. Варшавский, П.Д. Долгоруков, А.А. Кизеветтер, Д.М. Иванцов. В ходе заседания было принято решение отметить 175-летие Московского университета изданием юбилейного сборника. Правда, средств на его издание не было и не предвиделось. В связи с этим решено было связаться с уже образовавшимся Парижским комитетом, также планировавшим юбилейные торжества. В результате комитеты постановили совместными усилиями выпустить к юбилею сборник, посвященный университету и содержащий очерк по истории вуза и воспоминания его выпускников. Планировалось также учредить для студентов эмигрантских вузов стипендии «имени Московского университета», – если, конечно, на это хватит средств. Дело в том, что деньги предстояло собрать среди всех, «кому дороги интересы русского просвещения».

Именно в Праге родилась идея собрать сведения о российской интеллигенции, вынужденной обосноваться за границей. Изначально анкета не имела конкретной задачи – только статистические функции, сбор данных. Но она позволяла определить научный, творческий, интеллектуальный потенциал Русского Зарубежья. Она дает представление о том, как, где и в какой сфере мог найти применение своим знаниям эмигрант с высшим образованием, полученным в России.

Составленная Пражским комитетом анкета состоит из пяти вопросов:

- 1) Время окончания учебного заведения;
- 2) Факультет или отделение;
- 3) Деятельность в России;
- 4) Деятельность за рубежом;
- 5) Страна проживания.

Анкета была адресована всем, кто получал высшее образование в России или за рубежом, в Московском или любом другом университете, на любом факультете и отделении. Ее вопросы публиковались в прессе и рассыпались по эмигрантским организациям. Ответы регулярно поступали активистам Пражского комитета Н.И. Астроловой и В.В. Стратоновой.

Эта акция имела двоякий смысл. С одной стороны, масштабный опрос демонстрировал интерес организаторов к образованным эмигрантам, внимание к их жизни за рубежом. При этом вопросы анкеты призваны были напомнить респондентам о собственных студенческих годах. Их воспоминания только подогрели бы интерес к грядущему юбилею университета. Внимание общественности, в свою очередь, могло бы способствовать притоку средств, необходимых для издания сборника. Таким образом, пользуясь современной терминологией, анкета Пражского комитета – это не только сбор статистических данных, но и грамотный PR-ход.

С другой стороны, было бы неверно считать опрос выпускников просто заукалированной рекламной акцией.

Ответы, собранные членами Пражского комитета, позволяют составить портрет эмигрантов–выпускников Московского университета (его питомцы откликнулись на призыв наиболее активно). Организаторы акции пытались составить такой портрет с помощью статистической обработки данных. Всего к 25 января 1930 г. поступило 700 ответов (плюс список из Болгарии: 89 человек, в основном болгары). Однако данные продолжали поступать и после 25 января, так что задуманный портрет в полном объеме так и не получился.

Картина, которую позволяют составить современные архивные материалы, также не может быть всеобъемлющей. Часть данных была утеряна, а потому мы работаем с некоей естественной выборкой. Сегодня в ГАРФ'е (фонд Р-5820) среди материалов Пражского комитета хранятся ответы 232 бывших студентов Московского университета. К сожалению, среди них нет, например, анкеты бывшего ректора Университета и председателя Пражского юбилейного комитета М.М. Новикова. Однако ответы других членов комитета – бывшего профессора Московского университета А.А. Кизеветтера и выпускников университета – историка А.Ф. Изюмова, общественных деятелей эмиграции Н.И. Астролова и П.Д. Долгорукова, известного публициста С.И. Варшавского, знаменитого врача-психiatра Н.Е. Осипова – и многих других бывших студентов дают возможность составить представление об образе выпускника-эмигранта.

Однако следует учитывать, что ответы на анкету отличает специфика, которая присуща большинству материалов по истории эмиграции. Эти ответы чаще всего были написаны самими эмигрантами. Таким образом, эти данные являются источниками личного происхождения — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Источники личного происхождения отличаются известной необъективностью, которая может объясняться и недостатком информации, личными симпатиями и антипатиями авторов, верой в собственную версию событий, иногда и намеренным желанием ввести читателя в заблуждение. Подобные погрешности характерны для любых видов источников личного происхождения — дневников, мемуаров, писем.

В данном случае респонденты всего лишь пересказывают собственные биографии, — в каком году закончили вуз, по какому отделению, чем занимались в России и за рубежом, где проживают. Казалось бы, как тут можно повлиять на изложение?

С одной стороны, эмигранты действительно присылали конкретную информацию о своей жизни в России и за рубежом. С другой стороны, и в подобных ответах все же можно выразить свою позицию. Конечно, назвать не тот вуз или отделение едва ли возможно. Но и в краткой автобиографии респонденты имеют возможность представить собственную версию событий.

Так, рассказ о деятельности в России может охватывать только дореволюционный период. Таким образом, ответ на сакральный вопрос «где вы были в 1917 году» остается за кадром. О своем участии в войнах респонденты также не обязаны сообщать. Семейное положение, особенности ассимиляции, заработка плата и возможность либо невозможность содержать на нее семью, — все это также остается за рамками исследования.

То же самое относится к карьере в России или за рубежом: в случае, если она считается неудачной, автор ограничивается указанием последнего места работы. В некоторых анкетах респонденты предпочитают уделять львиную долю внимания своей общественной деятельности, не всегда указывая даже источник средств к существованию.

Внимание автора к тем или иным сторонам собственной деятельности, более или менее подробные ответы на разные вопросы, указанные и неуказанные сведения, — все это и есть выражение конкретной позиции. Проблема в том, что авторский подход не всегда предоставляет достаточно информации для исследования.

Можно сразу определить некоторые закономерности. Так, эмигранты, карьеры которых в основном сложились в России, естественно, в своих ответах пишут прежде всего о деятельности на родине. Многие респонденты предпочитают указывать в качестве эмигрантских занятий не работу, служащую источником дохода, а общественную деятельность.

Молодые люди, мобилизованные по окончании вузов, как правило, немногословны в своих ответах: им особенно нечего рассказать о карьере в России, а за рубежом к 1929 г. далеко не всем удалось добиться существенного изменения своего первоначального статуса. Молодые люди более мобильны, а потому в числе их занятий отмечается больший разброс.

Ответы на анкету предоставляют авторам достаточно возможностей для изложения собственной версии событий. Однако этот массовый источник все же позволяет составить некоторое представление об образе эмигранта – выпускника Московского университета.

Годы выпуска респондентов колеблются от 1863 до 1924. Больше всего опрошенных окончили университет в 1910-е годы, максимальное число – 16 человек – в 1914 г. На втором месте по количеству выпускников – 1900-е годы, на третьем – 1890-е. 1880-е годы – последние в списке среди тех лет, когда количество выпускников исчисляется десятками. И более ранние годы, и послереволюционный период дают одинаковые цифры – не более чем по один-два респондента.

Но ответы присылали не только выпускники. Участие в опросе приняли все, кто считал себя хоть в какой-то мере причастным к грядущему юбилею: студенты, проучившиеся несколько лет в Московском университете и закончившие образование за рубежом и те, кто только сдавал при университете государственные экзамены.

Наибольшее число респондентов (61%) – выпускники юридического факультета. Правда, двое из них закончили учебу в других вузах, а еще трое, напротив, только сдавали в Московском университете государственные экзамены. Остальные факультеты представлены равномерно: медицинский – 14%, историко-филологический – 13%, физико-математический – 12%.

Безусловным лидером по числу ответов является Франция (56). На втором месте Чехословакия (37), за ней с небольшим отрывом – Югославия (33). Бельгия и Германия (по 13 ответов) отстают уже очень заметно, опережая Латвию (12) с минимальным отрывом. Далее следуют Польша (10) и Болгария (9), за ними – единичные ответы из разных стран.

Очевидно, что дело здесь не только в реальном количестве эмигрантов в той или иной стране. Более или менее активный отклик определяется связями между эмигрантскими центрами и организациями, распространением информации о делах Русского Зарубежья в целом и Пражского комитета в частности. Например, активный отклик бельгийских выпускников объясняется не столько их информированностью об анкете или высокой сознательностью, сколько добросовестностью секретаря Русской академической группы в Бельгии. Именно им был придан список выпускников различных вузов, проживающих в этой стране.

У юристов и выпускников физико-математического факультета самой популярной страной оказалась Франция, на втором месте Югославия, третья – ЧСР. Из этого, однако, вовсе не следует, что в той же Франции не хватало русских юристов: респонденты там в основном служат в различных компаниях или работают на фабриках и заводах.

Бывшие студенты медицинского факультета не «группируются» в какой-то одной стране. По-видимому, такое положение дел объясняется тем, что врачи были востребованы во многих странах. При этом им, как правило, требовалось подтвердить свою квалификацию, чтобы получить разрешение на практику. Равенство условий не предполагало однозначного выбора в пользу конкретной страны.

Выпускники историко-филологического факультета наиболее массово откликнулись из Чехословакии, второе и третье место делят те же Франция и Югославия.

Как случилось, что молодая Чехословацкая республика стала крупным эмигрантским центром? Почему не самая многочисленная эмигрантская колония, сложившаяся в ЧСР (не более 30 тыс. человек; во Франции было около 400 тысяч), превратилась в интеллектуальную столицу Русского Зарубежья? Это было бы невозможно, если бы не «Русская акция».

Правительство ЧСР предпочитало самостоятельно регулировать поток беженцев, выбирая из пестрой массы необходимые кадры. Эмигрантам давали возможность получить образование, новую профессию или продолжать заниматься привычным делом. В Чехословакии работали многочисленные эмигрантские организации, высшие и средние учебные заведения, библиотеки, архив. Рабочие места, как и места в вузах, средства на стипендии, пособия и обеспечение деятельности самых разных организаций правительство Томаша Масарика выделяло беженцам за счет своих граждан. А средства были немалые: за 10 лет на «Русскую акцию» было потрачено более полумиллиарда чешских крон. Кро-

ме того, активная помощь беженцам не способствовала дружественным отношениям молодой республики с Советским Союзом.

Но «Русская акция» не была чистой благотворительностью, ее направленность была хорошо продумана. Эмигрантам, с одной стороны, предоставлялись условия для адаптации в новых условиях. С другой – в Чехословакии приветали прежде всего тех, в ком нуждались. Это были казаки-земледельцы, которые занялись бы сельским хозяйством, и российские ученые. Собственная научная школа страны тогда только складывалась. В то же время вес российской научной школы и авторитет конкретных ее представителей позволяли им и в новых условиях продолжать привычные изыскания. Тем более, что чешская наука нуждалась в пересмотре взглядов. Статус составной части империи Габсбургов диктовал прогерманскую трактовку событий прошлого. Позиция российских ученых, в большей или меньшей степени близкая к идеям панславизма, куда больше подходила новому независимому государству. За профессорами тянулись и потенциальные студенты, обучавшиеся в эмигрантских вузах, коих в Праге было немало.

37 чехосlovakских респондентов окончили университет в период с 1865 до 1917 г. Интересно разделение по возрастным категориям. Сведения о себе пришло одинаковое (по 10 человек) количество выпускников 1910-х и 1890-х годов. Если выпускники начала XX в. среди всех респондентов являются самой многочисленной категорией, то те, кто окончил университет в последнее десятилетие XIX в., по общему «рейтингу» оказываются лишь на третьем месте. По-видимому, в Чехословакии зрелые ученые оказались востребованы в большей степени. Второе и третье место по количеству выпускников занимают соответственно 1900-е и 1880-е годы, что в общем соответствует общей картине анкетирования.

Что касается специализации, то по традиции наиболее массово представлен юридический факультет (17 человек). В эмигрантских занятиях его выпускников нет единства. Здесь три педагога, три практикующих юриста, три общественных деятеля, один журналист. Юрист Н.Д. Никольский в эмиграции радикально изменил сферу деятельности (стал врачом). Единственная откликнувшаяся из ЧСР выпускница, В.Н. Стомпфе, окончила именно этот факультет и в своей анкете сообщила, что занята «подготовкой к научной степени». Впрочем, деятельность юристов – самой многочисленной категории респондентов – и в других странах не позволяет определить некое основное занятие.

Из Чехословакии присяло ответы наибольшее число выпускников историко-филологического факультета: 10 человек, из них шесть историков, два филолога, два не сообщили, какое отделение закончили. Среди них бывший профессор Московского университета А.А. Кизеветтер, в эмиграции преподававший в Карловом университете, на Русском юридическом факультете и в Русском народном университете; доктор славянской филологии В.А. Погорелов, профессор по кафедре русского языка и литературы в Братиславском университете имени Я. А. Коменского; доктор теории и истории искусства, заслуженный профессор, академик РАН Н.П. Кондаков, прибывший из Софии в Прагу по приглашению Карлова университета и скончавшийся там в 1925 г.; высланный в 1922 г. из России А.Ф. Изюмов, и в изгнании продолжавший заниматься делами архива – теперь уже эмигрантского РЗИА. Я.И. Сватош и В.Н. Светозаров возглавили две русские гимназии в Чехословакии: Русскую реформированную реальную гимназию в Праге и русскую гимназию в Моравской Тржебове соответственно.

Из Чехословакии поступило семь ответов от выпускников медицинского факультета Московского университета. Это максимальное число ответов выпускников медицинского факультета на страну: из Франции пришло пять ответов, из других – одна-три из каждой страны. Правда, двое из чешских респондентов доучивались за границей.

Из семи медиков трое успели поработать в качестве военных врачей: один – в военном лазарете, два – в действующей, а затем и Добровольческой армиях. Из оставшихся четырех специалистов трое не смогли бы принять участие в войне в качестве врачей: один поступил в университет лишь в 1915 г., двое не занимались тем, что могло пригодиться на фронте и в госпиталях.

В Чехословакии респонденты-врачи занялись той же деятельностью, что и в России. Из семи человек четверо работали врачами. Недоучившийся студент Г.И. Альтшулер получил диплом Карлова университета. Н.Е. Осипов продолжил преподавательскую деятельность и медицинскую практику: вел прием пациентов и читал лекции по психоневрозам в поликлинике Карлова университета. Д.П. Кишиневский продолжил заниматься общественной деятельностью. Еще в Сербии он, помимо должности прозектора в Державной больнице, состоял также консультантом по учебным делам при правительском уполномоченном С.Н. Палеологе, затем при русском посланнике В.Н. Штрандмане. Он руководил русскими учебными заведениями, был инициатором создания ряда общественных организаций. В Чехословакии до 1926 г. он был председателем

медицинского отдела учебной коллегии и главным врачом Комитета по обеспечению образования русских студентов в ЧСР.

Из трех выпускников *физико-математического* факультета двое еще в России преподавали в университете и Варшавском Политехническом институте. В Чехословакии они продолжали преподавать в высших учебных заведениях. Но изыскания, требовавшие практических опытов и лабораторных исследований, не числятся среди занятий респондентов. Член Русской учебной коллегии в Праге Ф.Е. Волошин все-таки руководил актинометрической лабораторией. Но исследования, оплачиваемые Чехословакией, он производил в Париже.

Итак, анкета Пражского комитета – уникальный источник, в котором эмигранты сами рассказывают о своих судьбах. С одной стороны, в нем представлен срез эмигрантского общества. Это статистика, позволяющая выявить некоторые закономерности в эмигрантских маршрутах и расселении беженцев, особенности их трудоустройства в тех или иных странах, а также влияние на профессиональную востребованность возраста и специализации выпускников университета.

С другой стороны, это оценка ситуации самими беженцами. Данный источник позволяет составить представление и о реальной жизни выпускников Московского университета в разных странах, и об их приоритетах и системах ценностей.

Очень важной оказывается для них принадлежность к университету. Они стремятся и в эмиграции создать условия для подготовки специалистов университетского уровня, для ведения научной работы и серьезной общественной деятельности, для сохранения и обновления той группы, что называется интеллигенцией. «Русская акция» правительства ЧСР создала особые условия, позволявшие реализовать эти задачи наиболее полно.

Профессиональные знания и навыки выпускников университета не всегда были должным образом востребованы. Конечно, зрелые ученые, уже составившие себе имя в научном мире, как правило, имели возможность продолжать карьеру в университетах различных стран. Молодежи же с университетским образованием и нередко опытом службы в войсках в годы Первой мировой или Гражданской войны не всегда удавалось найти применение своим знаниям и профессиональным навыкам. Но то, что всегда отличало классическое российское образование – изучение иностранных языков и внимание к общей эрудиции – позволяло эмигрантам найти себя в новых условиях.

Приложение

1. Расселение респондентов по странам в процентном отношении

Страна	Факультеты				Всего выпускников
	Юриди-ческий	Меди-цин-ский	Физико-математиче-ский	Истори-ко-филоло-гиче-ский	
Австрия	0.43%				0.43%
Бельгия	3.45%	1.3%	0.86%		5.61%
Болгария	2.16%	1.3%	0.43%		3.89%
Велико-британия			0.43%		0.43%
Венгрия	0.43%				0.43%
Германия	3%	1.3%	0.86%	0.43%	5.59%
Греция	0.43%				0.43%
Дания	0.43%			0.43%	
Египет	0.43%	0.43%			0.86%
Кипр			0.43%		0.43%
Китай	1.72%	0.43%		0.43%	2.58%
Латвия	3.88%	0.43%		0.86%	5.17%
Литва		0.43%		0.43%	0.86%
Марокко	0.43%				0.43%
Норвегия	0.43%				0.43%
Персия	0.43%	0.43%			0.86%
Польша	2.16%		0.43%	1.72%	4.31%
Румыния	1.3%				1.3%
Сенегал		0.43%			0.43%
США	0.43%				0.43%

Финляндия	0.43%				0.43%
Франция	15.95%	2.16%	3.88%	2.16%	24.15%
Чехословакия	7.34%	3%	1.3%	4.31%	15.95%
Швейцария	1.3%	0.43%	0.43%		2.16%
Эстония	1.72%	0.86		0.43%	3.01%
Югославия	9.49%	0.43%	2.16%	2.16%	14.24%
Не указали страну	3.01%	0.86%	0.43%	0.43%	4.73%
Всего:	60.78%	14.22%	11.64%	13.36%	100%

2. Расселение респондентов по странам

Австрия	1				1
Бельгия	8	3	2		13
Болгария	5	3	1		9
Великобритания			1		1
Венгрия	1				1
Германия	7	3	1	1	12
Греция	1				1
Дания	1				1
Египет	1	1			2
Кипр			1		1
Китай	4	1		1	6
Латвия	9	1		2	12
Литва		1		1	2
Марокко	1				1
Норвегия	1				1
Персия	1	1			2

Польша	5		1	4	10
Румыния	3				3
Сенегал		1			1
США	1				1
Финляндия	1				1
Франция	37	5	9	5	56
Чехословакия	17	7	3	10	37
Швейцария	3	1	1		5
Эстония	4	2		1	7
Югославия	22	1	5	5	33
Не указали страну	7	2	2	1	12
Всего:	141	33	27	31	232

4. Сводная таблица трудоустройства выпускников
Московского университета в эмиграции*

Род деятельности	Количество занятых в %
Работа по специальности	20.26
Педагогическая деятельность	13.36
Научная деятельность	3.45
Общественная деятельность	1.3
Служащие	18.97
Служба в эмигрантских организаций	5.61
Журналистика	3.01
Предпринимательство	4.74
Торговля	0.86
Творческие профессии	4.74

* По данным анкеты Пражского комитета

Шоферы	0.86
Физический труд	5.17
Нерегулярный заработок	2.58
Безработные	5.17
Нет данных	8.63
Моряки	0.86
Рантье	0.43

3. Сводная таблица трудоустройства выпускников Московского университета в эмиграции по данным анкеты Пражского комитета

Род деятельности	Количество занятых	Примечание
Работа по специальности	47	
Педагогическая деятельность	31	Это преподаватели и школ, и вузов
Научная деятельность	8	Это ТОЛЬКО научная деятельность, без преподавательской
Общественная деятельность	3	Указана ТОЛЬКО общественная деятельность.
Служащие	44	
Служба в эмигрантских организациях	13	
Журналистика	7	
Предпринимательство	11	
Торговля	2	

Творческие профессии	11	2 писателя, 7 музыкантов, 1 режиссер, 1 кино-илюстратор и пианист
Шоферы	2	Только Франция
Физический труд	12	
Нерегулярный заработок	6	
Безработные	12	
Нет данных	20	
Моряки	2	
Рантье	1	

И.В. Лемешкин
(Прага)

Профессура императорского Варшавского университета и Прага

История Императорского Варшавского университета (ИВУ) полна внутренних противоречий. Основанному по повелению Александра II (на базе Варшавской Главной школы, 1862–1868) ИВУ отводилась роль форпоста русской культуры и идеологии на западных окраинах империи. Помимо научно-образовательных целей, перед университетом ставились негласные задачи злободневного характера: воспитывать в Царстве Польском благонадежных госчиновников, отвлекать молодежь от участия в процессе революционного брожения в обществе и таким образом содействовать русификации края. С учетом местной специфики, оторванности от «материковой» России и польского национально-освободительного движения в университетский устав заблаговременно были внесли необходимые охранные корректизы. Автономность высшей школы, выборность руководящих лиц были существенно ограничены. В отличие от других русских университетов, ректор ИВУ, например, избирался министром народного просвещения, а утверждался самою «высочайшею властию»¹.

Принято считать, что Министерство народного просвещения направляло в Варшавский университет преподавателей-реакционеров, набирало благонадежных студентов из рядов семинаристов. Насколько постулируемое утверждение отвечает действительности, по прошествии столетия судить непросто. Подлинный культурно-просветительский вклад русского учебного заведения, действующего на территории «остзейского края», по многим причинам мог быть гипертрофирован советской историографией. Необходимо считаться и с критическими оценками польской общественности, обделенной за счет ИВУ и вплоть до 1919 г. не имевшей своей высшей школы.

Вследствие поспешной эвакуации из Варшавы в 1915 г. университет потерял библиотеку, коллекции, оборудование и, оказавшись в Ростове-на-Дону, вынужден был многое начинать с нуля. Дальнейшие исторические катаклизмы никак не способствовали «укоренению» и развитию ИВУ на новом месте. Проблема преемственности особенно заметна, когда речь заходит о судьбе историко-филологического факультета. По мере утечки кадров сворачивалась и деятельность факультета. Академик Е.Ф. Карский, «спасаясь от Петроградского голода», какое-то время обитал в Минске²,

затем перебрался в северную столицу. Наблюдая за происходящим на юге, в своем университете, многолетний хранитель и продолжатель варшавских традиций, бывший ректор ИВУ, с горечью констатирует: «Из Ростова все бегут»³. В результате болезненных метаморфоз крупнейший центр славянской филологии, прославленный своими трудами и, прежде всего, изданием «Русского филологического вестника» (РФВ) (1879–1918), редуцируется до уровня провинциального пединститута. Профессура ИВУ как таковая растворяется, «убегает», причем заметная ее часть, профессора В.А. Францев, В.А. Погорелов, А.Д. Григорьев, оседают в межвоенной Чехословакии. Постараемся выяснить причины и пути, ведущие русских ученых из Варшавы через Москву, Ростов-на-Дону и другие промежуточные пункты в Прагу.

* * *

Научно-исследовательские интересы ученых-филологов Варшавы никак не соответствуют статусу реакционеров. Традиции русской филологии заложены первым ректором ИВУ, П.А. Лавровским (1827–1886). Вокруг него сосредоточились выдающиеся научные силы из области славяноведения: М.А. Колосов, А.С. Будилович, И.О. Первольф, Ф.Ф. Зигель, А.И. Смирнов и т. д. Ученые молодого поколения, Е.Ф. Карский и В.А. Францев, на рубеже XIX–XX вв. удерживают и развиваются лучшие славяноведческие традиции. Находясь на западной «окраине», исследователи уделяют преимущественное внимание вопросам славянской взаимосвязи, диалектологии. Достаточно заглянуть в РФВ, чтобы убедиться в профессионализме и серьезности их научных намерений. Серьезные люди делали серьезную науку, не разменивая академическое поприще на дешевую монету реакционного популизма.

Образ мысли русских ученых-филологов Варшавы, русистов и славистов широкого профиля, раскрывают дружеские письма В. Ягича, адресованные В.А. Францеву: «Мне кажется, что ваш варшавский университет мог бы по примеру пражских отношений, стоять рядом в двух видах – в русском и польском. Не должны же русские бросать на произвол судьбы своих белорусов и других русских, живущих на западной окраине. Впрочем, кто знает ваших либералов. Они иногда решают дела не по потребностям жизни, а по теориям. Я, конечно, сочувствуя освободительному движению, но не мог бы во всем соглашаться с К[а]д[етами] и теми, кто еще левее!»⁴; «Сердечно благодарю Вас за сердечное письмо, в котором Вы мне живыми красками нарисовали картину незавидного положения русской науки в Варшаве. В сущности можно было это предвидеть. На вас, невинных жертвах неверной системы правления, отомщается ныне лишняя ревность бывших обрусителей а là Апухтин. <...> Я недавно с большим вниманием прочел Ваш великолепный труд о польском славяноведении, и мне теперь припомнились те времена взаимного уважения, чуть ли не доходившего до любви и восторга.

Как далеко разошлись с тех пор ряд поколений! Утешительно все-таки то, что несмотря на роковые ошибки русского бюрократизма значение русского просвещения заставляет себя чувствовать. Беру пример с Вас. Никто другой, менее всего поляки, не сумел бы так прекрасно излагать ход польского славяноведения, как это сделали Вы, русский профессор с широкими взглядами и симпатиями ко всему благородному. Таких бы нам побольше! Меня обращало то место вашего письма, где Вы говорите о продолжении ваших исследований по польскому славяноведению. Я хотел уже попросить Вас о подробностях насчет Мацеевского и теперь я узнал, что он у Вас под пером. Т.о. я смею надеяться, что Вы сообщите мне кое-что о нем, чем я воспользуюсь под Вашим именем. Мне кажется, что я должен был отнести его к более позднему периоду, чем прочих "польских современников Добровского". Этот период представляют люди тридцатых и сороковых годов, имевшие сношения с Прагой, но уже без Добровского. Или же Вы думаете, что лучше было бы и его включить в число деятелей вроде Линде, Бандтке, Бентковский, Лелевель?»⁵

Узнав в одном из дальнейших писем о возможном переводе ИВУ, В. Ягич не знает, что и сказать: «Порадоваться ли за Саратов или же жалеть за Варшаву»; «Бог ведает, что это такое, что у вас творится. Ваши "сфера" падают из одной крайности в другую, точно так, как общество. В одном году трясут обществом социалисты, в следующем черносотенцы! А вас высылают в Саратов»⁶. Планы по переселению университета, беспокоят как Вену, так и Прагу. В лице ИВУ западные слависты теряли надежного, проверенного временем партнера. В «русской Варшаве» В. Ягич, Й. Поливка, Л. Нидерле, Ф. Пастрник и мн. др. искали и находили не пресловутых реакционеров, а профессионализм и общность научных интересов, ученых, к которым, как видно из цитируемой выше переписки, часто обращались за советом.

В.А. Францев издает Шафарика, занимается западнославянским национальным возрождением, чешско-польско-русскими контактами; Е.Ф. Карский печатает «Белоруссов»; В.А. Погорелов изучает южнославянские языки, как и Е.Ф. Карский, занимается балтистикой, главное внимание уделяет кирилло-мефодиевской традиции; А.Д. Григорьев интересуется фольклористикой, распространением «западных» сюжетов в литературе Древней Руси; историк Н.Н. Любович исследует польскую реформацию, пишет о «Люблинских вольнодумцах» и т. д. Варшавскую историко-филологическую школу, на основании ее трудов, при желании можно заподозрить скорее в сепаратизме, чем в прорусской урапатриотической реакционности.

Таким образом, «русская Варшава» географически, а в научном плане и предметно-тематически, профессионально была исключительно близка Праге. Чешские ученые много и с охотой печатаются в варшавском РГФВ. Хра-

нящиеся в пражских архивах письма Е.Ф. Карского, редактирующего «Вестник», вскрывают историю многолетних эдиционных хлопот между Прагой и Варшавой.

Корреспонденция В. Ягича и В.А. Францева приоткрывает завесу еще над одной важной особенностью. Контакты между Прагой и Варшавой нарастают и углубляются в период особой нестабильности, царствующей в стенах ИВУ. Национально-освободительное движение, сопровождаемое бойкотом университета, потасовками между студентами, оскорблениеми и даже избиением русских профессоров (дело В.П. Амалицкого), привело в 1905 г. к официальному закрытию университета. Незагруженные учебной деятельностью профессора интенсивно вели научную работу. Пользуясь случаем, варшавская профессура путешествует с научными целями, знакомится и углубляет знакомство с австро-венгерскими, французскими, немецкими учеными-филологами. Необычный наплыв русских ученых в Прагу запечатлен в письме В. Ягича от 1 июля 1906 г.: «Постоянны смуты, не перерывающиеся в особенности в Варшаве, и Ваше молчание заставило меня полагать, что Вас-то и нет в Варшаве. Ведь лекций у Вас уже давно не было. Самое удобное стало быть время для командировок, путешествий с ученой целью и т. п. Теперь Вы опять в вашей Праге, в золотой Праге, не в варшавской. Вы даже виделись уже с М.Н. Сперанским в музее? Не знаю, застали ли Вы тут же Григорьева? (будущий профессор ИВУ. – И.Л.) Приехал ли уже и А.А. Кочубинский? Одним словом – русская колония в Праге в полном сборе. Но и нам в Вене достаются кой-какие крохи»⁷. Связи с научным миром вне Российской империи, укрепившиеся именно в это непростое время, позднее помогли «русской колонии» навести мосты к своему спасению, вырваться из научной блокады и эмигрировать заграницу.

Итак, профессура Варшавы, возможно, не так заметно, но выделяется на общеуниверситетском академическом фоне. Русские ученые находились ближе (и географически и по предметам научного поиска) к Праге, чем к Москве или Санкт-Петербургу. Если уж и говорить о неких «постах», то Варшава для Праги была ближайшим форпостом русской науки. Благодаря многолетним соседским контактам, варшавские профессора, оказавшись впоследствии в роли эмигрантов, лучше разбирались в потребностях и нуждах Чехословакии. Покидая родину, они знали, куда и часто даже к кому стремиться, и в этом отношении по сравнению с другими русскими беженцами были, конечно, в выгодном положении.

Нужно особо отметить, что эмиграция из Советов, как ни парадоксально, для них не была первой по очередности. К 1905 г. обстановка в Варшаве накаляется до предела. Из-за нестерпимой национально-политической обстановки обсуждается перенос ИВУ в глубь России, профессора и весь университет «сидят на чемоданах». Эвакуация 1915 г. поставила точку и начала

отчет первой эмиграции. Из «русских варшавян» стали «варшавские ростовчане». Октябрьские события и Гражданская война для многих ознаменовали повторную эмиграцию, теперь уже в Чехословакию. В 1945 г. В.А. Погорелов из Братиславы бежит далее на запад, в Германию. Для него начинается третья эмиграция. Судьбы коллег-варшавян, оставшихся в России, сложились трагически. Большинство из них (историков-филологов) депрессировано (И.И. Замотин, Н.Н. Любович, отчасти Е.Ф. Карский и др.).

Оговорив связи Варшавы и Праги, иногда инкриминируемую ей реакционность, рассмотрим варшавскую профессуру, ее роль в процессе институционального формирования русистики в Чехословакии и, прежде всего, в стенах Карлова университета. Вопрос об основании кафедры русского языка и словесности впервые был поднят во времена Австро-Венгрии. Обсуждение организационного вопроса проходило в атмосфере ближайшего согласования с ИВУ. Из письма В.А. Францева 1919 г. Й. Поливке узнаем, что «лет десять назад» к нему обратился проф. Пастрнек с вопросом, не знает ли он, кто бы изъявил желание возглавить кафедру русской словесности. Любопытный документ, проливающий свет на историю русистики в Праге, приведем целиком:

V březnu, 1919.

Многоуважаемый Юрий Иванович!

Когда-то, лет десять тому назад, колл. Пастрнек говорил мне о намерении вашего факультета открыть кафедру русской литературы (или русского языка). Он спрашивал тогда меня, не знаю ли я какого-либо кандидата на эту кафедру, если бы та изволением австрийского правительства была утверждена. Я предложил ему самого себя, так как я к 1911 году выслуживал в Варшаве пенсию, а кафедра едва ли раньше этого времени могла бы быть утверждена. Но этим планам не суждено было осуществиться... Быть может, они возродятся у вас теперь, в свободном, независимом университете? Охотно выставлю свою кандидатуру, если получу на это ваше и других «благословение». Через два года я должен совершенно выйти «за штат», так как кончуя 30 лет службы (всей педагогической); пенсию я имею право получить хоть сейчас, но ее никто мне не даст, ибо Всевеликое Войско Донское не в состоянии давать пенсии всем, нашедшим убежище на его территории и ныне служащим на Дону. Будет же когда-нибудь вновь «единая и великая Россия», а тогда разрешатся как-нибудь и все наши больные вопросы. Я писал отсюда по этому вопросу (т. е. о моей кандидатуре в Пражск. унив.) И.В. Ягичу, когда у нас летом 1918 г. действовала немецкая Telapost. Сейчас мы отрезаны от мира и ведем жестокую борьбу «с севером». Пишу Вам этих несколько строк с р. Kalouskem, который едет по делам в Чехию и

вернется обратно в Ростов. Буду очень рад, если Вы с ним дадите мне ваш тот или другой ответ.

Всего наилучшего!

Ваш Вл. Францев.

P.S. Надеюсь предстоящим летом побывать в Варшаве, свезти туда свою матушку и ликвидировать там свои дела. Быть может, мне удастся заглянуть тогда и в Прагу.

P.P.S. Так как поездка р. Kalouska откладывается, то я пользуюсь другим случаем и пересылаю письмо в Варшаву для отсылки Вам в Прагу⁸.

Вопрос об основании русской «столицы»⁹ в Карловом университете, соответственно, обсуждался до обретения Чехией и Словакией независимости. Открытие кафедры отодвигалось до 1911 г., времени, когда В.А. Францев по выслуге лет выйдет на пенсию и переселится в Прагу. Кафедра русского языка и литературы, следовательно, изначально замышлялась «под Францева», профессора ИВУ. После 1918 г. уже свободный в своем самоопределении Карлов университет инициирует организацию кафедры, опять-таки рассчитывая на профессорство В.А. Францева. Проблема заключается в том, что после января–марта 1919 г. В.А. Францев не дает о себе знать. Распространяются слухи о скоропостижной смерти варшавского (ростовского) ученого, поэтому Й. Поливка на его место приглашает Е.А. Ляцкого¹⁰. Возможно, в надежде на скорое появление В.А. Францева номинация Е.А. Ляцкого затягивается. К маю 1921 г. его кандидатура все еще является предметом обсуждения¹⁰. Наконец, 1 сентября 1921 г. с Е.А. Ляцким заключается договор. Чтобы оповестить министра о состоявшемся назначении, замминистра приходит на доклад, министр же встречает подчиненного словами: «Francev jest zde»¹¹.

Складывается патовая ситуация. «В 1919 г. университет призвал проф. Францева в качестве ординарного профессора пражского университета», но по договору 1921 г. данное место занял Е.А. Ляцкий. Проблема решается на высшем уровне. Канцелярия Президента республики предлагает «организовать две "столицы" и утвердить в должностях обоих профессоров. Оба преподавали бы то же самое, но под различными названиями. Проф. Ляцкий преподавал бы русский язык и литературу по-русски, а проф. Францев то же самое под грифом славянской филологии по-чешски»¹². С проблемой знакомятся все члены Кабинета министров. За неимением достаточного количества документальных свидетельств нелегко судить о прохождении данного проекта. Тем не менее, биографические данные говорят сами за себя: В.А. Францев становится ординарным профессором славянской филологии в том же 1921 г.; Е.А. Ляцкий долгое время договорный и только с 1927 г.

* stolica (чеш.) – кафедра

(после жалоб и протестов) – ординарный профессор на кафедре русского языка и литературы¹³.

Что касается других варшавских профессоров-эмигрантов, то В.А. Погорелов занимает место договорного профессора в Братиславе, а А.Д. Григорьев преподает в Ужгородской, затем Прешовской гимназиях. В 1937 г. А.Д. Григорьев перебирается в Прагу, где под конец жизни принимает активное участие в деятельности Археологического института имени Н.П. Кондакова.

Многочисленные материалы, хранящиеся в пражских архивах, показывают, как «варшавяне», оказавшиеся в Чехословакии, не забывают и всячески поддерживают друг друга. Особая поддержка направляется по адресу наиболее нуждающегося А.Д. Григорьева. В 1925 г. перед Министерством образования и просвещения за него несколько раз ходатайствует В.А. Францев¹⁴. Есть основания полагать, что в то же самое время существовали планы по переводу А.Д. Григорьева на профессорское место в Братиславу¹⁵. Наконец, широкомасштабная «акция варшавской взаимопомощи» разворачивается в 1926 г. К этому времени Чешская академия наук и искусств обсуждает вопрос издания последнего тома «Архангельских былин и исторических песен». Скоординированные действия бывшей варшавской профессуры (из Праги и из Ленинграда) приводят к печатному завершению монументального собрания. Занесенные в разные концы славянского мира В.А. Францев и Е.Ф. Карский, в прошлом коллеги, лоббируют интересы варшавской филологической школы, предрешают печатную известность своего старого сослуживца – А.Д. Григорьева.

Примечания

¹ Например: Иванов А.Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. М., 1997; Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. Гл. 5. Славяноведение в Варшавском университете. С. 591–748; Михальченко С.И. Историко-филологический университет Варшавского университета. 1869–1917. Очерк истории кафедр. Брянск, 2005.

² LA PNP. Fond J. Polívka. Karton 14. Из минского письма Е.Ф. Карского Й. Поливке от 14.11.1919 г.: «В Минске живу временно, спасаясь от Петроградского голода. Как только явится возможность, немедленно перееду туда..., так как я сейчас состою членом Российской Академии Наук. Из Петрограда вышло Вам Русский Филологический Вестник за 1915–1916–1917 г. После этого он не выходит пока. В Варшаве мое имущество сильно разграблено во время войны; пострадала и библиотека: все лучшие книги раскрадены... О своих варшавских, ныне Ростовских-на-Дону коллегах уже около года никаких сведений не имею».

³ Из письма Е.Ф. Карского в Прагу своему бывшему варшавскому коллеге, В.А. Францеву, от 06.10.1923 г.: «Мы уже почти пришли в прежнее состояние и значительно оправились от последствий голода. И.И. Замотин (б. проф. ИВУ – И.Л.) сейчас с успехом профессорствует в

Минске. Собирается приехать сюда. Летом занимался здесь Вознесенский и оставил прилагаемое при сем письмечко к Вам. Из Ростова все бегут» – LA PNP. Fond V.A. Francev. Karton 7.

⁴ Там же. LA PNP. Fond V.A. Francev. Письмо В. Ягича В.А. Францеву от 01.07.1906 г. – Karton 3.

⁵ Там же. Письмо В. Ягича В.А. Францеву от 08.08.1907 г.

⁶ Там же. Письмо В. Ягича В.А. Францеву от 12.09.1906 г.

⁷ Там же. Письмо В. Ягича В.А. Францеву от 01.07.1906 г.

⁸ LA PNP. Fond J. Polívka Karton 27. Письмо В.А. Францева Й. Поливке.

⁹ Там же. Fond E.A. Ljacksonij LA 52/69/6781. Письмо Й. Поливки Е.А. Ляцкому от 15.12.1920.

¹⁰ Там же. Fond E.A. Ljacksonij LA 52/69/1933. Из письма Й. Поливки Е.А. Ляцкому от 28.05.1921 г.: «На завтрашний день – в понедельник я созвал близких коллег по славяноведению на совещание, каким образом было бы возможно пригласить Вас на факультет. ... Было бы все таки хорошо, если бы навестили проф. Детребова ... и проф. Махала ... – он именно профессор славянских литератур и без его согласия нельзя решить».

¹¹ «Запись от 23.11.1921 г.» (Пер. с чешск.) Archiv Kanceláře Prezidenta Republiky. T 1934/21.

¹² Там же.

¹³ Введение в штат Е.А. Ляцкого в 1926 г. опять решается на самом высоком уровне. См.: Archiv Kanceláře Prezidenta Republiky. T 1372/26.

¹⁴ Письмо из Министерства образования и просвещения на имя Й. Поливки от 27.08.1925 г.

LA PNP. Fond J. Polívka 15/B/28.

¹⁵ Там же. Fond M. Murko. Karton 3. – Письмо Н.Н. Дурново М. Мурко от 06.12.1924 г.

М.Ю. Досталь
(Москва)

Российские эмигранты и советские слависты: проблемы взаимоотношений

Октябрь 1917 г. проложил глубокий водораздел в судьбах отечественного славяноведения и ученых-славистов: между теми, кто остался в России, и теми, кто был вынужден из нее эмигрировать. Как ни парадоксально, но уехавшие из страны, как теперь выясняется, несмотря на все тяготы жизни на чужбине, оказались во многом в лучших условиях, чем оставшиеся на родине¹. В Советской России славистические исследования постепенно сворачивались: ликвидировались центры славяноведения в университетах и Академии наук, многие ученые гибли от голода, холода, болезней, политических преследований в лихолетье революций, Гражданской войны, потом и во время утверждения тоталитарного режима в стране². В межвоенной Чехословакии, напротив, были созданы достаточно благоприятные условия для развития славяноведения. В рамках проведения «Русской акции» Президента ЧСР Т.Г. Масарика до начала 1930-х годов слависты-эмигранты получали субсидии и имели возможность основывать в Праге различные научные центры, где активно занимались и славистическими проблемами: Русский народный (свободный) университет, Русский педагогический институт имени Я.А. Коменского, Русское историческое общество, Русский заграничный исторический архив, Русский культурно-исторический музей и др.³ Некоторые российские слависты стали преподавателями Пражского и Братиславского университетов⁴, членами Славянского института, приняли участие в создании Славянской библиотеки в Праге, могли потом пользоваться ее богатым книжным фондом. Академик Е.Ф. Карский, посетивший в 1924 г. книжную выставку, устроенную эмигрантским Комитетом русской книги, верно оценил масштаб творческой деятельности русских эмигрантов. Он, в частности, писал: «Обозревая выставку, можно видеть, что большинство напечатанных заграничных книг принадлежат перу русской эмиграции, сохранившей в безмерно трудных условиях способность к духовному творчеству, к созданию культурных ценностей в разных областях»⁵.

Наука может полноценно развиваться только в общем культурном пространстве, имея доступ к информации, возможность контактировать с коллегами и обмениваться с ними результатами своих исследований. В этом отношении эмигранты в Чехословакии тоже имели определенные преимущества в общении с заграничными коллегами, а Советская Россия постепенно наглухо отгораживалась от чуждых ей по идеологии и общественному строю «буржуазных» государств и их граждан.

Каким же образом могли осуществляться контакты между учеными-славистами по обе стороны границы? Заметим, что железный занавес на СССР опускался постепенно, и в 1920-е годы, пока не была «советизирована» Академия наук и не уничтожены до конца различные славистические центры, ученым делались некоторые послабления. Об этом периоде и пойдет преимущественно речь в нашей статье.

Путей осуществления контактов и взаимопомощи было несколько. Выделим их в общих чертах и охарактеризуем на характерных примерах каждый из них.

1. Акция помощи голодающим в России по инициативе ученых Чехословакии.

2. Заграничные командировки российских славистов в ЧСР.

3. Участие советских ученых в заграничных научных конференциях.

4. Переписка и книгообмен между коллегами в СССР и ЧСР и пр.

В связи с голодом, разразившимся в 1921–1922 гг. на Украине и Поволжье, от которого страдали и города Центральной России, по инициативе Чехословакии в Женеве 15 августа 1921 г. была создана специальная конференция Красного Креста. Комитет по оказанию помощи России возглавил известный шведский ученый и общественный деятель Ф. Нансен. Инициатива Красного Креста была приторможена Лигой Наций по причинам политico-идеологического свойства, и потому Чехословакия продолжила проведение этой акции самостоятельно⁶.

Судя по документам Центрального государственного архива Чешской республики (фонд «Русская акция помощи») многие ученые Чехословакии, включая эмигрантов, живо переживали гуманитарную катастрофу в России и глубоко сочувствовали своим коллегам. Они горячо откликнулись на призыв о помощи: формировали продуктовые и вещевые посылки, вносили деньги в фонд помощи российским ученым. Немногие из тех, до которых доходили такие посылки и деньги по гроб жизни были благодарны своим коллегам из Чехословакии за жизненно важную помощь в лихую годину испытаний судьбы. Е.Ф. Карский писал, в частности, своему другу и коллеге В.А. Францеву 2 апреля 1922 г.:

«Мой сердечный привет всем чешским знакомым. Пусть они поддерживают и развиваются нашу науку, которая и здесь, несмотря на все затруднения и неблагоприятные условия, все же не угасла: мои университетские коллеги с замечательным самоотвержением, несмотря на голод и нищенство, по-прежнему продолжают заниматься ею и передавать свои знания молодому поколению... Вашу посылку мы на днях получили и очень благодарны Вам и другим лицам, принимавшим в ней участие. К Пасхе, таким образом, мы имеем белую муку в достаточном количестве, а остальные продукты уже едим и сейчас»⁷.

В 20-е годы прошлого века можно было наблюдать своеобразный феномен длительных командировок в Чехословакию, в которые отправлялись российские слависты с научной целью, мотивируя ей, как правило, свое неприятие новых порядков на родине. Таким способом здесь оказались лингвист и культуролог Р.О. Якобсон, этнографы и фольклористы П.Г. Богатырев и А.Л. Петров, филолог Н.Н. Дурново и др. За исключением Р.О. Якобсона, ставшего гражданином ЧСР, и в 1939 г. эмигрировавшего в конце концов в США, все они сохранили советское гражданство, желали вернуться в Россию, где оставались их семьи⁸.

Вначале они так или иначе продлевали свои командировки, но потом оказались в неопределенном положении «невозвращенцев» и активно включились в научную и культурную жизнь страны: Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев стали членами знаменитого Пражского лингвистического кружка, Н.Н. Дурново преподавал в Брненском университете, А.Л. Петров исследовал регион Подкарпатской Руси по заданию и на средства чехословацкого правительства, их приняли в члены Славянского института в Праге и пр. Причем общались они в основном с чешской культурной и научной элитой преимущественно из левого авангарда, не вступая в тесные контакты с представителями российской научной эмиграции. Последние также воспринимали их достаточно отчужденно, видимо, не прощая им советского гражданства. В качестве примера можно привести такой факт. В 1930-е годы П.Г. Богатырев по поручению Гослитмузея в лице его директора В.Д. Бонч-Бруевича с увлечением и жертвенностью, не жалея времени и собственных сил и средств, собирал и фотографировал «россику» в чехословацких архивах, библиотеках и личных собраниях. И везде встречал благожелательный прием. Только в Русский заграничный исторический архив «для более детального обследования» он допущен не был. Руководство архива тщательно оберегало свои фонды от «советского вмешательства»⁹.

Некоторое исключение составлял А.Л. Петров. Погруженный в свою работу по изучению Подкарпатской Руси, отказывая себе в самом необходимом, чтобы

посылать деньги голодающей семье, он также почти не контактировал с российскими эмигрантами. Однако его одинокая смерть в пражской больнице Российского Красного Креста неожиданно вызвала широкий общественный резонанс. В его судьбе приняли участие эмигранты И.О. Панас, С.И. Варшавский и А.Л. Бем. Последний, как выяснил А.Н. Горянинов, хлопотал от имени русской общины о его православном отпевании и похоронах на Ольшанском кладбище при православном русском Успенском храме. Но неожиданно в этот траурный ритуал вмешалось советское полпредство во главе с А.Я. Аросевым. В результате, как установил А.Н. Горянинов, эмигранты были отстранены от участия в траурном митинге, на котором выступили только видные деятели чехословацкой науки: Й. Матейко, Й. Пекарж, Л. Нидерле, М. Вейнгарт и др. Аросев необоснованно возвел ученого в ранг академика и всячески подчеркивал, что он (на самом деле монархист по своим убеждениям) был настоящим «советским ученым», исповедовавшим коммунистические идеи, и пользовался уважением у руководства СССР и советской общественности. Тело глубоко верующего человека, каким был А.Л. Петров, кремировали без отпевания, а урну с прахом отправили родственникам в Россию¹⁰. Таким образом, из смерти ученого сделали политическую шумиху, только для того, чтобы подчеркнуть его «верность» Советской власти.

Во время своих *кратковременных* командировок Прагу посетили в 1920 – начале 1930-х годов академики Е.Ф. Карский, Н.С. Державин, вероятно, В.Г. Чернobaев, А.И. Лященко, В.И. Пичета и др. И здесь очень разительно проявилось их личное отношение к российской эмиграции в Чехословакии, определяя степень зависимости от официальной идеологии. Поражает, насколько раскованно и откровенно в официальном отчете известный специалист по истории белорусского языка и литературы и старославянской письменности Е.Ф. Карский писал о своих встречах с коллегами из русской эмиграции и теплом приеме с их стороны: «Всего пришлось быть в Праге дней 20. С моим приездом совпало чествование памяти Франтишка Палацкого. По случаю 50-летия со дня его кончины (24 мая [1926]) Русским институтом в Праге мне был прислан билет на заседание, состоявшее кроме речей, имевших в виду выяснить духовный облик знаменитого чешского и вообще славянского ученого. Заседание прошло с большим подъемом...»¹¹ Е.Ф. Карский, единственный из советских ученых, представлял новую Россию на Первом съезде славянских географов и этнографов в Праге. 3 июня 1924 г. он присутствовал на «товарищеском собрании» участников этого форума. В отчете он отметил: «Более всего были удивле-

ны присутствовавшие появление русского представителя из Советской России. Все, по-видимому, были убеждены, что всякие сношения с СССР в настоящее время невозможны ни морально, ни физически. Были поражены и иностранные ученые и русские эмигранты, поставившие было уже крест над русской наукой¹². Впрочем, за свободу общения с эмигрантами из Русского института, например, с академиком В.А. Францевым, помогшем ему в подборке необходимых книг и отправке их в Ленинград, за участие в упомянутом «товарищеском собрании» и другие «грехи» Е.Ф. Карскому пришлось расплатиться травлей в печати¹³.

Его дальнейшей судьбой и «гонениями» в прессе живо интересовались коллеги в эмигрантской и чешской среде¹⁴. Все они искренне скорбели и о его скончавшейся смерти в 1931 г.¹⁵

Совсем по-другому выражал свое отношение к эмиграции «советский» академик Н.С. Державин, снабженный разного рода инструкциями в НКИД и полпредстве. Его недоверие вызывали и «скрытые эмигранты» Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев. На пресс-конференции по поводу своего участия на Первом конгрессе славянских филологов в Праге в 1929 г., отвечая на вопрос из зала — держали ли они себя, как советские граждане, Н.С. Державин сказал: «Я с ними обоими был знаком. Я ждал от них большего в смысле ориентировочной помощи. Я должен сказать, что даже недоумевал, какой это ориентировки люди, потому что я слышал их фамилии, но не знал их положения. Когда я увидел, что они близки с членами советской делегации, я понял, что это наши друзья, но желания помочь своим землякам с их стороны я не видел»¹⁶.

Позднее Н.С. Державин все-таки сотрудничал с Р.О. Якобсоном и прислал по его просьбе для «Slavische Rundschau», небольшую статью о современном состоянии славяноведения в СССР¹⁷.

В марте–июне 1933 г. Н.С. Державин посетил Прагу для работы в Славянской библиотеке. Не имея возможности поехать в Болгарию, он в богатых фондах этой библиотеки нашел необходимые сведения о современном состоянии болгарской литературы, исторических исследований и материалы по обсуждавшемуся тогда вопросу об «интегральной Югославии». В своем отчете академик писал о всяческом содействии ему сотрудников библиотеки и радушном приеме со стороны чешских коллег. Для них он прочел несколько докладов в разных научных аудиториях, всегда оговаривая, чтобы там не было представителей российской эмиграции. Он, в частности, писал: «Ввиду того, что в состав членов пражского Института славяноведения входят некоторые профессора из русских

белоэмигрантов, я, несмотря на настойчивые предложения директора этого Института прочесть в Институте доклад, отказался от этого, хотя и имел с собою в Праге необходимый для докладов в этом институте материал. Я принял приглашение *на чай*, организованный пражским Славянским институтом для чествования меня как директора Института славяноведения АН СССР, при условии, по предварительной договоренности с директором, профессором Мурко, что на эту встречу со мною в стенах Института не будет приглашен ни один из представителей белоэмигрантов. Список членов Института, приглашаемых на чай, был прокорректирован Директором Института совместно со мною»¹⁸.

Контакты советских и эмигрантских славистов теоретически могли происходить и во время научных конференций в обилии созывавшихся в Чехословакии, особенно в 1920-е годы. Но на них, как правило, советских ученых не выпускали. Только Карский, как уже отмечалось, участвовал в съезде славянских географов и этнографов в Праге в 1924 г. Неожиданно попал на I съезд славянских филологов в Праге и Брно в октябре 1929 г. академик Н.С. Державин вместе с шестью другими членами советской делегации (Сакулин и Коринский из Москвы, Нимчинов и Пилипенко из Харькова, Бузук из Минска, Быковский из Вятки)¹⁹. Из отчета следует, что те ученые «старой школы», которых приглашали пражские организаторы съезда заранее (Е.Ф. Карский, Б.М. Ляпунов и др.), чьи имена были объявлены в списке участников съезда, приехать не смогли. Кремль только в последнюю минуту принял решение о посыпке советской делегации на этот важный научный форум. В ней оказались случайные люди с наскоро подготовленными докладами. (Докладчиков было четыре человека. Двое приехали вовсе без докладов).

Перед организаторами съезда всталая серьезная проблема, как развести противоборствующие стороны – политически ангажированных членов советской делегации и враждебно настроенных к коммунистическому режиму в СССР российских эмигрантов. Было принято решение, что последние могут выступать на съезде только с докладами и в научной дискуссии, представительские же функции будут выполнять только члены национальных делегаций от славянских стран. «Для советской делегации и интересов Союза, – указывал Н.С. Державин в отчете, – такой порядок вещей был выгодным, ибо он устранил от активной роли на съезде нашу эмиграцию, которая, по имеющимся у нас сведениям, резко протестовала против принятого Оргкомитетом порядка вплоть до выхода профессора Францева из состава Президиума и ухода его со съезда»²⁰.

К сожалению, обоюдовраждебная идеология воздвигла непреодолимые барьеры в общении отечественных славистов, помешав плодотворному обсуждению научных проблем, что проявилось на съезде в довольно курьезном виде. На вопрос из зала на упомянутой пресс-конференции: «Были ли столкновения с белоэмигрантами?» Державин ответил: «В общем представители белогвардейской эмиграции держали себя на съезде деликатно и очень осторожно. Многие из них нам были знакомы, например, я знаком с Погодиным, с которым я встречался еще у Шахматова, был там Погорелов, крупнейший наш славяновед, и целый ряд других. Если кто-нибудь подходил, мы здоровались и отвечали на деликатность деликатностью. Никаких острых вопросов никогда никто не позволял ставить, так что в этом отношении все было очень хорошо»²¹.

Как ученый Н.С. Державин отчетливо понимал необходимость поддержания научных контактов для развития отечественного славяноведения, преодоления его отставания от европейской науки, для жизнедеятельности организуемого им тогда Института славяноведения АН СССР. И все же он исключал из сферы научного общения по идейно-политическим соображениям своих коллег из эмиграции, весьма квалифицированных специалистов в области славяноведения. Надо сказать, что и они платили ученым СССР той же монетой, настаивая на полной изоляции советской науки. Так А.В. Флоровский в писал В.А. Францеву 30 декабря 1934 г.: «В Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран представлена русская историческая наука только эмигрантами... В основу и этой федерации положен принцип государственного представительства, но организаторы федерации... пошли навстречу тем аргументам, которые были выдвинуты... Русским историческим обществом и признали основательным признание русской исторической науки раздвоенно на науку советскую и свободную – эмигрантскую. Правда, я склонен думать, что именно вследствие такого решения в состав федерации не вошли советские исторические организации. Но это ведь не может быть препятствием, напротив, хорошо было бы, если бы русская наука и вообще была представлена именно эмиграцией, поскольку в Советской России отсутствует свобода научного исследования и господствует режим духовного гнета. Наконец, далее, что в состав комитета съездов славянских классических филологов входит также представитель русской эмигрантской науки»²².

Надо признать – идеологические барьеры все же прорывали постоянные научные контакты российских славистов «старой школы» со своими коллегами в эмиграции. Об этом свидетельствует дошедшая до нас многочисленная и до-

вольно интенсивная переписка, преодолевавшая идеологические догматы и границы. И здесь тоже проявляется определенная закономерность: ее поддерживали, с советской стороны, главным образом, ученые старшего поколения, более или менее лояльные к новой власти, но так и не принявшие марксистскую методологию. В переписке участвовали Е.Ф. Карский, Б.М. Ляпунов, Г.А. Ильинский, М.Н. Сперанский, А.И. Соболевский, В.И. Срезневский, П.А. Лавров, В.Н. Щерба, В.С. Иконников и др. Из Чехословакии им отвечали В.А. Францев, Н.П. Кондаков, А.В. Флоровский, С.Г. Вилинский, П.Н. Савицкий, А.Л. Петров, Р.О. Якобсон, П.Г. Богатырев, Е.Ю. Перфецкий, В.А. Погорелов, Ю.А. Яворский и др.

Перечисленные фамилии только небольшая вершина огромного айсберга, глубины которого еще предстоит исследовать. Переписка ученых является важным источником по истории отечественного славяноведения. В этих письмах слависты делились порой самым сокровенным — своими выстраданными научными планами и размышлениями, сообщали о выходе важных научных трудов, о прошедших конференциях и заседаниях, о закулисье научной жизни, своих жизненных тяготах и пр. Порой очень откровенно они писали о своем негативном отношении к новой власти, гонениях и репрессиях, о «вывертах» марксистской теории в виде, например, марризма.

Письма славистов — живая история славяноведения XX в. со всеми ее закулисными страстиами, приоткрывающая дверь в научную лабораторию ученых. Кроме того, они служили весомой моральной поддержкой в по-своему трудных обстоятельствах развития науки в обеих странах.

С другой стороны, «советские» академики, как правило, воздерживались от контактов с российским зарубежьем. И потому многие письма эмигрантов остались без ответа. Характерный пример. П.Н. Савицкий предпринял в 1927–1928 гг. широкую рассылку книг Г.В. Вернадского «Начертания русской истории» и своей «Географические особенности России» (обе изданы в 1927 г. в Праге) коллегам в Европе и Америке. Посыпал их и в СССР, прежде всего, Н.С. Державину и Б.Д. Грекову. Но ответа так и не получил. Однако откликнулись другие весьма почтенные ученые С.Ф. Платонов, Ф.И. Успенский, С.А. Жебелев, В.П. Семенов-Тян-Шанский и др.²³

Таким образом, отношения российской эмиграции в Чехословакии со своими коллегами в СССР складывались очень не просто. Опускающийся железный занавес поставил серьезные препятствия на пути научного общения. Тем не менее контакты, главным образом, на уровне переписки и обмена книгами про-

должались. Ученые старшего поколения, оставшиеся во многом единомышленниками своих коллег из эмиграции в научных и политических вопросах, в скрытом и явном неприятии Советской власти и отвращении к конъюнктуре, не утратили общего языка для общения. Что касается «советских», политически ангажированных ученых, принявших «условия игры» новой власти, то они демонстративно отказывались от контактов с эмигрантами, впрочем, и другая сторона не стремилась к их установлению. Все это, безусловно, можно назвать негативным фактором в развитии славяноведения межвоенного периода.

Примечания

- ¹ Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословакской республике (20–30-е годы). М., 1995 и др.
- ² Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004 и др.
- ³ Подробнее см.: Досталь М.Ю. Печатные источники для изучения истории славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х гг. XX в. Сборник статей и материалов. М., 1992. С. 38–52; Она же. Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В.Ф. Булгакова (по новым архивным данным) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы проведенных исследований: Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 1995. Т. 2. С. 548–556; Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. Русская ученая академия в Праге в годы Второй мировой войны // Славяноведение. 2001. № 4. С. 31–54 и др.
- ⁴ Подробнее см.: Досталь М.Ю. Российские слависты-эмигранты в Братиславе // Славяноведение. 1993. № 4. С. 49–62 и др.
- ⁵ Цит. по: Досталь М.Ю. Е.Ф. Карский в годы «советизации» Академии наук // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. М., 1995. Т. 54. № 3. С. 79.
- ⁶ Сладек З. (Чиняева Е.В.) Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «Русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 31.
- ⁷ Цит. по: Досталь М.Ю. Е.Ф. Карский в годы «советизации» Академии наук. С. 18.
- ⁸ Подробнее см.: Робинсон М.А., Досталь М.Ю. Переписка Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева // Славяноведение. 1994. № 4. С. 69–91; Баран Х., Душечкина Е.В. Письма П.Г. Богатырева Р.О. Якобсону // Славяноведение. 1997. № 5. С. 67–99; Досталь М.Ю., Робинсон М.А. Письма Р.О. Якобсона М.Н. Сперанскому и Л.В. Щербе // Известия ОЛЯ. М., 1995. Т. 54. № 6. С. 63–71; Kopřivová A. Petr Grigorjevič Bogatyrěv – jiný pohled (několik biografických poznámek) // Česká literatura. 2004. № 52. S. 510–519.
- ⁹ Досталь М.Ю. П.Г. Богатырев в Чехословакии в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1998. № 4. С. 35.

- ¹⁰ Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. А.Л. Петров и его научные славистические поездки 1920-х годов. Из писем и документов русских и чешских архивов // Переписка славистов как исторический источник. Тверь, 1995. С. 100–101; 114–115.
- ¹¹ Карский Е.Ф. Отчет о командировке с научной целью за границу на летние месяцы академика Е.Ф. Карского. Л., 1926. С. 45.
- ¹² Карский Е.Ф. Отчет о командировке на первый съезд славянских географов и этнографов в Праге в 1924 г. Л., 1926. С. 38.
- ¹³ Досталь М.Ю. Е.Ф. Карский в годы «советизации» Академии наук. С. 77–82.
- ¹⁴ ПФА РАН. Ф. 284. Оп. 3. Д. 154. Л. 15. – Письмо Ю. Поливки П.А. Лаврову от 22 мая 1927 г.
- ¹⁵ Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 249. Л. 3. – Письмо Ю. Поливки Б.М. Ляпунову от 17 июля 1931 г.
- ¹⁶ Там же. Ф. 827. Оп. 3. Д. 246. Л. 199.
- ¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 632. Л. 1. Ныне статья находится в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге.
- ¹⁸ Там же. Оп. 3. Д. 249. Л. 144.
- ¹⁹ Там же. Д. 246. Л. 115.
- ²⁰ Там же. Л. 145.
- ²¹ Там же. Л. 199.
- ²² Досталь М.Ю. Из переписки В.А. Францева (Письмо В.А. Францева В.С. Иконникову, письма А.В. Флоровского В.А. Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 105.
- ²³ Archiv Slovenské knihovny. Fond P.N. Savického III / 60, 61.

Владимир Вавржинек
(Прага)

Участие российских византинистов и славистов в сборнике «Byzantinoslavica» в межвоенный период

25 января 1922 г. парламент Чехословакии издал закон, учреждающий Славянский институт (СИ) в Праге, начавший, однако, по различным административным и организационным причинам свою работу лишь через несколько лет – в 1928 г. Инициатива основания Славянского института принадлежала Президенту Чехословацкой республики Т.Г. Масарiku, интересующемуся проблематикой славянского мира и, особенно, России, знающего о ней не только по научным трудам, но и благодаря личному опыту. Доказательством тому служит его книга «Россия и Европа». Масарик на основе собственных впечатлений пришел к выводу, что невозможно понять особенности развития России без изучения влиявших на ее культуру в течение столетий византийских традиций. Именно по инициативе Масарика в научную программу Славянского института были включены исследования по истории Византии и византийско-славянских отношений. В русле его замысла была и организация Византиноведческой комиссии.

Чешская византистика предшествующего основанию СИ периода не могла опираться на собственные традиции, как это было в иных научных центрах. Несмотря на это, она могла гордиться именами некоторых знаменитых ученых. Так, Константин Иречек был известен своими исследованиями, посвященными отношениям Византии и южных славян. Работая в Вене, он был профессором университета и даже политиком – членом австрийского правительства в ранге министра, правда, весьма недолговременно. Другой чешский ученый, Карел Шкорпил, стал одним из основоположников болгарской археологии.

Кафедра всеобщей истории с акцентом на изучение истории восточных славян и Византии была основана в Карловом университете лишь в конце XIX в. Ее первым профессором являлся Я. Бидло.

Новым и принципиальным толчком для развития византистики в Чехословакии послужил приезд русских ученых и, в частности, академика Н.П. Кондакова, эмигрировавших из России после революции. Их прибытие и пребывание в ЧСР стало возможным в связи с так называемой «Русской акцией» – программой помощи, организованной чешским правительством. Несмотря на свой почтенный возраст, Кондаков был назначен профессором Карлова университета. После смерти академика в 1925 г. группа его учени-

ков и продолжателей основала научное общество под названием «Семинариум Кондаковианум» и начала издавать ежегодный сборник. Первый его номер был посвящен Н.П. Кондакову и вышел в свет в 1926 г. Деятельность общества, преобразованного позднее в Археологический институт имени Н.П. Кондакова, была разносторонней и интенсивной. В силу разных причин группа византинистов оставалась абсолютно самостоятельным организмом, так никогда и не слившимся с чешским научным миром.

После основания Византиноведческой комиссии в Славянском институте возник вопрос о ее взаимоотношениях с Кондаковским семинарием. На уровне правительственные кругов появились предложения слить эти два центра воедино. Из-за несогласия сторон было решено сохранить независимость, но установить сотрудничество. Поэтому в члены Византиноведческой комиссии были приглашены председатель Семинария профессор А.П. Калитинский и научный секретарь Семинария Н.М. Беляев. В 1928 г. членом Славянского института стал еще один русский эмигрант — профессор Н.Л. Окунев, занявший место Н.П. Кондакова в Карловом университете.

Главной целью Византиноведческой комиссии стало ежегодное издание сборника «Бизантиославика», посвященного проблемам византийско-славянских отношений. Ответственным редактором журнала и его душой стал профессор М. Вейнгарт, подготовивший и издавший двухтомную монографию «Славянские переводы византийских хроник» (Братислава, 1923), напечатанную, к сожалению, только на чешском языке. Этот ученый, несмотря на свою молодость сразу же вошел в число известных чешских палеославистов.

Специализация М. Вейнгарта предопределила и характер журнала «Бизантиославика». В предисловии редакционный совет поставил его целью, прежде всего, целенаправленное изучение византийско-славянских отношений, исследуемых всесторонне, т. е. в областях церковной и политической истории, в литературе и языке, в истории права, истории искусства и в этнографии.

Анализ содержания первых восьми номеров, подготовленных к изданию в межвоенный период, показывает, что редакция старалась придерживаться заданной программы. Очевиден, однако, факт, что статьи филологического характера, лингвистические и литературоведческие, в журнале преобладали.

Когда Византиноведческая комиссия Славянского института в апреле 1928 г. приняла решение об издании журнала «Бизантиославика», она еще не могла знать, что в этом году выйдет последний номер «Византийского временника» — интереснейшего русского сборника, занимавшего с момента основания в 1894 г. заслуженное место в мировой византинистике. Журнал

* Журнал возобновлен в 1947 г. (Прим. ред.)

«Бизантинославика», в связи с закрытием «Византийского временника», вступил в европейскую византологию в качестве периодического издания, представляющего исследования славянских ученых в области византинистики. Основатели сборника обратились во все крупные центры византинистики с приглашением к сотрудничеству. Проявившийся особенный интерес к славянским ученым состоял в том, что в предисловии к первому номеру редакция заявила: в журнале будут публиковаться статьи, рецензии, сообщения на всех славянских языках и все указанные статьи будут сопровождены кратким резюме по-немецки и по-французски.

Обращение к традициям «Византийского временника» в первом номере журнала «Бизантинославика» символически выразилось в опубликовании большой статьи главного редактора М. Вейнгарта, посвященной жизни и научному творчеству главного сотрудника «Византийского временника» Федора Ивановича Успенского, умершего незадолго до того и явившегося, кроме всего прочего, заграничным членом Чешской академии наук и искусств. Статья Вейнгарта была, в сущности, расширенным вариантом речи, произнесенной ученым на собрании, посвященном памяти Успенского в Славянском семинаре Карлова университета, на котором выступили также А.П. Калитинский, Н.Л. Окунев и Г.А. Острогорский.

Из 11 статей, опубликованных в первом номере журнала «Бизантинославика», пять, что составляло почти половину, принадлежали русским авторам. Из них трое проживали в СССР, двое – в Праге. Из советских византинистов авторами выступили известные ученые Г.А. Ильинский и Н.Н. Дурново. Последний провел несколько лет в Чехословакии, а позднее работал в Минске. Из русских византинистов, проживающих в Праге, в первом номере опубликовал свое исследование член редакционного совета Н.Л. Окунев. В нем автор впервые и подробно проанализировал состав росписи храма в Сопочанах в Сербии. Статья сопровождалась богатым иллюстративным материалом. Со статьей о древнем памятнике – перстне из Варны выступила византинистка М.А. Андреева, русская эмигрантка, член Археологического института имени Н.П. Кондакова, оставшаяся постоянной сотрудницей журнала «Бизантинославика» до Второй мировой войны, во время которой она загадочно исчезла из поля зрения коллег. Редакционный совет журнала в отделе рецензий уделял серьезное внимание работам русских коллег, публиковавшимся как в СССР, так и на Западе.

Во втором номере количество авторов журнала «Бизантинославика» значительно расширилось. Из его 18 статей 11 принадлежали русским ученым, четверо из которых были славистами, работавшими в СССР. Кроме упоминавшихся выше Ильинского и Дурново это были академик М.Н. Сперанский и Ф.В. Ржига из Москвы (его фамилия ясно говорит о

ческом присхождении). Из русских византинистов, живших в Праге, в этом номере снова печатались Н.Л. Окунев и М.А. Андреева, опубликовавшая первую часть своей объемной и полной открытых монографии «Политический и общественный элемент византийско-славянских гадательных книг», где предложила для изучения общественных отношений в Византии новый тип источников. (Вторая часть вышла в следующем номере.) Член Кондаковского института Н.М. Беляев, которому принадлежит заслуга в издании 4-томного посмертного труда Н.П. Кондакова «Русская икона», предложил вниманию читателя свое исследование об Образе Богоматери Пелагонитиссы. Работавший в Братиславе В.А. Погорелов посвятил свой труд формам греческих слов в Кирилло-Мефодиевском переводе Евангелия. Из русских эмигрантов, проживавших в иных государствах, наиболее известен был Н.С. Трубецкой из Вены, который, как и Дурново, размышлял в статье о проблемах мюнхенской рукописи славянского абecedария. В Белграде проживал А.В. Соловьев, приславший во второй номер журнала «Бизантинославика» статью «Греческие архонты в сербском царстве XIV века».

Подобная картина наблюдается и в третьем номере сборника, вышедшем из печати в 1931 г. Дурново и Ильинский в нем продолжают дискуссию о происхождении славянских алфавитов, из вышеназванных ученых здесь вновь появляются имена М.Н. Сперанского и Н. Шестакова, к новым авторам относятся Н. Попов из Москвы и В.М. Истрин из Ленинграда. Истрин, Сперанский, Ржига публикуют свои статьи и в четвертой книжке сборника, где фамилии Дурново и Ильинского уже нет.

В пятом номере, увидевшем свет в 1934 г. по финансовым причинам с двухлетним опозданием, нет уже ни одного материала, принадлежавшего ученым из СССР. Вины редакции в этом не было, причиной послужили политические процессы в Советском Союзе, репрессии и преследования ученых. В журнале «Бизантинославика» сложилась ситуация, подобная произошедшему в сборнике «Семинариум Кондаковианум» несколько раньше, в 1928 г. Так называемое «дело Жебслева» завершило сотрудничество советских ученых с коллегами в ЧСР. По «делу славистов» в 1934 г. проходили Дурново и Ильинский, отправленные в лагеря и позднее расстрелянные*.

В следующих номерах имена советских ученых появляются исключительно редко. В шестой книжке, вышедшей за 1935–1936 гг. Ржига выступает с сообщением о неизданных сочинениях Максима Грека. В седьмом номере, последнем из изданных до начала Второй мировой войны, присутствуют статьи В. Вальденберга из Ленинграда и А. Седельникова из Москвы.

* Подробнее см.: Ашинин Ф.Д., Аллатов В.М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994. (Прим. ред.)

Из русских авторов, проживавших в Праге, постоянно печатался в сборнике Н.Л. Окунев, публиковавший большие статьи, посвященные памятникам сербского средневекового искусства, и М.А. Андреева, завершившая исследование о гадательных книгах и занимавшаяся вопросами экономической истории, а также принимавшая участие в дискуссии о значении понятия «Восточная Европа».

Отдел рецензий журнала отвечал общим тенденциям, определявшим концепцию сборника «Бизантиославика». Со второго номера этому отделу уделяется особое внимание. Количество публиковавшихся рецензий в некоторых номерах равняется нескольким десяткам, их тематические рамки намного шире, чем в отделе исследований. Во втором номере, вместе с рецензируемыми работами западных авторов, публиковались и отдельные отзывы о трудах русских ученых, проживавших как в СССР, так и в эмиграции (не только в ЧСР, но и в иных странах). Рецензентом из СССР был только один ученый – Г.А. Ильинский. В третьем номере ситуация существенно меняется – кроме нескольких исключений, здесь представлены рецензии на работы наиболее известных русских и украинских исследователей, живших и публиковавшихся за границей. К их числу относятся Г. Острогорский, А. Васильев, И. Огиенко. Рецензентами являлись чешские ученые Й. Мысливец, Й. Фрчек, Я. Бидло и русские сотрудники журнала, эмигранты Н. Окунев, М. Андреева.

Роль М.А. Андреевой в редактировании сборника велика, она занималась подготовкой именно библиографического отдела. Библиография научной литературы, посвященной византиноведению, появилась в третьем номере, где она занимала только 17 страниц. Постепенно разрастаясь, в последнем, седьмом номере журнала, изданном до войны, библиография располагалась уже на 114 страницах. Данный раздел редактировал М. Вейнгарт, однако же большинство информативных сообщений, а в последние три года почти все, принадлежали перу М.А. Андреевой.

В заключение мы можем сказать, что журнал «Бизантиославика» сыграл, особенно в течение первых лет своего существования, исключительно важную роль в пропагандировании русской византистики. Если и можно констатировать ослабление этой тенденции во второй половине 1930-х годов, то связана она была с культурно-политической ситуацией в СССР и сложностью, а часто и невозможностью поддерживать связи с коллегами из СССР (речь идет о выше упомянутом «деле славистов»). При характеристике работы редакции журнала необходимо упомянуть и факт наличия в Праге еще одного периодического издания – им являлся вышеназванный сборник «Семинариум Кондаковианум», редактируемый русскими учеными-эмигрантами и активно публиковавший работы своих коллег из других

стран. Деятельность основателей журнала «Бизантинославика», в том числе и отношение их к русской науке, безусловно заслуживает большого признания.

Я лично имел честь свыше 30 лет, начиная с 1969 г., редактировать журнал «Бизантинославика». Эти годы были тяжелыми, поскольку, в результате оккупации Чехословакии в августе 1968 г., ухудшились взаимоотношения между народами Чехословакии и СССР. Несмотря на политическую обстановку, мы старались поддерживать и развивать традиции наших предшественников. В каждом из 30 вышедших номеров можно найти минимум одну, а чаще более, статей русских коллег. Библиография журнала считалась нашими западными коллегами «мостом» между восточной и западной византизией. Из нее ученые Запада могли на своих родных языках узнать о том, что издается и делается в науке «восточной половины» разделенного мира. Это было возможно благодаря работе А.П. Каждана, а, позднее и его учеников И. Чичурова, М. Бибикова и многих других. Надеюсь, что молодое поколение, которому я передал редактирование журнала, будет продолжать развивать традиции, заложенные основателями сборника.

Ю.Н. Емельянов
(Москва)

К истории русско-чешского научного сотрудничества: издания Русского народного (свободного) университета в Праге

Русская эмиграция, особенно ее первая послереволюционная волна – это сложное социально-политическое явление глобального значения, единственный в своем роде массовый исход целых сообществ людей, не желавших подчиняться новому порядку, «всеобщему коммунистическому братству». Прежде всего, это был отток с родины наиболее интеллигентной части общества прежней России – крупных ученых, философов, деятелей культуры. В эмиграции они создавали ценности, явившиеся достижениями не только западноевропейской, но и русской науки, техники и культуры.

Изучение историографии Русского Зарубежья сделало существенный шаг в последнее время, когда появился целый ряд исследований, посвященных тому или иному историку, а также определенному политическому направлению или общей характеристике состояния российской эмигрантской исторической науки в целом.

Историки, покинувшие Россию, внесли важный вклад в изучение истории, культуры, литературы, науки Чехословакии, страны, где они нашли приют и возможность продолжать свои научные изыскания. А.В. Флоровский, выступая в сентябре 1930 г. в Софии на V съезде Русских академических организаций за границей, отмечал, что в эмиграции активно разрабатываются проблемы межславянских и, прежде всего, русско-чешских связей¹.

Прага стала интеллектуальным центром Русского Зарубежья, где сосредоточилась значительная часть его элиты, прежде всего научной, и не без основания ее именовали «Русским Оксфордом» или «Русскими Афинами». Еще в 1921 г. П.Б. Струве писал о том, что намеревался создать в Праге «до падения большевиков центр русской зарубежной академической и учено-учебной жизни». Этому способствовал целый ряд обстоятельств и, прежде всего, так называемая «Русская акция» чешского правительства, выделившего значительные средства на поддержку русской науки и просвещения. В результате научная и культурная деятельность эмигрантов из России успешно развивалась, что способствовало, в свою очередь, их интеграции в научную и культурную жизнь Чехословацкой республики и плодотворному сотрудничеству научных деятелей эмиграции с чешскими коллегами. Вклад русских ученых в различные сферы культурной и научной жизни Чехословакии был достаточно весомым². Так, А.В.Флоровский подчеркивал, что в эмиграции «особенно

значительно по внутреннему смыслу работ представлена наука славяноведения»³.

Интерес русских ученых к чешской и словацкой истории, культуре и литературе был реализован во многих исследованиях. Особенно продуктивно в этом направлении работал Русский народный (свободный) университет в Праге (Русская ученая академия) в 1925 – 1945 гг. Деятельность университета в значительной степени освещена в ряде научных исследований⁴. В университете функционировали пять отделений, что нашло отражение и в структуре его «Научных трудов», а затем, с 1933 г., и «Записок». Назовем эти отделения: 1) общественные науки (Н.С. Тимашев и П.Н. Савицкий), 2) историко-филологические (А.А. Кизеветтер), 3) математические и естественные (Н.М. Могилянский), 4) философские науки (И.И. Лапшин); пятым значилось отделение по изучению Чехословакии. Русский народный университет с первых шагов своего существования поставил своей целью, наряду с учебной и научно-просветительской деятельностью, содействовать культурному сближению русского и чешского народов. В результате и было создано названное выше пятое отделение, публикации которого знакомили русских читателей с главнейшими явлениями истории, культуры, государственного устройства и общественной жизни страны, где обеспечивались более или менее приемлемые условия для нормальной научной деятельности русских беженцев. Руководителем отделения был назначен Иржи Поливка (1858–1933), известный чешский филолог-славист, историк литературы, профессор Карлова университета, председатель правления Чешско-русского объединения «Еднота», председатель Комитета русской книги. По предложению М.М. Новикова, ректора РНУ, подавляющая часть статей печаталась на русском и чешском языках, а позднее – на немецком, английском и французском.

Начиная с первого тома (Прага, 1928) «Научные труды» публикуют статью И. Поливки «Заметки о стиле русских сказок»⁵ (на чешском языке), а также статьи русского юриста Александра Александровича Вилкова (1872–1958) о бюджете Чехословацкой республики⁶ и известного экономиста и общественного деятеля Сергея Семеновича Маслова (1887 – не ранее мая 1945) о кооперативном движении в Чехословакии⁷. И. Поливка в небольшом извлечении из своей книги «Славянские сказки» делает ряд интересных наблюдений над стилем русских сказок, которые, по его мнению, «по своей художественной конструкции не только превосходят остальные славянские сказки, но и составляют едва ли не единственное явление в мировой сказочной литературе»⁸. Необходимо заметить, что «славистические интересы» Поливки были необычайно широки и, как отмечал русский славист Л. В. Копецкий, он был «продолжателем традиций Добрковского»⁹.

Во втором томе «Научных трудов» (Прага, 1929) помещено уже пять статей русских авторов по чешской тематике. Шестая статья о героических пер-

сонажах славянских преданий (на чешском языке), принадлежит И. Поливке¹⁰. Среди других авторов значатся имена известного русского юриста Александра Васильевича Маклекова (1884–1948) – «Идейные основы реформы уголовного права в Чехословакии» (С. 334–353), И. Волошина – статья о климате в Верхних Татрах (С. 367–381). Русский философ Иван Иванович Лапшин (1870–1952) выступил с эссе, посвященным памяти известного чешского философа Карла Веревки (С. 354–366). Михаил Михайлович Новиков (1876–1960) начал публикацию серии статей о деятельности Яна Эвангелиста Пуркине (1787–1869), известного чешского естествоиспытателя, о его связях с русскими академическими кругами (С. 326–333).

Особо следует остановиться на активном участии в «Научных трудах» и «Записках» выдающегося русского историка Антона Васильевича Флоровского (1888–1968), высланного в 1922 г. из Советской России. Ряд его работ посвящен преимущественно русско-чешским историческим и культурным связям. Так, в статье «Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси»¹¹ им освещаются истоки русско-чешских связей, осуществлявшихся через известный Сазавский монастырь. Автор говорит о том, что русский Восток всегда «соучаствовал» в почитании этого деятеля чешской истории. Имя Вячеслава (Вацлава) вошло в круг «чтимых русским церковным сознанием святых» и стало в русских святыцах рядом с именами Бориса и Глеба, «обретших, как и св. Вячеслав, «мученический венец от руки братоубийственной»¹². Автор устанавливает, что «мученический» подвиг св. Вячеслава стал не только постоянной принадлежностью «чтимых» на Руси книг и сборников, но даже и объектом «обработки» «собственной русской литературой»¹³. Сазавский монастырь св. Прокопия просуществовал недолго, с 1033 по 1096 г., но сумел за этот короткий срок стать средоточием славянской церковной традиции, и есть все основания говорить о культурном общении между Русью и Чехией при его посредничестве. Анализ имеющихся данных дает возможность автору сделать вывод, что именно в XI в., от основания монастыря, вплоть до изгнания из него славянских монахов, и могла произойти передача на Русь жития св. Вячеслава. Само же житие, по всей вероятности, было составлено в X в., что подтверждается авторским анализом Сазавской летописи.

Передача жития, как замечает Флоровский, могла произойти благодаря тому немаловажному обстоятельству, что в последнее десятилетие существования монастыря налаживаются интенсивные связи «между Русью св. Владимира и Чехией»¹⁴. Но решающую роль сыграл фактор «принципиального церковного единства всего христианского мира», когда и Русь и Чехия были связаны единым «религиозным сознанием»¹⁵. В это же время в монастыре хранились реликвии русских святых Бориса и Глеба, что подтверждается опять же сведениями монастырской летописи.

Истоки русско-чешских связей прослежены А.В. Флоровским в докладе, прочитанном им на IV съезде Русских академических организаций за границей, в котором освещено пребывание русских студентов в университетах Чехии в Средние века. Тезисы доклада были опубликованы в «Трудах» съезда¹⁶. Автор приводит указания источников XV–XVII вв. на присутствие русских студентов в университете в Праге и на богословском факультете и в папском альмоме в Оломоуце, отмечая, что они были выходцами из Южной и Западной Руси.

Что касается сведений о других русских студентах в Карловом университете в Праге, то они, как правило, общего характера, например, содержащиеся в речи профессора Андрея из Брод. Об этом говорят и конкретные указания матрикул отдельных факультетов. Но, как полагает автор, здесь следует проявлять особую осторожность. Например, в основанной в 1397 г. в Праге польской королевской Ядвигой Коллегии для студентов из Литвы и соседних стран не было русских студентов.

Русские студенты находились в Оломоуце в XVI–XVII вв., как по своему желанию, так и по предписаниям церковных, прежде всего, католических властей с целью внедрения в русскую среду католической веры. Об этом, в частности, писал в 1581 г. Антонио Поссевин, который отмечал, между прочим, что именно Прага и Оломоуц стали тем местом, где «русские из Московии» усваивают науки «в католическом духе». Родство русского и чешского языков облегчало учебный процесс. Русские студенты появились в Оломоуце уже в 1579 г., а в XVII в. они уже были не редкостью в городе. Так, здесь учились философии Варлаам Ясинский, ставший в 1690 г. киевским митрополитом, а также «пришедший из Московии» Палладий Роговский, впоследствии преподаватель Московской духовной академии. Этот процесс усилился в начале XVIII в., когда в числе русских студентов были учащиеся Славяно-греко-латинской академии.

По утверждению Флоровского, учеба русских студентов в центрах чешского просветительства способствовала последующему развитию русско-чешского общения в сфере науки и культуры. И, скорее всего, именно «русские студенты были одними из посредников в перенесении на русскую почву произведений чешской повествовательной и научной литературы»¹⁷.

Интересны по своей тематике публикации третьего и четвертого томов «Научных трудов», посвященных истории, экономике и науке Чехословакии.

Третий том был приурочен к 80-летию Т.Г. Масарика, первого Президента ЧСР и открывается статьей «Национальное возрождение Чехии» выдающегося русского историка Александра Александровича Кизеветтера (1866–1933).

История страны, по замечанию русского историка, «полнна драматизма, волнующего и поучительного», когда чешский народ подвергался давлению «суворой судьбы», порой казалось, что «все складывалось тогда против него».

И, тем не менее, вопреки всем невзгодам, «ярче вспыхивала в душе этого народа неиссякаемая *воля к жизни*», которая порождала «неистребимое влечение к свободному и независимому национальному самоопределению»¹⁸.

Кизеветтер намечает основные этапы чешской истории – от правления св. Вацлава начала X в. до Яна Гуса и последующего развития гуситского движения (XV в.). Это была та эпоха в истории Чехии, когда «ярко проявилось торжество народного духа над превратностями исторических судеб»¹⁹.

Поражение у Белой Горы (1620 г.) наложило, пишет Кизеветтер, «могильную каменную плиту на национальном быте чешского народа», когда антиславянская политика австрийских Габсбургов «стремилась выжечь до тла национальное сознание в чешском народе, превратить душу народа в пепел»²⁰. Началось гонение на чешскую речь, литературу, действовала система насилиственного подавления чешской народности. Все это не могло не вызвать ожесточенное сопротивление, что нашло свое выражение в подъеме общественного самосознания.

Наступивший XIX век был ознаменован появлением целого ряда выдающихся чешских филологов. Именно в области литературы и начинается чешское Возрождение. Выход научной грамматики чешского языка Йозефа Добровского (1753–1829) рассматривался современниками, по замечанию исследователя, как «отмщение за Белую Гору». Кизеветтер солидарен с выводом Добровского, что «язык народа есть результат и показатель умственной и моральной силы народного духа». Филологические изыскания Добровского приобрели «политическое значение» и получили поддержку от императорской Академии наук в России²¹.

Характеристики ученого последователей Добровского, деятелей чешского Возрождения, отмечены пониманием их большого вклада в науку и общественную практику. Так, Иосиф Юнгманн (1773–1847) был «душою умственной жизни Чехии»²², а в творчестве Яна Коллара (1793–1832) чешский патриотизм был развернут «до пределов поэтического панславизма»²³. Эта традиция, по замечанию Кизеветтера, в скором будущем была продолжена Шафариком.

Автор четко фиксирует, что «блестящие достижения чешских патриотов на поприще литературного и научно-исследовательского творчества в начале XIX ст. высоко поднимали национальное настроение в чешских общественных кругах»²⁴. Это явилось следствием того, что культурная работа и политическая борьба развивались параллельно и в тесном взаимодействии.

Любопытная деталь: подобная характеристика была дана в свое время и Б.Н. Чичериным, писавшим, что национальное возрождение «маленького» чешского народа оформилось не в народных массах, но благодаря деятельности довольно небольшого круга «просвещенных литераторов и ученых» – они «зажгли светоч, озаривший самые глубокие слои и соединивший всех около общего знамени»²⁵.

Углубление процесса национального возрождения привело к созданию в 1818 г. Национального музея. Его автор называл средоточием пропаганды национальной чешской культуры. По настоянию Юнгмана при Музее формируется Общество по сохранению и улучшению чешского языка. В 1831 г. возникает «Чешская Матица» – общество, предназначенное для издания научных книг и произведений чешских писателей. Вскоре оформилась идея создания Чешского национального театра.

Именно в это время чешское общество выдвинуло из своих рядов крупнейших деятелей эпохи, которые «по складу своей натуры, своих дарований и своих духовных влечений были как бы предназначены, чтобы быть соединительным звеном между двумя задачами – культурного возрождения и политической борьбы»²⁶. Франтишек Палацкий (1798–1876), как раз и был «соединительным звеном» при решении двух задач: «культурного возрождения и политической борьбы». Он написал национальную историю Чехии, «согретую огнем патриотического чувства». Это произведение, по замечанию Кизеветтера, стало одновременно и «крупным фактом европейской научной историографии» и «великолепным памятником чешского национального духа»²⁷.

Политическая самостоятельность была достигнута лишь после раз渲ала Австро-Венгерской империи. Но, как замечает Кизеветтер, обретение ее не было «случайным подарком благосклонной судьбы», а явилось «заслуженным итогом упорных усилий предшествующих поколений»²⁸.

Позже А.В. Флоровский, оценивая данную работу, скажет, что этот очерк, написан по готовым историческим прорисям, но под пером Александра Александровича он приобрел полную выразительность и яркость»²⁹.

Более подробно о личности Палацкого, его общественно-политической и научной деятельности Кизеветтер высказался в другой специальной статье³⁰. Анализируя только что вышедшее исследование чешского историка Й. Пекаржа о Палацком, автор существенно дополняет и уточняет оценку заслуг Палацкого. Характеристика Кизеветтера «одного из виднейших вождей духовного возрождения Чехии», память о котором «дорога и для всего славянского мира»³¹, не только для чехов, была попыткой нарисовать портрет незаурядного ученого и выдающегося общественно-политического деятеля. Автору удалось показать противоречивость этой фигуры, избегавшей крайностей как в науке, так и в политике.

Кизеветтер особо отмечает, что «национализм» Палацкого «никогда не облекался... в форму фанатической исключительности». Его увлечениям идеями «политической свободы и народоправства» была свойственна «обдуманная и спокойная оценка реального положения вещей». Палацкий при этом высказывал мысль, что первоочередной задачей является отстаивание национальной самостоятельности в области, прежде всего, «культурных благ». Что

же касается политических устремлений нации, то это вторичная задача, ибо в данных обстоятельствах они могут потерпеть «крушение»³².

Характеризуя исторические взгляды Палацкого, Кизеветтер указывает, что на них повлияла и историческая концепция Карамзина. Чешский ученый Палацкий рассматривал историю, как «наставницу мудрости и нравственности», по его мнению, историк должен обладать умением «постичь дух народов и исторических эпох, и эти взгляды отразились в трактате о теоретических основах исторической науки³³.

Самая же главная заслуга Палацкого состоит в том, что он «выступил в роли национального историка Чехии», создав научную историю нации³⁴. Им при этом была проделана колоссальная работа по критическому анализу источников и основных фактов чешской истории: «Он привел в движение и пустил в научный оборот громадное количество нового материала, поставил ряд новых вопросов, бросил новый свет на целые эпохи, словом, дал сильнейший толчок работе критической мысли в области изучения истории Чехии»³⁵. В итоге, автор «Истории» – это не только создатель памятника национальной чешской культуры, но и «прекрасный факт развития чешской историографии»³⁶.

Занятия Палацкого историей, бесспорно, определялись его политической деятельностью, он рассматривал свои исторические исследования, как «служение общественно-народным интересам»³⁷.

Кизеветтер, анализируя «изгибы» общественно-политической деятельности Палацкого, указывает, что тот, будучи «реальным политиком» считал необходимым изменять свои прежние политические позиции и методы в зависимости от изменения политической обстановки. Незыблемым оставалось одно – стремление к национальному самоопределению славянства, к политической свободе, при которой «сословный государственный строй должен уступить место развитию бессословной демократии»³⁸.

Особо останавливается Кизеветтер на характеристике программы Палацкого, озвученной им во Франкфуртском парламенте: первый ее пункт – право славянских народов на независимость своего национального существования, при отрицании всех пополновений «немецкого централизма». Второе условие – Чехия лучше всего и скорее всего сможет закрепить свое национальное самоопределение лишь в составе Австрии, которую Палацкий склонен был рассматривать как «совокупность свободно самоопределяющихся в ее пределах народностей». Как замечает Кизеветтер, «австрофильство» Палацкого при этом не сопровождалось какими-либо уступками в деле отстаивания славянской идеи, оно диктовалось не принципиальными, а тактическими соображениями³⁹. Будучи «реальным политиком», Палацкий не рассматривал возможность существования Чехии как самостоятельного государства. Но вся последующая его политическая деятельность – это история постепенного крушения

австрофильской позиции Палацкого, от которой он окончательно отходит в 1870-е годы, когда прямо пишет: «Не Австрией может быть жив чешский народ, а самим собой».

Проавстрийская ориентация Палацкого в то время объяснялась еще и тем, что, в 1840–1850-х годах, видя в России оплот европейской реакции, он был далек от мысли возлагать надежды на эту страну, как на великую славянскую державу, могущую объединить весь славянский мир. Но когда в 1860–1870-х годах в общественной жизни России произошли колоссальные преобразования, изменилась и сама позиция Палацкого. Он горячо одобрял реформы этого времени и даже был склонен порицать польское восстание 1863 г., которое может помешать успешному развитию России на пути к демократии, а само восстание квалифицировал как «крупную ошибку» поляков.

Поездка Палацкого 1867 г. в Россию на Всероссийскую этнографическую выставку и Славянский съезд была выражением протesta ученого против политики Вены в разрешении славянского вопроса. И надежнейшей опорой для развития силы всего славянства он признавал культурную связь с «великой Россией»⁴⁰, смотря на нее как на «желанное прибежище славянских народностей». На приеме у канцлера А.М. Горчакова в 1867 г. он выразил надежду, что Россия «не оставит своей поддержкой тех западных славян, которые составляют авангард славянства перед лицом германской стихии»⁴¹.

Та же обстоятельность присуща и рецензии А.А. Кизеветтера⁴² на труд чешского историка Карела Казбунды⁴³. Эта рецензия, что свойственно Кизеветтеру, явилась развернутым самостоятельным исследованием по вопросам расстановки сил на внешнеполитической арене во второй половине XIX в.

Рецензент солидарен с выводом чешского историка, что поездку чешских общественных деятелей в Москву на Этнографическую выставку следует рассматривать не только как факт славянского единения. Он справедливо считает: развитие славянского самосознания нужно анализировать на фоне многосложных сплетений международных отношений в Европе того времени. Кизеветтер правильно отмечает, что решения Венского конгресса произвольно перекроили политическую карту Европы и «шли прямо наперекор стремлению европейской народности к национальному самоопределению»⁴⁴.

Не способствовали разрядке политической атмосферы и решений, принятые при заключении Парижского мира, когда «разноглеменная» Австрийская монархия (Герцен в «Колоколе» писал по этому поводу более определенно – «блоскунная империя») была «насыщена легко воспламеняемым материалом, готовым вспыхнуть от малейшей искры». Австрийские власти, проводившие антирусскую политику, не без основания боялись широкого славянского движения внутри страны. В связи с этим, опасаясь повторения венгерских событий 1849 г., они пошли в 1867 г. на создание австро-венгерского дуализма, не допуская, в свою очередь, подобного в отношении славянской Чехии. В таких

условиях и рождалась потребность в непосредственных связях чехов с Россией.

В подобной ситуации и последовало приглашение из Москвы представителям чешской общественности, науки и литературы на Этнографическую выставку, организованную под покровительством великого князя Константина Николаевича. Стало также известно, что московские славянофилы намерены приурочить к открытию выставки устройство всеславянского съезда. Все это не могло не встревожить официальную Вену, несмотря на то, что русские правительственные круги всячески отрицали какую-либо солидарность с идеями панславизма. Австрия проявляла особую настороженность относительно данной акции русской общественности, не без основания видя в ней «открытое и торжественное провозглашение чувства «братского единения австрийских славян и русского народа», как «своего рода *memento mori* (помни о смерти. – лат.) по адресу целостности и крепости многоплеменной Австро-Венгерской империи»⁴⁵. Мы уже знаем из других публикаций Кизеветтера как прошла эта акция и, прежде всего, какой резонанс имело заявление Палацкого на приеме у канцлера Горчакова. Австро-Венгрией были сделаны «соответствующие» выводы, и международная обстановка складывалась так, что столкновение интересов двух стран на Балканах стало неизбежным. Это и подтвердили события русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и особенно решения последовавшего летом 1878 г. Берлинского конгресса.

Следует отметить и такой немаловажный факт, как знакомство Кизеветтера с последними советскими исследованиями, посвященными вопросам внешней политики России второй половины XIX в.⁴⁶

Этим же настроением проникнута и статья А.В. Флоровского, посвященная Яну Гусу, с именем которого «связана переломная эпоха в истории Чехии», «могучее религиозное и национальное движение в стране»⁴⁷. Автором собран большой фактический материал, на основе которого исследуется проблема русско-чешских связей. Для Флоровского важно определить «те впечатления, какие испытывало русское общественное мнение в разные этапы своего развития от личности великого чеха и от его религиозного и национального дела, и те оценки, которые давались на Руси» Яну Гусу и его деятельности⁴⁸. Он показывает, как в течение XVI–XIX вв. в русской письменности и печатной литературе постепенно видоизменялась оценка личности Яна Гуса и его дела. Русские книжники отрицательно относились к Гусу, считая, что его деятельность была направлена на потрясение основ враждебной православию церковной системы взглядов. Начало было положено старцем Артемием (XVI в.): «Гусиан...от своего неразумия, паче же от лукавого духа прельщен бысть». Подобный подход, как поясняет автор, объясняется явным влиянием тех католических источников, из которых русские книжники получали известия о проповедях Гуса.

С середины XIX в., как отмечает автор, в русской литературе наметился резкий поворот в оценке деятельности Я. Гуса (работы В.А. Бильбасова и др.). Развитие получила следующая точка зрения – в проповедях чешского реформатора было многое родственного с православием, «в русской мыслящей среде получил углубленную постановку вопрос о роли православия в жизни и судьбе славян»⁴⁹. Интересно при этом замечание автора, что мысль о православном уклоне Яна Гуса и Иеронима Пражского получила известное признание и в самой чешской и словацкой среде (В. Ганка, Л. Штур). Не без влияния русских исследований на эту тему. Но именно на русской почве данная мысль получила особое развитие в творчестве М.П. Погодина, А.С. Хомякова, Ф.И. Тютчева, И.С. Аксакова, Н.Я. Данилевского и многих других. Следует заметить, что славянофильская концепция гуситского движения, отчасти свойственная русской историографии, как утверждали советские исследователи-славяноведы, ограничивалась 40–70-ми годами XIX в. Тем не менее, ее отдельные отзвуки встречаются в русской литературе вплоть до 1917 г.⁵⁰

Деятельность Гуса получает в специальной русской литературе высокую оценку. Автор приводит несколько неизданных писем композитора М.А. Балакирева к известному чешскому литератору, переводчику и публицисту Иосифу Коларжу (1830–1910), хранящихся в Пражском Национальном музее. Обнаруженные И.И. Лапшиным и сообщенные им Флоровскому, они содержат горячие высказывания в пользу канонизации «православного» Гуса русской православной церковью, ибо он «чешский мученик за православную веру»⁵¹. Материал статьи намного шире заявленной темы и охватывает также пропагандистскую поездку соратника Гуса Иеронима Пражского в Псков и Витебск. Позже автор обобщил свои наблюдения по данной проблеме в специальной монографии, изданной на чешском языке⁵².

В обстоятельном очерке философа Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965) рассмотрены чешские философские труды новейшего времени. Автор выделил из них различные течения в философской литературе Чехословакии того времени, а именно: позитivistское (Крейчи, Козак и др.), критического реализма (Масарик, Радль) и метафизическое направление (Поликан, Гоппе)⁵³.

Известный русский филолог-лингвист Леонтий Васильевич Копецкий (1894–1976) дал обстоятельный анализ истории чешской славистики⁵⁴. Касаясь вопроса о значении научного вклада Й. Добровского, Копецкий указывает, что им была основана новая научная дисциплина – славянская филология, занявшая достойное место в ряду других филологических дисциплин – филологии классической, романской и германской. Автор склонен полагать, что основная линия филологических изысканий Добровского лежит в плоскости магистральных направлений чешского культурно-исторического процесса,

которые ведут через Яна Гуса, Яна Амоса Коменского к... Президенту Масарику, – реверанс, объяснимый обстоятельствами времени.

Воздавая должное Вацлаву Фортунату Дуриху (Durych; 1735–1802), просветителю, филологу, слависту, учителю Добровского, автор отмечает, что в своих занятиях славянской филологией, тот оказался менее счастливым, чем ученик.

С именем Юнгмана связана подготовка 5-томного полного чешско-немецкого словаря (1834–1839), «хранилища лексикального богатства чешского языка и истории чешской литературы». Именно его деятельность имеют ввиду, когда речь идет о создании чешского литературного языка вообще и усовершенствовании языка поэтического – в частности.

Ф. Палацкий «выработал правильный языковый критерий» и учил, что «литературный язык, неизбежно обогащаясь в процессе жизни новыми словами, должен опираться на языковую традицию, идущую из старины»⁵⁵. Копецкий убежден, что «мимо Палацкого в истории чешской литературы также нельзя пройти, как нельзя пройти мимо Карамзина, говоря об истории языка русского»⁵⁶.

Разносторонне проявил себя во всех отраслях славистики Павел Йозеф Шафарик (1795–1861), творчество которого составляет целый этап в развитии славянской филологии. В его «Славянских древностях» дана «грандиозная картина» древнейшей истории славянских народов.

Автор подробно характеризует деятельность других чешских филологов-славистов: Фр. Челаковского (1799–1852), Вячеслава Ганку (1791–1861), библиотекаря Чешского музея, который определялся как «большой энтузиаст и автор практических пособий по славянским языкам». Он «открыл» Краледворскую и Зеленогорскую рукописи, поддельность которых, особенно первой, была доказана еще Добровским. Мартин Гаттала (1821–1903) выступил автором нормативной грамматики словацкого языка (1850 г.), закрепив тем самым разрыв между литературным языком чешским и словацким. Ян Гебауэр (1837–1907) своей грамматикой «достроил фасад здания» чешской национальной культуры, «такой исторической и описательной грамматики не имеет ни один славянский язык»⁵⁷.

Останавливается автор и на заслугах русского слависта-эмигранта В.А. Францева, представленного «исключительным знатоком культурно-исторических взаимоотношений всех славянских народов», продолжателем славных традиций И.И. Срезневского, О.М. Бодянского и П.И. Прейса.

М.М. Новиков охарактеризовал развитие биологической науки в Чехословакии начиная с XV в.⁵⁸

Географ и антрополог Николай Михайлович Могилянский (1871–1933) был автором очерка о развитии чешской антропологии, которая представлена именами Л. Нидерле⁵⁹, А. Стоцкого, А. Матейки и А. Градличка⁶⁰.

Богат раздел, посвященный культуре Чехословакии. Так, Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942), филолог и историк литературы, выступил с «изящным этюдом» об известном чешском писателе XIX в. Яне Неруде (1834–1891)⁶¹, этом «Чехове – чешской прозы и Гейне – чешской поэзии», по определению А.А. Кизеветтера⁶².

Литературовед и историк русской литературы Альфред Людвигович Бем (1886–1945?) проанализировал творчество чешского поэта Оттакара Бржезины (1868–1929), эволюционировавшего от романтизма «былых времен» к «модернизованныму символизму»⁶³.

Философ и историк искусства И.И. Лапшин охарактеризовал творчество композитора Бедржиха Сметаны (1824–1884), выделив такую его черту, как всесторонность его музыкального гения, в чьих сочинениях с равномерной силой представлены и эпический, и драматический, и литературный элементы⁶⁴.

Ряд работ посвящен современным проблемам Чехословакии. Так, юрист Аркадий Николаевич Фатеев (1872–1952) в статье «Государственный опыт западной демократии и конституция Чехословацкой Республики»⁶⁵ констатирует, что «историк политических учреждений не может не заметить различия европейских конституций до 1919 г. и после; а в последних – однородности демократических стремлений»⁶⁶, что нашло свое отражение в Конституции ЧСР.

Русский агроном и публицист Борис Николаевич Одинцов (1882–1967), описывая состояние сельского хозяйства Чехословакии⁶⁷ отмечает законченность земельной реформы, осуществленной в стране после окончания Первой мировой войны. Эта реформа удовлетворила справедливые требования мелких собственников и не сопровождалась потрясениями в общественном строе государства.

Петр Александрович Остроухов (1885–1965), экономист и историк остановился на особенностях внешней торговли ЧСР⁶⁸. Автор подчеркивает, что с первого же момента своего существования Чехословакия явилась государством с чрезвычайно развитой промышленностью и существенно ограниченным внутренним рынком, а отсюда – неизбежность борьбы за внешний рынок и включение страны в мировую экономическую систему, для чего был проведен ряд мероприятий, как то: ущемление продуктов чешской промышленности, рационализация производства с целью понизить его издержки, снижение судного процента, финансирование экспорта и устройство за рубежом филиальных отделений заводов для переработки в готовую продукцию чешских полупроизводственных предприятий, усовершенствование и ущемление железнодорожного, речного и шоссейного транспорта и т.д. Автор статьи усмотрел тесную связь вопроса о поддержке и развитии чешской внешней торговли с такими важными отраслями народного хозяйства ЧСР, как промышленность и земледелие. По-

следовательная и планомерная работа во всех областях хозяйственной жизни «несомненно», по мысли Остроухова, «укрепит то положение страны в мировой торговле, которого она достигла, несмотря на происходящую борьбу за рынки»⁶⁹.

Другой экономист Николай Сергеевич Жекулин (1892–1933) рассмотрел в своей статье вопрос о денежном обращении в современной Чехословакии⁷⁰.

Заключает том очерк экономиста и географа, одного из основоположников евразийства Петра Николаевича Савицкого (1895–1968) о почвенной географии Чехословакии (С. 233–277).

Как видим, почти все стороны жизни страны – ее история, культура, литература, общественно-политические проблемы, хозяйственная структура и даже географические и климатические условия нашли свое отражение в исследованиях русских специалистов.

Не менее насыщен подобными материалами и следующий четвертый том «Научных трудов», посвященный 10-летию Чехословацкой республики.

Успешная разработка русскими историками архивов ЧСР и введение в научный оборот новых материалов, характеризующих русско-чешские связи, выдвинула на передний план Бориса Алексеевича Евреинова (1888–1933), который начал планомерное изучение чешских архивов, выявляя в них русские материалы. Он сумел связать свои научные интересы в области русской истории с местными исследовательскими возможностями. Будучи специалистом преимущественно по истории России XIX в., он провел работу по поиску тех материалов чешских архивов, которые обладали интересными и ценными именно в этой сфере для истории России данными. Особо отметил П.Н. Милюков этот факт творческой деятельности Евреинова, писавший, что из архивов чешских владельческих замков молодой историк «извлек... интересные данные для русской политической и культурной истории»⁷¹. Так, в семейном архиве князей Шварценбергов в Тржебони и Крумлове, а также в архиве графов Черниных⁷² им обнаружено, наряду с другими, представляющими интерес для истории России бумагами, немало документов, касающихся пребывания русских войск в Чехии в 1799–1800 гг.⁷³

Архивные разыскания дали возможность Евреинову поставить и решить вопросы прошлого русско-чешских связей и взаимоотношений⁷⁴. Показательна его статья «Бакунин и Палацкий», в которой дана сравнительная характеристика двух деятелей, ратовавших за славянское единение. В этой статье автором впервые намечена главная тема его дальнейших поисков – изучение деятельности русского революционера М.А. Бакунина⁷⁵. Можно со всей очевидностью предполагать, что им была задумана широкомасштабная работа.

Так, в IV и V томах «Научных трудов» Евреинов публикует две статьи, в которых затронуты вопросы о разных этапах развития личности и влияния Бакунина. В статье «Бакунин и австрийские власти в 1848–1851 гг.»⁷⁶ гово-

рится о роли личности Бакунина, причинах его популярности в Чехии как противника Австрийской империи. Публикация Евреинова внесла много нового в толкование ряда аспектов биографии Бакунина и, прежде всего, осветила некоторые совершенно новые подробности о его пребывании в австрийских тюрьмах в 1849–1851 гг. Говоря о несомненной популярности Бакунина в пражском обществе, Евреинов отмечает растерянность и беспокойство австрийских властей пребыванием русского революционера в Праге.

Особое внимание исследователя привлекла тема о роли Бакунина в славянском движении. В статье «Последний этап славянской деятельности Бакунина»⁷⁷ автор прослеживает его попытки, направленные на сплочение всех сил славянства для борьбы с австрийским гнетом и российским царизмом. Бежав в 1861 г. из Сибири, Бакунин во время заключения (с 1851 г.) оставался непримиримым противником Австро-Венгрии, мечтая о ее развале и образовании славянской федерации, видя в ней единственный выход для России, Украины и Польши и вообще для всех славянских народов. Но он не учел тех перемен, которые произошли в Европе за 10 лет, когда имели место революционные события 1848–1849 гг., когда славянское движение было разгромлено, как и все национальное движение вообще. Наступила пора сомнений славянства в правильности выбора антиавстрийской политики. В связи с этим все внимание Бакунина обращается в сторону Польши – по его мнению, она готова к революционному взрыву. Неудача январского восстания 1863 г. несколько ослабила «славянские чувства» Бакунина⁷⁸. Однако «освобождение и возращение Польши сделалось его мечтой на многие годы»⁷⁹. Бакунин не оставлял и в дальнейшем своих попыток сплотить все славянские силы, что и привело его в 1872–1873 гг. к организации славянской секции I Интернационала. Евреинов констатирует, что «славянская деятельность» Бакунина не принесла славянскому миру никаких осязательных результатов, не вызвала к жизни широкого общественного движения, не породила последователей. Тем не менее, она остается ярким эпизодом в развитии славянского возрождения. Статья основана также на новом материале и, прежде всего, на последних публикациях по теме, появившихся в СССР – работы Вяч. Полонского, публикации «Красного архива» и пр.

В четвертом томе «Научных трудов» продолжена публикация материалов по истории русско-чешских связей – их давности и многообразии. Интересна в этом плане очередная статья А.В. Флоровского «Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в XIX веке»⁸⁰. Автор разыскал первые упоминания о посещении Карлсбада русскими, начиная с XVIII в., и, прежде всего, Петром I и его сыном Алексеем. Анализируя динамику развития русско-чешских связей в XIX в., он обратил внимание на малоизвестный факт участия чешских инженеров (Яна Пернера и др.) в строительстве первых железных дорог в России. Чешские имена встречаются и в истории русского печат-

ногого дела: К. Йиндржих (Jindrich) организовал производство в московской Синодальной типографии, был знаком с Владимиром Соловьевым и даже написал книгу о «русском мудреце». В 1860-е годы ряд русских славистов (А.Н. Веселовский, А.А. Потебня и др.) прошли в Праге подготовку к ученой и академической деятельности.

М.М. Новиков продолжил свои штудии, посвященные анализу связей знаменитого чешского естествоиспытателя Я.Э. Пуркине с русскими академическими кругами⁸¹. Н.М. Могилянский, характеризуя деятельность Чешского Национального музея, рассматривает ее в контексте проблемы музейного дела и музеев как научных лабораторий⁸². Историк искусства Николай Артемьевич Еленев (1894–1967) восстанавливает историю Карлова моста, этой знаменитой исторической достопримечательности Праги⁸³. Составители тома не прошли и мимо вопросов флоры Чехии⁸⁴.

Можно с уверенностью говорить о том, что материалы сборников заключают в себе весьма полную и выразительную картину прогресса Чехословакии в разнообразных областях ее истории, культуры и политическом развитии.

Интересный русско-чешский материал опубликован и в «Записках» Научно-исследовательского объединения при Русском университете. Научно-исследовательское объединение было основано в 1933 г. В его состав вошло большинство русских ученых, проживающих в Чехословакии.

Здесь помещена статья Б.А. Евреинова, в которой проанализированы сообщенные Бакуниным в «Исповеди» сведения о его деятельности в Европе, после выдачи его австрийскими властями русскому правительству⁸⁵. Автор не склонен рассматривать «Исповедь» как документ, свидетельствующий о падении или трагедии русского революционера. В нем он видит «плод спокойной мозговой работы, с удивительным мастерством сплетающей в один неразрывный клубок Dichtung и Wahrheit (вымысел и истину. – Ю.Е.)»⁸⁶. Евреинов, в отличие от высказанного в литературе мнения, не усмотрел в факте обращения Бакунина к Николаю I «акта морального падения». Он также не согласен и с теми, кто склонен определить «Исповедь» как искусный тактический ход. Автор настаивает на сложности этого документа – в нем покаянные ноты перемежаются с резким обличением русской правительственной системы, а в некоторых пассажах даже проглядывается утопическая надежда увлечь императора Николая I на путь смелого социального переворота.

Исследуя экономические связи двух государств в эпоху Средневековья, Флоровский проанализировал торговые отношения Богемии и Моравии с Восточной Европой в XVI–XVII вв. Он установил, что эти контакты встречали конкурентов со стороны Krakowa, Broцлава и Poznani, основных опорных пунктов этой торговли. Сложившаяся ситуация заставляла богемско-моравское купечество искать иные пути. В результате торговля проникала лишь в земли Великого княжества Литовского и Южной Руси⁸⁷.

Необходимо отметить и публикацию П.А. Остроухова о пребывании 12 000 русских раненых в Зbrasлаве в 1813 г.⁸⁸ Можно с уверенностью сказать, что материалы сборников заключают в себе очень полную и выразительную картину прогресса Чехословакии в разнообразных областях ее внутреннего развития.

Весьма существенный вклад в разработку истории русско-чешских связей внес русский славист Владимир Андреевич Францев (1867–1942). А.В. Флоровский отмечал, что Францеву принадлежит лидирующая роль, как по количеству введенного в научный оборот нового материала, «так и по широте постановки вопросов, и по тщательности и мастерству их разъяснения и разрешения». Его публикации «служат надежными ступенями для приближения к тому времени, когда можно и нужно будет воздвигнуть научное здание истории славянской взаимности, истории взаимодействия славянских народов»⁸⁹. В статье В.А. Францева «М.П. Погодин и Фр. Палацкий» прослеживаются взаимоотношения лидера борьбы за чешскую независимость Франтишеха Палацкого и русского историка М.П. Погодина, известного своими антиавстрийскими настроениями⁹⁰. Автор констатирует, что связи Погодина с широким кругом чешских писателей и ученых были плодотворными по своим последствиям для развития славянской науки, как в Чехии, так и в самой России. Францев анализирует переписку двух ученых и общественных деятелей (правда, не особенно богатую), обнаруженную им в архиве. В центре внимания исследователя письмо Погодина Палацкому от 26 декабря 1870 г., в котором изложена позиция русского историка относительно только что прошедших выборов в австрийский парламент. Эти выборы рассматривались чешской общественностью как покушение на «самостоятельность» Чешского королевства, что и нашло свое выражение в ее меморандуме-протесте. Погодин, приветствуя появление этого документа, писал, что «Австрия должна преобразоваться на началах свободного самоопределения ее народов и создать «федерацию свободных народов». Идею о федерации, как известно, проповедовал и Палацкий.

Палацкий, считая мысли и рассуждения своего московского корреспондента о чешских и славянских проблемах достойными внимания чешского народа, разрешил опубликовать это письмо (в переводе на чешский язык) в журнале «Osvěta» (1871), что явилось приятной неожиданностью для Погодина.

Автор приводит содержание послания Палацкого Погодину от 30 декабря 1871 г. по случаю 50-летия научной деятельности последнего, приветствуя его как одного из первых «воскресителей и распространителей благотворной идеи народности и славянской взаимности»⁹¹.

Следует заметить, что современная отечественная историческая наука в своих последних изысканиях об общественно-политической деятельности

М.П. Погодина, его роли в установлении личных связей с видными чешскими славистами и общественными деятелями, прошла мимо наблюдений и выводов русской эмигрантской исторической науки⁹².

В 1923 г. Францев опубликовал обширное исследование, в котором прослеживается история взаимоотношений России и Чехии начиная с конца XVIII в.⁹³ Автор рассматривает итоги поездки в Россию двух деятелей чешской общественной жизни Й. Добровского и И. Штернберга. На выход этой книги обстоятельной рецензией откликнулся А.А. Кизеветтер в сборнике «На чужой стороне»⁹⁴. Развивая положения и выводы Францева, рецензент, опираясь на документы, показал, что их поездка не была делом случая. Она была организована Чешским научным обществом, то есть, этот замысел родился в просвещенных кругах передовой чешской общественности. Известный чешский славист Й. Добровский пребывал в Петербурге с 17 августа по 17 октября 1792 г., где оказался в академической среде, переводил Ломоносова, Хераскова и др. Его отзыв о столичных русских интеллектуалах того времени не особенно лестен. Иное впечатление осталось ученого от Москвы, где он нашел «умы, встревоженные недавним разгромом кружка Новикова», – тонкое наблюдение, подмеченное как автором, так и рецензентом. Симпатии чешского деятеля вызывали потерпевшие, и он высказывал им несомненное сочувствие.

В Москве Добровский работал в Синодальной библиотеке, где нашел издания белорусского просветителя Ф. Скорины, рукопись грамматики Ю. Крижанича и многое другое⁹⁵. Без этих находок невозможно было бы появление основополагающего труда Добровского *Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris* (1822), который по свидетельству современников, на десятилетия стал образцом для составления грамматик славянских языков, первым шагом к построению их сравнительной грамматики⁹⁶.

Иоахим Штернберг имел отношение к крупной горнодобывающей промышленности Чехии, а отсюда и его интерес к географии, экономике и естественным наукам, что и определило цель его поездки в Россию.

Развитием данной темы явилась и статья П.А. Остроухова, в которой дан анализ сочинения о России чешского магната графа Штернберга, посетившего Россию в 90-х годах XVIII века⁹⁷. Автор устанавливает степень объективности наблюдений Штернберга о хозяйственном положении страны, о ее естественных богатствах, об экономических и социальных отношениях. Он особенно подчеркивает при этом бедственное положение крепостного крестьянства.

В ноябре 1928 г. на заседании Русского исторического общества А.В. Флоровский выступил с докладом «Чех – декабрист (из истории чешско-русских отношений)», посвященным Василию Ивановичу Враницкому (1785 или 1786–1832), полковнику квартирмейстерской части, члену Южного общества⁹⁸. Автору, конечно, не были доступны материалы советских архивов, но,

тем не менее, ему удалось восстановить основные этапы жизненного пути своего героя. Выходец «из дворян Богемского королевства города Праги», сын небогатого пражского пивовара Яна (Иоганна) Враницкого, он в 1806 г. поступил прапорщиком на русскую службу, был участником многих войн и, прежде всего, Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии. Враницкий был удостоен ряда наград и звания полковника. За участие в движении декабристов он был осужден по VIII разряду и приговорен к ссылке на вечное поселение в Тобольскую губернию. Там Враницкий заболел психическим расстройством, что послужило поводом для его перевода в Ялуторовск, где он и умер⁹⁹.

Были напечатаны три тома «Записок Русского исторического общества», был подготовлен и четвертый, но он не увидел света: 15 ноября 1941 г. его запретила фашистская цензура. Среди многих материалов, которые не стали достоянием русской исторической науки, значилась также статья А.Л. Бема «Граф А.Г. Алексей-Чесменский в Карлсбаде».

Русско-славянским связям посвящены материалы «Сборников» Русского педагогического института в Праге имени Я.А. Каменского, руководимого русским философом и юристом Павлом Ивановичем Новгородцевым (1866–1924). Целью создаваемого института было «сближение России и Чехословакии, распространение сведений о России, русской культуре и результатах текущих работ русских ученых, писателей и представителей всех областей знаний и искусства». Его сборники полны верой «в неизбывную мощь русской науки», «неуклонны в стремлении по мере сил и возможности служить ее преуспеянию»¹⁰⁰. Вышло всего два тома сборников – Т. I (1929), II (1932), хотя на титульном листе стоит дата – 1931 год.

В.А. Францев приводит новые любопытные данные о посещении Загреба в 1841 г. двумя русскими славистами – И.И. Срезневским и П.И. Прейсом¹⁰¹. Значительное место удалено знакомству с известным проповедником идей иллиризма Людовиком Гаем и с не менее знаменитым певцом «славянской взаимности», автором поэмы «Дочь Славы» Яном Колларом, обстоятельствам этих встреч и вынесенных из них впечатлений. Особый акцент автор делает на распространении поэзии славянофила А.С. Хомякова в Чехии и Словакии и влиянии его идей в славянском мире. Хомяков идеально был близок Коллару. Славянофильские мечты, идеи и проблемы русского поэта оказались существенно близки общественно-политической позиции чешского и словацкого поэта и общественного деятеля.

Б.А. Евреинов исследует развитие славянских связей в пореформенный период. На основании сохранившихся бумаг архива пражской полиции, он рассказывает о пребывании одного из лидеров русского славянофильства Ю.Ф. Самарина в Праге в 1867–1868 гг. и о тех опасениях, которые вызывали

приезды русского общественного деятеля у австрийских властей, так же как в свое время их беспокойство вызывали визиты в Прагу М.А. Бакунина¹⁰².

Приезд Самарина в Прагу в эти годы совпал с кризисными явлениями во внутренней обстановке Австрийского государства. «Лоскутная империя» пыталась решить национальный вопрос через установление дуализма, в результате чего превратилась в двуединую Австро-Венгрию. Однако окончательного решения национального вопроса не произошло, ибо славянские народы «по этому рецепту» сразу же оказались в подчиненном положении у немецкой и мадьярской (венгерской) народностей. В результате, рушились надежды чешских политических деятелей о создании славянской Австрии, где чешская народность стала бы естественно преобладающей, будучи «наиболее передовой и культурной». Вполне естественно, что борьба в этих условиях за законные права требовала перемены курса, «и взоры чехов обратились в сторону России»¹⁰³.

Определенным зондажем с чешской стороны было участие в Москве в 1867 г. в Этнографической выставке, которую русские славянофильские круги стремились представить как неофициальный славянский съезд. На приглашение устроителей выставки горячо откликнулись передовые чешские и словацкие круги, направив своих представителей, в числе которых были Ф. Палацкий, Ф. Ригер и др. Оказанный им в Москве и Петербурге восторженный прием не мог не вызвать настороженность и обеспокоенность австрийских властей. Австрийские официальные круги рассматривали всех русских, приезжающих в славянские земли Австро-Венгрии как агитаторов и пропагандистов враждебной и опасной идеи панславизма. Конечно же, Ю.Ф. Самарин, один из идейных вождей русского славянофильства, удостоился самого пристального внимания австрийской полиции.

За Самариным была установлена плотная полицейская слежка с первых же минут его пребывания в Праге. Фильтры доносили о всех встречах русского гостя. От их внимания не ускользнула даже такая, на первый взгляд, малозначительная деталь, как письмо Самарину от великого князя Константина Николаевича. Указание на переписку вызвало «оживление» властей, ибо подкрепляло неясные слухи о возможности объединения славян вокруг трех центров – Москвы, Праги и Белграда. Автором подобной идеи и был, по их представлению, именно великий князь Константин Николаевич. Его письмо Самарину и позволило рассматривать последнего как «проводника этих идей в Праге»¹⁰⁴.

Любопытно и другое донесение, в котором говорится, что многие чехи смотрели на Самарина как на будущего консула в Чехии. Сам факт, свидетельствующий о росте пророссийских симпатий в Чехии, не был, по нашему мнению, объектом изучения в отечественной исторической науке.

Автор весьма осторожен в своих выводах. С одной стороны, выдающаяся личность Ю.Ф. Самарина, его несомненные контакты с передовыми деятелями чешской общественности и приезды в Прагу, по времени совпадающие с проявлениями чешской оппозиционности, не могли не вызвать пристальное внимание австрийских властей. С другой стороны, как подчеркивает Евреинов, не стоит преувеличивать «страхи», присутствующие в донесениях фильтров, по крайней мере, до того времени, когда будут изучены и сопоставлены все материалы (переписка самого Самарина и чешских деятелей, архивные документы австрийских центральных правительственные учреждений в Вене и т.д.), которые установили бы истинную роль Самарина в чешских событиях¹⁰⁵. В приложении автор публикует письмо Франтишека Августа Браунера (1810–1889), известного чешского деятеля и публициста, к чешскому экономисту Францу Горьскому фон Горскифельду (1801–1877).

Даже этот краткий обзор публикаций по истории, культуре, литературе Чехословакии, ее связям в прошлом с Россией, принадлежащих историкам Русского Зарубежья, дает основание согласиться с мнением известного чешского историка-слависта Зденека Сладека о том, что «эмиграция из России отблагодарила Чехословакию заслуживающим внимание вкладом»¹⁰⁶.

Примечания

¹ Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции // Труды V-го съезда Русских академических организаций за границей (Далее – Тр. РАОЗГ). София, 1932. С. 476.

² См.: Новиков М.М. Русская наука в Праге. Общий обзор. Прага, 1928; Сератионова Е.П. Русская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.

³ Флоровский А.В. Русские историки-эмигранты в Праге // Русские в Праге. Прага, 1928. С. 262.

⁴ См.: Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923–1938). Прага, 1938; Пашичко В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 45–54; Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 83–85; Захаров В.П. Русский народный (свободный) университет в Праге (1923–1949 гг.) // Наука, культура и политика русской эмиграции. Сб. ст. СПб., 2004. С. 171 – 178. Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. Русская ученая академия в Праге в годы Второй мировой войны // Славяноведение. 2001. № 4. С. 31–54.

⁵ См.: Polívka J. Poznámky o stylistice ruských pohádek // Науч. тр. РНУ. Т. I. 1928. С. 94–101.

⁶ Там же. С. 247–256.

⁷ Там же. С. 257–271.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ Там же. Т. III. 1930. С. 67.

¹⁰ См.: Polívka J. O některých rekonvých postavách slovanských pohádek // Науч. тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 89 – 92.

¹¹ Науч. тр. РНУ. 1929. Т. II. С. 305–325. См. также: Флоровский А.В. Почитание св. Вячеслава // Тр. IV-го съезда РАОЗГ. Прага. 1926. Т. II. С. 305–325; Он же. Св. Вацлав – Св. Вячеслав // Россия и славянство. (Прага) 1929. 28 сент.

¹² Науч. тр. РНУ. Т. II. С. 305–306.

¹³ Там же. С. 325.

- ¹⁴ Об этом см. также: *Флоровский А.В.* Карпато-русский список проложного жития св. Вячеслава, князя чешского // Карпато-русский сборник. Ужгород, 1930. С. 88–90.
- ¹⁵ Науч. тр. РНУ. Т. II. С. 321.
- ¹⁶ *Флоровский А.В.* Русские студенты в Праге и Оломоуце в старое время // Тр. IV-го съезда РАОЗГ. Белград, 1929. С. 141–142.
- ¹⁷ Там же. С. 142.
- ¹⁸ Там же С. 3.
- ¹⁹ Там же. С. 4.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 9–10.
- ²² Там же. С. 10.
- ²³ Там же. С. 12.
- ²⁴ Там же. С. 14.
- ²⁵ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Путешествие за границу. М., 1932. С. 96.
- ²⁶ Науч. тр. РНУ. Т. III. С. 15.
- ²⁷ Там же. С. 15–16.
- ²⁸ Там же С. 22.
- ²⁹ *Флоровский А.В.* А.А. Кизеветтер // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 11. Белград, 1935. С. 8–9.
- ³⁰ *Кизеветтер А.А.* Франтишек Палацкий // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 5 (XVIII). С. 31–49.
- ³¹ Там же. С. 31.
- ³² Там же. С. 34.
- ³³ Там же. С. 35.
- ³⁴ Там же. С. 39.
- ³⁵ Там же. С. 42–43.
- ³⁶ Там же. С. 43.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 44.
- ³⁹ Там же. С. 45.
- ⁴⁰ Там же. С. 48.
- ⁴¹ Науч. тр. РНУ. Т. III. С. 20.
- ⁴² *Кизеветтер А.А.* Чехи в Москве в 1867 году // На чужой стороне. Прага, 1925. Кн. X. С. 251 – 269.
- ⁴³ См.: *Казбунда К.* Поездка чехов в Москву в 1867 г. и австро-германская дипломатия. Изд. Архива Министерства иностранных дел. Прага, 1923 (на чешс. яз.).
- ⁴⁴ На чужой стороне. Кн. X. С. 252.
- ⁴⁵ Там же. С. 251.
- ⁴⁶ См.: *Фейгин Л.* Из истории русско-французских отношений. (секретный договор 3-го марта 1859 г.) // Века. Исторический сборник. I. Под ред. А.И. Заозерского и М.Д. Приселкова. Пг., 1924. С. 133–164.
- ⁴⁷ *Флоровский А.В.* Ян Гус в русской оценке. (Справка из истории русско-чешских отношений) // Науч. тр. РНУ. Т. III. С. 23.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 35.
- ⁵⁰ Об этом см.: *Лаптева Л.П.* Прогрессивное направление русской дореволюционной историографии гуситского движения // История и историки. Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 203. *Она же.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1978.

⁵¹ Науч. тр. РНУ. Т. III. С. 40.

⁵² См.: *Florovský A. Jan Hus v ruském pojetí* (Stranka z dějin česko-ruských styků). Praha. 1935.

⁵³ Лосский Н.О. Современная философия в Чехословакии // Науч. тр. РНУ. Т. III. С. 47 – 60.

⁵⁴ Конецкий Л.В. Чешские филологи-слависты // Там же. С. 61–70.

⁵⁵ Там же С. 64.

⁵⁶ Там же. С. 64–65.

⁵⁷ Там же. С. 66.

⁵⁸ Новиков М.М. Очерк исторического развития биологических наук в Чехословакии // Там же. С. 71–86.

⁵⁹ Нидерле был избран в январе 1925 г. почетным членом Русского исторического общества в Праге. Г.В. Вернадский выступил на заседании общества с докладом «Труды и заслуги Л.Г. Нидерле // Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925–1934. Прага. 1935. С. 15. А.В. Флоровский откликнулся на труд Нидерле «Slovanské starožitnosti. Sv. IV» обстоятельной рецензией (Возрождение. 1925).

⁶⁰ Могильянский Н.М. Чешская мысль и творчество в области антропологических наук // Науч. тр. РНУ Т. III. С. 87 – 105.

⁶¹ Пляцкий Е.А. Ян Неруда. Художник великих достижений на пороге новой чешской литературы // Там же. С. 109–126.

⁶² Газ. «Руль» (Берлин). 1931. № 3104 от 11 февраля.

⁶³ Бем А.Л. Отто Кар Бжезина. (Выразитель гения чешского народа) // Науч. тр. РНУ. Т. III. 1930. С. 126–158.

⁶⁴ Лапшин И.И. Бедржих Смстана, как выражитель чешского музыкального гения // Там же. С. 159–167.

⁶⁵ Там же. С. 171–194.

⁶⁶ Там же. С. 171.

⁶⁷ Одинцов Б. Сельское хозяйство Чехословакии // Там же. С. 195 – 209.

⁶⁸ Остроухов П. Внешняя торговая политика Чехословацкой Республики // Там же. С. 210–221.

⁶⁹ Там же. С. 221.

⁷⁰ См. там же. С. 222–230.

⁷¹ Милоков П.Н. Три поколения // Зап. РИО. Кн. III. Прага. 1937. С. 15.

⁷² Об этом см.: Евреинов Б.А. Отчет о научной командировке в Южную Чехию в целях работы в частных архивах кн. Шварценберга и гр. Чернина в Тржебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце // Ročenka Slovanského ústavu. Sv. IV, za rok 1931. V Praze. S. 114–116; *Он же.* Коллекция гр. Черниных // Последние новости (Париж). 1932. № 4079. 23 июня. Этому же был посвящен и его доклад «Частные архивы на Юге Чехии», прочитанный на заседании РИО 22 октября 1931 г. // Русское историческое общество в Праге за девять лет его существования, 1925–1934. Прага. 1934. С. 12.

⁷³ Евреинов Б.А. Русские войска на юге Чехии в 1799–1800 гг. // Центральная Европа. 1933. № 1. К этой тематике примыкает и другая его статья «Два документа эпохи наполеоновских войн // Там же. 1932. № 11.

⁷⁴ Евреинов Б.А. Из прошлого идеи славянской взаимности // Центральная Европа. 1931. № 9.

⁷⁵ Евреинов Б.А. Бакунин и Палацкий // Центральная Европа. 1931. № 1; *Он же.* Бакунин и Христо Ботев // Там же. 1931. № 6; *Он же.* Бакунин и славянский съезд 1848 г. в Праге // Зап. НИО. Прага. 1936. Вып. 13.

⁷⁶ Евреинов Б.А. Бакунин и австрийские власти в 1848–1851 гг. (по материалам пражского полицейского архива) // Науч. тр. РНУ. Т. IV. Прага. 1931. С. 118–128.

⁷⁷ Евреинов Б.А. Последний этап славянской деятельности Бакунина // Науч. тр. РНУ. Т. V. Прага. 1933. С. 98–109.

⁷⁸ Там же. С. 107.

- ⁷⁹ Там же. С. 108.
- ⁸⁰ Флоровский А.В. Несколько фактов из истории русско-чешских отношений в XIX веке // Науч. тр. РНУ. Т. IV. Прага. 1931. С. 299–310.
- ⁸¹ Новиков М.М. Взаимоотношения Я.Е. Пуркинье с русскими // Там же. С. 311 – 319.
- ⁸² Могильянский Н.М. Музей, как научная лаборатория и чешский Народный музей // Там же. С. 320–341.
- ⁸³ Еленев Н.А. Карлов мост в Праге // Там же. С. 342–361.
- ⁸⁴ Евреинов В.А. Акклиматизация каштана – *castania vesca gaert* – в Чехословакии // Там же. С. 362–376.
- ⁸⁵ Евреинов В.А. «Исповедь» Бакунина // Зап. РИО. Т. II. Прага. 1930. С. 95–124.
- ⁸⁶ Там же. С. 124.
- ⁸⁷ См.: Зап. Русского научно-исследовательского объединения в Праге [далее – РНИО]. Т. VII (ХIII). Прага. 1938. С. 1–14.
- ⁸⁸ Там же. С. 173–190.
- ⁸⁹ Тр. V-го съезда РАОЗГ. София. 1932. С. 476.
- ⁹⁰ Францев В.А. М.П. Погодин и Фр. Палацкий. (Из истории русско-чешских связей в конце XIX ст.) // Зап. РИО. Прага. 1927. Кн. I. С. 153–165.
- ⁹¹ Там же. С. 167.
- ⁹² См.: Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999; Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003.
- ⁹³ Francev V.F. Cesta J. Dobroského a Hr.J. Šternbenka do Ruska v letech 1792–1793. Praha. 1923.
- ⁹⁴ На чужой стороне. Берлин–Прага. 1925. Кн. II. С. 252–254.
- ⁹⁵ Об этом см. также: Моисеева Г.Н., Крбец М.М. Йозеф Добровский и Россия. Памятники русской культуры XI – XVIII веков в изучении чешского слависта. Л., 1990.
- ⁹⁶ Копецкий Л. Чешские филологи–слависты // Науч. тр. РНУ. Т. III. С. 63.
- ⁹⁷ Остроухов П.А. Чешский путешественник о хозяйственном положении России в конце XIII столетия // Зап. РИО. Кн. II. С. 83–93.
- ⁹⁸ См.: Зап. РИО. 1930. Кн. II. С. 189. В 1928 г. эта работа вышла отдельным изданием на чешском языке: Florovský A. Čech-dekabrista (V. J. Vranický). // *Bidlav sbotník*. Praha. 1928.
- ⁹⁹ О месте Вранецкого в движении декабристов см.: Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. II. М., 1955. С. 173, 206, 406, 464; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988, С. 45, 241.
- ¹⁰⁰ Сборник Русского института в Праге. Т. I. 1929. С. 3.
- ¹⁰¹ Францев В.А. Из истории славянской литературной взаимности // Там же. С. 91–118.
- ¹⁰² Евреинов В.А. Самарин в Праге в 1867–1868 гг. // Сборник Русского института в Праге. Т. I. С. 333 – 350.
- ¹⁰³ Там же. С. 333.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 340.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 348.
- ¹⁰⁶ Сладек З. Русская акция помощи в истории русско-чешских и чехословацко-советских отношениях в 1919–1945 гг. // Записки Русской Академической Группы в США. Т. XXXI. Русская Прага. New York. 2001–2002. С. 67.

Е.П. Серапионова
(Москва)

Русское историческое общество в Праге

После известных событий в бывшей Российской империи – революции 1917 г. и Гражданской войны – за рубежом оказались не только солдаты и офицеры Белой армии, но и многочисленные гражданские беженцы. Чехословацкие власти, начавшие «Русскую акцию» летом 1921 г., специально приглашали в страну, с одной стороны, казаков (как сельскохозяйственных рабочих), с другой, – студентов и профессуру. Чехословацкая республика вскоре становится центром образования и науки Русского Зарубежья. По данным комитета Пражского Земгора, в ЧСР к началу 1930-х годов из 22 тыс. официально зарегистрированных российских эмигрантов служащие и представители различных слоев интеллигенции составляли приблизительно 2 тыс. человек, общественные и политические деятели эмигрантской среды – 1 тысячу, писатели, журналисты, ученые, деятели искусства – около 600 человек¹. Точное число ученых среди них установить сложно. Согласно сведениям, полученным путем анкетирования Русским научным институтом в Белграде, всего за границей в то время находилось 500 российских ученых. Среди них определенное число составляли гуманитарии. Русские историки стали появляться в ЧСР с 1921 г. В том же году в Праге состоялся первый съезд русских академических организаций, возникших по всему миру, и был образован их Союз. При этом Союзе возник ряд учебных заведений и научных обществ, одним из которых и стало Русское историческое общество (РИО) в Праге.

Первое учредительное собрание Общества открылось 10 марта 1925 г. в 15 часов 15 минут в библиотеке Комитета по обеспечению образования русских студентов в ЧСР, расположенной по ул. Опатовицкой в доме № 12. Проф. Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) сделал доклад об организации Русского исторического общества в Праге и огласил проект его устава. Целью Общества провозглашалась разработка вопросов исторической науки. Его деятельность по уставу должна была выражаться: 1) в устройстве заседаний для заслушивания и обсуждения научных докладов; 2) в обработке библиографических материалов по историческим вопросам; 3) выполнении разного рода коллективных научных работ; 4) выпуске научных изданий. Устав Общества подписали 23 человека, которые и стали его членами-учредителями².

Председателем Общества избрали крупного специалиста по истории России и Западной Европы, доцента Петербургского, а затем профессора Дерптского университета, члена Российской академии наук проф. Евгения Францевича Шмурло (1854–1934)³. Командированный в Рим и с 1903 г. работавший в архивах Италии, он стал доктором Падуанского университета, пожизненным членом Королевского исторического общества в Венеции и почетным членом Восточноевропейского института. До 1924 г. он жил в Риме, а затем переехал в Прагу, получив стипендию чехословацкого правительства⁴.

Пост «товарища» председателя РИО доверили Антонию Васильевичу Флоровскому (1884–1968), приват-доценту, экстраординарному профессору Новороссийского университета по кафедре русской истории, доктору наук, профессору Русского юридического факультета (РЮФ) и Карлова университета в Праге. Должности секретарей Общества заняли Всеволод Васильевич Саханев (1885–1940), член Русской академической группы в Чехословакии, преподаватель РЮФ, приват-доцент Русского народного университета (РНУ), специализировавшийся в области русской истории, и Сергей Германович Пушкарев (1888–1984), доцент Русского свободного университета (РСУ), профессор РЮФ в Праге, член Славянского института и Русской академической группы. Эти люди и составили первое правление РИО. Вообще Правление, руководившее деятельностью РИО в промежутках между собраниями, избиралось на один год и состояло из четырех-пяти человек: председателя, его товарища (заместителя) и трех членов, которые распределяли между собой обязанности секретаря, казначея и в случае надобности второго товарища председателя⁵. В обязанности членов правления входило также редактирование коллективных научных трудов. На этот же срок выбиралась и ревизионная комиссия из трех членов, проводившая контроль не реже двух раз в год за финансовой стороной деятельности Общества. Для решения определенных задач при Обществе образовывались комиссии и секции. Так, 30 апреля 1925 г. появилась специальная комиссия для изучения вопроса о возможностях научных изданий. В нее вошли Е.В. Спекторский, Г.В. Вернадский, Д.Н. Вергун, М.В. Шахматов и В.В. Саханев. Обсуждалась перспектива печатания протоколов собраний РИО в журнале «Историк и современник»⁶. Ввиду ограниченности материальных средств вопрос научных публикаций стоял очень остро. Любопытно, как старались воздействовать на авторов с целью ограничить их многословие: При издании юбилейного (к 10-летию образования ЧСР) сборника статей РИО авторам был положен гонорар в 500 чехословацких крон за статью объемом в один печатный лист, тех же авторов, кто значительно превысил объем, наказывали лишением гонорара⁷. Уже в конце 1930-х годов А.В. Флоровским предпринимались попытки создать Русский исторический

журнал, но, несмотря на то, что средства на издание удалось найти, эти ста-
рания не увенчались успехом⁸. В июне 1925 г. общее собрание РИО поста-
новило выделить библиографическую секцию во главе с А.В. Флоровским в
связи с деятельностью Комитета славянской библиографии в Праге⁹. Было и
предложение о выделении секции археологии и истории искусств¹⁰.

Общество состояло из членов-учредителей, почетных и действительных
членов, избираемых на общем собрании по рекомендации двух членов РИО,
кандидатов в члены Общества (соревнователей, без права решающего голо-
са) и сотрудников. Средства Общества были весьма скромными и образовы-
вались из членских взносов, поступлений от платных публичных собраний и
пожертвований¹¹.

Впоследствии устав Общества несколько раз уточнялся и менялся, но
принципиально новых положений, касавшихся его работы, не было. В по-
следней редакции второй половины 1930-х годов, устав состоял из восьми
разделов и 36 параграфов, определявших название – Русское историческое
общество в Праге, место расположения – г. Прага, рабочие языки – русский
и чешский, а также цели и средства их достижения, права и обязанности
членов РИО, общего собрания, правления и ревизионной комиссии. Отдель-
ные положения последнего раздела регламентировали условия возможного
распуска общества (что было возможно по решению общего собрания, в
случае, если останется менее 10 его членов, и по указу соответствующих
чехословацких органов) или исключения его членов (по решению собрания
или за неуплату взносов в течение года). Размер взносов определялся еже-
годно. В 1925 г., например, вступительный взнос был определен в 10, 7 и 5
крон, а сжемесячный – в 3, 2 и 1 круну в зависимости от обеспеченности
членов Общества¹². Кроме того, в уставе 1930-х годов несколько детализи-
ровались параграфы, определявшие цель и основные направления деятель-
ности РИО. Так в § 2 указывалось, что целью Общества является «поддер-
живать и развивать усилия, направленные на развитие истории и вспомога-
тельных исторических дисциплин, продолжать традиции русской независи-
мой исторической науки, охранять юридические, культурно-национальные и
имущественные интересы русских историков»¹³. А в следующем третьем
параграфе говорилось о путях достижения этих целей, среди которых назы-
вались: организация лекций и дискуссий на исторические темы, выставок,
научных экскурсий, издание научных работ периодического и непериодиче-
ского характера, коллекционирование исторических материалов и экспона-
тов, основание библиотек и читален, составление научно-воспитательных и
учебных курсов, проведение занятий, участие в съездах и собраниях русских
историков, поддержание связей с общественными и научными институтами
и объединениями, а также с отдельными историками в Чехословакии и за ее
пределами, участие в международных исторических конгрессах и съездах, в

организации публичных чтений, концертов, балов и театральных представлений, получения вознаграждений, пожертвований и учреждение собственных фондов¹⁴.

Общество просуществовало почти 20 лет. Его председателями после Е.Ф. Шмурло были А.А. Кизеветтер¹⁵, А.Н. Фатеев, А.В. Флоровский, Е.А. Ляцкий, П.А. Остроухов. В РИО входило более 60 членов. В основном это были жители Праги и ее окрестностей – Вшенор, Долней Шарки, Радошовице и Ржичан, Горного Мокропща, Розтоков. Но были и исключения: первое время К.О. Зайцев жил в Париже, затем перебрался в Прагу, потом уехал в Харбин, до Праги П.М. Бицилли проживал в Софии, Ф.В. Тарановский – в Белграде. С.Г. Вилинский работал в Брно. В конце 1920-х годов Г.В. Вернадский уехал в США, а П.Б. Струве перебрался в Париж.

Формальным днем основания Общества считается 7 апреля 1925 г., когда состоялось первое заседание РИО, хотя уже с мая 1923 г. группа русских историков в Праге начала периодически собираться для заслушивания докладов и обмена мнениями¹⁶. На этом заседании в Большой минералогической аудитории по адресу: улица Альбертов, 6 было решено обратиться с приглашением к ряду чешских профессоров-историков войти в состав Общества. В их числе назывались Я. Бидло, В. Бирнбраум, Й. Добиаш, Г. Фриедрих, Ф. Грох, Б. Грозны, О. Гуер, К. Хитил, К. Кадлец, М. Мурко, Й. Пекарж, Я. Шимак, И. Шуста, Х. Высоки, А. Мусил, Л. Неедлы, Ф. Новотны (из Брно), В. Новотны (из Праги), Ф. Пастернак, Я. Поливка, Ч. Зибарт, Й. Зубаты¹⁷. Вскоре почетным членом Общества стал ректор Карлова университета проф. Л. Нидерле, пожизненными членами Общества – чешский профессор Я. Бидло, д-ра Я. Славик, М. Мурко, К. Кадлец, И. Шуста. Всего к 1928 г. (кроме почетного члена) в РИО входили 59 действительных и шесть членов-сотрудников.

История трактовалась широко, членами Общества являлись не только специалисты по отечественной и зарубежной истории, источниковедению и историографии, которых насчитывалось чуть более 20, но и литературоведы, такие как А.Л. Бем, Е.К. Ляцкий, Р.В. Плетнев, философы И.И. Лапшин (он занимался историей искусства) и Д.И. Чижевский, лингвисты – П.М. Бицилли и А.Д. Григорьев, историки искусства И.И. Лапшин, Н.Л. Окунев, этнограф В.В. Саханев, византинист М.А. Андреева, историки права Ф.В. Тарновский, А.Н. Ясинский, О.О. Марков, которые интересовались историей вообще и историей своей научной дисциплины. Тематика научных докладов была весьма разнообразной, что объясняется то ли меньшей специализацией отдельных гуманитарных областей в то время, то ли энциклопедичностью знаний ученых тех лет, а, может быть, и тем, и другим. Наибольшее число историков, осевших в ЧСР, были специалистами по отечественной истории, вторую по числу группу составляли специализировавшиеся

по истории искусств и археологии, далее следовали слависты¹⁸ и византинисты¹⁹.

По уставу РИО собрания могли быть публичными и закрытыми, годичными (на которых решались не только научные, но и административные вопросы), торжественными и научными. Последние должны были проводиться по возможности не реже двух раз в месяц. На практике научные заседания так и проходили один-два раза в месяц, за исключением летнего периода. Желавший сделать доклад должен был подать письменные тезисы, они рассыпались членам Общества вместе с приглашением на заседание, в котором была обозначена повестка дня. На каждом заседании могли выслушать один доклад или два-три сообщения. Достаточно активно проходили обсуждения докладов, оппоненты, желавшие, чтобы их замечания были отмечены в протоколе, должны были подать их в письменном виде не позднее следующего заседания. Разнообразная тематика докладов расширяла кругозор, дискуссии будили научную мысль. Активно обсуждался основательный методологический доклад А.В. Флоровского «О типах исторического истолкования», зачитанный на двух заседаниях РИО. Большой интерес вызвал и доклад М.А. Циммермана «Священный союз и Лига наций. Историческая параллель». Научные заседания начинались, как правило, во второй половине дня и нередко затягивались допоздна, иногда приходилось переносить намеченные выступления на следующее заседание. За девять первых лет работы Общества были заслушаны и обсуждены 170 докладов, половина которых затем была опубликована в трех томах «Записок РИО», вышедших соответственно в 1927, 1930 и 1937 гг. Четвертый том «Записок» был подготовлен, но запрещен немецкой цензурой в 1941 г.²⁰ В первый том вошли отчеты о деятельности РИО за два года, тезисы всех прочитанных докладов, восемь докладов и статей членов Общества²¹, его объем составлял 11 печатных листов. Второй том (12 п.л.) содержал шесть научных докладов и две статьи членов Общества. Первый том вышел благодаря поддержке чехословацкого Президента Т.Г. Масарика, второй – спонсировал Славянский институт²². Ряд исторических статей был напечатан на русском и чешском языках в периодике, а также в четырехтомном издании «Научных трудов» Русского народного университета в Праге²³. С 1940 г. Общество существовало в рамках этого учебного заведения, которое дважды меняло название²⁴.

Русское историческое общество проводило и торжественные заседания в честь юбилеев и памятных дат. Так в феврале 1926 г. прошло торжественное публичное заседание в честь 60-летия профессора Л. Нидерле. Отдельные заседания посвящались памяти историков, писателей и поэтов: А.А. Корнилова (18 ноября 1925 г.), С.М. Соловьева (4 ноября 1929 г.), Н.М. Карамзина (21 февраля 1927 г.), Ф.И. Успенского, Л.Н. Толстого (22 октября 1928 и 10 января 1929 г.), А.С. Пушкина. Отмечались памятные да-

ты, связанные с русскими царями и императорами: 4 и 25 декабря 1925 г. состоялись заседания памяти Александра I, по случаю 100-летия со дня смерти²⁵; 21 марта 1929 г. Е.Ф. Шмурло рассказывал о царе Алексее Михайловиче в связи с 300-летием со дня его рождения, в апреле того же года слушали и обсуждали доклады о Екатерине II. Заседание РИО 3 мая 1927 г. было посвящено 50-летию Освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Ежегодно Общество устраивало вечера в Татьянин день.

Центральное место в исследованиях русских историков в ЧСР занимали вопросы российской истории. Проблемами Древней Руси занимались А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло, Г.В. Вернадский, Д.А. Расовский, М.В. Шахматов. Русской истории XIII–XVII вв. были посвящены работы Г.В. Вернадского, С.Г. Пушкирева, А.А. Кизеветтера, Б.А. Ереинова. Отечественная история XVIII–XIX вв. была представлена кроме упоминавшихся Вернадского, Пушкирева, Флоровского, Кизеветтера, такими учеными как Е.В. Спекторский, А.Н. Фатеев, И.И. Лаппо, П.А. Остроухов и др. С интересом обсуждались события периода правления Ивана Грозного, проблемы опричнины. О последней докладывали А.А. Кизеветтер и Е.Ф. Максимович. Не меньшей популярностью исследователей пользовалась эпоха Петра I. Так, 7 апреля 1925 г. Е.В. Спекторский выступал в РИО с докладом «Политические заветы Петра Великого»; в конце того же месяца Е.Ф. Шмурло, продолжая разговор о Петре Первом, выступил перед членами Общества на тему «Неизданная грамота Петра Великого 1705 г.»; а 27 мая С.Г. Пушкирев анализировал принципы торговой и промышленной политики Петра Великого²⁶. Большое внимание уделялось истории крепостного права в России. В 1936 г. 75-летие освобождения крестьян отметили специальным заседанием по этой проблеме.

В Обществе работали и военные историки. В.В. Чернавин делал доклад «История развития вооруженных сил России в период империи», В.В. Добрынин выступал на тему «К истории мировой войны. Участие в войне России». Хотя Общество и исключило из своей программы изучение событий недавнего прошлого, так как ему было сложно дать беспристрастную оценку, все-таки, как мы видим, на заседаниях обсуждались события Первой мировой войны. В 1927 г. М.А. Циммерман также выступил с докладом «Россия и черноморские проливы за время мировой войны». Кроме того, через обсуждение проблем переломных моментов в мировой истории и истории России, члены РИО выражали свое отношение к революции, взгляд на историческую роль и место России в Европе и мире, ее отношения с соседями, национальный вопрос. Несколько раз русские историки возвращались к обсуждению уже упоминавшейся петровской эпохи – началу модернизационных сдвигов в России, большое внимание уделялось восстанию

декабристов. В замечаниях к докладу А.А. Кизеветтера «Спорные вопросы в истории декабристов» С.Г. Пушкиров отмечал: «Не отрицая личной доблести и благородства декабристов, считаю политическую роль вождей вооруженного восстания отрицательной»²⁷. Далее он обосновывал свою точку зрения тем, что идея декабристов сделать Россию демократической республикой или конституционной монархией по западному образцу в то время являлась утопичной и неосуществимой, так как не имела социальной почвы, в России не было еще «третьего сословия», т. е. буржуазии как основного носителя конституционных идей. С другой стороны, по его словам, декабристы были «первыми сознательными жрецами идола революции», которому поклонялось большинство русской интеллигенции в XIX – начале XX в. Он писал: «Одним из главных источников, питавших революционный романтизм русской интеллигенции XIX в., было именно выступление декабристов, обвеявшее в сознании русского общества дымкой поэзии благородства дело революции, которая при своем действительном осуществлении в 1917 г. и следующих годах оказалось далеко не столь прекрасной и спасительной, как мы ее себе представляли»²⁸.

Внимательно рассматривалась членами РИО история общественной мысли и общественных движений в России. Г.В. Флоровский прочел доклад «Об истоках славянофильства», Д.И. Чижевский – «Славянофилы и Гегель», А.М. Петрункевич работал над книгой об Иване Киреевском. Еще одной темой, ставшей, кстати, модной у нас в последние годы, был взгляд на Россию извне, т. е. представления о России иностранцев. А.В. Флоровский в 1926 г. выступил с докладом «Новые данные о Руси араба Московейха», П.А. Остроухов – с докладом «Записки пленного шведского офицера о пребывании его в России в начале XVIII в.» Естественен и интерес к славяноведению, в частности к чешской и словацкой истории, русско-чешским и русско-словацким связям²⁹. Главная заслуга в области славистики принадлежала акад. В.А. Францеву. Осенью 1928 г. П.А. Остроухов выступил с докладом «Заметки чешского путешественника конца XVIII столетия о хозяйственном положении России», в мае следующего года Б.А. Евреинов сделал доклады «К пребыванию в Праге Ю.Ф. Самарина в 1867–68 гг.» и «Александр I в гостях у князя Шварценберга», Н.А. Еленев рассказывал о поездке великой княгини Елены Павловны в Богемию в 1813 г. Д.П. Севастьянов в конце 1929 г. озвучил отчет об исследованиях, проводившихся в Пряшевской Руси в 1923–1929 гг. Б.А. Евреинов исследовал частные архивы на юге Чехии. А.В. Флоровский в 1930 г. произнес доклад «Князь Витовт и Чехия», а в следующем – «Московская миссия чешских иезуитов конца XVII века». Он же являлся автором доклада «Чех-декабрист. Из истории русско-чешских отношений». В апреле 1938 г. С.Г. Пушкиров рассказывал об истории чешского средневекового города. Привлекала внимание не только исто-

рия, но и современная политика Чехословакии. Н.С. Жекулин в 1928 г. выступил с докладом «Экономическая политика ЧСР за 10 лет ее самостоятельного существования». Исследовалась история Закарпатья, вошедшего в состав ЧСР. Этой теме был посвящен доклад Ю.А. Яворского «Литературные отголоски русско-украинского периода в Закарпатской Руси 1919», сообщения В.В. Саханева о научной поездке по Карпатской Руси и о пересмотре точки зрения о времени появления русского населения в Закарпатье. Д.И. Дорошенко делал сообщение «Д.Н. Бантыш-Каменский и его "История Малой России"», В.А. Мякотин – «Прошение малороссийского шляхетства 1775 г.» и «Эпизод из истории закрепощения малорусского крестьянства». Б.А. Евреинов выступал с сообщением об источниках польской конституции 1815 г. А.Л. Погодин рассматривал теорию академика Соболевского о двояком происхождении славянского племени. Русские специалисты выступали и перед студентами Карлова университета: Н.Л. Окунев 6 марта 1926 г. прочитал им лекцию на чешском языке «Древности южных славян в свете современной науки»³⁰.

Не последнее место в исследованиях занимали источникование, историография и библиография. К пятилетию существования РИО возникла идея собрать списки научных работ его членов, выполненных за этот период, чтобы составить представление о научно-литературных силах, группировавшихся вокруг Общества. Планировалось по возможности опубликовать эти списки или оставить их в делах Общества для истории. Еще раньше, в 1928 г., на заседаниях РИО были заслушаны доклады А.В. Флоровского «Русская историческая наука в эмиграции, 1921–1926 гг.» и «Историческая наука на съезде русских ученых в Белграде», А.Ф. Изюмова «Русские архивы за десятилетие 1917–1927 гг.³¹», М.М. Карновича «Историческая наука в СШ Америки». И.И. Лаппо дал на чешском языке ценный общий обзор русской историографии, отдельным русским историкам посвящали свои статьи А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло, Г.В. Вернадский³². Многие историки одновременно активно сотрудничали и работали в Русском заграничном историческом архиве (РЗИА), созданном при Пражском Земгите в 1923 г., среди них Е.Ф. Шмурло, А.Ф. Изюмов, Н.И. Астрон, В.А. Мякотин, А.В. Флоровский, ген. В.В. Чернавин, А.А. Кизеветтер.

Наиболее активными докладчиками и оппонентами выступали А.А. Кизеветтер³³, Б.А. Евреинов³⁴, Е.Ф. Шмурло, Е.Ф. Максимович, М.В. Шахматов, С.Г. Пушкирев.

Члены РИО принимали участие в международных съездах историков, затем делали сообщения об этом на заседаниях Общества. 9 мая 1927 г. с докладами о состоявшемся в Белграде II Международном съезде византинистов выступили его участники: евразиец Г.В. Вернадский, известный византинист М.А. Андреева, А.П. Калитинский. 2 ноября 1927 г. А.В. Флоровский

рассказывал о конференции историков Восточной Европы и славянского мира в Варшаве. РИО вошло в состав учрежденной на этой конференции Федерации исторических обществ Восточной Европы. Члены Общества участвовали в Этнографическом и Географическом конгрессе в Кракове. 31 января 1929 г. П.Н. Савицкий докладывал о съезде историков в Осло³⁵.

В заседаниях РИО принимали участие и приезжавшие в Прагу ученые из других стран. 25 апреля 1929 г. доклад «Личность Костюшко в истории и в литературе» зачитал профессор Познаньского университета В.М. Козловский, П.Н. Милюков, приезжая из Парижа, нередко становился участником заседаний Общества: 11 апреля 1929 г. он присутствовал на выступлении А.А. Кизеветтера «Первое пятилетие правления Екатерины II», вызвавшем бурное обсуждение, 17 декабря он сам стал докладчиком, рассуждая о судьбе русской церкви в годы революции. В январе 1932 г. П.Н. Милюков предложил аудитории тему «Европа и Азия в климате и растительности европейской России», на этом же заседании последовал содоклад П.Н. Савицкого и диспут между ними. Милюков являлся решительным противником теории евразийства³⁶, П.Н. Савицкий – одним из ее создателей и пропагандистов³⁷. Он выступал и с отдельным докладом «Основные культурно-исторические миры российских равнин за последние 2 тысячелетия». В декабре 1934 г. в Доме инженеров члены РИО слушали лекцию А.И. Деникина «История борьбы с большевизмом в прошлом», организованную совместно с Союзом русских писателей и журналистов в ЧСР³⁸. Посещали заседания РИО и чешские коллеги-историки. На заседании по случаю 80-летия Е.Ф. Шмурло в январе 1934 г. приветственную речь произнес Ярослав Бидло³⁹. Информация о наиболее интересных докладах членов РИО попадала на страницы русских периодических изданий не только в Чехословакии, но и в Берлине, Париже⁴⁰.

В 1930-е годы все чаще стали происходить торжественные собрания РИО, посвященные памяти умерших членов общества и чешских коллег: 2 марта 1933 г. РИО вместе с Русским заграничным историческим архивом чествовали память проф. А.А. Кизеветтера. На собрании выступили его бывшие коллеги: Р.В. Плетнев, Е.Ф. Шмурло, С.Г. Пушкирев, Б.А. Евреинов, А.В. Флоровский, В.Г. Архангельский, А.Ф. Изюмов, Н.Ф. Новожилов. Там же было решено поставить памятник на его могиле и принять обращение к его многочисленным ученикам по Московскому университету, Высшим женским курсам, Лазаревскому институту, Театральному училищу, Коммерческому институту, Московскому городскому университету им. Шанявского, Русскому юридическому факультету в Праге, Русскому педагогическому институту имени Яна Амоса Коменского и Карлову университету прийти на помощь РИО в сборе средств на памятник⁴¹. Вскоре скончался и Е.Ф. Шмурло, в честь которого решили опубликовать сборник статей⁴².

В 1937 г. прошли заседание в память ушедших чешских профессоров Й. Пекаржа, Я. Бидло. В последнем году существования Общества (1944 г.) панихида заказывалась по 28 его почившим членам⁴³. Кроме того, во второй половине 1930-х годов в Обществе начались разлады, противоречия, ссоры. Эмиграция никогда не была единой, и в ее организациях это особо ярко проявлялось. Часть членов РИО покинула его ряды. Особо неблагоприятный период начался после оккупации и создания Протектората Богемия и Моравия. Но, несмотря на внутренний кризис, Общество продолжало существовать до того, как в 1944 г. немцами был закрыт РСУ (Русская ученая академия)⁴⁴.

Несмотря на то что работа историков, лишенных возможности использовать российские архивы, была затруднена, надо признать, что они активно занимались исследовательской деятельностью, переходили на новые темы, находили интересные повороты в старых, а также работали над обобщениями, создавали курсы лекций по русской истории. Немало способствовала этому возникшая при чехословацком МИД Славянская библиотека⁴⁵. Общество имело и свою небольшую библиотеку, в книжном фонде которой находились ценные издания XVIII в⁴⁶. Созданное старшим поколением историков Общество представляло собой хорошую школу для более молодых специалистов. Изучение деятельности русских историков за рубежом особенно важно для нас тем, что они сосредоточивали свое внимание на выявлении материалов по истории России в заграничных архивах, библиотеках, музеях, в европейской литературе. Русское историческое общество в Праге содействовало научному общению, публикации трудов, тесному сотрудничеству с чешскими учеными и продолжению лучших традиций отечественной науки.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 5764. Оп. 1. Д. 125. Л. 216; Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 27–28.

² А именно: Н.Н. Алейников, Д.Н. Вергун, проф. Г.В. Вернадский, Б.А. Евреинов, К.О. Зайцев, проф. А.А. Кизеветтер, проф. И.И. Лаппо, Е.Ф. Максимович, Н.Л. Окунев, П.А. Остроухов, И.О. Панас, С.Г. Пушкирев, П.Н. Савицкий, В.В. Саханев, проф. Е.В. Спекторский, проф. П.Б. Струве, проф. А.В. Флоровский, проф. Г.В. Флоровский, проф. В.А. Францев, М.В. Шахматов и проф. Е.Ф. Шмурло. (См.: ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 252. Л. 3 об.).

³ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 54–60.

⁴ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 718–719.

⁵ ГА РФ. Ф. 5891. Сергей Германович Пушкирев. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 252. Л. 9 об.

⁷ Там же. Д. 254. Л. 32.

- ⁸ Подробнее см.: Аксенова Е.П. Флоровский и Русское историческое общество в Праге // Ros-sica. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 1997. С.77–82.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 252. Л. 10 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 14 об.
- ¹¹ Там же. Л. 1–3.
- ¹² Там же. Л. 6 об.
- ¹³ Там же. Д. 256. Л. 18.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Подробнее о его жизни до Первой мировой войны см.: Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997.
- ¹⁶ Русские в Праге. 1918–1928 / Ред.-изд. С.П. Постников. Прага, 1928. С. 50.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 5891. Д. 252. Л. 8.
- ¹⁸ О русских и украинских ученых-славистах в ЧСР см. подробнее: Šimeček Z. Ruští a ukrajinci slavisté v meziválečném Československu // Slovanský přehled. 1993. № 1. S. 25–38.
- ¹⁹ Флоровский А.В. Русские историки-эмигранты в Праге // Русские в Праге... С. 262–263.
- ²⁰ Аксенова Е.П. Указ. соч. С. 77.
- ²¹ Русские в Праге... С. 51.
- ²² Русское историческое общество в Праге за девять лет существования: 1925–1934 гг. // Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья. Кн. 2. М., 2002. С. 227.
- ²³ Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930 гг.) Посвящается П.Б. Струве // Труды V съезда Академических организаций за границей. София, 1932. Ч. 1. // Сухарев Ю.Н. Указ.соч. С. 342.
- ²⁴ РНУ был открыт в 1923 г., в 1934 переименован в Русский свободный университет (РСУ), в 1942 – в Русскую ученую академию, в 1945 г. ему возвратили название РСУ. Окончательно прекратил деятельность в 1946 г. См.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С. 319–320.
- ²⁵ Кроме того, личность Александра I и его политика детально обсуждалась на целом ряде заседаний Общества во второй половине 1925 г., с докладами выступали: М.А. Циммерман «Священный союз Александра I и Лига Наций Вудро Вильсона» (2.10.1925), Г.В. Вернадский «Славянский вопрос в политике императора Александра I в первую половину его царствования» (4.12.1925), Е.Ф. Шмурло, Г.В. Вернадский «Характеристика Александра I» (16.12.1925), Д.Н. Вергун «Легенды о Федоре Кузьмиче и новейшие данные о гробницах императора Александра I» (23.12.1925) См.: Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника). М., 1998. С. 42, 46–47.
- ²⁶ Там же С. 38–40.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. 5891. Д. 254. Л. 6.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ О славистических исследованиях членов РИО см. также: Досталь М.Ю. Печатные источники для изучения истории славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992. С. 43–45.
- ³⁰ Историческая наука Российской эмиграции... С. 53.
- ³¹ ГА РФ. Ф. 5891. Д. 254. Л. 11.
- ³² Флоровский А.В. Указ.соч. С. 264.
- ³³ См. фрагмент из некролога А.А. Кизеветтера за подписью В. Саханева в кн.: Документы к истории русской и украинской эмиграции... С. 59.
- ³⁴ О работе Б.А. Евреинова как историка, его изысканиях русских материалов в чешских архивах см. подробнее фрагмент из некролога Б.А. Евреинова за подписью А.В. Флоровского // Документы к истории русской и украинской эмиграции... С. 60.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 254. Л. 14.

³⁶ Интерес в проблеме евразийства П.Н. Милюков проявлял и ранее. 17 октября 1927 г. он выступал в РИО с докладом «Научные основы евразийства» См.: Историческая наука российской эмиграции... С. 86.

³⁷ Подробнее о взглядах евразийцев см.: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997. *Voráček E.* Eurasijství v Ruském politickém myšlení. Osudy jednoho z porevolučních ideových směrů ruské meziválečné emigrace. Praha, 2004. Рец. на эту книгу см.: Славяноведение. 2005. № 5. С. 90–92.

³⁸ Всего состоялось 3 лекции А.И. Денинина в Праге 19, 21 и 22 декабря 1934 г. Последняя и была прочитана на закрытом заседании РИО и СРПиЖ в ЧСР (См.: Документы к истории русской и украинской эмиграции... С.100, 103.).

³⁹ ГА РФ. Д. 255. Л. 20

⁴⁰ Так, газета «Возрождение» 26 октября 1926 г. сообщала о лекции А.А. Кизеветтера в Карловом университете на тему «Главные этапы исторического развития России в XIX–XX вв.» (См.: Историческая наука российской эмиграции... С. 64).

⁴¹ ГА РФ.Ф. 5891. Д. 254. Л. 21.

⁴² Памятный сборник, посвященный Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтеру и Б.А. Евреинову, был опубликован в объеме 23 п.л. с 5 илл. (См.: ГА РФ. Ф. 5891. Д. 255. Л. 32, 50).

⁴³ Среди них: Н.И. Алейников, Н.И. Астрров, З.М. Беляев, Я. Бидло, Н.М. Беляев, В.В. Добринин, Б.А. Евреинов, Н.С. Жекулин, С.В. Завадский, М.А. Иностранцев, А.А. Кизеветтер, В.А. Косинский, Е.Н. Клетнова, Н.М. Могилянский, В.А. Мякотин, А.В. Попов, Ф.В. Тарановский, В.Н. Тукалевский, М.А. Циммерман, Е.Ф. Шмурло, Ю.А. Яворский, Е.А. Ляцкий, Д.А. Расовский, В.В. Саханев, В.А. Францев, П.Н. Милюков, П.Б. Струве, М.В. Шахматов. (См.: ГА РФ. Ф. 5891. Оп. I. Д. 255. Л. 47).

⁴⁴ Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. Русская ученая академия в Праге в годы Второй мировой войны // Славяноведение. 2001. № 4. С. 31–54.

⁴⁵ Русское историческое общество в Праге за девять лет существования.... С. 223–224.

⁴⁶ Там же. С. 226.

Л.И. Петрушева
(Москва)

Русский заграничный исторический архив и ученые-эмигранты в Чехословакии

Русский заграничный исторический архив (РЗИА) был создан в 1923 г. в одном из крупнейших центров русской эмиграции – Праге. Значение образования РЗИА вышло далеко за рамки создания просто эмигрантского архивного учреждения. Оно явилось убедительным примером стремления послеоктябрьской эмиграции из России не просто собрать в изгнании документальные свидетельства, принадлежавшие истории покинутой Родины, но и желания сохранить родную культуру и язык, объединить разбросанных по разным странам соотечественников.

Возникновение РЗИА произошло благодаря усилиям большого числа русских эмигрантов, принявших активное участие в организации его деятельности, а также тех, кто доверил архиву хранение своих документальных собраний. Говорить о приоритетной роли кого-либо в этом деле чрезвычайно трудно. Тем не менее следует признать, что особая заслуга в организации одного из первых и крупнейших архивов русской эмиграции принадлежала ученым-гуманитариям, проживавшим в межвоенный период в Чехословакии. Создание РЗИА происходило в рамках проводимой правительством этой страны «русской акции», предусматривавшей в числе других мер целенаправленное финансирование через МИД ЧСР деятельности архива. К образованию архива были привлечены многие видные государственные и научные деятели Чехословакии, среди них – Э. Бенеш, В. Гирса, П. Макса, З. Завазал, Я. Славик и многие другие.

Идея организации и первые шаги по ее реализации были предприняты членами Объединения земских и городских деятелей в Чехословакской республике (Земгор). Некоторые из них впоследствии стали сотрудниками архива и членами его Ученого совета. Среди них первый управляющий архивом В.Я. Гуревич, сменивший его на этом посту В.Г. Архангельский, а также Ф.С. Мансветов, С.Н. Николаев, Г.И. Шрейдер, Н.И. Астрон. В Совет РЗИА входил председатель пражского Земгора И.М. Брушвит.

В Чехословакии смогли продолжить свою научную деятельность многие известные ученые из России, в том числе и высланные в 1922 г. В 1922–1923 гг. чешское правительство оказывало поддержку 97 русским профессорам, в 1926 г. – 130. Русскую историческую науку в Чехословакии в этот период представляло более 20 ученых, входивших в состав Исторического

общества. Большинство из них в разные периоды деятельности архива также были его сотрудниками или входили в Совет и Ученую комиссию. Прежде всего среди них следует назвать Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтера, В.А. Мякотина, П.Б. Струве, И.И. Лаппо, С.Г. Пушкирева, В.В. Саханова, П.Н. Савицкого, А.В. Флоровского, Е.Ф. Максимовича и др. Около двадцати лет своей жизни в эмиграции посвятил работе в архиве историк-архивист А.Ф. Изюмов, возглавлявший Рукописный отдел.

В тесном взаимодействии с РЗИА работали не только члены пражского Земгора и Исторического общества в Праге, но члены Философского общества, сотрудники юридического факультета Русского научного университета, члены многих педагогических и культурно-просветительских организаций.

Большую роль в организации архива сыграли видные ученые юристы, а также политические и общественные деятели, имевшие юридическое образование. К их числу кроме В.Я. Гуревича и Н.И. Астрова относились В.М. Краснов, А.М. Цыганков, В.Л. Горн, В.Н. Челищев, И.Д. Голуб, Д.И. Мейснер, П.С. Бобровский, Н.П. Цветков, М.М. Зайцев, А.Н. Фатеев и др.

С историей создания РЗИА связаны имена большого числа известных представителей русской эмиграции. Роль каждого из них в деятельности архива заслуживает отдельного разговора. В настоящей статье речь пойдет о первом управляющем РЗИА – В.Я. Гуревиче.

Виссарион Яковлевич Гуревич родился в 1876 г. в городе Териоки (Финляндия), окончил Петербургский университет (физико-математический факультет и юридический факультет). В 1902–1903 г. он был студентом философского факультета Берлинского университета. Работал в Гражданском кассационном департаменте Министерства юстиции и в Министерстве финансов. В 1908 г. по собственному желанию вышел в отставку и занялся адвокатской деятельностью. В 1909 г. получил звание присяжного поверенного. Участвовал в деятельности земских учреждений в Туле. Занимался активной политической деятельностью. Являлся членом ЦК партии трудовиков. Работал при трудовой фракции в составе четырех Государственных дум. В 1914 г. Гуревич был сослан в административную ссылку на пять лет в Восточную Сибирь. В 1917 г. был избран в ЦК партии эсеров. Во Временном правительстве являлся товарищем министра внутренних дел. Состоял членом Совещания по выработке положения о выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Являлся кандидатом в Учредительное собрание от Тулы. После разгона Учредительного собрания был представителем Комуча при Сибирской областной Думе, членом и председателем юридического совещания при Directorate. В декабре 1920 г. Гуревич из Владивостока прибыл в Китай. В апреле 1921 г. из Шанхая с чехословакским транспортом

прибыл в Европу. Входил в состав пражского Земгора, с сентября 1921 по март 1922 г. занимал пост его председателя, работал в газете «Воля России». В 1921 г. он предполагал через Берлин выехать в Москву для участия в процессе над эсерами. Но ввиду отсутствия гарантии безопасности на процесс не поехал, оставался в Берлине до 1923 г. Летом 1923 г. Гуревич был приглашен Земгорою занять должность заведующего Пражским архивом. Одновременно он являлся членом совета Русского народного университета. Был зачислен на юридический факультет для получения магистерской степени. В 1927 г., как написал сам В.Я. Гуревич в своей автобиографии, был отчислен с факультета за «несоставление отчетов»¹.

На должность управляющего Пражским архивом В.Я. Гуревич был приглашен не случайно. Были приняты во внимание не только его несомненные организаторские способности. Важным обстоятельством явилась его работа над историей русской революции и собирание исторических материалов, необходимых для этого. В.Я. Гуревич являлся автором таких работ, как «История Гражданской войны в Восточной России», «Чехословацкое движение в России в период войны и революции». Архивохранилище, которым он был назначен руководить, называлось в тот период Архивом русской эмиграции.

Работу на посту его заведующего В.Я. Гуревичу пришлось начинать с «нуля». В сентябре 1923 г., выделившись из Библиотеки Земгора, архив не имел помещений, денежных средств, специального инвентаря. Как написал В.Я. Гуревич в своем первом отчете Земгорою о работе в 1924 г., архив составлял один полный комплект и несколько разрозненных экземпляров старых газет, немного книг мемуарного жанра².

С первого дня работы В.Я. Гуревич приступил к переговорам с видными политическими и общественными деятелями эмиграции и учеными об оказании помощи в розыске архивных материалов и установлении связей с владельцами исторических собраний документов. С этой целью в ряде эмигрантских газет и журналов были опубликованы обращения к эмигрантам, в которых излагались цели и задачи, поставленные перед архивом. В одном из таких обращений говорилось: «...В недрах русской эмиграции происходит такая работа, которая впоследствии будет иметь огромное историческое значение... К сожалению, результаты этой работы, материалы, отражавшие ее достижения, разбросаны по бесконечному пространству земного шара у отдельных учреждений и отдельных лиц... Нет органа и организации, которые занялись бы собиранием и их систематизацией. А между тем эти материалы, отражающие одну из величайших эпох в Русской истории, представляют колоссальную ценность для будущих историков... и судеб России»³.

Кроме того, В.Я. Гуревич начал вести обширную переписку с эмигрантами и эмиграントскими организациями, как в самой Чехословакии, так и в других странах.

О масштабах проделанной работы свидетельствуют следующие данные: за первые четыре месяца архивом было отправлено 507 писем, что вскоре принесло первые положительные результаты. Уже в 1924 г. 70 редакций различных газет и журналов согласились бесплатно передавать архиву свои издания⁴. В этот период в составе архива появились такие ценные, как журналы «Жар-птица», «Современные записки», газеты «Последние новости», «Руль», «Звено» и др.

В начале 1924 г. В.Я. Гуревич обратился к руководителю Славянской библиотеки в Праге В.Н. Тукалевскому с просьбой о продаже Пражскому архиву газет за 1917 г., а также других периодических изданий, имевшихся в библиотеке в двух экземплярах. Кроме того, В.Н. Тукалевскому было сделано предложение рассмотреть вопрос о передаче РЗИА его личного фонда. В 1924 г. В.Я. Гуревич обратился с подобным предложением к руководству Земгора, которое стало передавать в РЗИА материалы, отражающие его деятельность.

Интенсивная работа проводилась не только в Чехословакии, но и Германии, Франции, Прибалтике, на Балканах, Турции, Китае. Именно в это время был заложен институт представительства архива в странах русского рассеяния.

В 1925 г. насчитывалось уже 14 его представителей, которые способствовали работе архива в Париже, Берлине, Белграде, Софии, Харбине, Варшаве, Ревеле, Константинополе, Риме, Бизерте, Нью-Йорке, Бухаресте, Лондоне, Лозанне⁵. К 1928 г. число их возросло до 30 человек.

Положительные результаты принесли и специально организованные управляющим архивом В.Я. Гуревичем поездки сотрудников в крупные центры русской эмиграции – Францию, Германию, Болгарию.

Уже в 1924 г. в архив поступили первые архивные фонды, среди которых были такие, как Константинопольское Бюро по регистрации русских эмигрантов, Бюро «Народного Союза защиты Родины и Свободы», материалы ряда политических партий – эсеров, кадетов, некоторых монархических организаций. В архив были переданы личные фонды В.Л. Бурцева, А.В. Амфитеатрова.

В октябре 1923 г. архиву было выделено помещение в Тосканском дворце на ул. Венцигова, д. 17. Первоначально оно состояло из одной комнаты. В ноябре архив приступил к разбору, учету и описанию первых собраний архивных материалов – коллекций фотографий, рисунков, плакатов, листовок, материалов периодической печати.

К работе были привлечены историки А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, Е.Ф. Шмурло и генерал В.В. Чернавин, которые вошли в Ученую комиссию архива.

На должный уровень была поставлена работа по регистрации и систематизации документальных поступлений. В архиве были заведены и регулярно велись инвентарные книги поступлений. Сотрудники приступили к составлению каталогов.

С 1924 г. в архиве стали работать старшими архивариусами С.П. Постников, возглавивший книжный отдел, Л.Ф. Магеровский, возглавивший газетный отдел, конторщиками Н.С. Бобровский, А.Н. Кирпичев, Н.П. Цветков. Должность машинистки занимала П.А. Азаневская, курьера – В.Н. Ахроменко. В 1925 г. штат архива был увеличен. Были приняты на должность старшего архивариуса А.Ф. Изюмов, возглавивший, как говорилось выше, рукописный отдел, на должность секретаря – В.М. Краснов, на должности делопроизводителей – М.Л. Ляхович, Е.М. Эфруssi, М.С. Стакевич, на должность бухгалтера – С.А. Шепихин⁶.

В августе 1924 г. было утверждено положение об архиве, который получил новое название – Русский заграничный исторический архив. Смена названия свидетельствовала о расширении задач, поставленных перед учреждением. Архив приступил к собиранию материалов, связанных не только с историей событий 1917 г. и Гражданской войны, но документов, отражающих жизнь и деятельность русской эмиграции в разных странах. Согласно положению РЗИА не являлся самостоятельным юридическим лицом. Архив состоял при Объединении земских и городских деятелей в Чехословакии, но в своей деятельности имел определенную автономию.

Как не стремились сотрудники РЗИА быть в стороне от политики, она не могла не присутствовать в их работе. История деятельности архива содержит многочисленные примеры того, как на выбор места хранения документов оказывали влияние политические взгляды и пристрастия фондовладельца. Значительное число владельцев документов занимали осторожную позицию и не спешили передавать их в Пражский архив. Такая позиция отчасти объяснялась их отношением к руководству Чехословакии из-за действий Чешского корпуса в Сибири в годы Гражданской войны, а также отношением к «левому» составу сотрудников РЗИА. Но были в работе РЗИА и серьезные преимущества, выгодно отличавшие его от других центров хранения документов по истории русской эмиграции. Изначально архив формировался для дальнейшей передачи его собраний России, конечно, после установления там демократического строя. Это обстоятельство явилось серьезным аргументом в пользу передачи дел в РЗИА для многих фондоодержателей. Не последнюю роль в выработке такой позиции архива сыграл лично В.Я. Гуревич.

Согласно положению в РЗИА были созданы Совет архива и Ученая комиссия, куда вошли многие известные ученые и общественные деятели, и не только из числа проживавших в Чехословакии. В состав Совета РЗИА входили В.Л. Бурцев и П.Н. Милюков, проживавшие во Франции.

МИД Чехословакии ежемесячно выделял 60 000 крон на работу архива⁷. Для приобретения особо ценных документов нередко выделялись дополнительные денежные средства.

О размахе собирательской деятельности уже в первый год работы РЗИА свидетельствуют следующие цифры: в составе архива хранилось 845 наименований книг и журналов, газетный фонд насчитывал 930 названий. В архивном отделе числилось 39 фондов⁸.

РЗИА становился крупным и авторитетным научным учреждением. Уже в этот период Пражскому архиву удалось заложить основы своей будущей деятельности, наметить основные направления, которые впоследствии главным образом развивались и корректировались.

К тому моменту, когда закончился первый этап в деятельности РЗИА, проходивший в рамках «русской акции», архиву удалось добиться больших и убедительных результатов в своей работе. К 1928 г. архивом было собрано 218 565 листов документов, 357 названий рукописей, 21 009 номеров журналов, 190 339 номеров газет⁹. Книга регистрации поступлений только рукописного отдела РЗИА по состоянию на декабрь 1927 г. включительно содержала 7 100 записей¹⁰.

О масштабе собирательской деятельности РЗИА свидетельствует и тот факт, что к началу 1928 г. архив ощущал серьезный недостаток в помещениях, несмотря на то, что занимал уже два этажа выделенного здания.

Помещения архива были оборудованы специальной вентиляцией, противопожарными средствами, охранной сигнализацией, металлическими сейфами для особо ценных документов.

Материалы РЗИА активно изучались посетителями архива. К 1928 г. исследователями было сделано 437 посещений¹¹.

С 1928 г. начался второй этап в истории РЗИА. Он характеризовался прежде всего окончанием «Русской акции» в Чехословакии, повлекшим за собой сокращение денежной помощи русским эмигрантским организациям, что привело к закрытию многих из них. В этих условиях практически единственной возможностью спасти РЗИА от подобной участи являлась его передача МИД Чехословакии. Эта вынужденная мера означала изменение статуса архива. Он перестал быть общественной эмигрантской организацией.

25 февраля 1927 г. Земгор отправил в Русский отдел МИД ЧСР письмо, в котором проинформировал о том, что на чрезвычайном общем собрании Объединения, состоявшемся 29 января 1927 г., было принято решение о пе-

редаче прав собственности на РЗИА внешнеполитическому ведомству Чехословакии¹².

Хотя за РЗИА сохранялись его прежние функции, подобная реформа не могла не отразиться на организационной и кадровой работе архива. По новому положению общее руководство, надзор и контроль за его работой принадлежали уполномоченному МИД. Им был назначен профессор Я. Славик. Управляющему архивом принадлежало руководство лишь текущей работой архива. Были сокращены функции Совета и Ученой комиссии архива. Новое положение об архиве было утверждено 25 июня 1928 г.

Отношение к такому решению вопроса со стороны эмиграции было неоднозначным. У многих оно вызвало озабоченность и тревогу. Так, член Совета архива с 1924 г. В.Л. Бурцев в своем письме к В.Я. Гуревичу от 8 марта 1928 г. написал: «Вы меня огорчили известием, что Ваши чехи сходят с ума и хотят что-то сделать несуразное с архивом. Неужели можно предположить, что они пойдут еще дальше и захотят нарушить основное положение архива, что это архив русский, а не чешский, и, следовательно, при изменившихся обстоятельствах он может и должен быть перевезен в Россию»¹³.

Резко негативную оценку включения РЗИА в состав МИД ЧСР дал сам В.Я. Гуревич, предложив всем русским уйти из архива. Такая реакция со стороны управляющего архивом вызвала серьезное недовольство со стороны чешских властей. Предложение В.Я. Гуревича не получило поддержки у сотрудников архива, членов Совета и руководства пражского Земгора.

15 мая 1928 г. Советом архива в связи с введением нового положения были проведены перевыборы управляющего архивом. На эту должность вместо В.Я. Гуревича большинством голосов был избран В.Г. Архангельский.

Перевыборы по своей сути и форме больше напоминали отставку В.Я. Гуревича. Смещение не было связано с какими-либо недостатками в работе управляющего архивом. Наоборот, отмечались серьезные достижения в деятельности этого учреждения.

Формально в вину В.Я. Гуревичу было поставлено нарушение финансовой дисциплины, проявившейся в более длительном хранении денежных средств архива в созданной в 1926 г. ссудо-сберегательной кассе «Славянская взаимность». По решению хозяйственной комиссии РЗИА этот срок не должен был превышать четырех месяцев.

Главные же причины смены руководителя крылись в изменении отношения к В.Я. Гуревичу со стороны руководства МИД. Определенную роль сыграла активная публичная политическая деятельность В.Я. Гуревича, что, по мнению многих, вредило репутации РЗИА. Руководство пражского Земгора первоначально предполагало при проведении перевыборов вновь пред-

ложить кандидатуру В.Я. Гуревича, но изменило свое решение, не предупредив его об этом.

На заседании Совета кроме кандидатуры В.Г. Архангельского выдвигались также кандидатуры Н.И. Астрова и А.Ф. Изюмова. Последнего поддержал В.Я. Гуревич. Н.И. Астрон и А.Ф. Изюмовы сняли свои кандидатуры. В голосовании как штатные сотрудники архива отказались участвовать С.П. Постников, А.Ф. Изюмов и Л.Ф. Магеровский. Не приняли участия в голосовании Ф.С. Мансветов, Г.И. Шрейдер и В.Я. Гуревич. Голосовало всего восемь человек, которые избрали управляющим бывшего заведующего Библиотекой Земгора В.Г. Архангельского. До утверждения его кандидатуры МИД ЧСР исполняющим обязанности управляющего был назначен А.Ф. Изюмов¹⁴.

Среди участников заседания у В.Я. Гуревича были и сторонники. Так, Ф.С. Мансветов на заседании Совета предлагал включить В.Я. Гуревича хотя бы в состав будущего Совета, «ибо долг Совета отметить работу бывшего управляющего и организатора архива». Такую же позицию занял Г.И. Шрейдер, предлагая «воспользоваться опытом и знаниями В.Я. Гуревича, которых у других нет»¹⁵. Это предложение также не было принято.

Перевыборы управляющего РЗИА не остались незамеченными в среде русской эмиграции. Противники В.Я. Гуревича отнеслись к этому событию с одобрением. Сторонники высказали ему свое сочувствие. Так, Б.И. Николаевский, прочитав сообщение о смене руководства РЗИА в газете «Руль», в своем письме к В.Я. Гуревичу от 16 июня 1928 г. написал: «Во всяком случае, Виссарион Яковлевич, одного отнять у Вас не смогут: архив исторический создан Вами. Если бы не Вы, его никогда не было бы»¹⁶.

Пражская же группа заграничного Союза партии эсеров во главе с В.М. Черновым, обсудив данный вопрос на своем собрании 23 мая 1928 г., обратилась в Земгор с выражением своего несогласия, утверждая, что замена В.Я. Гуревича на В.Г. Архангельского, «старого человека, слабого здоровья, не знавшего книжного дела», вредит делу и имеет, без сомнения, политическую окраску.

Вряд ли следует делать какие-либо особые выводы из истории со сменившей управляющего РЗИА, произошедшей в 1928 г. Как подтверждают многочисленные архивные материалы, политические взгляды и пристрастия играли большую роль в жизни русской эмиграции в тот период. Деятельность РЗИА по собиранию и хранению документов по истории России и российской эмиграции и в новых условиях следует также признать очень плодотворной и эффективной. Архив ежегодно продолжал пополняться новыми ценнейшими документальными материалами. В 1928 г. было положено начало издательской деятельности архива. Публиковались отчеты РЗИА

о работе, издавались сборники документов. В 1931 г. РЗИА приступил к целенаправленному собиранию архивов русской литературной эмиграции. В 1934 г. в состав РЗИА вошел Донской казачий исторический архив, документальные собрания которого значительно пополнили богатые архивные фонды. Следует подчеркнуть, что и в этот период большую роль в работе архива также играли прежде всего русские ученые, проживавшие в Чехословакии. Архив пополнился новыми научными кадрами, на их плечи в этих не менее трудных условиях, легло выполнение весьма важных задач, с которыми они успешно справлялись. Их роль в работе РЗИА по-настоящему еще не оценена и ждет своего исследователя¹⁷.

Примечания

¹ Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), Ф. 7030. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

² Там же. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

³ Там же. Ф. Р-5809. Оп. 1. Д. 237. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 116. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 116. Л. 7 об.

⁶ Там же. Ф. Р-5910. Оп. 1. Д. 65. Л. 52.

⁷ Там же. Д. 65. Л. 43.

⁸ Там же. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 116. Л. 8.

⁹ Там же. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 114. 2 об.

¹⁰ Там же. Д. 7030. Оп. 1. Д. 224. Л. 68 об.

¹¹ Постников С.П. Русские в Праге. Прага, 1928, С. 50.

¹² ГА РФ. Ф. 3-5764. Оп. 1. Д. 182. Л. 8а.

¹³ Там же. Ф. Р-5910. Оп. 1. Д. 68. Л. 109.

¹⁴ Там же. Ф. Р-5910. Оп. 1. Д. 66. Л. 44.

¹⁵ Там же. Д. 66. Л. 8.

¹⁶ Там же. Ф. Р-5910. Оп. 1. Д. 68. Л. 21.

¹⁷ О других аспектах деятельности РЗИА см.: Павлова Т.Ф. Предисловие. // Фонды русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 5–32. Там же указана литература вопроса. Сверх того см.: Досталь М.Ю. Международные научные связи советских славистов в 40-е годы XX века. // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 270–275. (Прим. ред.)

Ю. Янчаркова
(Прага)

Николай Львович Окунев: Архив и Галерея славянского искусства

Имя профессора Н.Л. Окунева неразрывно связано с историей византийского, древнерусского, а, в первую очередь, средневекового сербского искусства. Изучение им ансамбля живописи церкви Федора Стратилата в Новгороде, ряд важных находок в архитектуре храмов Святой Софии в Константинополе и в Киеве, целый список введенных впервые в научный оборот крупнейших памятников византийского и сербского искусства, расположенных на территории Сербии, – все это факты известные, хотя, по настоящему еще и неоцененные. Интерес Н.Л. Окунева к искусству XVIII–XX вв. пока что остается в тени. Именно этой, важной для характеристики ученого, теме и посвящается наша статья.

Н.Л. Окунев приехал в Прагу 1 марта 1923 г. по приглашению Министерства иностранных дел ЧСР для чтения лекций в высших школах для русских студентов-эмигрантов. В декабре 1925 г. он был принят на должность профессора философского факультета Карлова университета и стал прямым продолжателем академика Н.П. Кондакова. В 1929 г. Н.Л. Окунев встает во главе организованного в университете Семинария византийского и восточнославянского искусства. Тогда же его избрали действительным членом возникшего незадолго до этого в Праге Славянского института (СИ)¹, он стал членом Византиноведческой комиссии СИ и принял живейшее участие в издании ее печатного органа – журнала «Бизантинославика».

Началу активной деятельности СИ предшествовал длительный процесс теоретической и практической подготовки. Именно он повлиял на формирование важнейших подразделений и направлений работы этой организации. Так, филолог-славист, член-корреспондент Российской академии наук Г.А. Ильинский в преддверии открытия Славянского института опубликовал программную статью в журнале «Slovanský přehled»², в которой определил задачи подобных учреждений. Ильинский разделил их на научные и практические, к последним он относил организацию библиотек, экскурсий, подготовку всевозможных популярных изданий. Данную программу уточнил Р. Завилинский, предложивший на базе Института создать некий единый центр для взаимосближения и развития контактов пяти славянских стран в области изобразительного искусства³. Таким образом, к 1929 г. мы можем отнести возникновение идеи учреждения некого Отдела славянских ис-

кусств, несколько позднее переосмысленной и реализованной Н.Л. Окуневым.

Вероятно, у большой инициативы, осуществленной русским искусствоведом, было и еще одно предшествующее звено. Им являлся почин доктора философии, преподавателя гимназии в Братиславе А. Странского, основать при Славянском институте Архив истории искусства славянских народов и объяснившего цели и смысл новообразования на страницах уже упоминавшегося журнала «Slovanský přehled»⁴. Странский углубился в историю науки и констатировал, что крупнейший центр, занимавшийся в частности и комплексом проблем истории и искусства Сербии, Македонии, Болгарии, — Русский археологический институт в Константинополе (РАИК), закончил свою деятельность. Он констатировал завершившиеся неудачей попытки русских эмигрантов претендовать на имущество РАИК и неосуществившиеся намерения чешского правительства приобрести его путем покупки. Отсутствие в славянских странах единого крупного центра, а также основание в Праге благодаря Н.П. Кондакову и Н.Л. Окуневу «художественно-исторической школы», являлись, по мнению Странского, важными предпосылками для создания в Чехословакии центрального хранилища, призванного сосредоточить массу фотографического и документального материала⁵. На его базе могло бы работать целое археологическое отделение, которое объединило бы всех, как местных, так и иностранных, включая советских, специалистов. В интерпретации Странского идея, в своей грандиозности, была несколько утопической.

Все высказанные предложения подготовили к концу 1920-х годов почву для возникновения при Славянском институте Отделения документальных фондов искусства и истории славян. Поднять большое по организации дело, а, главное, направить его в нужное русло, целесообразно использовав пусть небольшие, но выделяемые институтом и Министерством образования и просвещения ЧСР финансовые средства на то, что необходимо спасти и сохранить в первую очередь, смог бывший учений секретарь РАИК, специалист, имевший опыт работы с памятниками средневекового и современного искусства, Н.Л. Окунев.

Архив славянского искусства⁶ был основан им в 1932 г. с целью «научной обработки и консервации всяческой документации, относящейся к изобразительному искусству всех славянских народов как древности, так и нового времени»⁷. Архив состоял только из двух отделений — русского и югославянского, остальные так и не удалось открыть в связи с нехваткой средств. Стратегической задачей Окунева и главным направлением деятельности Русского отдела, о котором пойдет речь в нашей статье, стало спасение произведений русских художников-эмигрантов, разбросанных по всему миру. Ученый понимал, что Россия лишается грандиозной части

своей национальной культуры, которая в виде художественных полотен, рисунков, скульптур и документов стремительно и бесконтрольно передвигается из города в город, из страны в страну, меняя хозяев, оседая в руках случайных владельцев, отрываясь от почвы и теряя свою принадлежность к ней. Окунев констатировал и письменно объяснял тот факт, что безвозвратно уходит в предание драгоценная информация, а без нее не на чем будет в будущем создавать оборвавшуюся после революции историю культуры.

Нужно подчеркнуть, что Окунев занялся организаторской, собирательской, популяризаторской и научной работой в области русского изобразительного искусства XX столетия в ущерб главному предмету своей научной деятельности. Причиной тому было осознание и глубокое переживание ученым трагедии, совершающейся в современном художественном мире.

Окуневу удалось убедить коллег из Славянского института, принявших все аргументы и поддержавших в 1932 г. его предложение. Стоит отметить, что дело осложняло отсутствие необходимых материальных средств. Оказала влияние на успех мероприятия и меняющаяся политическая атмосфера: признание Чехословакией Советского Союза *de jure* в 1935 г. стало началом конца данной инициативы.

Три года, с 1932 по 1935-й, когда все относительно благоприятствовало начинанию, Н.Л. Окунев использовал с максимальным эффектом. Первым шагом искушенного в подобных вопросах ученого, одного из авторов-составителей энциклопедии Брокгауза и Ефона, на поприще создания архива стала регистрация русских художников, проживающих за границей, разработка подробнейшего вопросника и рассылка его по адресам. Для представления масштаба мероприятия приведем некоторые цифры. Окуневым было зарегистрировано в 1932 г. 554 мастера, проживающих в Чехословакии, Франции, США, Германии, Англии, Финляндии, Венгрии, Греции, Китае, Египте, Сирии, Турции, Мексике и других странах, ученым было установлено 386 почтовых адресов. На отправленные анкеты ответило 109 адресатов.

Обратимся к характеру опросного листа. Он содержал 20 пунктов. Кроме стандартных — имени, даты и места рождения, образования, принадлежности к группировкам и художественным обществам и выставочной деятельности, необходимо было привести данные, касающиеся периода эмиграции. Мастерам задавались такие важные для историков искусства вопросы, как «где Вы проживали с момента отъезда из России?», «является ли художественная деятельность Вашей главной профессией или Вы вынуждены работать где-то еще?», «если Вы работаете где-то еще, то где?», «подписываете ли Вы свои произведения и, если да, то как?», «список Ваших наиболее удачных произведений, в чьем владении они находятся?»⁸. К запол-

ненному вопроснику Окунев просил анкетируемых приложить и иллюстрации: фотографии, репродукции, печатные заметки, даже книги.

К концу первого года работы коллекция Русского отдела Архива насчитывала 891 фотографию и 124 единицы документальных материалов. Деятельность Окунева получила в интеллектуальных кругах русской эмиграции широкий общественный резонанс и многостороннюю поддержку. Художники, оценившие важность миссии, передали в дар Архиву ряд своих работ.

Первыми произведениями, прибывшими во вновь возникшее собрание были картины А. Бенуа и В. Ландшевской, цикл гуашей Н. Гончаровой под названием «Литургия», насчитывавший, по одним данным 14, по другим – 16 листов, большое полотно О. Браза «Мост в Новгороде». Так в 1932–1933 гг. возникла Галерея славянского искусства, ставшая частью Архива. В конце 1933 г. в коллекции насчитывалось 30 произведений, принадлежавших кисти известных русских мастеров, преподнесенных ими СИ в качестве дара.

Окунев понимал, что свои лучшие полотна авторы будут стараться продать, а не подарить, и, чтобы сохранять хотя бы часть наиболее ценного в художественном наследии, он придумал вариант так называемого временного хранения в Галерее славянского искусства. Условием был показ и доступность созданий художников широкой публике. Так, собрание уже в 1933 г. пополнилось картинами А. Яковleva, З. Серебряковой, В. Шухаева, О. Браза, ожидались и новые ценные поступления.

Эти приобретения сразу же поставили вопрос о необходимости помещения. На совещании комиссии по делам Архива и галереи, состоявшемся 15 февраля 1934 г., возникло предложение влиться в строящееся здание Галереи города Праги в качестве ее самостоятельного Славянского отдела. Окунев начал готовить прошение в городской совет. Картины было решено временно разместить в стенах Славянского института, занимавшего этаж в Лобковицком дворце. Доктор Я. Тон вынес предложение компенсировать хозяевам полотен труднодоступность картин массовому зрителю периодическим проведением выставок.

Так началась организация «Большой исторической выставки русского искусства XVIII–XX столетий»⁹. Она состоялась весной 1935 г. во дворце Клам-Галласов в Праге и стала переломным этапом в формировании коллекции Славянского института.

Окунев, несмотря на всю сложность организации, собрал в столице ЧСР свыше 450 произведений из чешских и европейских коллекций. На выставке, устроенной СИ, были представлены произведения из фондов Архива и Галереи славянского искусства СИ, Каракской галереи, Государственной пражской галереи современного искусства, из коллекций Министерства образования и просвещения Чехословакии и Сберегательного банка.

Посетитель выставки мог составить и представление о русском искусстве, находившемся в частных руках. Собрание А. Амброжовой, показанное Окуневым, например, включало картины Репина, Маковского, Постникова, Шишкина, Клодта, А. Иванова, Айвазовского, Левитана, Серова и др. Стоит упомянуть Вацлава Гирсу, архитектора, сына дипломата В. Гирсы. Он предоставил на обозрение ряд полотен Репина, Венецианова, Нестерова и др. Работы Будкина, Рейтерна, Мартоса, украшавшие залы дворца Клам-Галласов, происходили из большой коллекции художника Н. Зарецкого. Из чешских собирателей необходимо назвать главного редактора газеты «Prager Presse», издававшейся на немецком языке, А. Лаурина, а также графика, живописца, связанного с Россией годами учебы в Академии художеств в Петербурге и родственными узами (он был женат на сестре Д. Бурлюка), Вацлава Фиалту, самого Окунева, А. Прокопа, Й. Главку, Р. Гейны, министра иностранных дел, дипломатического представителя ЧСР в СССР в 1933–1934 гг. В. Сметану. Помимо пражских и, вообще, чехословацких владельцев, в списках хранителей русского искусства, показавших его образцы в Праге, значились граф А. Разумовский (Вена), пославший Окуневу ценные полотна Рокотова, Левицкого, Боровиковского, Аргунова, Кипренского и др., О. Цадкин (Париж), Ю. Репин (Куоккала), С. Белиц (Рига), М. Цетлин (Париж), В. Машкин (Рига), Г. Горлин (Берлин), которому принадлежали картины Брюллова «Портрет писателя Струговщикова», Тропинина «Портрет скульптора Витали», Кипренского «Автопортрет», а также два пейзажа Щедрина.

Стоит перечислить, кроме названных, хотя бы некоторые имена художников-эмигрантов для того, чтобы показать, как велик был охват и как полноценно был показан творческий мир Русского Зарубежья: А.Е. Яковлев, В.И. Шухаев, А.А. Экстер, М.З. Шагал, А.П. Архипенко, О.А. Цадкин, К.А. Терешкович, А.С. Головин, Н.И. Исцеленов, М.А. Лагорио, Н.А. Исаев, С.И. Шаршун, Л.В. Зак, Л.Л. Сюрваж, Ю.Н. Рейтлингер, Е.Н. Калабин, Н.А. Бенуа, А.Б. Серебряков, Г.И. Круг, М.Л. Кац, Ф.О. Гозиасон, Н.В. Зарецкий, Н.А. Исаев, А.М. Ланской, С.И. Лисим и другие.

По случаю открытия выставки, на котором присутствовало свыше 300 человек, в Прагу приехали из Парижа А.Н. Бенуа, К. Терешкович и О. Цадкин. Журнал «Slovanský přehled» отмечал: «Профессор Окунев, благодаря помощи городских властей столицы, смог создать экспозицию с большим вкусом, от чего мы в Праге уже отвыкли... Он придерживался, в первую очередь, временной последовательности и дал возможность нашей публике получить самое лучшее мнение о развитии русского искусства. Этому способствовала также и отличная, систематическая вступительная статья в каталоге»¹⁰. После закрытия выставки, работавшей в течение трех месяцев и принявшей свыше 6 000 посетителей, коллекция галереи попол-

нилась целым рядом картин. Часть из них предназначалась авторами на продажу, часть в дар, часть на временное хранение.

Так, к крупным поступлениям принадлежат две работы К.А. Терешковича, купленные Славянским институтом. Весной 1935 г. М. Ларионов передал Архиву «большое число весьма ценных произведений и иных разнообразных историко-художественных материалов»¹¹, летом 1935 г. Славянский институт получил в дар от Н. Поляковой из Женевы пять картин художника XIX столетия Болотова, а также около 20 полотен молодых художников Русского Зарубежья, учеников Гончаровой, Яковлева, Шухаева. Основное ядро собрания СИ сложилось как раз в 1935 г.

В списках экспонатов Галереи славянского искусства, составленных Окуневым в 1936 г., числится 126 единиц хранения. Из них собственностью Славянского института являлись 50 произведений. К ним относились, кроме названных выше, полотна Ф. Гозиасона, А. Яковлева, М. Каца, Н. Макеева, В. Серова, Л. Сологуба, Д. Степлецкого, С. Судьбинина, Л. Зака, В. Шухаева, С. Шаршуна. Для разрастающейся Галереи Министерство образования и просвещения Чехословакии оплатило рамы в количестве 96 штук.

Реализация оставленных на комиссию полотен осуществлялась через славянский отдел издательства «Мелантрих», которое, например, в 1938 г. нашло владельцев для семи картин М. Добужинского. Окунев и сам пытался найти серьезных покупателей для лучшего из имеющегося в распоряжении Архива, например вышеупомянутого собрания Горлина, произведений Гончаровой. Он обращался в различные чешские организации и ведомства с информацией о возможности приобрести картины и скульптуры по весьма доступным ценам. Условия в Чехословакии после 1935 г. не благоприятствовали подобным начинаниям. О новых подобных выставках уже не могло идти и речи.

Окунев, тем не менее, продолжал собирать сведения, они касались не только творчества художников-эмигрантов, но и культурной обстановки в СССР. В 1938 г. Архив состоял из четырех отделов: 1. Художественная жизнь в СССР, 2. государственные коллекции СССР, 3. ликвидация и реставрация памятников старины в СССР, 4. русская художественная жизнь за границей¹².

С возросшим числом произведений в Галерее к концу 1930-х годов все отчетливее вставал вопрос их экспонирования. Данная тема обсуждалась на нескольких совещаниях комиссии по делам Архива и Галереи. Окунев еще в 1940 г. письменно обращался в различные организации и учреждения, в том числе в Государственную пражскую галерею современного искусства, в Музей города Праги, но безрезультатно. Проблема оставалась неразрешенной. Полотна по-прежнему украшали стены Лобковицкого дворца, часть их нашла приют в Семинаре византийского и восточнославянского искусства

при Карловом университете, руководимом Окуневым. Невозможность со-
блюсти договор о доступности картин публике привела к необходимости
возвращения части коллекции. В списке 1942 г. числится только 66 единиц
хранения. Среди них лишь 34 произведения находились в собственности
Славянского института, причем две работы А. Бенуа, 14 листов
Н. Гончаровой, «Портрет Ларионова» кисти А. Яковлева и принятые в дар
пять картин Болотова в собрании уже не значатся.

Вторая мировая война, сложная послевоенная история повлияли на пе-
чальную судьбу начинания Славянского института. Последний документ,
свидетельствующий об истории Архива относится к 1946 г. Это протокол
комиссии СИ по делам Архива и Галереи славянского искусства. В нем
появляется новая информация о деятельности Н.Л. Окунева по обработке
карточки и опросных листов, начатая им в 1932 г. За годы поисков инфор-
мации ученым было подготовлено 12 000 дел, в которых содержались анкеты
мастеров, иллюстрации, вырезки и копии статей, документы, на основа-
нии чего Окуневым планировалось издание Словаря русских художников.
Была составлена и отдельная картотека ссылок наrepidukции картин и
скульптур, а также на портреты и автопортреты мастеров в уже опублико-
ванных изданиях.

В 1946 г. Окунев вновь поднимал вопрос о необходимости помещения
для коллекции Института, упоминая интерес художников и далее экспониро-
вать свои вещи, а также предоставить новые произведения на временное
хранение с целью их показа публике. Членами комиссии опять предлагалось
обратиться в галереи Праги.

Смерть Окунева в 1949 г. положила конец его миссии по спасению по-
лотен и скульптур, а также сведений о тысячах художников, имена многих
из них до сих пор еще преданы забвению на Родине. Фонд Архива отсутст-
вует, собрание рассеяно, и большая его часть утрачена.

Значение масштабной акции Н.Л. Окунева в истории культуры русской
эмиграции, а также в истории русской культуры велико. Будучи ученым
широкого диапазона, он в начале 1930-х годов почувствовал, что сложились
определенные условия, которые можно использовать для реализации идеи
спасения национального достояния России. Под условиями подразумевала-
лись даже не финанссы, а поддержка коллег и защита проекта организацией –
Славянским институтом. Сама по себе мысль являлась грандиозной, но
средств на ее осуществление было мало. Окунев искал и находил инвесто-
ров – ими являлись банки, магистрат, министерства. На протяжении 17 лет
ученый систематически и бережно собирал информацию, 12 000 составлен-
ных дел к биографиям художников, богатая фототека и библиографическая
карточка свидетельствуют о безупречном методологическом подходе учес-
того и ставят его работу в ряд самых достойных русских культурных начи-

наний за границей. Искусствовед охватил своим вниманием все поколения художников, включая молодое, сформировавшееся уже за границей, что говорит о его пророческой прозорливости. Усилия по отслеживанию предметов искусства и ориентация в частных архивах, стремление поместить лучшее в государственные галереи – все это инициативы, свойственные в те времена эмигрантским группам, адекватно оценивавшим политическую и культурную ситуацию. Они были присущи именно организациям, например, Кондаковскому институту, Русскому культурно-историческому музею. Окунев же был один, фактической помощи в Архиве ему никто не оказывал. Он работал за целый коллектив и сумел составить коллекцию, устроить одну из самых крупных в истории эмигрантской художественной жизни выставку, разработать целую образовательную программу по истории русского искусства для чешского общества.

Все эти факты еще ждут своего анализа, нет, однако, сомнений, что, говоря об организации Архива и Галереи славянского искусства в составе иностранного учреждения – в данном случае Славянского института, мы говорим об акции, которая не имеет аналогов в культурной жизни русской диаспоры за рубежом.

Примечания

¹ Славянский институт начал свою работу в 1928 г. Подробнее см.: Slovanský ústav v Praze. 70 let činnosti. Praha, 2000. (далее – Slovanský ústav).

² Ijinskij G. Jeden z úkolů Slovanských ústavů // Slovanský přehled. 1926. XVIII. S. 496–501.

³ Zawiliński R. Ústavy pro studium Slovanstva // Slovanský přehled. 1929. XXI. S. 786.

⁴ Stránský A. Návrh na zřízení archeologického oddělení Slovanského ústavu v Praze // Slovanský přehled. 1928. XX. S. 153–156.

⁵ Archiv AV ČR. Fond – Славянский институт (Slovanský ústav – F. SLÚ). K. 40. № 309.

⁶ Об основании Архива см.: Běloševská L. Slovanský ústav a ruská emigrace // Slovanský ústav. S. 85–88.

⁷ Běloševská L. Op. cit. S. 87; Zpráva Archivu Slovanského umění za rok 1932–1933. Ročenka SLU. 1933. V–VII. S. 86.

⁸ Archiv AV ČR. F. SLÚ. K. 40. № 309.

⁹ Подробнее см.: Янчаркова Ю. Н.Л. Окунев и И Историческая выставка русского искусства в Праге. Adelbert Davids, Fedor B. Poljakov (edc.) // The Russian Diaspora in Europe: Religious and Cultural Relations. (В печати.)

¹⁰ Slovanský přehled. 1935. XXVII. S. 168.

¹¹ Archiv AV ČR. F. SLÚ. K. 40. № 310. Письмо М. Ларионову.

¹² Там же. К. 9. № 308–311.

Л.П. Лаптева
(Москва)

Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции

Н.В. Ястребов принадлежит к числу блестящих русских историков-славистов начала XX в., внесших вклад в европейскую историческую науку. Но его творчество не нашло отражения в отечественной историографии по известным причинам: он был не только «буржуазным» ученым, но и закончил свою жизнь в эмиграции. Литература о нем ограничивается несколькими статьями, большая часть которых принадлежит автору этих строк, исследовавшему архивные материалы и сочинения ученого¹.

Будущий историк родился 10 июля 1869 г. в г. Калуге, Костромской губернии в семье бедного священника. После обучения в духовном училище Н.В. Ястребов поступил в Костромскую духовную семинарию, а, окончив ее, продолжал образование в Петербургской духовной академии, но через год, в 1891 г., перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь он проходил курс обучения по кафедре славянской филологии у профессора В.И. Ламанского, специально по истории. В 1895 г. Н.В. Ястребов окончил университет и был послан за границу для подготовки к профессуре по истории славян. Предметом его исследования за границей являлась история гуситского движения, главным образом, его идеальная сторона и история Общины чешских братьев. Свою командировку Н.В. Ястребов начал с Вены. Здесь в 1900–1901 гг. он занимался палеографией, дипломатикой, слушал лекции по истории славян в Венском университете, изучал и греческую палеографию. После года занятий в Вене Ястребов прибыл в Мюнхен, где в течение трех месяцев занимался изучением сочинений византийских историков под руководством профессора Крумбахера.

В середине мая 1901 г. ученый прибыл в Прагу, где около года проработал в библиотеках и архивах, изучая произведения П. Хельчицкого, открыв некоторые его неизвестные ранее сочинения. Из Чехии Ястребов выезжал и в другие славянские страны: Хорватию, Словению, Галицию. Возвратившись в Россию в 1902 г., он получил место приват-доцента в Петербургском университете, где и стал преподавать историю славянских народов. Тогда же Ястребов включился в деятельность Второго отделения Академии наук, участвуя в составлении библиографических изданий по славяноведению, рецензируя труды по истории славян как в печатных органах Академии на-

ук, так и в других изданиях. Он был членом авторских коллективов ряда сборников статей по славяноведению, писал статьи в энциклопедии и т. д.

В 1908 г. вышла из печати его книга «Этюды о Петре Хельчицком и его времени», за которую автор получил степень магистра славянской филологии. В том же году он был избран профессором истории славянских народов на петербургских Высших женских курсах, а с 1911 г. стал также профессором Высших женских литературных курсов Раева. В 1915 г. был возведен в звание экстраординарного профессора по кафедре славянской филологии Петербургского университета.

Ястребов был отлично подготовлен именно для преподавания истории славянских народов: знал все славянские языки и владел историческим материалом на высоком профессиональном уровне. Специалистов, подобных Ястребову, в России тогда не было: все другие университетские профессоры-слависты обязаны были уделять внимание не только истории, но и филологии и другим смежным дисциплинам.

Предметом университетских чтений Ястребова была история всех западных и южных славян. В лекциях по истории Чехии, он большое внимание уделял и истории Польши. Наряду с чтением лекций Ястребов проводил практические занятия по славянской истории, что было в то время нововведением. Его же заслугой было и оборудование помещения славянского семинара в 1907 г.

Главное внимание в своей исследовательской работе Ястребов уделял истории Чехии периода средневековья, конкретно идеологической стороне гуситского движения², творчеству Петра Хельчицкого³ и истории Общины чешских братьев⁴. В процессе изучения истории последней ученый обнаружил трактат о происхождении Братской Общины, доказал его принадлежность деятелю этой общины в XVI в. Яну Благославу. В 1902 г. Ястребов опубликовал текст трактата и исследование о нем⁵. Историк напечатал также очерк о жизни и литературной деятельности Хельчицкого, его трактат «О трояком народе», издал статью «Хельчицкий и Гус, очерк по истории гуситской мысли»⁶. Крупнейшим же сочинением Ястребова была его книга «Этюды о Петре Хельчицком и его времени», признанная выдающимся достижением не только в русской, но и в чешской литературе. Ученый много писал в энциклопедических изданиях, опубликовал «Краткий очерк истории польского народа»⁷, «Историю болгарского народа»⁸, «Лекции по истории западных славян»⁹ и ряд других ценных, интересных, в значительной мере новаторских работ. Таким образом, Ястребов принадлежал к крупным русским историкам-славистам XX в.

По мировоззрению и социально-политическим убеждениям ученый относился к кругу либеральной интеллигенции, осуждавшей реакционную политику русского самодержавия, желавшей России более прогрессивного

общественного строя, однако без революционного вмешательства народных масс.

Ястребов осуждал, в частности, политику царского правительства, особенно в отношении высшей школы. Осуждение репрессий против студентов и присоединение к протестам последних против полицейского террора было типично для русской либеральной интеллигенции начала XX в. Под влиянием революционной ситуации в России после ее поражения в русско-японской войне политические взгляды ученого эволюционировали влево. В период революции 1905–1907 гг. он попытался с небольшой группой петербургских интеллигентов создать «партию свободомыслящих», программой которой была бы «свободная критическая мысль». По своей идеологической позиции «свободомыслящие» являлись политическим центром: от левых с их требованиями революции они отличались и по тактике, так как защищали принципы «эволюции».

Уже в конце 1906 г. партия прекратила свое существование, влившись в группу «либеральных демократов»¹⁰. Политического деятеля из Ястребова не получилось. Он был весьма разочарован исходом революции. В письме чешскому историку Й. Пекаржу (датируется началом 1908 г.) русский ученый иронизирует по поводу политических порядков, установившихся в России: «Вас интересует наша политическая ситуация. Даю справку. Конституция у нас действует только в стенах Думы; там также есть свобода: слова, т.к. там еще говорят; собраний, т.к. Дума еще проводит заседания; свобода личности, т.к. еще никто из депутатов не посажен в тюрьму (но надеемся так случится)...¹¹». Пережив бурное время революции 1905–1907 гг., Ястребов не остался в стороне от событий, стремясь своим трудом способствовать прогрессу, как он его понимал. Он относил себя к самым решительным противникам подчинения науки политике, но в то же время был убежден в необходимости служения науки политике, точнее – использования политикой «великой работы науки»¹².

Большое значение для научной и общественной деятельности Ястребова имели его контакты со славянскими учеными, особенно с чешскими. В период своих командировок за границу он установил связи со многими историками и политиками Чехии, о чем свидетельствует сохранившаяся в архивах переписка.

В частности, Н.В. Ястребов был знаком с профессором пражского университета Т.Г. Масариком. По материалам, имеющимся в нашем распоряжении, можно сделать вывод, что русский ученый уже в начале века интересовался политической деятельностью Т.Г. Масарика, его публицистикой и отношением к России. Имеется любопытное письмо Ястребова Масарику 1901 г., извещающее, что Ястребов не имеет никакого отношения к статье в журнале «Славянский век», комментирующей одну из речей Масарика¹³.

Русскому профессору импонировала программа последнего по политическим вопросам. Как выше упоминалось, Ястребов в период революции 1905–1907 гг. был членом партии «свободомыслящих», считая, что положения программы этой партии находятся в близкой связи с идеями, лежащими в основе некоторых работ Масарика, руководство названной партии приняло решение издать на русском языке XIII и XIV главы из книги тогдашнего профессора пражского университета *«Otázka sociální. Základy marxismu sociologické a filosofické»* (Praha, 1898). Обе главы сочинения Масарика вышли в Петербурге под названием «Революция или эволюция?» и «Марксизм и парламентаризм». Редакция перевода и дополнение указанной в обеих главах литературы были осуществлены Ястребовым¹⁴. Через него же, вероятно, велись и все контакты партии «свободомыслящих» с профессором Масариком.

В 1911 г. русский ученый обратился к профессору Масарiku с просьбой «дать статью об истории чешского народа с 1848 г. до наших дней (3 страницы, 1 400 букв), т. е. обрисовать главнейшие линии эволюции экономической, политической и культурной жизни (детали у нас будут под отдельными словами, например, Палацкий, Ригер, младочехи и т. д.)». «Статья нужна будет года через два, — продолжал Ястребов, — зная Ваши работы, я уверен, что никто из чехов не даст такого объективного и существенного очерка, как Вы. Вполне рассчитываю на Ваше согласие и жду скорого ответа»¹⁵. Однако Масарик, сославшись на болезнь, отказался от написания предложенной статьи¹⁶.

В период Первой мировой войны, до 1917 г., Ястребов активно занимался политической публицистикой. Зная внутреннюю жизнь и политические стремления чехов «так хорошо, как мало кто другой из русских» (выражение К. Крофты)¹⁷, он сочувствовал их борьбе за освобождение от власти Австро-Венгрии и пропагандировал идею о национальной самостоятельности чешского народа в духе концепции Т.Г. Масарика. Об освободительных идеях он говорил в своих лекциях по истории Чехии в университете и на Высших женских курсах, а в статьях на страницах газеты «Биржевые ведомости» разъяснял причины и цели чешского национального движения. «Он также высказывался за славянскую политику России», т. е. за поддержку Россией всех славянских народов (не исключая и поляков).

После смерти Ястребова авторы чешских некрологов подчеркивали: своей деятельностью в период мировой войны он оказал и в России и вообще в политической жизни Европы; неопенимую услугу чешскому движению за независимость. В Чехии Ястребова знали; в контакте и союзе с ним находились все значительные чешские деятели (как внутри страны, так и прибывшие в Россию), стремившиеся привлечь влиятельных русских лиц на свою сторону¹⁸.

Газета «Лидове новини» писала, что «личные связи Ястребова с Т.Г. Масариком приобрели особое значение, когда началось движение чехов на Руси и выяснилось наличие сочувствующих политическим стремлениям чешского народа, которые объяснили бы русской общественности наши цели»¹⁹. По инициативе Ястребова некоторые профессора Петроградского университета предложили избрать Масарику почетным профессорам этого учебного заведения. Это была достаточно смелая демонстрация, направленная против германофильтского русского правительства Штюремера и серьезная поддержка профессора Масарика как представителя и вождя чешского национального движения²⁰.

На своем Киевском съезде 1917 г. чехи и словаки выразили благодарность профессору Ястребову, избрав его почетным председателем. В неопубликованном письме президенту Чехословацкой Республики от 25 ноября 1920 г., подписанном «Stěhule-Korař», заслуги Ястребова формулируются следующим образом: «Ястребов привлекал внимание к чешским делам в литературе, журналистике в политических кругах в период войны вплоть до большевистского захвата власти и расчищал нашим людям путь в этой области. Ястребов вместе с Шахматовым устранил препятствия для Вашего прибытия в Россию и Вашего избрания профессором Петроградского университета, где подготовил для этого почву»²¹.

Октябрьская революция, как известно, сильно изменила положение интеллигентии в России и отрицательно повлияла не только на научную работу, но и на бытовые условия существования людей умственного труда, ввергнув их в нищету, лишив возможности заниматься тем делом, которому они себя посвятили. Одному своему приятелю в Чехию Н.В. Ястребов писал: «Живу как все мы здесь прескверно, нищенски. Мы голодны, каждый день не знаем, что будем есть и бегаем как голодные собаки (прошу прощения) за едой. Кроме того, царит полная анархия. Работа не обеспечивает существование личности. Полный духовный голод. Не выходят книги, т.к. нет бумаги. Печатная продукция, как и все вообще – дико дорого. Никто не может заниматься умственным трудом, мыслить и творить. Не имеем книг, вообще нет никаких связей с Западом. В университете проводятся такие "реформы", которые означают полную ликвидацию науки и здравого смысла. Например, в совет факультета введены представители студенчества с правом решающего голоса во всех вопросах. Всякие экзамены, ученые степени, научная квалификация запрещены. Все приват-доценты, которые преподавали более трех лет, переведены в разряд профессоров со всеми правами. Все бывшие профессора утратили свое положение, на свободные места будет объявлен конкурс. Будем ли мы, старые, снова избраны, зависит от власти, от "ученой" толпы. В общем – сумасшедший дом. Понятно, что многие из нас хотели бы бежать куда глаза глядят. Но куда, когда и как? Неко-

торые собираются ехать на Запад. Другие уже там, например Ростовцев уехал уже летом. Я хотел бы переселиться в Чехию на некоторое время или в Сербию. Мне бы больше хотелось к Вам в Чехию – в Словакию, ибо я всегда себя чувствую как русо-чех. Думаю, что сейчас Вам нужны люди. Поговорите об этом с друзьями и напишите, что о том думаете. Но пишите на всякий случай осторожно. Шпионство у нас процветает и связи с чехословаками могут возбудить подозрения всякого характера». Приведенное письмо было опубликовано в газете «*Národní listy*» 8 февраля 1919 г.²² И в этом же году Ястребов вместе с семьей покинул Россию, хотя уже былтвержден профессором Петроградского университета.

Выехав из Петербурга летом 1919 г., он через Польшу направился в Прагу, но по пути серьезно заболел и прибыл в чехословацкую столицу лишь в 1920 г. О трудностях путешествия он написал Шахматову 22 мая 1920 г. из Праги: «Мы здесь с начала марта 1920 г. С 21 августа 1919 по 15 февраля 1920 г. пропадаем в Глубоком*. С 21 августа по начало декабря я болел и несколько раз был на волос от смерти (меня три недели лечили от сыпного тифа и три недели от брюшного и только потом определили, в чем дело). С конца ноября до начала января болела скарлатиной в тяжкой форме дочь, с конца декабря по начало февраля заразившаяся от нее той же болезнью моя жена. Жили и умирали и поправлялись в самых ужасных условиях».

Далее сообщается, что их обворовали, унесли то немногое, что имели с собой по части вещей (белье): «Мы истратили половину своих денег за 6 месяцев жизни в Глубоком... От Глубокого до Праги ехали около трех недель с остановками в Вильне. Отчасти из-за состояния здоровья, отчасти из-за транспортных затруднений... одним словом, приехали в Прагу почти без средств, без обуви, белья, одежды». «Здесь мы долго бились с квартирой, платя громадные деньги за комнату в гостинице. Только три недели тому назад нашли две комнаты в одной семье за 600 крон в месяц»²³.

Положение Ястребова и его семьи в первые месяцы пребывания в Чехословацкой республике было весьма тяжелым. В документах об устройстве Ястребова в Праге указано: он был приглашен представителем чехословацкого правительства в России для занятия кафедры истории Восточной и Юго-Восточной Европы в только что образованном университете в Брно²⁴. Вероятно, данное приглашение было формальным и служило лишь для оправдания отъезда Ястребова из России. Этот факт подтверждается отношением бюрократии Чехословацкой республики к бывшему петербургскому

* Пограничный пункт в Польше.

профессору: на все ходатайства о квартире Ястребов получал отказ²⁵ и вообще был предоставлен сам себе.

Органы власти не торопились проявлять «национальную благодарность» за помощь чехам в их предшествующей борьбе: для них Ястребов был обыкновенным беженцем, эмигрантом из России, каких в Чехословакии тех лет обреталось достаточно много. К тому же ехать в Брно русский ученый не хотел, а причины отказа обосновал в письме от 5 апреля 1920 г. в адрес философского факультета Пражского университета, говоря, что не в силах участвовать в организации только что возникшего в Брно факультета, поскольку не принадлежит к чешскому народу и к подданным чешского государства, а является лишь его гостем. Далее Ястребов подчеркивает: «Я не только был, но хочу и дальше остаться русским человеком и ученым, хочу дальше служить тому же делу – изучать историю славянских народов и народа чешского, знакомить русский народ и общество с чешской историей и современностью, развивать русско-чешскую культурную и политическую взаимность с помощью русской университетской кафедры, русского печатного слова – чему я служу уже более 20 лет»²⁶.

Ученый считал, что работая в Брно, он лишится возможности продолжать свои научные исследования в области чешской истории, так как все материалы для нее находятся в архивах и библиотеках Праги, а собственная его библиотека осталась в России; что в Брно он будет отторгнут от родной русской среды, ибо в Праге только и может общаться с русской колонией. Ввиду этого Ястребов желал остаться в Праге и стать профессором Пражского университета, но как указывалось в официальных документах²⁷, кафедра истории Восточной Европы была в Праге занята Я. Бидло, а этот ученый был против принятия Ястребова в штат университета. По мнению К. Крофты, указанная позиция Бидло объяснялась тем, что он не признавал Ястребова славистом, так как тот якобы занимался прежде всего чешской историей²⁸, что не является, с чешской точки зрения, славистикой, а изучением отечественной истории (т. е. историей Чехии).

Нам это суждение Крофты представляется спорным. Я. Бидло не мог не знать, что Ястребов был славистом широкого профиля и имел научные труды не только по чешской истории, но и по польской, болгарской, сербской, так как знаком был с ним с самого начала века и не прерывал контактов в течение двух десятилетий, включая и время приезда Ястребова в Прагу.

Отрицательное отношение Я. Бидло к профессору-эмигранту диктовалось, видимо, нежеланием иметь в его лице конкурента. Вероятно, в этом же состоит причина стремления чешского профессора принизить научные заслуги Ястребова, что и проявилось в тексте составленной им рекомендации Ястребова философскому факультету Карлова университета²⁹. Сам факт представления этой рекомендации и последующего единогласного призна-

ния русского профессора членом коллегии университета³⁰ объясняется скорее всего тем, что о желании Ястребова получить кафедру в Праге стало известно в высших государственных учреждениях.

Декретом Президента Республики от 10 июля 1920 г. Ястребов был утвержден ординарным профессором славянской истории в Карловом университете в Праге³¹. Распоряжением министерства школ и народного просвещения Чехословацкой республики 19 декабря 1920 г. было удовлетворено ходатайство профессорской коллегии Карлова университета о том, «чтобы отделение тамошнего исторического семинара, которым руководил проф. д-р Новотный, было в зимнем семестре разделено на две параллельные секции ..., чтобы новый назначенный проф. д-р Ястребов был определен соруководителем исторического семинара с обычной семестровой нагрузкой и чтобы он мог сразу же начать вести занятия в семинаре»³².

Так, Ястребов стал членом исторического семинара, в составе которого тогда были еще Й. Пекарж, Я. Бидло, Й. Шуста и В. Новотный³³. Однако в 1920 г. русский профессор к занятиям в Карловом университете не приступил ввиду позднего прибытия соответствующих документов из министерства³⁴. В апреле 1921 г. Ястребов был принят канцлером президента республики П. Шамалом³⁵, после чего русский профессор получил хорошую квартиру³⁶ и 25 тысяч крон помощи³⁷. Тем самым и была выражена «национальная благодарность» профессору, которого столь высоко ценили чешские легионеры в период их пребывания в России.

Как профессор славянской истории Карлова университета Ястребов начал читать лекции в летнем семестре 1921 г. Их предметом была история болгарского народа³⁸. В зимнем семестре 1922/23 г. Ястребов читал избранные темы по истории России для чешских студентов и «Происхождение современной Чехии» по-русски для студентов из числа русских эмигрантов³⁹. Кроме того, он вел семинарские занятия по теме «Законник царя Стефана Душана», заключавшиеся в объяснительном чтении его текста и помощи студентам в подготовке их письменных работ⁴⁰.

В качестве ординарного профессора Карлова университета Ястребов обязан был проводить в аудитории не менее 5 часов в неделю (наряду с выполнением других функций)⁴¹, но по состоянию здоровья эта нагрузка была ему снижена до трех часов⁴², а в 1922/23 учебном году и до двух⁴³. И все же здоровье его продолжало ухудшаться, он подал заявление об отпуске⁴⁴ и был освобожден от лекций на 1923 календарный и 1923/24 учебный год⁴⁵.

В начале 1923 г. Ястребов собирался ехать лечиться на Адриатическое море⁴⁶, но 20 мая того же года скончался на 54 году жизни⁴⁷. Непродолжительная профессорская деятельность Ястребова в Карловом университете не могла оставить глубоких следов, но его коллеги по историческому семинару были очень высокого мнения о его лекциях.

Обоснованность высокой оценки подтверждается единственным известным нам литографированным курсом лекций – «Происхождение современной Чехии, часть I», читанным на философском факультете Карлова университета. Эта часть курса посвящена современности и содержит несколько разделов. Лекции поражают не только энциклопедическим знанием вопроса, но и трезвостью и объективностью изложения явлений. Считая Чехословакскую республику тем идеалом свободного государства, к которому чехи стремились столетиями, Ястребов указывает и на трудности развития государства, противоречия и недочеты во внутренней политике.

Что касается научной работы Ястребова, то в эмиграции он опубликовал лишь несколько статей в газетах, выступая с предложениями о помощи русским ученым, которые, по его мнению, погибли в Советской России⁴⁸, а также о путях обучения в Чехословакии русских студентов-эмигрантов⁴⁹. В газете «Народни листы» Ястребов опубликовал некролог об академике А.А. Шахматове, умершем в Петрограде в 1920 г.⁵⁰

Оценивая творчество Ястребова в целом, следует отметить, что в области исследования чешской истории ему принадлежит лучшее из того, что было создано в русской дореволюционной историографии. После смерти он был забыт в России, да и чешское общество встретило весть о кончине Ястребова равнодушно.

Примечания

¹ Bidlo J. Nikolai Vladimirovič Jastrebov // *Tribuna*. 1923. 23.V. Sh. N.V. Jastrebov zemřel. Lidov noviny. Brno. 1923. 23V.

Славик Я. Николай Владимирович Ястребов // *Slavia*. 1923–1924. R. II.

Krofta K. N.V. Jastrebov † 17. května 1923 // *Český časopis historický*. 1923. R. 29.

Лавров П.А. Н.В. Ястребов и его ученая и преподавательская деятельность. // Известия Отделения Русского языка и словесности Российской Академии наук, 1923. Т. 28. С. 441–444.

Лаптева Л.П. Историк-славист Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) // Биография исследователя как жанр славистики. Сборник научных трудов. Тверь, 1991. С. 65–81.

Лаптева Л.П. Николай Владимирович Ястребов // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 479–484.

² Подробно об этом см.: Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в.–1917 г.) М., 1978. С. 249–258 и др.

³ Лаптева Л.П. Петр Хельчицкий в освещении русской дореволюционной историографии XIX – начала XX в. / *Folia Historica Bohemica*. Praha, 1985. 9. S.175–234.

⁴ См. Лаптева Л.П. Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // *Folia Historica Bohemica*. Praha, 1990. 13. S. 369–425.

⁵ Ястребов Н. О původu Jednoty Bratrské a řádu v ní Я. Благослава // Сборник Отд. Русского языка и Словесности Академии наук. СПб., 1902. Т. 71. С. I–XXXV (Введение) и 1–46 (текст).

⁶ Новый сборник статей по славяноведению / Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского... СПб., 1905. С. 468–490.

⁷ Ястребов Н.В. Краткий очерк истории польского народа. Пг., 1915.

⁸ Ястребов Н.В. История болгарского народа. Пг., 1917.

⁹ Ястребов Н. Лекции по истории западных славян. Изд. 2-е. 1910/11 учебный год.

¹⁰ См. об этом: Z listu Josefa Pekaře N.V. Jastrebovi / Úvod a poznámky napsal S. Ragozin. Zvl. otisk z revue «Rád», VI (1940) č.s. (Примеч. 3).

¹¹ Archiv Národního musea v Praze. Pozůstalost J. Pekaře – Письмо Ястребова Й. Пекаржу. Без даты (примерно в начале 1908 г.). На чешском языке.

¹² Slavík Я. Указ.соч.

¹³ Archiv Ústavu dějin KPČ v Praze (далее – AU). F. 41. Correspondence (в настоящее время указанный архив не существует). Н.В. Ястребов – Т.Г. Масарiku 23 ноября 1901 г.

¹⁴ См. предисловие к книге: Проф. Ф.О. Масарик. Начала социалистического общества (Главные вопросы марксистской политики). F. I. Революция или эволюция? / Перевод под ред. приват-доцента Н.В. Ястребова. Издание партии свободомыслящих. СПб., 1906. Заметим, что Масарика в России называли в то время «Фомой Осиповичем».

¹⁵ Ястребов – Масарiku 28 марта 1911 г.

¹⁶ Масарик – Ястребову, без даты.

¹⁷ Krofta K. N.V. Jastrebov † 17 května 1923.

¹⁸ Bidlo J. Op. cit.

¹⁹ Lidové noviny (Brno) 1923. 23.V.

²⁰ Ibidem.

²¹ Archiv Kanceláře Prezidenta republiky (далее – AKPR). Vč: Profesor N.V. Jastrebov. sign. R.1310/21 – Dopis prezidentovi Československé republiky 25. listopadu 1920 (далее – Письмо 25.XI.1920 г.).

²² Národní listy. 1919. 8.I. Č. 34. Письмо приводится в статье под названием «Bolshevismus na ruských universitacích». В переводе с чешского дается в изложении.

²³ ПФА РАН. Ф.134. Оп. 3. № 1783. Письмо Н.В. Ястребова А.А. Шахматову 22 мая 1920 г.

²⁴ AKPR. Sign. R. 1310/21 – Письмо советника Мечоха из Министерства школ в Канцелярию президента 28. prosince 1920.

²⁵ Там же. Письмо 25.XI.1920 г.

²⁶ Archiv University Karlovy v Praze. F. AUC. Personalia. N.V. Jastrebov. Письмо Ястребова профессорской коллегии философского факультета Карлова университета в Праге. 5 апреля 1920 г. (на чешском языке).

²⁷ AKPR. 1310/21 – Письмо от 28 декабря 1920 г.

²⁸ Krofta K. Op. cit. 1923.

²⁹ Archiv University Karlovy. Личное дело Н.В. Ястребова. Jmenování řadným profesorem slovanských dějin. Referat komise.

³⁰ AUC. Personalia. N.V. Jastrebov. Návrh aby prof. N.V. Jastrebov byl jmenovan řadným profesorem slovanských dějin na české Universitě Karlově. 26. dubna 1920.

³¹ Ibid. Ministerstvo školství a nář. osvěty – Universitě Karlově. 20. července 1920. Указание в газете «Lidové noviny» на то, что Ястребов якобы стал ординарным профессором Карлова университета с 1919 г. не соответствует действительности.

³² Ibid. Ministerstvo školství a nář. osvěty – Dekanství FF UK. 19. prosince 1920.

³³ См.: AUC. S.79 (печатный материал).l Seznam osob ústavu UK v Praze jakož i státních zkoušebních komise ve studijním roce 1920–1921.

³⁴ См. об этом: Письмо 25.XI.1920 г.

³⁵ AKPR. D.1755/21; D.1976/21; Čís. 2496/21. Прием был, вероятно, результатом писем канцлеру и президенту, направленных ходатаями за Ястребова (датированы 6.XI и 25.XI.1920 г.).

³⁶ AKPR. D. 4629/21. Ястребов – Канцлеру Президента 22. XI.1921, с благодарностью за заботы о квартирных делах.

³⁷ AKPR. D.1976/21.

- ³⁸ AUC. Seznam přednášek, které budou se konati na Universitě Karlově v Praze v letním běhu 1921. S. 39 (печатный материал).
- ³⁹ Ibid. Seznam přednášek, které budou se konati na Universitě Karlově v Praze v zimním běhu 1922/23, S. 35 (печатный материал).
- ⁴⁰ Ibid. S. 36.
- ⁴¹ AUC. Personalia. N.V. Jastrebov. Ministerstvo Školství a nár. osvěty – Dekanství FF UK. 20. července 1920.
- ⁴² AKPR. Sign. R.1310/21 – Письмо от 28 декабря 1920 г.
- ⁴³ Ibid. Распоряжение Мин. Школы и н.р. осв. – Dekanství FF UK. 9. října 1922.
- ⁴⁴ Ibid. Dekanství FF UK – Rektoratu UK 16. března 1923.
- ⁴⁵ Ibid. Min. Školství a nár. osv. – Dekanství FF UK. 18. dubna 1923.
- ⁴⁶ UA ČSAV. Fond J. Bidlo. Ястребов – Ярославу Бидло. 14 апреля 1923.
- ⁴⁷ AUC. F.F.– Официальное извещение факультета от 21 мая 1923 г. о кончине Ястребова и дне его погребения.
- ⁴⁸ Jastrebov N.V. K otázce pomocí ruským učencům // Národní listy. 1921. S. 212–213.
- ⁴⁹ Jastrebov N.V. Pro záchrany starší ruské inteligence. 1921. S. 215.
- ⁵⁰ Jastrebov N.V. Akademik a profesor A.A. Šachmatov (1864–1920) – Zvl. otisk z časopisu «Národní listy». V Praze, 1920.

Н.С. Надъярных
(Москва)

Оправдание барокко по Дмитрию Чижевскому

Мне, кажется, удалось в итоге, не скрою, длительных поисков найти доминанту отношения Чижевского к барокко. Ее вместило емкое слово **оправдание**, подсказанное А.В. Михайловым. «Барокко, — пишет он, — это одна из сложнейших тем теории литературы, и литературовед, поставленный перед задачей говорить о барокко, чувствует необходимость одновременно с описанием, анализом или характеристикой "барочных" явлений заниматься оправданием и самого барокко, т. е. как самого обозначения, так и самого обозначаемого. Эти обозначение и обозначаемое принимаются нами за совершенно неразрывное единство, и это утверждение, как понимает автор, само по себе есть предположение, которое, в свою очередь, нуждается в оправдании, но, конечно, не в доказательстве, что лежит за пределами возможностей литературоведческой или искусствоведческой науки. Такое предположение входит в общий круг всего, что должно быть, в своей общей взаимосвязи, оправдано и одновременно с чем должны быть выявлены основные принципы поэтики этого, оправдываемого "барокко"»¹.

Оправдательную акцию Чижевский осуществлял чуть ли не в течение всей жизни, о чем свидетельствуют его работы². Серьезность намерений стала очевидной в самом начале, когда в 1941 г. появилась первая часть его капитального труда «Український літературний барок. Нариси» (Украинское литературное барокко. Очерки), а за ней с небольшим промежутком последовали вторая и третья части. Раскрылся и смысл самих намерений. Чижевский определялся в общетеоретических позициях, никоей мерой не отделяя их от взгляда на украинское барокко, а, напротив, укреплялся в них, «оправдывая» барокко, с тем чтобы затем снова вернуться к теории, — такая знаменательная закольцованность...

Вхождение в «кольцо» начинается у него с истории определения самого понятия «что есть барокко» — барокко вообще и украинское барокко в частности. Эта история уходит в прошлое полотном с разными издержками на разных временных и географических отрезках. Зачин Чижевского вызывался и поводом (повод к оправданию) и методологией: обозначение и обозначаемое взвывали к обоснованию своего «совершенно неразрывного единства». Потому элементарные на первый взгляд разъяснения «что есть барокко» дискурсивно целенаправленны: представления о барокко как об определен-

ном явлении определенной культурно-исторической эпохи в Украине и не только в ней к XX в. оставляли желать лучшего. Сумма оправдательных сопоставляющих вообще возрастила с погружением Чижевского в дух барочной явленности. «Семинарием» для непосвященных и приобщением к теме посвященных задача не кончалась. Следуя духу барокко, т. е. самой его сути, Чижевский перво-наперво отпускал на волю чередой теснившимися либо в забытьи либо им самим открытые неизвестные факты, и уже одним этим рушил преграду слухов об их недостаточности (малочисленности), служившей якобы препятствием научным обобщениям. Оправдательная акция фактически, мировидчески и эстетически готовила концепцию. Группируясь и отзываясь эпистемологически, факты структурировались в своих национальных, сущностных и художественных ипостасях одновременно с увязанными в цепочки жанрами, именами, тенденциями, с расставляемыми по ходу «зарубками», указывавшими направление к самому слову.

И Чижевский напишет: «Слово "барокко" старое и новое. Старое оно в значении определенного стиля пластических искусств (архитектура, скульптура, живопись). В этом значении оно употреблялось уже в эпоху господства барочного стиля в пластических искусствах. Новое – в более широком значении как "с т и л я определенной куль туры", "стиля эпохи", то есть не только стиля пластических искусств, но и музыки, литературы, наконец, не только искусств, но и философии и всей культуры "времени барокко" в целом. Само выражение "время барокко" симптоматично! Ибо не к каждому времени применительно можно употребить такое общее определение, которое характеризовало бы все стороны его культуры»*.

О том, что такое барокко – *эпоха, период, направление, течение, стиль* – размышают до сих пор³. Но по логике Чижевского, по той изначально ранней его логике, это определение нуждалось в обосновании. Многогоставном и многоуровневом – историческом, эстетическом, гносеологическом. И он шел к этому. Будучи одним из первоходцев, он должен был вначале оглядеться. Он считается с предшественниками (Я. Буркгардт, Г. Вельфлин), – с традицией он всегда был в ладу. Но не слепо. Свои принципы он столь же ревностно оберегает. А они, эти принципы, заключаются в том, чтобы видеть место культурного явления на пересечениях исторической вертикали с мировой культурной контекстуальной горизонталью и именно в таком положении определять его особость по отношению к прошлому, настоящему и будущему. Действовал также критериологический ориентир в смене культурно-исторических эпох, в сложном чередовании их

* Чижевський Д. Український літературний барок. Нариси. Прага, 1941. Ч. I.. С. 8. Далее в тексте указывается часть и страница этого издания. Перевод с украинского языка на русский здесь и дальше в статье мой. – Н. Н.

концов и начал⁴. Была всегдашняя главная цель: распознать в этом водовороте неостановимого в веках движения стабильность, то, что, высвечиваясь духовной неисчерпаемостью, оставалось навсегда. Проникая даже в древнейшие литературные пласти, Чижевский первейшим для себя долгом считал обнаружить в них ценностные отложения (то, что Г.В. Флоровский назовет «ценностной оформленностью»⁵), которые он нетронутыми и стремился донести до своего времени, – высокой украинской медиевистикой эти особые качества его метода ныне по достоинству оценены⁶.

К барокко у него обозначился, можно сказать, по-сковородински обостренный вкус как к явлению, с которым у нас связывается понятие **классика**. Неотрывная от прошлого и откровение в настоящем, она столь же заряжена энергией будущего. Тонко уловил эту заложенную в самой интеллектуальной природе титанов духа созидательную парадоксальность их исторической дилеммы А.Н. Веселовский, показав ее на примере Данте и определив его место «на рубеже двух столетий различной культуры». «Данте, – писал он, – представляется нам с головы до ног средневековым человеком – и это положительная сторона его литературного характера, – но уже человеком, пришедшим в сознание самого себя, что уже предполагает возможность отрицания. Он еще стоит на почве средневековой науки и целиком вносит ее в величавое здание Божественной Комедии; и в то же время, вырывая ее из руксхоластиков дабы передать народу народной речью, он делает первый шаг к ее критике»⁷.

Аксиология титанов барокко просматривается с подобных позиций.

Литературоведческая история вопроса об украинском барокко – о ней, видно, все же надо сказать – впервые преподанная Чижевским, выглядит так. «Термин, позволявший объединить с формальной, литературно-эстетической точки зрения весь материал – "литература барокко" или "барочная литература" – появился у славян где-то около 1930 г. В украинское литературоведение этот термин, несмотря на мои попытки ввести его в обиход, до сих пор (напоминаю: это 1941 год. – *H.H.*) не вошел» (1, 8). «При достаточно большом количестве работ об украинской литературе 17–18 вв. ученые, за исключением двух-трех имен, не интересовались произведениями этого периода как произведениями литературы, видя в них источник культурной, политической национальной, социальной истории Украины (а часто даже России или Польши)» (1, 5).

Чижевский отвергает мнение об «интересах и взглядах» тогдашних писателей как о «безнадежно устаревших». Это был, по его словам, «шаткий аргумент» в попытке прикрыть или оправдать безразличие к художникам, которые, якобы, «не интересовались "народом" и чуждались широких интересов, естествоведческих открытий, науки Ньютона». «Так пишется, — го-

ворит он, — о Галятовском, который скончался до выхода в свет ньютоновского "Principia"... Обзоры украинской литературы 17–18 веков, по спра-ведливому замечанию Ал. Белецкого, вызывали у обозревателей чувство национальной угнетенности» (1, 6). Эстетических, формально-поэтических свойств украинского барокко исследователи вообще не касались, «словно их в этой литературе и вовсе не было». Исключение Чижевский делает для школы В. Н. Перетца, отдельных исследователей, которые «с особым упор-ством долгие годы изучали поэзию барокко». Но «школа Перетца созна-тельно уклонялась от всяческих оценок», хотя «сам Перетц использовал ук-раинскую поэзию при рассмотрении истории стихотворных форм».

Последняя оценка, конечно, вяловата, тем более, что на изданные Пере-тцем тексты сам Чижевский будет с уважительным пониманием опираться (снабжая их, правда, многими полезными комментариями и уточнениями) и вообще видеть в познании барокко его безусловную роль.

Причин просчетов в исследовании литературы XVII–XVIII вв., по мне-нию Чижевского, немало. Их корень, главным образом, в недооценке дина-мических модификаций «художественных форм» в связи с «духом времени» и собственными функциями. «Законы художественной техники, — скажет он, — изменяются в зависимости от того или иного художественного стиля, жанра, целей, которые ставит перед собой писатель»; зависят от националь-ной и географической среды. Это означает, что нельзя требовать «от архи-тектора времен барокко, чтобы он строил в готическом стиле или в стиле "модерн", невозможно видеть в барочной церкви барочный замок; нельзя осуждать украинское "козаческое" барокко за его несходство с ба-рокко итальянским, баварским или "прусским"» (1, 6). «Антиисторизм и антиэстетизм» не сводятся к субъектальным издержкам. Сказываются без-условно «мошные влияния "школ" и общественной мысли». Подтверждени-ем служит тот факт, что «эстетические и художественные ценности бароч-ной литературы остались незамеченными также на Западе. Как и литература ба-рокко украинского, их тоже надо было еще открыть». «Хуже всего об-стояло, да и обстоит дело в славянских литературах. Литературы славян 1580–1750 гг. не были оформлены даже терминологически. Это была или просто "литература 17–18 веков" (польская), или "дубровницкая", или "дал-матинская литература" (у южных славян)» (1, 7).

Характерность названных тенденций и, что немаловажно, — их преодо-ление, Чижевский покажет на примере чешского опыта.

На первых порах в Чехии, как и в Украине, период барокко в сущности перечеркивался ввиду его призрачного «упадочничества», вызывавшего-де различные «отклонения в литературном вкусе», «порчу» чешского языка и другие беды. «Чрезвычайно содержательный, интересный труд брненского Ст. Соучека (1929) о "Раковницкой рождественской игре"⁸ большой заинте-

рессованности не вызвал. Только публикации профессора славистики Оломоуцкого теологического факультета Й. Вашицы⁹ и преданного любителя старой чешской поэзии Вилема Битнара¹⁰ обратили внимание католических кругов Чехии, а потом и более широкой общественности и – не в последнюю ли очередь? – историков литературы на художественные качества и национальное значение отдельных переизданных Вашицей текстов, в частности поэзии Фр. Бриделя, который безусловно заслуживает имени "великого чешского поэта" (1, 14). Успеху «новооткрытой поэзии чешского барокко» немало способствовал «гениальный литературный критик Ф.Кс. Шальда», интересовавшийся барочной поэзией и раньше. Спустя время – к середине 1930-х годов – «оценки лучших чешских историков литературы и критиков (Арне Новак, Ф.Кс. Шальда) не оставляли уже никаких сомнений в том, что отношение к чешской барочной поэзии полностью изменилось». Причастным к этому был несомненно и сам Чижевский (см. его обзоры в «Zeitschrift für slavische Philologie». 1934, XI; 1935, XII; 1938, XV; 1941, XVII и другие работы).

«Основополагающее значение, в том числе и за пределами чешской литературы», Чижевский придает работам Й. Вашицы. «Исходя от части из "структурализма" или "функционализма" Пражского лингвистического кружка, Вашица радикально изменяет оценки тех черт барочной поэзии, которые раньше характеризовались негативно». Стилистические особенности, прежде выглядевшие «безвкусными», «чудаческими», перегруженность произведений «элементами технической поэтической обработки» и т. д., а отчасти и языковые элементы, считавшиеся «германизмами», «вульгаризмами», засорение языка «ошибками», будто бы противоречившими законам чешского языка, «Вашица трактует в свете языковых и стилевых норм барочного времени и связывает свою оценку с теми функциями, которые эти элементы стилевой и языковой практики выполняли в рамках барочной поэзии, в определенном литературном жанре и в определенном литературном произведении». При таком подходе прояснялась подоплека прежних подходов. Они «основывались на недоразумениях; на непонимании принципов барочной поэзии и безразличии к ней; игнорировались задачи и специфика времени, в которое она создавалась» (1, 14). «Мы попытаемся, – заключает Чижевский, – в своем месте... применить критерии "структуральной" истории к оценкам украинской барочной поэзии» (1, 15).

«В глубинной сути барокко – течение "синтетическое", которое что-то соединяет и сливает, течение "シンкетическое", в котором срастается в единство разнообразное, исходящее не из одной или малочисленных точек зрения, а из многих, к тому же из таких, что между собой ничего общего не имеют». «Но это т е ч е н и е , где действительно все плывет и плывет, из-

меняется и превращается, возникает и исчезает, имея свое основное содержание и смысл»¹¹.

На этом основании Чижевский создает «образ барокко как синтетического духовного течения, как попытки синтеза культуры средневековья (готики) и ренессанса»¹². («К проблемам барокко»). Позже эти посылки станут поводом (да уже и доводом), чтобы при очередной теоретической «загадке» барокко подчеркнуть историческую динамику изменчивости его форм при сложном разнообразии устремлений к синтезу¹³. «С элементами динамическими, – размышляет он, – связано желание каждую широкую площадь и каждую длинную линию сделать разнообразными, представить их разорванными, разделить, заполнить мелкими украшениями. Так происходит в скульптуре, живописи, музыке барокко»¹⁴. Так выглядит и в поэзии пристрастие подчас к сложному строфическому строению, в котором господствует скопление синонимов, тропов, фигур, как у Сковороды¹⁵.

Чижевского не устраивают «определения и описания» барокко, оперирующие какой-то одной компонентой – географической, национальной, философской. «Ярчайшая черта барочных систем, – пишет он, – универсализм, хотя их авторам и не всегда удавалось эти системы завершить, характерно само понятие "пансофия", которое встречаем не только у Коменского». И еще. Важен акцент на иерархичности антитетических барочных систем, «которая ведет не только от наивысшего бытия к "ничто", как у Плотина, но и дальше – к отрицанию бытия, к катанизму». «Сатанистские мотивы в поэзии барокко не слишком часты, но весьма типичны... Люцифер – у большого голландского барочного поэта Фонделя, Сатана Мильтона, сатана в "Османах" Гундулича и т.д. ... Самая яркая антитеза в пределах культуры барокко – антитеза античности и христианства»¹⁶.

Главный довод Чижевского – универсальность барокко, обуславливающая многоуровневую смысловую оценку: «от принятия расцвета барокко в странах протестантских (вспомним хотя бы Коменского или немецких барочных поэтов) до барочных мистиков, численно сосредоточенных в XVII в. в Голландии, не говоря уже о развитии барочной литературы на Украине среди православных»¹⁷. Надо также не упускать из виду характерологические черты человека барокко, его делателя и выражителя. «Человек... чрезвычайно крепкое ядро мировоззрения барокко, который сохраняет свою стойкость, постоянство, собственное место в бытии даже перед лицом абсолютного бытия. Впрочем, это сугубо христианская традиция. Пантеизм, в котором человеческое существо растворяется в общей божественной субстанции, для барокко не свойственен; там, где мы его встречаем, он чужеродный элемент (Спиноза)»¹⁸.

Отсюда берут свое начало обоснования Чижевским типа барочного писателя и вообще многое в типологии барочных явлений, которую он тщательно производит и к которой я буду прибегать попутно.

«...Встречаем выражение "человек барокко", – выражение, которое подчеркивает, что эта культура окрашена какой-то общей краской, и более того – даже сам творец культуры пропитан теми же стилистическими чертами, что и вся культура его времени»¹⁹. Чижевский считает, что «в конце концов это не было так уж трудно заметить где-то на Западе, где в глаза бросаются крупные архитектурные комплексы и целые города в стиле барокко. Барочные архитекторы к тому же обладали удивительной способностью стилизовать древние памятники под эпоху барокко, часто вполне "органически" трансформировать целые постройки совершенно других стилей, придавая им типические барочные черты. Прежний стиль строений (в большинстве случаев готических или ренессансных) не просто прикрывался барочной "лепниной", умножался "пристройками" и т.д., – каким-то образом они оказывались слитыми воедино, становились частями некой общей всеохватывающей композиции. Подобным образом "адаптировали" барочные мастера и литературные произведения, начиная с лирических и кончая религиозными». «Эта удивительная "ассимиляторская энергия" барокко делает его последним художественным стилем, который мог наложить свою печать на всю культуру. Барокко – последний "большой" стиль, всеохватывая, всепроникающий!»²⁰

Свою задачу Чижевский видит в раскрытии мировидческих основ барокко, специфики его философской упроченности и эстетических принципов. Он хочет оправдать прежде всего «формальные качества литературы барокко», «кое-что новое сказать об идеологическом содержании», истоках и источниках отдельных произведений и их редакциях, о литературных влияниях и «даже о некоторых неизвестных произведениях», приблизить к своему современнику восприятие барочных жанров.

И сразу же начинает действовать дискурс контекста. Мирового культурного контекста, в котором функционирует украинское литературное барокко с феноменологически прописанными личностными характеристиками писателей. Имя, этот знак осуществления, держит контекст, а контекст раскрывает или подтверждает его знаковость, и, если еще и так взглянуться в Сковороду, то его знак еще больше подтвердит свою типологическую объемность. «У украинцев достаточно широкое признание получил Сковорода, – пишет Чижевский, – у чехов – Коменский, которого считали каким-то исключением среди господства католической реакции... В Англии ценили Мильтона, во Франции – великих драматургов, в Германии – Фридриха фон Шле и Ангела Сilesia... в Испании – Кальдерона и Лопе де Вега, в Италии – Тассо, в Голландии – Йоста фан ден Фонделя или Лейкена» (1, 11).

Продвижение от имени к контексту и в обратном направлении – многажды испытанный Чижевским прием – позволяет помимо прочего напрямую идти к выводам. Мы открываем для себя таинство рождения художника слова, лабораторию появления структурных законов жизни барокко, стилевых принципов, подчиняющихся этим законам, но по-своему воплощающихся в разных литературах. «Характерные черты этого сложного и чрезвычайно изменчивого стиля, – считает Чижевский, – кажется легче схватить "чувством", "интуицией", а не умом и теоретическим познанием». Хорошо, что включилось здесь слово *кажется*: ведь собственная практика Чижевского доказывает полное единение ума и интуиции; стимулируемая живыми импульсами барочных обретений сго теория – вместе с тем и активный движитель чувств.

Взаимозависимости имени и контекста существуют также между контекстом и жанром. Каким бы обширным ни выглядел контекст – порой кажется нет ему пределов, – как бы ни умножались его параметры, он не поглощает жанра – единицы во многом определяющей институализацию литературы. Жанры украинского барокко свободно живут контекстуально со *своей* историей, национальным и эстетическим статусом, – в деталях, нюансах и в целом. В общем, происходит одновременно универсализация и индивидуализация жанра. Эффективность рассмотрения Чижевским литературного процесса по жанровому принципу проявлена уже в его ранних работах.

Покажу это на примере эпиграммы.

Один из разделов очерков «Украинского литературного барокко» назван «Из истории украинской эпиграммы». И к тому были свои основания. В нем по крупицам восстановлены и истоки эпиграммы, и этапы ее национальной идентификации. Мы впервые познаем решающие для самоопределения жанра традиционные основы, изменения во времени, становление самого наименования. Узнаем об «огромном количестве классических эпиграмм, которое дала русская литература» (1, 15), о традициях, что шли «от Лессинга и французов, а еще глубиннее – от старых "классиков" – Лёгау и Дж. Оуэна». «В немецкой литературе эпиграммы в старом смысле слова писали не только Шиллер и Гёте, но и Гейдерлин, Кляйст, Платен, Грильпарцер, Рюкерт, Мерике, Гебель» (1, 15). Значение повременных изменений в художественной структуре эпиграммы (повторы, логические акценты мысли, зозвучия, словесные игры, внутренние рифмы и т. д.) Чижевский преподает, анализируя произведения «одного из виднейших эпиграфматиков», «влиятельного и многочитанного» Дж. Оуэна – к нему он апеллирует вообще неоднократно, – а также Лёгау, Ангела Силезия, Мошероша, чтобы потом подвести к выводу, согласно которому «благодаря длительной традиции, а может и особой склонности латинского языка к словесной игре, латинская эпиграмма находится безусловно впереди эпиграмм во всех других языках» (1, 21).

Первые украинские эпиграмматические опыты связаны с панегирически-молитвенными образцами. Эпиграммы такого рода, объединенные в «Венцы» («Вінці», 1689), изданы Киево-Печерской Лаврой; семь «Венцов» (со времени 1690 г.) в 1929 г. издал В.Н. Перетц. Они, по мнению Чижевского, «вызывают большой интерес благодаря своему формальному совершенству и легкой доступности; их авторами, кажется, были Дмитрий Туптало-Ростовский и Гавриил Домецкий» (1, 18).

К примеру:

Блажен градъ Кіевъ хранящъ святое ти тѣло
Еже болных врачует и хранит в нем цѣло
Хранима тѣлом в храмѣ вожда силь небесных,
с ним мя всѣхъ бѣдъ душевныхъ храни и тѣлесныхъ.

Или:

Сокрушивый идолов поганскихъ божницы,
при царѣ Константинѣ изшедший с темницы,
Помози ми крушити греховные нравы,
Да будет в мнѣ храм токмо Христу царю славы.

Как видим, здесь множество, что называется, универсальных эпиграмматических констант: цементирующие мысль и раскрывающие ее изнутри стилистические повторы, семантическая антитетика, которая все больше и усложненее укрепится в дальнейшем.

Примеры Чижевский черпает и из «Триоды цветной» (1631), старшей «Венцов». Закономерно уделяется большое место Сковороде; он переводил латинские эпиграммы (из Горация, Овидия, Гошиуса), писал и сам латинские стихи «с эпиграмматической техникой», пространство которых заполнено поговорками, внутренними антitezами: жизнь – смерть, печален – весела зрака, светлу – мрака, есть и парадоксальное: «мертваго смерть... душит». Характерно эпиграмматическое поздравление Сковороды своему воспитаннику Василию Томаре (18 строк, повторены шесть разных слов 20 раз), и еще, более длинное, стихотворение «De umbratica voluptate». (Игра словами *umbra* и *bruma*, «которая, возможно, базируется на распространенной – не знаю старой ли, – скажет Чижевский, – эпиграмме»):

Si *brumat* *vertas*, noctescens *gignitur umbra*;
nam *bruma* noctes longior *umbra* *nigrat*.

Более ранние произведения Сковороды появились, наверное, где-то в 1755 г. В позднейшем его творчестве, 80-х годов, встречаем короткие стихи, которые «имеют выразительный эпиграмматический характер» (1, 29):

Жесток и горок труд
Быть жителем небес;
Весел и гладок путь, –
Жить, как живет мир весь.

Чем большее добро,
Тѣмъ большимъ то трудом
Ограждено, как рвом.

Чижевский углубляется в самую подноготную мастерской Сковороды перевода и других его украинских современников, модернизирующих и «украинизирующих» латинские оригиналы. Дверь в нее распахнута многочисленными параллелями, сопоставлениями оригиналов и переводов, сопровождаемых аналитическими наблюдениями и выводами. «...Для нас самое важное, — пишет он, — что в своих эпиграммах нового типа Сковорода уже совсем отказывается от традиционных приемов барочной эпиграмматической поэтики», которая «восходит к античным образцам, напр[имер], к Авзонию и Марциалу». «Хотя у него и много связей с барочной поэтической традицией, но в некоторых пунктах он выступает решительным реформатором. К таким пунктам относится эпиграмма. Впрочем, отказ от традиционного формального построения требует еще большей внимательности к построению внутреннему» (1, 30, 68).

«Мастером малых форм» выступает у Чижевского Иван Величковский. В объемистом разделе, так и названном, он анализирует его «поэтические игрушки в духе поэзии барокко» (1, 31). «Большую легкость и естественность, которых достиг Величковский в своих «игрушках» (и с которыми так охотно и с таким знанием обращается Чижевский. — Н.Н.), можно сравнить, на его взгляд, только с чешским писателем начала барочной поры — Сикстом Кандидой» (1, 34). Самоценной представляется впервые воспроизведенная издательская история творений Величковского и выделение в ней — принципиально благожелательное — значительной роли В.Н. Перетца в уже упоминавшемся издании 1929 г. стихов из большого сборника Киево-Сергиевского собора, благодаря которым подтверждалось авторство поэта. «Некоторые "игрушки" (преимущественно переводы с латинского. — Н.Н.) обладают высшим совершенством по компактности мысли и выражения». Подробно анализируются «раки» Величковского, вид поэтических «игрушек», в которых каждую строку можно читать в обоих направлениях. «Игрушки подобного типа встречаем у Плиния, Квинтилиана, Авзония», — Чижевский, по обыкновению, не скучится на примеры. Что же касается современных реалий, то он считает, что «новые языки не дают, кажется, хороших образцов "раков". Только гениальный писатель Шопенгауэр создал — довольно бессмысленное — предложение: Ein Neger mit Gazelle zagt im Regen nie! И только один из русских футуристов Велемир Хлебников, поэт с условно выдающимся языковым чутьем, написал целую поэму "Разин" — 14 страниц, в большинстве своем, правда, коротеньких строк, каждую из которых можно читать в обоих направлениях ("переверстень", по выражению самого автора)» (1, 32).

Стихотворение Величковского «*Carmen alphabeticum*» – пример «алфавитных стихов»²¹. Это стихи «старые, несколько их образцов известны еще древнеславянской (старославянской) литературе. Они не требовали от поэта большого напряжения фантазии, – просто каждая строка должна была начинаться определенной буквой»²². Такие же по характеру и сентенции «Алфавита духовного», раньше приписываемого Дмитрию Туптало. «Сравнить с нашим мастером малой формы (т. е. с Величковским. – *H.H.*) можно только, – повторяет Чижевский, – чешского писателя начала барочной эпохи у чехов Сикста Кандида, интересный сборник которого, еще вроде не привлекший внимания чешских исследователей – «Dyurnál / ginák: Celodenníj Včedlpijka s Mistrem rozmáluwáníj pobožne...». Прага, 1588 – продуцирует "алфавитный" текст». «Можно по-разному оценивать "игрушки", но несомненно Величковский достиг большой легкости и естественности в этом "неестественном" и "противоестественном" жанре, что позволяет нам сближать его с тончайшими мастерами поэзии барока или с "опытами" Валерия Брюсова» (1, 33).

В наследии Величковского Чижевский обнаруживает эпиграмму «На хмель, Величковского стихи» – перевод из Дж. Оуэна (1560–1622), «латинские эпиграммы которого не только многократно переиздавались в разных странах, не только цитировались в школах как примеры эпиграмматического мастерства, но и переводились на самые разные языки». «Вышел даже почти полный перевод всех одиннадцати книг его эпиграмм, сделанный Валентином Лёбером (Löber. Jena. 1651)». «Наряду с этим, не очень поэтичным и удачным переводом, переводили Оуэна и использовали его остроты лучшие немецкие эпиграмматики барока – из них виднейший Ф. Лёгау» (1, 87). И дальше следует огромный перечень имен, среди которых «даже в XVIII веке – Лессинг!» – тоже «пользовавшийся» и тоже «переводивший». «На славянской почве переводы Оуэна в 17 веке неизвестны. Польский перевод вышел в Варшаве в 1773 г. (переводчик Фабиан Турковский) и в 1790 г. (переводчик Феликс Чарновский). Величковский по времени был, видно, первым славянским переводчиком великого эпиграмматиста» (1, 38).

Похоже Чижевский привлек по возможности максимум из переводческого собрания Величковского, чтобы создать многокрасочную исчерпывающую картину, – в сравнениях с оригиналом, с детализацией разнообразных «формальных поэтических элементов». Эта картина действительно представляет в «весма положительных чертах профессиональное умение поэта в овладении малыми афористическими формами. Характерная сопредельность духовных и светских мотивов – одна из наиболее типичных черт поэзии барока» (1, 46).

И еще один акцент Чижевского: мастерство афористического выражения мысли Величковским. «Несмотря на застарелую "засоренную" полно-

низмами языка с точки зрения на ше го в ре ме ни даже у современ-
ного читателя создается впечатление суверенного владения Величковским...
техникой стихосложения, что придает характер легкости и плавности (стиля.
— Н.Н.)» (1, 46). Мастерство переносов (*enjambement*), придающих остроту и
пикантность рифме — она в целом имеет «модерный» характер, — антитетика и
параллелизм понятий, насыщение языка живой речью, «не чуждой нашему
современному языковому сознанию» — центральные качества стиля Велич-
ковского, а отчасти и других «украинских эпиграмматистов», которые
«умеют разными способами а к т у а л и з и р о в а ть р и ф м у и согла-
сующиеся с нею слова» (1, 48). Эти свойства показаны Чижевским
очень-таки в сопоставлениях с Оуэном.

Внедряясь в прошлое, он знакомит своего читателя с начинаяющейся еще в
Греции историей «фигурных стихов» и с их «удивительной популярностью на
Западе в период барокко» (1, 35)²³. Конечно, сочиняли эти стихи больше «по-
эты второстепенные», но не стыдились их также и Ф. Цезен ("Kunst-Becher",
"Hertze", "Palmenbaum"), и Гарсдорфер, и Биркен, и Лёгау, и Кнор фон Розен-
рот, и др. Славился фигурными стихами нюрнбержец Гельвиг. В поэзии поя-
вились кресты, сердца, яблоки, колонны, пирамиды, мечи, короны и т. д. В
немецкой теории поэзии этот жанр специально упоминался, начиная лишь с
половины XVII века (в латинской — у чрезвычайно влиятельного Скалигера
уже в 1561 г.). Еще в начале 20-го века "фигурный стих" живет как шутка...
На Украине рядом со стихом Величковского можно назвать стихотворение
Степана Беринды на честь Елисея Плетенецкого в изданных Киевской Лаврой
1632 г. "Беседах Иоанна Златоуста"» (1, 35).

В разделе «Неизвестный украинский поэт 18-го века» Чижевский знаком-
ит со своей архивной находкой из архива г. Галле. Это имя «забытого по-
эта» Симона Тодорского — первого переводчика с немецкого языка на укра-
инский. Отличие его переводов в том, что «мы не воспринимаем их в каче-
стве таковых: в них типичный украинско-славянский язык 18 века, в кото-
рый чрезвычайно удачно влит оригинальный материал. Это типичные стихи
украинского барока» (1, 53). Впервые Чижевский раскрывает и сам «матери-
ал», с которым работал и который оригинально преображал Тодорский. Это
произведения Лютера, Мартина Рутлиуса (ум. 1618 г.), Й. Франке (1618—
1677), это «одна из самых излюбленных протестантских песен Филиппа Ни-
колая (1556—1608) "Wie schön leuchtet der Morgenstern"».

Что же делает переводы Тодорского «образцами украинского барочного
поэтического искусства»? Тодорский сохраняет смысловую целостность
оригинала и точность содержательного сплава, «но все выражения и образы
славянизированы так удачно, что его стих скорее всего создает впечатление
оригинального произведения "Киевской школы"» (1, 63). «В целом перево-

ды Тодорского – интересная страница истории религиозного силлабического стиха. При встрече с религиозной лирикой Запада обнаружилось, что украинская поэзия (представленная на этот раз несомненно талантливым человеком, хотя и не поэтом по призванию) выработала приемы передачи, пусть и приблизительно верной, ее лучших произведений. Даже просчеты в переводе Тодорского свидетельствуют о возможностях развития: отсутствие в них лиризма – это, наверное, его личная черта, которую он отчасти преодолевает, обращаясь к народному языку. Другие немногочисленные украинские авторы больше черпали из сокровищницы народной песни. Следующий шаг к введению лирической стихии в духовную поэзию сделал Сквороду» (1, 64).

И, приступая уже непосредственно к его опыту (часть 2-я «Очерков», раздел «К переводам Сквороды»), Чижевский начнет с напоминания о том, что Скворода сам называл некоторые свои стихотворения переводами. Это – оды Горация и произведения новолатинского популярного поэта французского происхождения М.-А. Мурета (*Muretus*; 1526–1585).

«Еще в начале XVIII в. известная энциклопедия барочной духовной культуры "Polihistor" Даниеля Моргофа восхваляла Мурета как оратора и поэта»²⁴. Ученик знаменитого Скалигера, он начал свою сопровождавшуюся осложнениями профессорскую деятельность (его преследовал светский суд) семнадцати- или даже шестнадцатилетним. Кроме «весъма любимых» «Докладов» и других произведений, Мурет написал также две многократно переиздававшиеся книги стихов. Чижевский ссылается на сборники, изданные в Липске (Лейпциге) в 1672, 1690 гг., замечая, что стихи Мурета были изданы также в Кракове (1634). С уточняющими ссылками на А. Музычку и Д. Багалия он восстанавливает действительный объем сквородинских переводов Мурета: Скворода перевел две его оды (см. 2, 3–4). При этом проявились ставшие для Сквороды-переводчика характерными черты: устранение всего мифологического и чуждого украинскому читателю убранства стихов. Убраны и «персидские» драгоценности, и Дельфийские венки, и Ольмийские воды как символы связи с Дельфами. Вместо этих «научных» украшений — простые слова: «богатство все мирское», «мудрость иста», «вода духа». Кое-что добавлено: к упоминанию о «сыновьях с отцом» (*filiis juvenibus et seni viro*) добавлено «настѣвши з орання» — чудесная украинизация целого образа; «ученый повар» Мурета (*Doctus coquus*) сделался просто «поваром нанятым». «Стих наверное пришелся Сквороде по сердцу» (2, 10) – реальная оценка Чижевского, вполне достойная исследуемого объекта...

Ссылаясь на переводы Сквороды из Горация²⁵, Чижевский еще больше конкретизирует сказанное. Среди их характерных черт – упрощение (и разбивка) синтаксического строя предложений, знакомое уже нам «устранение мифологического аппарата и вообще конкретных указаний на ан-

тичность». Исчез, скажем, при переводе оды Горация «не только ее адресат, Гросф, но и все мифологические намеки и указания Горация. Исчез Ахилес с его краткой жизнью, Сковорода заменяет имя общим: "Знай, что преславны пошли в прах герои"; также исчез Титон с его долгой жизнью – вместо этого читаем: "И, сто лет живши, лежат в смертном гноѣ". Исчез ветер Евр – у Сковороды – "Вѣтров скорее". Исчезли парки. Устраниены и географические намеки Горация: неспокойное Эгейское море Сковорода заменил на простое "море", по которому купца "вихорь бросит", сикулийских животных – на "Волов изрядных", материю, дважды окрашенную африканским пурпуром – на "Сукна из-за моря". Только Заботу (Cura), имя которой Гораций пишет с заглавной буквы, Сковорода оставляет как персонифицированную "Печаль", что "и на корабли восходит. И проникает на дальни походы". Сковорода оставил только "муз", достаточно известных в украинской литературе (мы встречаем их даже в переводе немецкой духовной песни Тодорского)» (2; 6, 41).

И еще одна примечательность: «модернизация» исторических образов Горация, которая, по Чижевскому, может навести на мысль о травестии. Но после ряда примеров следует вывод о том, что «эта модернизация не содержит в себе никаких элементов травестии, нацеленных на пародирование старых или чужих образов». «Некоторые линии ведут здесь к травестиям Котляревского и к Гулаку-Артемовскому». «Но Сковорода травестирует не хочет. Напротив, он хочет не пародийно унизить, а скорее "подозвысить" переводимого поэта: он христианизирует своего Горация и Эпикура, присутствие которого чувствуем в той же оде, – от него идет не только жизненный идеал "покоя", но и отдельные образы, мысли: жизнь – сходный с бурей непокой; длительные поездки в поисках "покоя" (Лукреций); собственный дух человека ("animus") как основа непокоя... и судьба ("судьбина"), дающая человеку духовные силы, независимые от оценок массы ("свѣту" у Сковороды)» (2, 6).

«Во всяком случае, Сковорода сделал из Горация "римского пророка". Это было целиком и полностью в духе Сковороды, в духе украинского барокко, стремившегося к некоему синтезу христианства и античности. Переводом Сковорода не удовлетворился. Он еще и перепел оду "малороссийским диалектом"». «Перепев вообще оставляет в стороне все конкретные образы Горация: даже и купец, и "турчин", и "китаец" исчезли. Орудия войны полностью модернизированы: вместо "лука" слышим о "бомбардировке". Христианизация пошла дальше: Сковорода говорит о "Боге" вместо "судьбины"... а главное, вместо "муз греческих" находим уже "мудрости часть", мудрости, данной Богом» (2, 7). «Перепев – не перевод. От него идет дальше путь к песне Сковороды "Всякому городу нрав и права", в которой те же

"горацианские" мотивы в новой форме²⁶... Стоит напомнить, что романтически-иронический перелев той же оды Горация дал Пушкин».

Чижевский цитирует:

У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопушкой муз нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом²⁷.

В сковородинском переводе из Овидия (он перевел «Похвалу астрономии» из «Фастов») те же, что и в переводах из Горация, принципы. Тоже опущены все мифологические украшения, вместо географических деталей, названий гор из саги о титанах Сковорода ограничивается словами «исполины богооборны», – в целом же, считает Чижевский, «перевод очень хороший» (2, 9).

Он цитирует:

Счастливи, кои тщились в вѣк старинній
Взвесь ум высpr и примѣчатъ звѣздныхъ бѣгов чины.
Можно вѣрить, что оны, вси земніи здоры
Оставя, взойшли серцем в небесніи горы.
Не влекло сердец их угодіе плоти,
Ни воинскіе труда, ни штатски заботы,
Ни ветренная слава, ни праздніе честы,
Ниже безмѣрныхъ богатствъ приманчивы лесты.
Придвинули пред очи нам, сдѣлали извѣстны
И подвергли под свой ум теченія звѣздны.
Так то должно восходить на кручи пригорны,
Не так, как исполины когдась богооборны.

После демонстрации оригинала – она постоянна – как и подобает, стиховедчески подробнейшим образом прослежены все тонкости перевода. «Модернизации нет, но нет и попыток придать стиху некий религиозный характер, абсолютно чуждый его содержанию. Но зато есть отдельные образы, которые ближе религиозной лирике самого Сковороды, чем поэзии Овидия».

Среди прочих Чижевский выделяет лучшие из переводов Сковороды: перевод оды Мурета, «самые точные и самые удачные отрывки из "Энеиды" Вергилия: переводы отдельных сравнений, типичные, кстати, для поэтики

античного эпоса» (2, 10). В подтверждение следуют параллели, которым может только позавидовать и любой переводчик, и любой исследователь. Мне же вообще бесконечно дорог текст Чижевского, и да простит меня мой читатель за обильное цитирование, – порой мне трудно от него оторваться...

Еще будет разбор перевода Сковороды «Оды Сидронія об уединенії», перевода прозаического – «может только подготовительной ступени к переводу поэтическому, которого Сковорода не исполнил или который не сохранился» (2, 12). Автор оды Гошиус (Hosschius) – фламандец (1596–1653), новолатинский поэт, пользовавшийся большой популярностью в эпоху барокко; «его произведения, в частности "Элегии" (элегические оды) известны нам в многочисленных изданиях», как и произведения Мурета. «Мне известны, – пишет Чижевский, – издания: Антверпен 1656, 1667, 1690, Лион 1698, Венеция 1695, 1705, ... Нюрнберг 1696, 1738, Париж 1723, Аугсбург 1755 и др.» (2, 12). Общий же его вывод состоит в том, что особенности сковородинских переводов – «изъятие античных мифологических украшений, модернизация и определенная "украинизация" не только формы, но и содержания, попытка приблизить содержание к христианско-мистическому мировидению самого Сковороды – ставит перед нами чрезвычайно интересную проблему отношения Сковороды к античности. Во всяком случае, это отношение двоякого рода: Сковорода не пошел так далеко, как иные поэты западного да и украинского барокко, безоглядно перенимавшие (насколько это было возможно) внешнюю форму и внутреннее содержание. Сковорода принимает только "кое-что", а кое-что достаточно решительно полностью отбрасывает. Переводы из латыни Сковороды вновь выдвигают перед нами вопрос об истоках украинской поэзии. В частности важны новолатинские истоки Сковороды... Если найдутся и другие следы новолатинских влияний, то, наверное, надо будет значительно ограничить тезис об исключительном влиянии польской поэзии на поэзию украинского барокко» (2, 13).

Отдельная тема Чижевского – Сковорода как реформатор стиха (разделы в «Очерках»: «Остатки учебника поэтики Сковороды», «Сковорода как реформатор стихосложения»). Остатки поэтических взглядов Сковороды Чижевский находит в его ранних стихотворениях, разбирает их и считает: «то, что Сковорода воспринимал из старой традиции можно хотя бы отчасти установить путем анализа его стихов» (2, 17).

«К центральным идеям барокко принадлежит идея "символизма". "Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis", — формулируя идею символизма в этом классическом предложении, Гете в значительной мере имел в виду средневековые, а не барокко. В средневековые идея символизма была одной из опор религиозного мировидения и философской мысли... Но истоки ее еще глуб-

же – они теряются где-то в наистарейших формах религий древнего Востока. Для европейской мысли важен только самый ближний исток – разные проявления платонизма, в частности платонизма христианского... На символизме построено множество произведений средневековой литературы – теоретических, поэтических, поучительных. Хорошие образцы символики имеем и в древнеукраинской литературе, например в проповедях Кирилла Туровского» (3, 3).

С такими словами Чижевский подходит к рассмотрению эмблематической поэзии.

«В эпоху барокко, – так определяет этот феномен А.А. Морозов, – сложился основной корпус эмблематических изображений и возник новый литературно-художественный жанр эмблематических сборников с четко определившейся структурой, предполагавшей своеобразную "триаду": изображение (*pictura, icon, imago*), надпись или девиз (*inscriptio, motto*) и эпиграфическую подпись (*subscriptio*). Между изображением, девизом и подписью происходит семантическое взаимодействие, в результате которого за видимым изображением возникает метафоризированный – "умственный образ". Словесное эмблематическое изображение замещает отсутствующее изображение его описанием или простым называнием, ориентируясь на традиционные представления – статичные (о предмете-символе) или динамические – о мифологическом, античном или библейском, историческом или каком-либо ином (в том числе бытовом или новеллистическом) событии»²⁸.

Рассмотрение украинской эмблематической поэзии Чижевский начинает тоже со Сковороды – основы, на которую он будет опираться, говоря о том, что Сковорода «дал в своих произведениях теорию символики, раскрывая суть таинственного языка символов, весьма характерного для времен барокко и воспринятого им от ренессанса» (3, 5); или рассуждая о смысле эмблематических рисунков, отталкиваясь от сковородинского «Алфавита мира» и докапываясь истоков мелодичности барокковых стихов.

О том, что украинские ученые и писатели не прошли мимо «модерного жанра» эмблемы, свидетельствуют их библиотеки. Отвлекшись на время от эмблемы, несколько детализирую проблему. Дело в том, что интерес Чижевского к древним библиотекам с доскональным знанием содержащегося в них служил ему доказательным подспорьем концепции духовной значимости эпохи барокко для Украины. «Это был новый расцвет – после длительной ослабленности (ветшалости) – искусства и культуры в целом. В истории народов эпохи расцвета имеют не только сугубо историческое значение: они накладывают свой отпечаток на всю дальнейшую историю, формируя национальный тип или надолго оставляя в духовном облике народа определенные черты. Так, кажется, было и с эпохой барокко на Украине»²⁹. И если он свою роль видит в оправдании прежде всего художественного веса ба-

рокко, то это надо понимать неотрывно от защиты им всего «объема смысла» барочных ценностей. Мы уже видели, что для него «культура барокко не исчерпывается формальными чертами»³⁰. На уровнях многих и определяющих идет оправдание барокко как такового, как целого – от сочетания в нем «своего» и «чужого» («античность приходила на Украину уже после примирения ее с христианством, в формах барочного, христианско-мифологического синтеза»³¹) до вопроса, «когда начинается украинское барокко» и характеристики его начал — «Милетий Смотрицкий, проповеди и отчасти стихи Кирилла Транквилиона Ставровецкого»³²; затем – создание киевской школы, а уже с уходом Гр. Сковороды, «последнего великого украинского писателя эпохи барокко», – взгляд и на угасание этой эпохи: «барокко погасло вместе с присущим ему литературным языком: на смену пришел язык народный... Это было начало новой украинской литературы»³³. Главная же цель состояла в том, чтобы открыть миру литературу барокко как духовную целостность.

Но вот сомнение: не вкрадлась ли сюда оговорка? Можно ли так трактовать эту «внутренне противоречивую духовность» (3, 9)? «Не была ли обречена на поражение попытка примирить непримиримое, соединить противоречивое? И как такая своеобразная духовность возникла? Вот вопросы, которые ставит перед нами XVII век»³⁴. Так формулирует проблему сам Чижевский. И отвечает: нет, не была, отстаивая концепт целостности и ее гаранта – человека барокко. «Задумываясь над чрезвычайным разнообразием событий и фигур XVII столетия, на каждом шагу и каждый раз видишь какое-то поразительно "неестественное" соединение смелости новых мыслей и устремлений с тяготением к традиции, да к тому же еще часто – к традиции прадревней. Такое органическое соединение старого и нового, радикально-новых идей с прадревним наследием в барочной культуре появилось потому, что человек барокко исповедует духовные принципы, при которых такое соединение единственно и возможно. Человек барокко не только делает возможным утверждение нового, перемен, оригинальности, у него не т страха перед новым. Вместе с тем ему изначально присуще глубокое почтение к древности, в которой барокко ищет и находит вечное, непреходящее уважение, и которое ведет к сохранению старого»³⁵.

С подобной мерой Чижевский оценивает и эмблематическую украинскую поэзию.

Появление ее, интерес к ней, внутреннее тяготение к ее «деланию» объясняются, на его взгляд, потребностью времени – пришел-де ее черед³⁶, – а также (и в связи с этим) специфически-метафоризованным строем культуры, философией³⁷, эстетической мыслью, жаждой полисемантического слова. А.В. Михайлов, поразительно независимо перекликаясь с Чижевским, позже скажет: «Создания эмблематического "жанра" произведены характер-

ным мышлением того времени, мышлением, которое особым образом со- прягает слово и образ... Но и поэтические произведения, и эмблемы в свою очередь восходят к определенному мышлению слова, а именно к такому мышлению, которое, во-первых, относится к чрезвычайно давней и на протяжении тысячелетий в основном и главном стойкой традиции, а во-вторых, знаменует некоторый завершительный, итоговый характер этой традиции»³⁸.

Мысль об итоговости и размыканию в будущее традиционных основ динамика движет размышлением Чижевского, включающими в себя также заботу о качестве и необходимости научных изданий литературных памятников³⁹.

Но на что же, однако, указывают древние украинские библиотеки? На факты безусловные: на то, что «на Украине, в особенности во времена барокко, были излюбленными эмблематические стихи» и что там же «были известны некоторые самые значительные произведения этого жанра»⁴⁰. «Некоторые» – скорее всего от деликатности Чижевского; надо все это видеть, самим справляться с лавиной буквально обрушающихся на вас этих описываемых, комментируемых, со всем пристрастием знатока анализируемых «некоторых» книг. Я же по необходимости назову действительно только некоторые. В описании книг, купленных, к примеру, П. Могилой в Кракове в 1632–1633 гг., – находится «Эмблемата»; среди книг, которыми пользовался Радивиловский, — «История символов» Николая Косена (1618, 1622, 1634, 1647, 1654); «Hieroglyphica» Пиерия (1556, 1604, 1622, 1678, 1684) и др. То же по объему, качеству изданий и содержанию касается библиотек Епифания Славинецкого, Стефана Яворского. В библиотеке последнего был по каталогу наибольший выбор эмблематической литературы, но перечислить все издания только одного Германа Гуга (H. Hugo, 1588–1629) представляется почти невозможным, – признается сам Чижевский. Но и то, что названо, конечно же, представляет бесценнейшее научное достояние (см.: 3, 7).

Описана подробно библиотека Феофана (Теофана) Прокоповича и его переводы эмблематических сборников. Запечатлен и такой красноречивый факт. Еще будучи префектом Киевской Академии, Прокопович перевел с латинского языка на церковнославянский произведение Сааведры (Foxardo Saavedra, 1581–1648) под названием «Изображеніе христиано-политического властелина, символами объясненное от Дидака Саведры Факсадра (sic!), ныне же с латинского на диалектъ русскій переведенное».

Значительное место уделено Чижевским эмблематическим произведениям из оригинального эмблематического сборника «Іфіка ієрополітика» (1712), изданного и обработанного в Киево-Печерской лавре, получившего широкое распространение на Украине и за ее пределами.

Есть при этом знакомая уже нам бережность в обращении с памятником и надежный стиховедческий, текстологический и всегдаший лингвистический анализ. Язык, по мнению Чижевского, вообще составляет «очень интересную проблему барочной литературы. Он, как и в предшествующий период, остается принципиально славянским. Но, вобрав в себя большое количество элементов народного языка, не подчинялся, к сожалению, никаким определенным нормам. Потому встречаются большие уклоны то к украинскому народному языку, то к польскому, то – лишь в 18 ст. и то изредка – к русскому; иногда вместо этого увеличивается стихия церковная»⁴¹. На стиле и функциях поэтической эмблематики безусловно оказались эти особенности. Кроме всего, она отражает барочные тенденции и в том смысле, что «становится действенным средством дидактического внушения. По своему дидактическому назначению она сближается с аллегорией или становится ее атрибутом и служит для узнавания аллегорических фигур. Но эмблема – не аллегория! Она сохраняет потенциальную способность изменять свое значение, тогда как аллегория стремится к однозначности»⁴².

«Іфіка...» – не единственный эмблематический сборник, вышедший на Украине. Еще в 1709 г. в Чернигове была напечатана книга «Царьский путь Креста Господня», которая, по словам Чижевского, наверное является переводом или переработкой латинского эмблематического сборника Гефтена с тем же названием (Антверпен, 1635). В одном из рукописных латинских учебников Киевской академии 1693–1694 гг. среди примеров к поэтике есть польские и славянские эмблематические стихи. «В III части риторики, между прочим, излагается теория эмблематики: Л. Барановичу посвящено 6 польских и 3 славянских стихотворения, которые издал Перетц» (3, 16)⁴³.

Рассматривая названные издания, Чижевский в отношении некоторых из них делает любопытный вывод о том, что перед нами «эмблематика не общая, "абстрактная", а индивидуальная, "конкретная": эмблемы здесь – эмблемы индивидуума и его судьбы... Их парадоксальность – светлое оптимистическое настроение в стихах с собственно траурной темой – типична для позднего барокко» (3, 17–18). Эмблемы зеркала («образ неполного познания, лишь отражения-отпечатки "рефлекса действительности"»), лестницы (частый сковородинский символ), образ молчащего мира-моря, не гнувшегося под молотом золота, свечи, весов, темы телесного и небесного с реминисценциями из Платона и др. освещаются, по Чижевскому, в эмблематических стихах Ф. Прокоповича, посвященных памяти митрополита Варлаама Ясинского (из рукописи 1718 г.) («весь цикл давал, наверное, определенную систему религиозной этики» (3, 21)). Разговор о собственно эмблемах и контексте выдержан в тех же соотношениях: масса отсылок к источникам и плотный комментарий с выводами. Перечисленные и многие другие эмблемы (мыльный пузырь – образ «суетности» мира, рассказ о журавлиных

стражах – он есть и в «Іфіке», – магнит, «море – один из простейших символов жизни у поэтов в течение целой эпохи барокко у всех народов») традиционны. Их можно встретить в самых разнообразных сборниках Коменского, Сквороды, Платона, Пичинелли, Ассенгайма, Сааведры (см. 3, 21). Проблема истоков поэтической эмблематики, оснащенная таким количеством фактов и имен, которому порой, признаюсь, просто диву даешься, проходит через все труды Чижевского о барокко, а выводы его чрезвычайноозвучны нынешним оценкам. «...Эмблема, – напишет А.В. Михайлов, – целый жанр барочного искусства – была изобретена до наступления этой эпохи. Она вырастала на основе такого словесно-графического единства внутри осуществляющей творчество мысли, истоки которого уходят в глубь тысячелетий». Эмблема «стала наследницей всей традиции графически-лаконичных изображений, какие существовали в искусстве, – импрез, гербов, резных камней, египетских иероглифов, – как своего рода изображений с зашифрованным в них потайным, неведомым смыслом... Среди этих традиций главное, что обеспечивает возможность эмблемы, – это непрерывность аллегорического толкования любых вещей и явлений, традиция «сиднификативной речи»⁴⁴.

В украинской барочной литературе реятиво, по слову Чижевского, преобладает религиозная тематика. «Но это не безраздельное господство. Есть и одновременно господствуют самые разнообразные, даже антические устремления, тенденции, настроения, формы, стили» (3, 30). И хотя «в эмblemатическом стихе почти отсутствует светская тематика», есть одна область, где она развилаась «достаточно широко». Это – гербовая поэзия, «стихи к гербам тех личностей, городов и именитых родов, которыми так часто украшена украинская древняя печать (букв.: стародруки. – Н.Н.)» (3, 30). Здесь, считает Чижевский, «уже имеем собственно переход от гербовой поэзии к чистому панегирику» (3, 31). Образцы гербовой поэзии, встречающиеся на Украине с конца XVI в., Чижевский рассматривает при анализе творчества Г. Смотрицкого, затем — А. Римши (с вариантами разных гербовых стихов для клейнота Петра Могилы), а также Тарасия Земки, Касияна Саковича и др. Отзвуки гербовой поэзии прослежены и в украинской проповеди (Радивиловский, Стефан Яворский).

Выстраивая типологию барочной поэтической литературы, Чижевский вновь напоминает свой тезис об универсализме барокко. «Барочная литература имела тенденцию к универсальности, к всеохватности. Эта тенденция – общая черта духовной жизни барокко. Это эпоха разных опытов универсального научного и философского синтеза...» «Украинская литература по разным причинам лишь отчасти проявляет тяготение к универсализму; хотя и печатные сборники, и проповеди (например Галятовского или Радиви-

ловского) или Минеи Дмитрия Туптало, рукописные произведения, хроники созданы целиком и полностью в духе этого универсализма» (3, 45–46).

Соединяли произведения сами современники, записывая их к «песенникам» или сборникам эпиграмм. Тут же помещались прозаические произведения: поговорки, повести, молитвы, апокрифы, «что не дает, однако, никакого права оценивать вместе взятое как стилистическое единство, игнорировать специфику жанра и стиля». «Есть произведения, написанные почти простым языком, как некоторые эпиграммы Величковского, как "Ой, ты, птичка, желтобока" Сквороды. И наряду с этим – эпиграммы, написанные почти чистой славянщиной (разумеется, в украинской редакции), как эпиграммы св. Дмитрия Туптало Ростовского или Гавриила Доменецкого; интересно, что Доменецкий писал теоретически-аскетические трактаты "простым" языком. К иному типу принадлежит большинство песен "Сада..." Сквороды, которые написаны славянщиной "нейтрального" восточнославянского типа и которая представлена также в позднейших проповедях Стефана Яворского, а отчасти в позднейших проповедях Дмитрия Туптало» (3, 47). Универсализм барокко не только экстенсивный, но и интенсивный. То есть он проявляется не только во всеохватности тематики, но и во всеохватности направления, в котором эта тематика обрабатывается.

Напоследок не могу не вспомнить о факте в истории нашей культуры значительном и уникальном. В самый разгар военных событий в 1943 г. во Львове в газете «Краковские вести» появляется подробнейшая рецензия Е.Ю. Пеленского на «Історію української літератури...» Чижевского. В ней пространное место отводится барокко. Пеленский писал: «Професор Дмитрий Чижевский, сам хороший знаток украинского литературного барокко, далек от внеисторического и вненаучного подхода к поэзии XVII–XVIII ст., культивируемых прежними историками литературы. Благодаря этому барочная поэзия в его книге получила не только новое освещение, но и нашла в его личности своего истинного защитника, чтобы не сказать энтузиаста»⁴⁵.

Примечания

¹ Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 396.

² Чижевський Дм. Український літературний барок. Нариси. Прага, 1941–1943. Ч. 1 – 3; *Он же. Історія української літератури*. Прага, 1942. Кн. 2; *Он же. До проблеми барокко* // Затрава. Аугсбург, 1946. Ч. 4; *Он же. Сімнадцять сторіччя в духовній історії України*. // Арка. 1948. Ч. 3–4; *Он же. Історія української літератури. Від початків до доби реалізму*. Нью-Йорк, 1956. (Перезвидання: Тернопіль, 1994; Київ, 2003 и др.).

³ «Хотя о барокко очень часто говорили и говорят как о "стиле", на самом деле барокко – это вовсе не стиль, а нечто иное. Барокко это и не направление. С этим, кажется, согласен даже Д.С. Лихачев. Зато в качестве некоторого условного выражения возможно говорить о барокко как о "стиле эпохи"». И еще: «Скрупулезные новейшие исследования, стремящиеся во всех подробностях восстановить процесс усвоения понятия "барокко" наукой о литературе, как раз весьма впечатляюще показывают, что одновременно осваивались и обрабатывались литерату-

роведческим сознанием *разные* понятия "барокко" – понятия с разным объемом и различным генезисом: понятие историко-культурного типа, идущее от Якоба Бургхардта (ср. также "барокко" у Ницше); историко-типологическое понятие, сформированное Генрихом Вельфлином; понятие "эпохи барокко", понятие "барочного стиля" – в последнем, очевидно, уже ощущаются результаты *конвергенции* понятий с различным происхождением, складывающиеся в нечто новое. Это новое с самого начала 20-х годов и встает перед наукой как *задача и загадка*, заряженные высочайшей актуальностью и пробуждающие огромное волнение. Тут, причем именно с самого начала 1920-х годов, понятие "барокко" предстает как общий и целостный смысл – как смысл, очевидно поставленный перед *всей наукой*. *Михайлова А. В.* Указ. соч. С. 329–330.

⁴ См.: Чижевский Д. Історія української літератури. Від початків до доби реалізму. Тернопіль, 1994. С. 28.

⁵ Флоровский Г. Вера и культура. Избранные труды по богословию и философии. СПб., 2000. С. 200.

⁶ См.: Мишанич О. Дмитро Чижевський – історик давньої української літератури // Слово і час. 2003. № 4.

⁷ Веселовский А.Н. Собр. соч.. СПб., 1913. Т. 3. С. 360–361.

⁸ Souček S. Racovnická vanoční hra. Brno, 1929. (Примечание Д. Чижевского по тексту).

⁹ Vašica J. České literární baroco. Praha, 1938. (Примечание Д. Чижевского по тексту).

¹⁰ Bitnar V. O českém baroku slovesném. Praha, 1932 (1934). Его же: Postavy a problémy českého baroku literárního. Praha, 1939. (Примечание Д. Чижевского по тексту).

¹¹ Чижевский Д. До проблеми барокко. Перепечатка: Сучасність. 1974. Ч. 4 (160). С. 44.

¹² Там же. С. 45. «Культура барокко, – пишет он, – не отказывается от достижений эпохи ренессанса, во многом возвращается к средневековым содержанию и форме, вместо прозрачной гармонии ренессанса встречаем в барокко усложненность готики; вместо антропоцентризма, помешания человека в центр всего в ренессансе, встречаем в барокко выразительный поворот к теоцентризму, к определению центрального места опять, как в средневековые Богу, вместо светского характера культуры ренессанса, видим во времена барокко религиозную окрашенность всей культуры – снова-таки, как в средневековье». Но «барокко кое в чем перенимает и наследие ренессанса, в частности, оно полностью принимает "возрождение" античной культуры; правда, оно понимает эту культуру по-иному, чем ренессанс, и делает попытку соединить античность с христианством». (Чижевский Д. Історія української літератури. Від початків... С. 239–240). «Чижевский не преувеличивал влияний Ренессанса на Украину, считая, что он коснулся Украины только в конце своего развития, его заменили реформационные влияния. Влияния Ренессанса и Реформации пришли в Украину благодаря польскому посредничеству. Украинская литература освоила лишь незначительные стилистические элементы Ренессанса. Тематика светского Ренессанса, по мысли Чижевского, не нашла в Украине почвы» (Мишанич О. Указ. соч. С. 10).

¹³ Задавая вопрос: «Есть ли в барокко сквозная идея?», А.М. Панченко отвечает: «Быть может, такой идеей была идея движения и отнюдь не случайно движением и пустотой занимаются крупнейшие умы эпохи. Законы "соударения тел", которые пытался вычислить Декарт, – это не только задача из области физики. Это некий общий принцип: мир осознается как "соударение" людей, находящихся в хаотическом движении. Жизнь – путешествие и странствие, модель мира – лабиринт, а человек – пилигрим, осужденный плутать в поисках истины», говоря о том, что «тота идея чрезвычайно важна для России XVII в.» (Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Два этапа русского барокко // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. III (XVII – начало XVIII века). С. 224–225.)

¹⁴ «Наиболее развита декоративная резьба в украшениях построек, надгробных плит и, особенно, резьбленных иконостасов. Барочные иконостасы чрезвычайно сложные, с роскошной резь-

бой в несколько рядов и полихромированы, с пышным орнаментом, выражющим сугубо украинские мотивы, почерпнутые из украинской флоры (виноградная лоза, подсолнух, мальва, гвоздики, бессмертники, георгины и т. д.). К лучшим образцам принадлежат: Богородчанский иконостас из Манявского скита конца XVII в. работы Йова Кондзелевича (Национальный музей во Львове), главной церкви Киево-Печерской Лавры черниговского резчика Якима Глинского, Николаевской церкви в Киеве резчика С. Балика 1690, Михайловского Златоверхового монастыря в Киеве (разрушены в 1934–1941 гг.). В эпоху рококо появляются формы более легкие и утонченные, как иконостас св. Софии в Киеве 1747 г., Андреевской церкви в Киеве, церкви в Коломые, Успенской церкви на Подоле в Киеве 1778 г. и т. д. Еще своеобразнее иконостасы сельских деревянных церквей, также киоты, рамы икон, подсвечники и другие малые изделия. Эта резьба, кроме оригинальности орнаментальных мотивов, символики и композиционных приемов, была по преимуществу полихромирована с гармоническим соединением красок, например, охра с красной краской и позолотой, желто-блакитные тона, зеленые оттенки с серебром, зеленые и желтые тона на темно-синем фоне... Из мелких изделий сохранились образцы резблесных вручную крестов, культура которых восходит к очень давним временам; чаще всего они с фигурными мотивами: "Справедливость" Киевского магистрата, "Св. Юр" во Львове 70-х гг. XVIII ст., "Геракл" на Бучацкой ратуше, фигуры муз и гетьманов на доме Малороссийской Коллегии в Глухове» (Енциклопедія українознавства. Т. I. Кн. III. Барокко. Мюнхен–Нью-Йорк, 1949. С. 822).

¹⁵ Чижевський Д. До проблеми барокко.... С. 46–47.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ Там же. С. 44.

¹⁸ Там же. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 45.

²⁰ Там же. С. 43.

²¹ Примечания 21–27 принадлежат Д. Чижевскому. См.: Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Сб. ОРЯ и С. 88 (1910). Ч. 3. С. 1–16, 30–35; Murko M. Geschichte der alten südslav. Literatur. 1908.

²² Перетц В.Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы. Сб. ОРЯ и С. 1. 1929. С. 117.

²³ О греческих «фигурных стихах» см. кн.: Haerberlin. Cartina figurata graeca. 1887.

²⁴ D.G. Morhafii. Polihistor literarius, philosophicus et practicus Lübech. 1747. Даты о Мурстете в известном «Словаре ученых» Jöcher'a. Ссылаясь на Лейпцигское издание 1715 г.

²⁵ «Об этом см. статью Длужевского в Одесском сборнике. М. Маслов делает важные уточнения к проблеме владения Сквородой античными языками; он не разделяет сомнений Длужевского, хорошо ли знал Скворода греческий язык (Маслов М.А. Переводы Г.С. Сквороды. Наукові Записки. Праці науково-дослідчої кафедри історії європейської культури. Вип. III. Харків. С. 29–34)».

²⁶ «Надо обратить внимание на то, что во "Всяком городе" собственно даны многие мотивы позднейших произведений Гоголя! О том, что одна из основных тем Гоголя – тема разнообразных человеческих устремлений, пристрастий ("задоры" у Гоголя), см. мою статью в Zeitschrift für slavische Philologie, 1937, XIV. С. 63–94. Указал на это между прочим В. Гиппус. То, что Гоголь использовал те же человеческие типы, о которых говорит Скворода, бросается в глаза». (Дальше следуют примеры. – Н.Н.).

²⁷ «Евгений Онегин». IV строфа была помещена в первом издании и выпущена в дальнейших.

²⁸ Морозов А.А. Из истории осмыслиения некоторых эмблем в эпоху Ренессанса и барокко (Пеликан) // Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978. С. 41.

²⁹ Чижевський Д. Історія української літератури. Від початків... С. 241.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 243. Продолжение высказывания выглядит так: «потому исподволь, но без сопротивления распространяются мифологические образы: религиозная лирика стоит под охраной античных "муз"; Пресвятая Дева становится "Дианой", крест сравнивают с тризубцем Нептуна, в мистических трактатах появляются "амуры", "купионы" и т.д. Барокко пришло без большой литературной борьбы и укоренилось как новое растение на плодородной почве. Единственный, может, кто мог бы бороться против барокко, Иван Вишенский, сам своей литературной формой был к барокко очень близким и скорее способствовал его успеху именно стилем своих произведений. Вишенский не принял бы только соединения христианства с англичностью, "сингетизма". В письме Чижевского к А. Л. Бему от 17 июля 42 г. читаем: "...Сейчас наряду с Коменским у меня под рукой работа (книга) о Иване Вишенском, в котором масса никем не замеченных интересных черт. Странным образом, даже Г. Флоровский, написавший о русском богословии прекрасную книгу, Вишенского просто не прочел, положившись на старую — и никуда не годную — литературу. Только с печатанием такие же трудности, как и у Вас"». И еще: к тому же адресату от 24 августа 1942 г.: «...Освещение Вишенского (как, впрочем, и во всей литературе о нем) слабо. Именно поэтому я и должен о нем писать. Богословски он очень интересен и источники его совершенно своеобразны: как кажется, главным образом протестантские... Как писатель Вишенский принадлежит — по крайней мере в некоторых своих произведениях — к таким вершинам славянских литератур, как "Пан Тадеуш", "Осман" Гундулича, "Евгений Онегин" и т. п. И, конечно, как Коменский, с которым у него есть большое стилистическое сходство (объясняемое, конечно, эпохой). Но особенно странно, например, буквальное совпадение некоторых мест с произведениями Гавла Жаланского. Вообще эта тема — на долгое время».

³² Анализируя «Перло многоцветное» (Чернигов, 1649) Кирилла Транквилиона Ставровецкого, А.А. Морозов пишет об отождествлении Христа и Пеликаны в его молитвенном обращении:

Сыне Божий, предвечный,
Пеликан мой небесный чадолюбивый...

«Изысканным метафоризмом отличалось риторическое искусство украинских проповедников эпохи барокко, обращавшихся к легенде о Пеликане наряду с привлечением и, разумеется, сложным переосмысливанием других мотивов», — пишет он, указывая на «уподобление Христа иеясыти пустынной» Иоанникием Галятовским. У Галятовского есть и мотив «мощного врана», знаменующего день воскресения Христова, ибо «ворон в ночи вылетает з гнезда своего и по свету летает, так Христос о полночи встал з мертвых и выполз з гробу, з великою славою...» День же вознесения Христа уподобляется воробью, «бо воробей высоко себе гнездо чинит на даху, и там мешкает, так Христос высоко выступил з земле аж до неба емпирейского» (Галятовский И. Ключ разумения. Львов, 1663. Л. 128–130. «Казанье на преображение Господне»). Называет Морозов в связи с «изысканным метафоризмом» также Симеона Полоцкого («Неясыть», «Вертоград многоцветный»). «Христос — "неясыть мысленный", почивающий в "небесном гнезде", не только источил свою кровь ради спасения рода человеческого, но и сам желает от спасенных им чад получить "пищу" "благих деяний", за что обещает "тщивым" "вечно сладкую пищу" (небесное блаженство). Подчеркнута излюбленная в барокко мысль о способности "летати умом", дарованной Спасителем человеку, — своеобразное оправдание концептизма, требовавшего от поэзии умственного полета, сопряжения в быстром разуме "далековатых идей" (Морозов А. А. Указ. соч. С. 58–59).

³³ Чижевський Д. Історія української літератури. Від початків... С. 244–245.

³⁴ Чижевський Д. Сімнадцять сторіччя в духовній історії України. С. 9.

³⁵ Там же.

³⁶ Проводя сравнение классицизма и барокко, А.В. Михайлов говорит о том, что «сближение художественного и "ученого" в барокко не может произойти только на территории слова; для него требуется дополнительные и бессловесные пространства, вроде пространства эмблемы, где зrimо пересекаются планы словесно-поэтических, живописно-художественных, моральных и научных значений».

Классицизм... утверждает принцип семантической единосущности слова... Барокко же, напротив, стремится возвратить риторическому слову смысловую многоплановость, полисемантичность (принцип "остроумия" в трактатах Грасиана и Тезаура, установка на антиетичность, метафоричность стиля). Классицизм культтивирует дисциплину и отбор — барокко полноту и энциклопедичность. Классицизм сублимирует историю в геометрически правильные формы эпизода, барокко жизненную, даже бытовую действительность рассматривает как начало смысловой вертикали, исходный материал аллегорически-эмблематической мысли». (Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. С. 26.).

³⁷ О связи литературы украинского барокко и сферы философского дискурса см.: Ушаков Л. Іконосфера українського барокко як міф про людське існування // Слово і час. 1997. № 5–6; Он же. «Любов мудрості» у дзеркалі української бароко літератури // Там же. 1999. № 1.

³⁸ Михайлов А.В. Указ. соч. С. 358.

³⁹ В 80-е годы ХХ в. благодаря усилиям В. Крекотня, В. Колесовой, О. Мишанича, В. Маслюка, В. Яременко, Р. Радышевского, М. Сульмы, А. Макарова, В. Шевчука и других украинских ученых были изданы: «Аполлонова лотня» (1982), «Українська література XVIII ст.» (1983), «Антологія української поезії», Т. 1 (1984) и многие другие ценные памятники. См.: Шевчук В. Світло українського бароко // Літературна Україна. 1996. 22 лютого.

⁴⁰ Чижевський Д. Історія української літератури. Від початків... С. 257.

⁴¹ Там же. С. 245.

⁴² Морозов А.А. Указ. соч. С. 41.

⁴³ «Хронограф» тех времен пополняется сегодня фактами. Вот лишь некоторые: В 1750 г. преподаватель Серапион Валуцкий написал в киевских традициях барочную поэтику; в этот курс вошла и теория эмблематики. В ней широко анализируется курьезный стих. Среди примеров эпитафий на славянском и латинском языках — эпитафия епископу, бывшему ректору Киево-Могилянской академии Амвросию Дубковичу (ум. 1750).

В 1751 г. выпускник Киево-Могилянской академии ученый Сим Тодорский (это, видно, и есть тот Симон Тодорский, о котором я уже упоминала.) осуществил один из лучших переводов Библии с древнееврейского языка на церковнославянский.

Д. Бортнянский (украинский композитор, хоровой дирижер и педагог.) в своем творчестве органически соединил традиции украинского национального хорового искусства, западноевропейского барокко и классицизма.

В 1751 г. Серапион Множинский-Каянов создал рукописную книгу «Путник от богоспасаемого града Киева...», в которой помещены две гравюры Григория Левицкого (наст. имя — Нос): изображение святой Варвары — один из лучших женских образов в творчестве художника и композиция «Крещение Иисуса Христа» (не подписана).

В 1752 г. в типографии Киево-Печерской лавры издан «Апостол» с барочными гравюрами Г. Левицкого-Носа. (См.: Береза І., Піскун В. Хронограф // Слово і час. 2001. № 5. С. 95).

⁴⁴ Михайлов А.В. Указ. соч. С. 358.

⁴⁵ Пеленський Е.Ю. Нова історія української літератури. Рец. на: Дм. Чижевський. Історія української літератури. Кн. II, IV. Ренесанс та реформація; Кн. V. Барок. Прага, 1942.

Мария Магидова
(Прага)

Печать эмиграции и труды Альфреда Людвиговича Бема о Достоевском

Первые публикации А.Л. Бема на литературную тему в эмиграции появились в варшавской «Свободе», газете «политической, литературной и общественной». Несмотря на географически периферийное положение, «Свобода» находилась в центре внимания эмиграции. Она была известна своим непримиримым антибольшевизмом (что приветствовалось повсеместно) и настойчивым требованием демократизации российской национальной политики (что, с точки зрения центров эмиграции, было равносильно предательству российских национальных интересов). Известна была «Свобода» также своей кадровой неординарностью – ее ядро составляла дореволюционная петербургская интеллектуальная элита (в лице Д.В. Философова, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус) в романтическом альянсе с эсером-террористом и бывшим военным министром Временного правительства Б.В. Савинковым. Период краха «белого дела» выдигал Польшу, по идее Савинкова-Философова, на авангардные позиции – она становилась опорным пунктом новой эмигрантской политики. Школьная дружба Б. Савинкова с Ю. Пилсудским, который в результате падения империи вырос в «начальника государства», обеспечила Савинкову исключительные возможности политической деятельности в Польше – вплоть до формирования на ее территории вооруженных соединений. Савинков прилагал максимум усилий, чтобы сделать независимую Польшу главным плацдармом вооруженной борьбы эмиграции и внутренних демократических сил России с большевизмом. Глашатаем его стратегии и тактики была «Свобода» (позднее – «За свободу»).

В ноябре 1920 г. к руководимому Савинковым «Союзу защиты родины и свободы» присоединились и лидеры «Союза возрождения России» – Д.М. Одинец, А.Л. Бем и В.В. Зеньковский. Принявшие революцию, но активно не принимавшие большевизм, все трое вынуждены были осенью 1919 г. бежать из захваченного большевиками Киева и искать себе пристанище в Белграде. Гуманитарии по преимуществу (Одинец – профессор истории, Бем – историк литературы и библиограф, Зеньковский – философ, психолог и религиозный деятель) – эти политики со временем революции представляли собой интеллектуальное ядро киевской группы «Союза возрождения

России», близкого по программе савинковскому «Политическому комитету». Их переезд в Польшу укрепил и без того мощный публицистико-литературный потенциал газеты «Свобода», где каждый, будучи Савинковым был еще и Ропшиным, Философовым, Арцыбашевым или Дикгоф-Деренталем, одним словом, – писателем с именем. Будучи трибуной литературно-политического слова, «Свобода» была одновременно последней трибуной революционного действия.

Однако военно-революционный дух варшавян с уклоном в терроризм был всего лишь силой инерции уже завершившейся революции. «Мы снова, – пишет публицист «Свободы», – переживаем тяжкие дни — вести из Крыма рисуют безысходное положение армии генерала Врангеля; тревожны также и сведения с украинского фронта. И все же, несмотря на новые неудачи, мы твердо верим и знаем, что дальнейшая борьба с большевиками неизбежна, что только вооруженной рукой можно освободить Россию от большевиков... Только в единении всех народов, которым грозит русский большевизм гибелью, спасение, и в первую очередь русские, украинцы и поляки должны осознать властную необходимость такого единения».

Воинственная лексика трибуна варшавской газеты принадлежит Бему, который 17 ноября 1920 г. впервые выступил на страницах «Свободы» как автор заметки «Борьба продолжается». В равной мере этот текст мог принадлежать и любому другому публицисту «Свободы», как в смысле идей, так и с точки зрения стиля. Иным предстает Бем в своих дневниковых записях. Нет ни твердой веры, ни обыкновенной человеческой бодрости – сомнения, тоска и муки совести при мыслях об оставленной в Киеве семье – родителях, жене и детях, двух совсем маленьких девочках. Нельзя забывать, что призывы Бема не были только «литературой» – от этих призывов пахло реальным порохом, адресованным противнику, но возымевшим гораздо большую обратную силу. Когда, уже будучи в Праге, Бем писал свою методологически-программную статью о Достоевском¹, впервые грозным эхом отозвалась из Москвы «вся эта Савинковская эпопея» (выражение Зеньковского). На Лубянке, во время допроса полковника С.Э. Павловского, прозвучало имя Бема среди имен других членов руководимого Савинковым «Союза защиты Родины и свободы». Провокация ГПУ и успех операции «Синдикат-2» поставили перед военным трибуналом бывших варшавских коллег и знакомых Бема, не забывших назвать его легко запоминающееся имя в числе видных деятелей антибольшевистской организации русских эмигрантов в Польше². Бем не был забыт и в победные дни мая 1945, спустя четверть столетия вернувшие реальность Гражданской войны и реализовавшие постоянно висевшую над ним угрозу смерти.

Однако «Свобода» была действительно не только политической и общественной газетой, но и литературной. Ее «подвалы» предоставлены

были в распоряжение прозаиков, в основном Мережковского, Дикгофа-Деренталя и Арцыбашева. Черты «литературной» – в традиционном культурологическом смысле – газета начала приобретать с появлением на ее страницах статей, посвященных классическому литературному наследию. Так, осенью 1920 г., когда эмиграция вспоминала Толстого в связи с десятилетием его кончины, газета «Свобода» выпустила номер, посвященный этой дате. Два объемных очерка на первых страницах газеты за 20 ноября с разных позиций освещали тему «Толстой». Зеньковский, автор первого очерка, отметил тот факт, что смерть Толстого не примирila его с русским обществом — «и можно даже утверждать, что в связи с современной трагедией России отрицательное отношение к Толстому даже усилилось, восходя иногда прямо до ненависти к нему»³. Время и внесенные им перемены в восприятие писателя-классика — такова тема Зеньковского, ставшая впоследствии наиболее привлекательной для литературной публицистики эмиграции. Выработался вскоре и свой эпигонский стиль, названный Ф. Степуном в одном из писем Бему «петух-кукушкиным».

В статье «Жизнь – творчество» в том же номере Бем дал обзорную характеристику Толстого, в которой попытался ответить на вопрос: какое место в жизни писателя занимало творчество⁴. К «генерализирующему» описательному подходу, неизбежному в газетной статье, располагал и предшествующий профессиональный опыт Бема, сотрудника рукописного отделения Библиотеки Академии наук, на протяжении ряда лет составлявшего под руководством В.И. Срезневского биографии Толстого.

Следующий, тоже юбилейный, историко-литературный очерк Бема в «Свободе» был посвящен Достоевскому; его название – «Жизнь в творчестве»⁵ отсылало к предшествующей статье о Толстом, указывая на возможность сопоставления двух корифеев русской литературы. Свой вопрос о месте творчества в жизни писателя Бем обратил здесь на Достоевского, у которого он видит преобладание творчества над жизнью, подчинение жизни – идеи творчества. Обе юбилейные даты, дав толчок для развернутых публикаций, обозначили пробуждение прежнего интереса Бема к работе с литературным материалом. Свидетельствовали они и о вопросе, его занимавшем лично, – как вписать потребность к творчеству в собственную бывую жизнь. Он решает его в пользу творчества – вопреки условиям своей варшавской жизни, подчиняя свой новый опыт и понимание жизни поиску метода анализа литературных фактов, интерес к которому еще со студенческих лет он разделял с большинством участников Пушкинского семинария С.А. Венгерова.

Первые литературные опыты Бема в политической прессе обнаружили его основные методологические симпатии – интерес к личности писателя и сравнительный подход к материалу. Оба эти принципа обозначились уже в

период петербургского кружка по литературным вопросам, организованного Бемом в 1916 г. и состоявшего из пушкинистов-венгеровцев, друзей Бема⁶. Сверстник ОПОЯЗ'a и его принципиальный оппонент, кружок не был столь воинственно настроен против академического литературоведения. Характерным для него стало стремление функционально-продуктивно использовать обретения предшественников, особенно наследие А.А. Потебни и А.А. Шахматова.

Варшавские статьи о Толстом и Достоевском и принятый в них сравнительный аспект с проекцией на личность писателя свидетельствовали также и о новом факте биографии Бема – о поиске объекта для будущей исследовательской работы. Им мог быть именно Толстой, детально изученный и пережитый как факт собственной духовной жизни. Однако Бем останавливается на Достоевском, с которым в свой петербургский период столкнулся профессионально только однажды и абсолютно случайно, когда обнаружил среди новых архивных поступлений рукописного отделения Библиотеки Академии наук дневник Аполлинарии Сусловой. Он первым атрибутировал этот документ, прочел и оценил историко-литературное значение текста. Доклад на заседании Пушкинского общества и оставшаяся в рукописи статья засвидетельствовали этот факт научной биографии Бема. «Достоевский» как возможная исследовательская тема актуализировался в Варшаве.

Точной отсчета, с которой должно было начаться подспудно зреющее исследование, стала оценка пути, пройденного литературоведческой наукой в области достоевковедения. Как и у новаторов-опозиционцев, вывод Бема содержал в себе момент изумления перед неадекватностью историко-литературного осмыслиения вызвавшему его художественному явлению. Публициста «Свободы» поразил тот факт, что Достоевский, писатель мирового масштаба, пришел к столетнему юбилею без собственной биографии. Но, с другой стороны, именно это обстоятельство – бедность биографической литературы о Достоевском – отвечало условиям жизни Бема, оторванного от библиотек и архивов. Ретроспективно, уже в 1940-е годы, Бем так описывал в письме В.В. Мияковскому начало своей профессиональной работы в эмиграции: «Ты пишешь, что собираешься начать новую жизнь. За мною уже долгие годы изгнания, и я знаю, как это трудно. Желаю тебе только одного, чтобы у тебя этот срок был возможно короче и чтобы ты мог вернуться к привычной, а не случайной работе. Я, действительно, все начал съезжая и пробовался с необычайной трудностью. Я нарочно и сосредоточился на новой для меня теме, к[о]т[орой]. в России никогда не занимался. Достоевский давал возможность начинать без материалов, без литературы, опираясь на один текст его произведений. До Праги у меня и не было возможности иначе работать»⁷.

Однако Бем все-таки сделал попытку использовать свою единственную – «очень ценную», по его же оценке, архивную находку, – дневник Сусловой 1863–1864 гг. На эту тему он пишет для варшавской «Свободы» статью, опубликованную под названием «Ф.М. Достоевский и Анна Суслова⁸». В научной бесперспективности архивно-комментаторского пути Бему пришлось убедиться уже в 1925 г. Из издательского анонса мюнхенской фирмы «Piper Verlag» Бем узнает о покупке прав на печатание текстов Достоевского и новых материалов о нем. Это известие Бем пережил очень болезненно, чувствуя себя уязвленным и как патриот, и как исследователь. Он писал в статье «Концессия на писателя» на страницах «Последних новостей», графически подчеркивая свое беспредельное возмущение: «**Концессия на писателя – это последнее изобретение советской власти.** Права на литературное наследство уничтожены, государство является монополистом. [...] В результате] иностранное издательство покупает у государства [право на] исключительное издание наследия Достоевского и готово защищать его, „как оригинальное немецкое произведение“.

Мало того, что взята концессия на Достоевского, заодно заключен договор и „со спецами“, ибо проспект г.г. Пипера и К-о. рассматривает их не как свободных ученых, а как правительственные чиновников; в нем так и сказано: „советское правительство доверило разбор, литературную обработку и комментирование наследия Достоевского известным исследователям его творчества“... С тяжелым чувством пишу я эти строки; среди работающих над Достоевским и упомянутых в проспекте Пипера и К-о лиц, есть имена, к которым я лично отношусь с глубоким уважением⁹. Бем подразумевает здесь прежде всего А.С. Долинина, своего петербургского друга, ведущего советского специалиста по Достоевскому, а также В.Л. Комаровича, Л.П. Гроссмана и других исследователей. В этой же статье Бем описал и историю своей архивной находки дневника Сусловой. Однако неожиданно для себя, он вынужден был вскоре изложить ее снова на страницах той же газеты.

На сей раз это было письмо редактору «Последних новостей», вызванное искажением фактов в статье «Достоевский и Суслова». Ее автор Р. Соловцов извещал читателей газеты о сенсационном событии в литературном мире, почертнутое из напечатанной в России статьи Долинина «с первым обстоятельным рассказом» об А. Сусловой¹⁰. Бем вынужден был дать опровержение по двум пунктам – по вопросу новизны факта и по вопросу имени исследователя, который ввел материал в научный оборот. Он писал в открытом письме, опубликованном в газете от 12 июня 1925 г.: «Дневник А.П. Сусловой впервые был найден мною среди неразобранных рукописей, очутившихся в 1917 г. в Российской Академии Наук. Результаты первых исследований этого исключительного для биографии Достоевского

памятника были мною доложены в заседании Пушкинского Литературного Общества. События заставили меня покинуть сначала Петербург, а затем и выехать за границу. Рукопись со статьей о Сусловой... очевидно, затерялась. В связи с выходом в свет воспоминаний дочери Достоевского, Любови Федоровны, я опубликовал, будучи в Варшаве, статью "Достоевский и Суслова" (Бем маскирует здесь досадную ошибку, допущенную им в названии статьи в «Свободе» – «Достоевский и Анна Суслова».), где мною в общих чертах рассказана история взаимоотношений Достоевского и Сусловой...» Далее Бем говорит о неакадемических условиях своей работы: «Мне ... не удалось вывезти с собой даже копии, и я вынужден был восстанавливать многое по памяти...»¹¹. О том, что искажение фактов «Последними новостями» было спровоцировано автором исследования о Сусловой А.С. Долининым, умолчавшим о роли Бема, Бем узнал позднее. Факт замалчивания повторился и в 1928 г., при публикации Долининым текста дневника Сусловой¹². Свидетельством потрясения, пережитого автором открытия, может быть письмо Ю.И. Айхенвальда Бему: «Книги Долинина я еще не видел. Вполне понимаю Ваше чувство, законную горечь Вашу»¹³.

Таким образом, попытка использования хранящихся в российских архивах материалов показала Бему, что он раз и навсегда лишен прав на их научную презентацию, что эти права принадлежат теперь его бывшим друзьям и коллегам и согласованы с немецким издательством Piper Verlag. Не имевшая научной ценности варшавская статья Бема, посвященная дневнику А. Сусловой, сыграла все же важную роль в утверждении его – в то время еще мало значимого в эмиграции – научного имени. Не потеряла своей ценности в научной биографии Бема и методологическая услуга находки, подтолкнувшая его в сторону исследования личности писателя. Уже цитированное письмо В.В. Мияковскому подтверждает, что варшавские статьи Бема были публицистической версией начатой им исследовательской работы над темой о Достоевском.

Зная широту общения Бема в кругах политически ангажированной научной интелигенции, можно было предположить, что двери изданий эмиграции будут для него в дальнейшем широко открыты. И действительно, уже в 1923 г. в сборнике «Православие и культура» под редакцией В.В. Зеньковского была опубликована первая итоговая специальная работа Бема о Достоевском. Статья обобщала предшествующий методологический поиск Бема и носила название «Тайна личности Достоевского». Под словом «тайна» ни в коем случае не следует подразумевать сюжет с Сусловой. Речь идет о профессиональной тайне Достоевского – о том источнике, из которого он черпал художественные средства к обновлению прозаических жанров. Слово «тайна» в названии статьи все же подготавливает к мысли об интим-

ном характере этого источника. Наиболее информированного читателя оно, безусловно, настраивало на сюжет, восходящий к Н.Н. Страхову и к идеи о греховном личном опыте Достоевского, от которого он отталкивался в своем творчестве. Тем не менее Бем исходил из иной посылки – гораздо более универсальной и в правовом смысле гораздо более корректной. Шкала переживаний героев Достоевского свидетельствовала, согласно Бему, не о реальном личном опыте Достоевского, а об опыте сна-бодрствования, компенсировавшего видимую неподвижность его жизни. Сближение творчества со сном становится не образом, а реальным фактом, когда речь идет о творчестве Достоевского. Говоря о механизме сна Бем обнаруживает детальное знакомство с работами и методом З. Фрейда. Получило отражение здесь также и опасение Бема, связанное с существующими опытами аппликации метода на литературный текст и вынесением диагноза-приговора автору. Обращаясь ко сну как к источнику материала, служащему писателю средством обновления авторского стиля и жанров прозы, Бем выделяет из механизмов сна прежде всего позицию автора в нем: невидимое присутствие. Не обращаясь конкретно ни к одному из произведений Достоевского по преимуществу, Бем формулирует общий принцип концепции жанрообразования у писателя и подготавливает читателей к дальнейшему использованию слова «сон» при анализе его творчества. «Сон» для исследователя Достоевского – одна из таинственно-законченных версий индивидуальной жизни писателя, возможная ее модель, представляющая в распоряжение писателя-сновидца богатый арсенал художественных средств всех уровней.

Публикация статьи «Тайна творчества Достоевского» была санкционирована В.В. Зеньковским, в отношении которого вполне вероятно предположить, что именно он был главным консультантом Бема в вопросах достижений современной науки в области психологии в период первых подступов к теме «Достоевский». Знание механизмов действия психоанализа наряду с опасениями относительно его вульгаризации литературоведением озвучивают выводы их варшавских бесед на специальные темы, которые позднее отразились в работах обоих друзей-интеллектуалов. Об их вечерних посиделках в варшавской гостинице, где Бем и Зеньковский проживали во время «всей этой Савинковской эпопеи», напряженно ожидая известий из Киева, упоминает Зеньковский в книге воспоминаний «Мои встречи с выдающимися людьми»¹⁴.

Хорошую осведомленность относительно достоевсковедения Бема проявил и П.Б. Струве, когда предложил ему участвовать в номере, посвященном 50-летию смерти Достоевского. «Глубокоуважаемый Альфред Людвигович! – писал П.Б. Струве в январе 1931 г. – "Россия и Славянство" выпускает специальный номер, посвященный Ф.М. Достоевскому и имеющий выйти 14-го февраля. Редакция просит Вас написать для этого номера

статью строф в 200-250 на какую-нибудь тему, имеющую отношение к Достоевскому. Статью необходимо иметь не позже 5–7-го февраля. (через десять дней. – М.М.) – Не откажите дать ответ и прислать рукопись по адресу редакции... Жму крепко руку и прошу очень исполнить нашу просьбу. Искренне Вам преданный П. Струве»¹⁵.

Просьбу Струве Бем исполнил – 117-й номер «России и Славянства» за 14 февраля вышел с его статьей «Два юбилея: 1921–1931» в окружении юбилейных эссе: «Две речи о Достоевском» П.Б. Струве, «Достоевский и Славянство» А.В. Флоровского, «Апостол человечности» С.Л. Франка, «Пророчества Достоевского о судьбах русского народа» Н.К. Кульмана и др. Статья Бема, как ясно уже из ее названия, представляла собой рефлексию автора по поводу пути, пройденного достоевковедением за десять лет раздельного существования науки о Достоевском – советского достоевковедения и эмигрантского. Бем, однако, видит в ее развитии единый и непрерывный процесс. К заявленному автором статьи следовало бы добавить, что именно он обеспечил единство бурному посреволюционному развитию достоевковедения. Главной силой в процессе единения явилась исследовательская ориентация самого Бема – его самоопределение в русле традиций, его диалогическое отношение к современным достоевковедам в СССР, его роль посредника между российской наукой и мировой славистикой. Но кроме этого объективного содержания публикация статьи Бема в «России и Славянстве» дает наглядную картину субъективного восприятия его текста читателем эмиграции. Реестр проделанной работы, составлявший содержание статьи, привязанной к профессиональным задачам, на фоне глубокомысленных рассуждений соавторов Бема оказался скучным чтением и падал в цене.

Незаинтересованность в сотрудничестве с Бемом, вызванная его научным пуританством, проявилась, в частности, в историях с двумя его несостоявшимися публикациями – в «Голосе минувшего», историко-литературных сборниках, выходивших в 1923–1924 гг. в Берлине, и в парижском толстом литературном журнале «Современные записки».

Чтение писем С.П. Мельгунова Бему поначалу создает впечатление о заинтересованности «Голоса минувшего» в сотрудничестве Бема, однако постепенно проявляется общественно-политический крен этого интереса: «Я ничего до сих пор плохого в нашем журнале не вижу, – пишет Мельгунов Бему весной 1924 г., – [...] Я вижу лишь один основной <дефект>, на который указывают из России, — нет обличительных материалов. Ох! Как это трудно [...] Может быть, это объясняется недостатком людей. Подходящих людей и для организации, и для писания как-то необычайно мало [...] Мое глубокое убеждение заключается в том, что если бы люди умели несколько

шире смотреть, мы могли бы поднять организованное антибольшевистское движение»¹⁶.

За плечами Бема был варшавский опыт, и его интерес к альманаху Мельгунова носил уже чисто профессиональный характер. На это Мельгунов поначалу откликнулся обнадеживающим образом: «Статья о Достоевском, как я Вам писал, нам очень интересна... Но очень хотел бы познакомиться со статьей»¹⁷.

Какую статью Бем предлагал Мельгунову, – можем сказать пока только предположительно. Вероятнее всего, речь идет о повести Достоевского «Хозяйка». Тогда в переписке Бема тема «Хозяйки» звучит особенно часто. Анализ этого «клада для фрейдиста», как называл повесть пражский психоаналитик Н.Е. Осипов, дал принципиально важные для методологической концепции Бема результаты¹⁸. Однако в русскоязычной печати статья на указанную тему не появлялась еще в течение трех лет. Период 1925–1927 гг. отмечен в основном педагогическими публикациями Бема и небольшими анонимными заметками в «Последних новостях» П.Н. Милюкова (в рубрике «В Чехословакии»). Главная же его работа, которую он развернул на основе своих новых методологических посылок в Семинарии по изучению творчества Достоевского при Карловом университете с 1925 г., в эмигрантской периодической печати отражения не получала.

В январе 1927 г. Мельгунов, представлявший теперь журнал «Голос минувшего на чужой стороне», снова пишет Бему: «Многоуважаемый Альфред Людвигович, прочел, что Вы ведете семинарий по Достоевскому. Ну что стоит Вам сделать нам историко-литературное обозрение новых книг и материалов о Достоевском, в столь большом изобилии выходящих в России в последние годы? Это было бы очень хорошо для нас и для читателей. Я думаю, что я мог бы Вам устроить одновременное печатание такой статьи и во французском журнале. Здесь очень интересуются сейчас Достоевским [...]»¹⁹. Предложение, на первый взгляд, заманчивое, однако вопроса печатания аналитической статьи о творчестве Достоевского оно не решало. Кроме того, выборочную аннотированную библиографию специальной литературы Бем регулярно печатал в международном славистическом журнале «Славия».

Наконец, летом 1927 г. Мельгунов познакомился с предложенной ему статьей о Достоевском, и его ответ Бему был следующим: «Многоуважаемый Альфред Людвигович, статья Ваша, пожалуй, действительно уж слишком специальная для наших сборников. Посему я ее возвращаю. Лучше что-нибудь по истории литературы...»²⁰.

Подобную эволюцию отношение к статьям Бема о Достоевском проходит и в «Современных записках», в состав редакции литературного отдела

которых входил, в частности, философ и популярный писатель эмиграции Ф.А. Степун.

По всей видимости, долго не получая ответа «Современных записок» на посланную им статью, Бем обратился к философу Д.И. Чижевскому, члену пражского Семинария по Достоевскому и другу Ф.А. Степуна, как к посреднику в деле выяснения ситуации. В конце января 1926 г. он получает от него следующую справку: «Сегодня пишу Федору Августовичу Степуну. Напомню ему о Вашей работе». И действительно, Степун в скором времени подробно отвечает Бему по вопросу публикации: «Многоуважаемый Альфред Людвигович, недели две тому назад редакция “Совр[еменных] Зап[исок]” переслала мне из Парижа Вашу статью с припиской, что ее вряд ли можно будет напечатать, так как, очень интересная по теме, она очень велика по размеру и по своему исследовательскому характеру не совсем в духе нашего журнала. Я лишь на днях прочел статью и нашел ее весьма интересной... (Дальше идет перечисление положений статьи, наиболее интересных и убедительных с точки зрения Степуна. – М.М.)

В заключение разрешаю себе поставить Вам вопрос – не могли ли бы Вы очень энергично сократить статью (почти наполовину). Мне кажется, что она потеряв конечно свою доказательность, совсем не утратила бы своей существенности и даже убедительности... Я думаю, что ведь речь идет в последнем счете лишь об убедительности, а не о доказательности. Если бы Вы согласились на такую “хирургию” (всю неприятность ее я отлично понимаю), то я думаю, мне удалось бы побудить редакцию пересмотреть вопрос и провести статью. С искренним приветом Ваш *Ф. Степун*²¹.

Судя по дневниковой записи, Бем воспринял этот ответ реалистически: «10.II. [1926] – Неудача с С[овременными] З[аписками], письмо Ф.А. Степуна с отказом напечатать статью о “Хозяйке”. Мой ответ Ст[епу]ну».²²

Вторая половина февраля – продолжение переписки. «...Письмо Ваше получил, – пишет Степун из Дрездена, – и уже давно написал Вишняку, чтобы редакция окончательно выяснила свое отношение к помещению Вашей статьи. Еще раз написал о том, что лично мне она кажется интересной ... Я сам сейчас еду во Францию; думаю, что Вы получите окончательный ответ в ближайшее же время. Вашу статью беру с собою. Всего Вам хорошего. Писать подробнее о том, почему у нас тесно литературе и просторно публицистике, сейчас перед отъездом очень некогда. Искренне Ваш *Ф. Степун*»²³.

Речь шла на сей раз об иной статье Бема, на что указывает реплика дневника: «Письмо Степуна (одобр[ительный] отзыв о ст[атье] „Бедн[ые] л[юди]“)»²⁴. Но голос Степуна по-прежнему оставался одиноким на редакционном совете, что констатирует следующая запись Бема спустя неполные

две недели: «Опять выбился из колеи. За это время самое неприятное – отказ Совр[еменных] Зап[исок] напечатать статью о "Б[едных] л[юдях]". Предлог все тот же – статья исследовательская, а не журнальная. Должен признаться – остро почувствовал себя задетым. Неужели авторское самолюбие? Я внутренне убежден, что отказ связан не только с оценкой статьи. Очень мне трудно со своими работами в эмиграции.

В России бы наверно и печатал бы больше и работал бы больше»²⁵.

Несмотря на то что Бем уже подвел черту под возможностью публикаций своих исследовательских работ в «Современных записках», Степун все еще пытается за него бороться: «Многоуважаемый Альфред Людвигович, с очень большим интересом прочел Вашу статью. Поразило меня то, что Достоевский начал с драмы; стала проблема, почему этот величайший после Шекспира трагик никогда больше не возвращался к этой форме. Очень заинтересовал вопрос о двух Вареньках. При первой же возможности перечту роман и сравню стилистику дневника и писем. По памяти не могу решить, правы ли Вы или нет? Вопрос об отношении Достоевского к Пушкину и в особенности к Гоголю поставлен в Вашей исследовательской заметке очень интересно. Я много думал в намеченном Вами направлении. – Решение редакторского коллектива я сообщить Вам еще не могу, к сожалению. Лично я с удовольствием напечатал бы Вашу работу у нас, несмотря на то, что это ученая заметка исследователя, а не журнальная статья писателя. С искренним уважением и приверженностью – Ваш Ф. Степун»²⁶.

Работы Бема и дальше провоцируют Степуна на размышления в направлении, намеченном его корреспондентом. Так, в письме за январь 1937 Степун пишет Бему: «Мне кажется весьма важным в науке о словесном искусстве выдвигаемое Вами сочетание отрицания формализма при очень внимательном отношении к форме и очень тонком анализе ее. Простите, что я так поздно шлю Вам свою благодарность за Ваше внимание. Мне очень жаль, что "Совр[еменные] зап[иски]" не напечатали Вашего "Достоевского". Может быть, у Вас найдется в будущем какая-нибудь столь же интересная, но более короткая статья. – С искренним уважением и приветом Ваш Федор Степун»²⁷.

Их переписка возобновилась во время войны, уже независимо от «Современных записок», свидетельствуя о глубоком интересе, возникшем у Степуна к работам Бема: «Сегодня получил письмо от Чижевского, в котором он пишет, что Вы продолжаете работать над Достоевским. Если Вам удастся что-нибудь напечатать или если у Вас будет копия машинного макета, пришлите, пожалуйста»²⁸.

Таким образом, предполагая появление целого ряда публикаций Бема с результатами его исследований творчества Достоевского, мы с удивлением обнаруживаем, что они почти полностью, за небольшим исключением²⁹,

отсутствовали в главных эмигрантских изданиях Берлина и Парижа. Возможности публикаций, которыми Бем воспользовался, дважды возникали в Праге в период с 1923 по 1927 г. Это были публикации в научных сборниках Русской учебной коллегии и Русского исторического общества, финансировавшихся чехословацким правительством³⁰, которые в какой-то мере компенсировали отсутствие регулярных научных изданий эмиграции и комплектовались из работ пишущих ученых. Пропагандировали работу ученых эмиграции и сборники съездов деятелей академических организаций, софийский и белградский сборники, в которых Бем неизменно участвовал.

Но главную работу по презентации своих исследовательских работ Бему пришлось взять на себя. Первый сборник «О Достоевском», составленный из трудов участников семинария по Достоевскому, был издан Бемом в Праге в 1929 г. на собственные средства, полученные им при издании исследований о Достоевском на чешском языке. Это позволило Бему закрепиться в сознании эмиграции как представителю сугубо научной линии в отечественном литературоведении, утвердить свое право на приверженность к исследовательской работе и удержаться от привнесения в нее побочных социально-общественных мотивов, невзирая на пресс эмигрантской периодики, под давлением которого он находился все годы изгнания.

Примечания

¹ Тайна личности Достоевского // Православие и культура. Сборник религиозно-философских статей / Под ред. проф. В.В. Зеньковского. Берлин, 1923. С. 181–196.

² Борис Савинков на Лубянке. Документы / Науч. ред. А.Л. Литвин. Сост.: В.К. Виноградов, А.А. Зданович, В.И. Крылов, А.Л. Литвин, Я.Ф. Погоний, В.Н. Сафонов. М., 2001. С. 341.

³ Зеньковский В.В. Л.Н. Толстой // Свобода (Варшава). 1920. 20 нояб. № 107.

⁴ Бем А.Л. Жизнь – творчество // Свобода (Варшава). 1920. 20 нояб. № 107.

⁵ Бем А.Л. Жизнь в творчестве (к столетию со дня рождения Достоевского) // Свобода (Варшава). 1921. 11 нояб.

⁶ Горяинов А.Н. Некоторые новые материалы об А.Л. Беме // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами... Сборник докладов. Прага, 1995. Кн. 1. С. 344–352.; Магидова М. Материалы к истории литературных контактов А.Л. Бема 1920-х гг. (Письма А.С. Долинина и Т.А. Крюковой) // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. Альманах № 19. С. 229–257.

⁷ Письма А.Л. Бема и С.П. Мельгунова В.В. Милюковскому / Публ. и примеч. Г. Кураса // Новый журнал. (Нью-Йорк). 2003. № 231. С. 132.

⁸ Ф.М. Достоевский и Анна Суслова (По неизданным материалам) // Свобода (Варшава). 1921. 9, 10 февр. № 30, 31.

⁹ Концессия на писателя (судьба литературного наследия Достоевского) // Последние новости (Париж). 1925. 14 мая. № 1550.

¹⁰ Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Л., 1924 [1925] С. 62.

- ¹¹ Бем А. Достоевский и Суслова (письмо в редакцию) // Последние новости (Париж). 1925. 12 июня. № 1574.
- ¹² Суслова А.П. Годы близости с Достоевским. Дневник. – Повесть. – Письма / Вступительная статья и примечания А.С. Долинина. М., 1928.
- ¹³ LA PNP. Fond A.L. Bem. Kart. č. 1. – Айхенвальд Ю.И. Письмо А.Л. Бему от 28. VI. 1928.
- ¹⁴ Зеньковский В.В. Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1994, 1995. Т. 26–27.
- ¹⁵ LA PNP. Fond A.L. Bem. Kart. č. 7. – Струве П.Б., Письмо А.Л. Бему от 21. I. 1931.
- ¹⁶ LA PNP. Fond. A.L. Bem. Kart. č. 5. [Далее письма С.П. Мильгунова цитируются без указания архива]. Мильгунов С.П. Письмо А.Л. Бему от 4. IV. 1924.
- ¹⁷ Мельгунов С.П. Письмо А.Л. Бему от 29. VIII. 1926.
- ¹⁸ Магидова М. Русские эмигрантские «Афины» и место Н.Е. Осипова в них // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике. Прага, 1999. С. 204–259; Она же. Николай Евграфович Осипов в Праге (к вопросу саморефлексии и самоидентификации первого популяризатора Фрейда в России) // Культура русской диаспоры. Тарту, 1997. С. 151–168.
- ¹⁹ Мельгунов С.П. Письмо А.Л. Бему от 12.I.1927.
- ²⁰ Мельгунов С.П. Письмо А.Л. Бему от 16.VII.1927.
- ²¹ LA PNP. Fond A.L. Bem. Kart. č. 7. – Степун Ф.А. Письмо А.Л. Бему от 6.II.1926.
- ²² LA PNP. Fond A.L. Bem. Kart. č. 16. – Бем А.Л. Дневник 1920–1934 гг.
- ²³ LA PNP. Fond A.L. Bem. Kart. č. 7. Степун Ф.А. Письмо А.Л. Бему от 19.II.1926 г. – [Далее письма Ф.А. Степуна цитируются без указания архива].
- ²⁴ LA PNP. Fond A.L. Bem. Kart. č. 16. – Бем А.Л. Дневник 1920–1934 гг.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ Степун Ф.А. Письмо А.Л. Бему б.д. [1937].
- ²⁷ Степун Ф.А. Письмо А.Л. Бему от 1.I.1937.
- ²⁸ Степун Ф.А. Письмо А.Л. Бему от 6.IX.1942.
- ²⁹ Исключение составляет статья: «Игрою» Достоевского (В свете новых биографических данных) // Современные записки (Париж). 1925. Т. 24. С. 379–392.
- ³⁰ Развертывание сна («Вечный муж» Достоевского) // Ученые записки, основанные русской учебной коллегией в Праге. Прага, 1924. Т. 1. Вып. 2. С. 45–59; «Пинель» Гоголя и «бедные люди» Достоевского. // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1. С. 47–56. [Вышло также отдельным оттиском].

А.Н. Горянинов
(Москва)

Российская эмиграция в Чехословакии и «первая жизнь» этнографа Татьяны Александровны Крюковой

В мае 2005 г. в Праге вышла в свет наша совместная с чешской исследовательницей М. Бубениковой публикация переписки между выдающимся представителем русской эмигрантской науки литературоведом Альфредом Людвиговичем Бемом (1886–1945?) и археографом, историком русской литературы, членом-корреспондентом РАН Всеволодом Измайловичем Срезневским (1867–1936), сыном знаменитого филолога¹.

При подготовке книги необходимо было выяснить для комментария, кого корреспонденты обозначают в письмах от 29 ноября и 18 декабря 1926 г. как Т. Ал., Т.А. Кр. и Т.А. Крючко. Из писем видно, что возвращавшаяся из Чехословакии в Советский Союз Крючко произвела и на А.Л. Бема, и на В.И. Срезневского наилучшее впечатление, и что она была бы очень полезна Славянскому отделу Библиотеки Академии наук в Петербурге, возглавлявшемуся А.И. Ляпченко. Между тем, никаких сведений о человеке по фамилии Крючко долгое время разыскать не удавалось. В конце концов М. Бубеникова обратила внимание на несколько писем, присланных Бему из СССР некоей Т.А. Крюковой². Она предположила, что отправителем этих писем и является мнимая Крючко, а в письмах ученых ее фамилия сознательно изменена, чтобы ввести в заблуждение советскую цензуру.

Впрочем, продвижение вперед было очень незначительным. Помимо скучных сведений, содержащихся в письмах, о корреспондентке Бема выяснить почти ничего не удавалось. В то же время «крюковские» письма оказались настолько интересными, что два из них мы решили опубликовать в приложении к книге. Когда «Переписка» Бема и Срезневского уже была в производстве, в печати появились шесть писем Крюковой Бему, подготовленных к публикации М. Магидовой³.

Письма Т.А. Крюковой представляют значительный интерес, прежде всего потому, что они информируют А.Л. Бема о событиях литературной жизни России и, особенно, об изучении творчества Ф.М. Достоевского в СССР. М. Магидова справедливо подчеркивает в предисловии к публикации, что Т.А. Крюкова «пыталась наладить регулярный научный контакт между российскими и зарубежными исследователями и восстановить прерванные дружеские связи между ними», но ее усилия не встретили отклика⁴.

Причиной была, конечно, боязнь осуждения и прямых репрессий со стороны властей; Крюкова этого, однако, по всей вероятности, не понимала, — она, как сообщает А.Л. Бему, «порядком отвыкла» за восемь месяцев, проведенных в Праге, от окружавшей ее обстановки.

А обстановка была гнетущей. Д.С. Лихачев в своих воспоминаниях пишет, что в 1920-х и начале 1930-х годов в России «тысячами расстреливали офицеров, “буржуев”, профессоров и особенно священников и монахов вместе с русским, украинским и белорусским крестьянством...»

«С каждым годом моей юности, — продолжает он, — я ощущал надвигающийся гнилостный дух, убивавший удивительную животворную силу, исходившую от старшего поколения русской интеллигенции. Дневная эпоха сменялась ночной, люди не спали ночами. Люди жили в ожидании, что перед их окнами вот-вот возникнет и замолкнет шум мотора автомобиля, и в дверях квартиры появится “железный” следователь в сопровождении бледных от ужаса понятых»⁵.

Т.А. Крюкова, тем не менее, сумела достичь до петербургских ученых информацию об изучении творчества Достоевского в Чехословакии, прежде всего о деятельности в этом направлении А.Л. Бема. Ему же Т.А. Крюкова сообщала о книжных новинках, выходивших в Советском Союзе, рассказывала в письмах о литературной жизни Петрограда, о встречах и беседах с его друзьями-учеными. Она хлопотала о налаживании книжных связей Ленинграда и Праги, надеялась, что «удастся уладить дело»⁶, а позже сетовала, «что писатели забывают своих коллег и не посылают книг Вам». «Хочется мне им внушить, — писала Т.А. Крюкова, — что это их долг по отношению к зарубежным...»⁷ Письма поражают искренностью суждений, оригинальностью взглядов, независимостью оценок. Они свидетельствуют о неординарности личности корреспондентки Бема.

Магидова отметила, что судьба Крюковой после 1928 г. ей неизвестна. Все же исследовательнице удалось разыскать составленные Крюковой библиографию трудов литературоведа В.Л. Комаровича⁸ и записи семинарских занятий Комаровича за 1926/27 учебный год в Ленинградском университете⁹. Ценные сведения о Т.А. Крюковой содержались также в редакционном примечании к публикации Магидовой. Редакция, ссылаясь на этнографа А.М. Решетова, сообщала, что «после возвращения из Праги Т.А. Крюкова (1904/1905–1978) была арестована в составе группы религиозных интеллектуалов и выслана к родителям на Волгу. Там она занялась музейной работой, этнографией и после возвращения в Ленинград вплоть до своей смерти плодотворно занималась этнографией народов Поволжья». В примечании сделана ссылка на статью Решетова о Крюковой в сборнике «Репрессированные этнографы»¹⁰.

Обращение к этой статье, последовавшее за ней посещение Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге и работа в архиве музея, где имеется фонд Т.А. Крюковой, позволили многое узнать об этом талантливом человеке. Музейные работники любезно подарили сборник, вышедший под грифом музея к 95-летию Крюковой¹¹, который содержит как биографический очерк А.М. Решетова, так и статьи сотрудников музея о вкладе Т.А. Крюковой в этнографию. В последние дни перед сдачей этого сообщения в печать на письмо автора настоящей статьи откликнулся сын Татьяны Александровны Г.А. Никитин, дополнивший уже известные факты интересными подробностями¹².

Кто же такая юная корреспондентка А.Л. Бема, как она оказалась в Праге, почему вернулась в СССР, в силу каких обстоятельств стала этнографом? Собранные материалы позволяют каким-то образом ответить на эти вопросы, хотя, к сожалению, ответы в силу недостатка материалов пока еще очень неполны.

Татьяна Александровна Крюкова родилась в Минусинске 30 декабря 1904 г. (12 января 1905 г.) в семье лесничего. Спустя несколько лет семья переехала в городок Козьмодемьянск, расположенный на Волге и в ноябре 1920 г. вошедший в состав вновь образованной Марийской области. Здесь Таня Крюкова в 1921 г. окончила школу¹³. Здесь же она, по всей вероятности, познакомилась с оказавшимся в Козьмодемьянске в 1920 г. славистом, профессором Петроградского университета Алексеем Леонидовичем Петровым¹⁴, который, судя по статье пражского журналиста-эмигранта С. Варшавского¹⁵, спасался в Поволжье от голода и зарабатывал средства на жизнь, работая школьным учителем.

Успехи 16-летней девушки в учебе позволили ей получить стипендию Марийской области для продолжения образования, и она поступила на историко-филологический факультет Нижегородского университета¹⁶. Ее любимым наставником стал В.Л. Комарович (1894–1942), разносторонний литературовед, исследовавший в те годы творчество Ф.М. Достоевского. В 1922 г. по совету Комаровича романтически настроенная девушка перевелась в Петроградский университет, куда вскоре перебрался и он сам. В течение трех лет Таня Крюкова училась на славяно-русской секции отделения языковедения и литературы факультета общественных наук. В университете Крюкова, видимо, вновь встретилась с А.Л. Петровым, возвратившимся осенью 1921 г. из Поволжья. Петров преподавал в Петроградском университете, в июле 1922 г. он выехал в заграничную командировку в Прагу¹⁷. Как сообщил мне сын Т.А. Крюковой А.Г. Никитин, Татьяна Александровна дружила с дочерью Петрова и часто бывала у Петровых в гостях.

Вместе с Петровым славист Н.С. Державин, занимавший в 1922–1925 гг. пост ректора университета, смог привлечь к преподаванию на славяно-

русской секции таких первоклассных языковедов-славистов, как Е.Ф. Карский, С.П. Обнорский, И.А. Фалев и др.

На отделении работали также квалифицированные литературоведы, среди которых нужно отметить и В.Л. Комаровича, и первых славяноведов послереволюционного поколения К.А. Пушкаревича и В.Г. Чернобаева, специализировавшихся по чешской и польской литературам. Общий курс славяноведения и курс «Славянские литературы» на отделении читал болгарист Н.С. Державин¹⁸.

Неудивительно, что университетские годы стали для любознательной студентки временем накопления самых разнообразных знаний и впечатлений. Она вспоминала, что в годы учебы в университете «старалась как можно больше всего увидеть, послушать, и бегала повсюду, куда можно было проникнуть».

Крюкова «более или менее регулярно» посещала Союз писателей, Пушкинский дом, общество «Старый Петербург», Вольно-философскую ассоциацию, Дом работников просвещения, Институт истории искусств, Институт живого слова, Дом ученых и т. д. Кроме лекций в университете по специальности она «слушала курсы лекций на других факультетах, и все это надо было посетить не в ущерб занятиям по специальности – в университете я была не из отстающих»¹⁹.

По свидетельству Д.С. Лихачева, Ленинградский университет в 1920-е годы «представлял собой необыкновенное явление в литературоведении»²⁰. «Трудно перечислить все то, чему я научился и что я узнал в университете, – пишет далее будущий академик. – Дело ведь не ограничивалось слушанием лекций и участием в занятиях. Бесконечные и очень свободные разговоры в длинном университетском коридоре. Хождения на диспуты и лекции... Посещения Большого зала Филармонии... Асе это развивало, и во все эти места открывал доступ университет, ибо о всем наиболее интересном можно было узнать от товарищей по университету и Институту истории искусств»²¹.

Д.С. Лихачев был товарищем Т.А. Крюковой по университету, оба они учились на славяно-русской секции. По всей вероятности, Лихачев и Крюкова вместе слушали курс В.Л. Комаровича по Достоевскому, который Д.С. Лихачев выделял из других прослушанных им курсов по литературе. «... В.Л. Комарович вел по вечерам два раза в неделю курс по Достоевскому, и лекции его, начинаясь в шесть часов вечера, затягивались до двенадцатого часа. Он погружал нас в ход своих исследований, излагал материал как научные сообщения, и посещали его лекции многие маститые ученые», – вспоминал Лихачев²². Понятно, что, слушая неординарные лекции любимого преподавателя, Т.А. Крюкова заинтересовалась Достоевским; с увлечением изучала и другого великого русского писателя – А.С. Пушкина. В 1925 г. Т.А. Крюкова окончила университет, выполнив, как сказано в свидетельстве

факультета общественных наук от 29 июня 1925 г., «все требования учебного плана... по славяно-русской секции» и получив зачеты по 25 лекционным курсам и семинарам²³.

Учебный план секции был рассчитан преимущественно на русистов. Преподаванию зарубежных славянских языков и литератур на факультете уделялось в то время мало внимания, они изучались только факультативно. В свидетельство Т.А. Крюковой из славистических дисциплин вписаны лишь курс введения в славяноведение и семинар по древнечерковнославянскому языку, что свидетельствует об отсутствии у нее базовых знаний, необходимых для повышения своей квалификации за границей. Тем не менее, Крюкова сразу же воспользовалась представившейся возможностью пройти стажировку в Праге. Это отважное решение она объясняла отсутствием у славистов, выпускников 1925 года, конкретных специальностей: педагога, «литературного работника» и т. д., которые тогда считалось безусловно необходимым давать в высших учебных заведениях, и без которых было трудно найти работу. «По окончании университета в 1925 г. я уехала за границу, в Прагу, для усовершенствования в славяноведении и славянской лингвистике, — рассказывала Крюкова. — Город и специальность были выбраны не случайно. Принималось во внимание то, что я окончила в университете славяно-русскую секцию при факультете общественных наук... Советский паспорт я получила вполне официально...»²⁴ Деньги на поездку, как пишет Крюкова, дали родители. Оставалась чешская виза... И тут помогло знакомство Т.А. Крюковой с семейством Петровых. По свидетельству Татьяны Александровны, «визу заграничную прислал мне профессор-славист Петров, советский гражданин, командированный Академией наук в Прагу»²⁵.

Петров с его необыкновенными «пробивными» способностями²⁶ смог добиться у чешских властей согласия на стажировку в Праге неизвестного никому «молодого специалиста» из страны, с которой Чехословакия в то время даже не имела официальных дипломатических отношений, и Т.А. Крюкова осенью 1925 г. выехала в Прагу морским путем через Германию²⁷.

О пребывании в Чехословакии Т.А. Крюкова рассказывает очень скромно. Как видно из писем, опубликованных М. Магидовой, она стажировалась в Праге с ноября 1925 по июль 1926 г.²⁸ В приводимом А.М. Решетовым тексте Крюковой говорится: «За границей я училась в Пражском университете в качестве вольнослушательницы (действительной студенткой меня не приняли из-за советского паспорта) и была допущена к экзаменам. Занятия шли успешно, что видно хотя бы из того, что я овладела вполне незнакомым мне языком за 8 месяцев, которые пробыла в Праге, и сдавала зачеты на чешском языке»²⁹. В автобиографии Т.А. Крюкова дополнительно сообщает, что овладела не только чешским, но и словацким, и отчасти сербским языками³⁰.

В Праге Т.А. Крюкова познакомилась и с чешскими коллегами, и с русскими эмигрантами. Этому способствовала не только учеба, но и повседневный быт: А.Г. Никитин сообщает, что стажерка Крюкова была тесно связана со средой русских студентов-эмигрантов, большое число которых училось в то время в столице Чехословакии. Он пишет, что его мать «жила среди них, в их колонии». В студенческом общежитии «мама встречалась с Т.Г. Масариком, который приходил... в общежитие».

Приобщению Татьяны Александровны к интеллигентской эмигрантской элите способствовала учеба, наряду с Карловым университетом, в Русской учебной коллегии в Праге. Сохранился экзаменационный лист Т.А. Крюковой от 22 июня 1926 г. Из него видно, что в Коллегии Крюкова прослушала лекционные курсы Г.В. Флоровского «Очерки по истории русской мысли» и И.И. Лаппо о «Смутном времени» на Руси, посещала занятия семинария Н.О. Лосского об этике В.С. Соловьева³¹.

В опубликованном А.М. Репетовым тексте Крюкова отмечала, что она вращалась исключительно в кругу студентов и профессоров. Татьяна Александровна при этом подчеркивала, что благодаря «природной общительности» знакомых у нее было много, но она не интересовалась их политическими убеждениями, а при встречах с эмигрантами из России подходила к ним исключительно как к «коллегам по занятиям»³².

Однако в действительности круг эмигрантских знакомств Т.А. Крюковой был гораздо более широким. Из рассказа А.Г. Никитина известно, что она (вероятно, во время их визитов в Прагу) «встречала там писателей Бальмонта, Мережковского», общалась с другими писателями, была знакома с родственниками генерала Анненкова, с генералом Ребишевым... Интеллигенты-эмигранты и близкие к ним пражане заметили Т.А. Крюкову и проявили о ней заботу. Она была принята в семье А.Л. Бема, бывала у председателя Чешско-русского общества А. Тесковой, посещала литературный салон психоаналитика Н.Е. Осипова и В.А. Рябовой³³. В Праге, как пишет Г.А. Никитин, «мама узнала о судьбе своего старшего брата Бориса. Он воевал в Гражданскую войну, – был белогвардейцем-колчаковцем, потом уехал в Америку, окончил университет и стал видным ботаником»³⁴.

Письма Т.А. Крюковой А.Л. Бему свидетельствуют, что в Праге она не оставила своего увлечения Достоевским. Она стала единственной приехавшей из Советского Союза слушательницей семинария по изучению творчества Ф.М. Достоевского, работавшего под руководством Бема при созданном эмигрантами Русском народном университете. Ее живейший интерес вызывали доклады – с ними выступали в семинарии крупные философы, психологи и литературоведы, она близко познакомилась с некоторыми участниками семинария, в том числе с самым младшим по возрасту его слушателем Р.В. Плетневым.

В письмах А.Л. Бему Крюкова постоянно расспрашивает о семинарии. Она хочет быть в курсе его работы и сожалеет, что не может принимать в нем участия. Работа в семинарии неразрывно связана для нее с пребыванием в Праге, о которой она очень скучает³⁵. «О Праге часто вспоминаю и с грустью думаю, что нынешнюю зиму не удастся послушать лекций Вашего семинария. Все-таки я чувствую, что я многое взяла от Праги и многому научилась», – отмечает Т.А. Крюкова в письме от 23 августа 1926 г.³⁶ «Очень интересует меня семинарий по Достоевскому. Ваш, Альфред Людвигович. Как в нынешнем году работа там?» – вновь возвращается она к этой теме в одном из писем 1927 г.³⁷ А в письме от 3 марта 1927 г. Татьяна Александровна, выражая благодарность Бему за письмо, отмечает, что ей «ужасно приятно было узнать» о его жизни, а также «о пражской жизни вообще и о жизни Вашего семинария». «Всегда я Прагу вспоминаю с особенной любовью, и приятно чувствовать, что ты не совсем оторвана от ее жизни. Плетнев мне иногда пишет, и о семинарии я из его писем узнаю...» – сообщает Бему Крюкова³⁸.

После окончания стажировки Т.А. Крюкова вернулась в Ленинград и вновь погрузилась в интеллектуальную жизнь города. Она возобновила, в частности, посещения литературного и религиозно-философского кружка Ивана Михайловича Андреевского, которые начались еще до отъезда в Прагу³⁹. Во второй половине 1920-х годов кружок стал все более отчетливо приобретать религиозный характер. Там выступали с докладами В.Л. Комарович и другие известные ученые, в работе кружка участвовала также талантливая научная молодежь, в том числе и Д.С. Лихачев. Т.А. Крюкова вспоминала, что рассказывала в кружке о Праге. На ту же тему заведующий славянским отделом Библиотеки Академии наук (БАН) А.И. Лященко предложил ей сделать доклад на заседании Славянской комиссии АН. «...Такое приглашение – выступить с докладом о своей научной деятельности в Праге и о своих чехословацких впечатлениях в Славянской комиссии АН СССР, – справедливо отмечает А.М. Решетов, – надо было заслужить»⁴⁰. Он предполагает, что рекомендовали Крюкову для выступления перед ученым собранием ее университетские преподаватели.

Возможно, что это предположение и не лишено оснований. Как пишет Т.А. Крюкова А.Л. Бему, после возвращения из Праги она продолжала посещать занятия в родном университете. «Слушаю лекции в Университете Комаровича», – отмечает она в письме от 19 ноября 1926 г. – Ему я тоже много рассказывала о наших занятиях»⁴¹. А в письме от 3 марта 1927 г. сообщает, что занимается чешской литературой в славянском семинарии у В.Г. Чернобаева⁴².

Все же наиболее вероятно, что просьба о выступлении исходила не от университетских профессоров, а непосредственно от Лященко, который и

сам прекрасно должен был знать Т.А. Крюкову как сотруднику академической библиотеки, и, несомненно, слышал о ней положительные отзывы от своих коллег по библиотеке В.И. Срезневского и Н.А. Вукотич.

Доклад в Славянской комиссии Крюкова, по всей вероятности, так и не подготовила. 3 марта 1927 г. она писала А.Л. Бему, что, возможно, напишет «работу какую-либо» и будет ее «читать в Славянском обществе, но не остановилась еще ни на какой [теме]», добавив при этом, что «вообще... туга на доклады».

Надо сказать, что тематика работы Комиссии была довольно далека от интересов Татьяны Александровны. В упомянутом выше письме от 3 марта она пишет, что «для души» изучает английский язык и продолжает заниматься Достоевским. «В смысле духовном, — отмечает она, — сейчас у меня может быть много интересного, свободное время есть, и я могу заняться интересными вещами и вопросами на свободе. Но мои неудачи действуют на меня психологически, кроме того, очень обидно и стыдно мне, что до сих пор приходится пользоваться помощью папы...»⁴³

Материальной помощью родителей Т.А. Крюковой приходилось пользоваться потому, что она в течение полутора лет не могла получить оплачиваемой работы. Свои неудачи Татьяна Александровна объясняет в письмах А.Л. Бему отсутствием вакансий и «ужасными сокращениями». А.М. Решетов связывает ее трудности с тем, что Крюкова не была членом профсоюза, а получить профсоюзный билет, не имея работы, было невозможно⁴⁴. Автору же настоящей статьи кажется, что недавнюю выпускницу Ленинградского университета опасались привлекать к работе вследствие ее «подозрительных» связей с неформальными сообществами, ее пребывания за границей, наличия у нее в США брата-эмигранта.

Быть может, отрицательную роль сыграли и попытки трудоустройства Т.А. Крюковой друзьями А.Л. Бема В.И. Срезневским и Н.А. Вукотич (Бем просил их «помочь и обласкать» Татьяну Александровну)⁴⁵. У Срезневского и Вукотич, давно работавших в Библиотеке Академии наук, не сложились отношения с вновь назначенным директором БАН академиком С.Ф. Платоновым, недаром близкие Срезневского называли Платонова его «постоянным врагом»⁴⁶.

Крюкова мечтала именно о работе в БАН. Наконец ее туда приняли, но только в качестве стажера, без оплаты, и в течение полутора лет она так и не смогла занять штатную должность. В архиве Т.А. Крюковой сохранились отзывы Н.А. Вукотич и В.И. Срезневского о работе внештатной сотрудницы, из которых видно, что Татьяна Александровна трудилась в отделе периодики БАН, возглавлявшемся Н.А. Вукотич. «Ею, — отмечается в отзыве Вукотич, — исполнялись все виды библиотечной работы... В исполнении всех указанных работ Т.А. Крюкова кроме исключительной работоспособ-

ности и исполнительности, проявила большой интерес к работе, инициативу и библиотекарское чутье, ставящее ее в ряды способных и многообещающих библиотекарей»⁴⁷.

А.М. Решетов пишет, что после шестичасового рабочего дня в библиотеке Татьяна Александровна не только участвовала в заседаниях кружка Андреевского, но и посещала занятия в университете и изучала английский язык. Он особо отмечает занятия Крюковой «в частной библиотеке профессора Петрова»⁴⁸. Работать с книгами отца своей подруги Крюковой было удобно, — она снимала комнату на соседней с квартирой Петрова улице по адресу: Большая Дворянская ул., д. 10, кв. 20 (вскоре адрес изменился, так как улицу переименовали в 1-ю улицу Деревенской бедноты)⁴⁹. По странному стечению обстоятельств, фамилия квартирной хозяйки Крюковой была тоже Петрова, и она, как и Т.А. Крюкова после ссылки, в 1930-е годы работала на Кольском полуострове⁵⁰.

Неопределенность социального статуса Т.А. Крюковой завершилась трагическим финалом: ее обещали зачислить на штатную должность, но на кануне зачисления, в ночь на 21 февраля 1928 г., арестовали по «делу» кружка Андреевского. Вместе с ней по этому сфабрикованному ОГПУ «делу» проходили и сам И.М. Андреевский, и Д.С. Лихачев, и В.Л. Комарович⁵¹.

Об аресте Т.А. Крюковой вскоре стало известно в Праге. 14 апреля 1928 г. А.Л. Бем записал в дневнике: «Вчера узнал от Р.В. Плетнева, что Таня Крюкова арестована в Питере. Бедная девочка. Неужели и моя вина, что сий писал? Но ведь ничего, кроме литер[атурных] новостей, ей не сообщал...»⁵²

Благодаря усилиям друзей и родственников Т.А. Крюковой удалось избежать больших «неприятностей», «карательные органы» ограничились ее высылкой на три года в Козьмодемьянск. Здесь Крюкова впервые приобщилась к этнографии, став сотрудником местного краеведческого музея. Так трагически оборвалась «первая жизнь» Татьяны Александровны. Для «девочки», о которой сокрушался А.Л. Бем, началась новая, «вторая жизнь». «После возвращения в СССР ей пришлось свернуть все литературоведческие работы и занятия», — пишет А.Г. Никитин, подразумевая период после ареста. Так, в силу внешних обстоятельств начался отсчет лет Т.А. Крюковой как бы в новом измерении.

И в своей «второй жизни» Т.А. Крюкова оказалась на высоте. Об этой жизни здесь можно сказать очень кратко, ибо о ней уже много написано этнографами — новыми коллегами Татьяны Александровны. Вернувшись в 1931 г. в Ленинград, Т.А. Крюкова сумела преодолеть ряд препятствий и в 1932 г. поступила в Музей этнографии, где проработала «всю оставшуюся жизнь». Здесь она выросла в этнографа высочайшей квалификации, специа-

листа по этнографии ряда регионов России, основным из которых стала родная ей Марийская Республика. Она изучала одежду и быт марийцев, заведовала музейным отделом Поволжья и Приуралья, защитила по совокупности работ кандидатскую диссертацию. Личная жизнь Татьяны Александровны была не безоблачной, — она рано потеряла мужа А.Г. Никитина, тоже сотрудника Музея этнографии, который погиб в 1942 г. в блокадном Ленинграде, одна воспитывала сына...

Коллеги Татьяны Александровны единодушно отмечают ее сердечность и доброту. Это видно, в частности, и из нескольких писем, сохранившихся в архивном фонде Т.А. Крюковой.

При просмотре уже упоминавшегося сборника, изданного к 95-летию Татьяны Александровны, может показаться, что в ее «второй», «этнографической» жизни не осталось никаких связей со славистическими увлечениями прошлого. Однако и сохранившиеся письма к Крюковой, и факты, о которых вспоминает А.Г. Никитин, позволяют предполагать обратное.

В Российском этнографическом музее хранятся, например, два письма 1946 г. из какого-то провинциального инвалидного дома от Марии Дроздовской. Она благодарит Татьяну Александровну за продовольственные посылки, пишет о своих болезнях и занятиях. Возникает вопрос, не была ли эта женщина родственницей украиниста Василия Викторовича Дроздовского, работавшего в Институте славяноведения в Ленинграде и арестованного в 1933 г. по так называемому «делу славистов» (в 1938 г. он был расстрелян)

15 февраля 1950 г. из Риги в адрес Т.А. Крюковой было отправлено письмо Л. Комарович, — родственницы В.Л. Комаровича, погибшего в 1942 г. в осажденном Ленинграде и похороненного стараниями Крюковой. Татьяна Александровна самоотверженно ухаживала за ним в последние месяцы жизни и спасла архив ученого.

Как вспоминает А.Г. Никитин, его мама очень много рассказывала ему и другим своим родственникам о Чехословакии, о которой у нее остались «самые светлые воспоминания». Она помнила «о многих людях» и хранила эту память «многие годы». Через несколько лет после окончания Великой Отечественной войны из Чехословакии на родину смогли вернуться отдельные эмигранты. Среди них была семья Шубиных. С ее членами Т.А. Крюкова была знакома со временем своей «первой» жизни. «С Шубиными, — вспоминает А.Г. Никитин, — мы потом встречались в г. Донецке и г. Львове».

До конца жизни Крюковой сохранялась ее дружба с Д.С. Лихачевым⁵³.

Татьяна Александровна Крюкова скончалась 14 апреля 1978 г. после тяжелой болезни. Закончилась ее «вторая» жизнь. Но образ этого человека необычной судьбы будет, наверное, еще долго привлекать к себе внимание литературоведов, этнографов, историков науки. Пока опубликовано только

несколько писем Татьяны Александровны, адресованных Альфреду Людвиговичу Бему. Быть может, в архивах славистов сохранились другие части ее эпистолярного наследия. Было бы очень интересно разыскать, например, какие-либо новые сведения о контактах Крюковой с такой в некотором роде загадочной фигурой, как А.Л. Петров. Могут быть найдены ценные материалы, связанные с Крюковой, и в других архивных фондах.

Документы о зарубежных связях Т.А. Крюковой способны серьезно обогатить наши представления о контактах между русскими учеными, оставшимися на родине и оказавшимися в эмиграции. На их поиски следует обратить внимание.

Примечания

¹ Бем А.Л., Срезневский В.И. Переписка, 1911–1936. Брюн, 2005. 181 с.

² LA PNP. (Литературный архив Музея национальной письменности в Праге) F. 34/43.

³ Магидова М. Материалы к истории литературных контактов А.Л. Бема 1920-х гг.: (Письма А.С. Долинина и Т.А. Крюковой) // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. Альманах № 19. С. 229–257. Публикация Магидовой включает письма № 55 и № 59 нашей с М. Бубениковой публикации, но в нее не вошли еще два письма Крюковой, сохранившиеся в архивном фонде А.Л. Бема.

⁴ Магидова М. Указ. соч. С. 241.

⁵ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 118.

⁶ Магидова М. Указ. соч. С. 250.

⁷ Там же. С. 255.

⁸ Крюкова Т.А. Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича (с биографической справкой о нем и портретом) // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л., 1960. Т. 16. С. 583–588.

⁹ Записи обнаружены М. Магидовой в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Ф. 1. Оп. 12).

¹⁰ Решетов А.М. Тернистый путь к этнографии и музею // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 289–300.

¹¹ Личность и творчество: К 95-летию со дня рождения Т.А. Крюковой. СПб., 2000. 126 с.

¹² При ссылках на А.Г. Никитина в тексте настоящей работы всегда имеется в виду его письмо к автору от 24. X. 2005 г.

¹³ Решетов А.М. Страницы жизни Т.А. Крюковой // Личность и творчество... С. 11.

¹⁴ Из Козьмодемьянска А.Л. Петровым 25 августа 1920 г. было отправлено С.Ф. Ольденбургу письмо см. (мою совместную с М.Ю. Досталь его публикацию: Переписка славистов как исторический источник: сборник научных статей. Тверь, 1995. С. 103).

¹⁵ Варшавский С. Трагедия компромисса: К кончине проф. А.Л. Петрова // Россия и славянство (Париж). 1932. 16 янв. С. 2.

¹⁶ Решетов А.М. Страницы жизни Т.А. Крюковой... С. 11.

¹⁷ См.: Горянинов А.Н., Досталь М.Ю. А.Л. Петров и его научные славистические поездки 1920-х годов // Переписка славистов как исторический источник... С. 97, 105.

- ¹⁸ См.: *Горянинов А.Н.* О подготовке славистических кадров в Ленинградском университете (1920-е годы) // Историографические исследования по славяноведению и балканстике. М., 1984. С. 261–283.
- ¹⁹ Цит. по: *Решетов А.М.* Страницы жизни Т.А. Крюковой... С. 11–12.
- ²⁰ *Лихачев Д.С.* Избранное: Воспоминания. СПб., 1995. С. 113.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Архив Российского этнографического музея (далее – Арх. РЭМ). Ф. 18. Оп. 1. Д. 188. Л. 25.
- ²⁴ Цит. по: *Решетов А.М.* Тернистый путь... С. 272.
- ²⁵ Там же. С. 273.
- ²⁶ Об этих необычных способностях А.Л. Петрова уже было сказано в упомянутой выше нашей с М.Ю. Досталь совместной статье о нем.
- ²⁷ См. письмо А.Г. Никитина автору настоящей работы.
- ²⁸ На первой открытке, отправленной Крюковой Бему из России, стоит штемпель: 21 июля 1926 г. (см.: *Магидова М.* Указ. соч. С. 242).
- ²⁹ *Решетов А.М.* Тернистый путь... С. 273.
- ³⁰ Арх. РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 187. Л. 9.
- ³¹ Там же. Д. 188. Л. 27.
- ³² *Решетов А.М.* Тернистый путь... С. 273.
- ³³ *Магидова М.* Указ. соч. С. 244.
- ³⁴ В Соединенных Штатах Б.А. Крюков стал автором выдающихся научных трудов и получил широкую известность как учёный, См. о нем: *Landrum L.R. The life and botanical accomplishment of Boris Alexander Krukoff (1898–1983)* // Advances in economic botany. 1988. № 2. Р. 1–96.
- ³⁵ См.: *Магидова М.* Указ. соч. С. 244, 247.
- ³⁶ Там же. С. 244.
- ³⁷ Там же. С. 254.
- ³⁸ Там же. С. 255.
- ³⁹ *Решетов А.М.* Страницы жизни Т.А. Крюковой... С. 13–14.
- ⁴⁰ Там же. С. 15.
- ⁴¹ *Магидова М.* К Указ. соч. С. 250.
- ⁴² Там же. С. 256.
- ⁴³ Там же. М. Магидова, комментируя это место письма, допускает ошибку. Какого-либо «Русского Славянского общества» – общественной организации, о которой она пишет в примечании, в 1920-е годы в Ленинграде не существовало. Под «Славянским обществом», которое упоминает Крюкова, следует понимать Славянскую комиссию Академии наук, созданную в 1923 г. и наиболее активно работавшую в 1925–1926 гг. На заседаниях комиссии заслушивались научные сообщения, в ее работе участвовали не только сотрудники академических учреждений, но и другие специалисты. С 1927 г. деятельность комиссии становится гораздо менее активной, а к 1930 г. окончательно прекращается. О ее деятельности см.: *Логачев К.И.* Советское славяноведение до середины 30-х годов // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 91–103.
- ⁴⁴ А.Г. Никитин также отмечает это обстоятельство, но он относит попытки Т.А. Крюковой получить профсоюзный билет ко времени ее возвращения в Ленинград из ссылки. «После ссылки мама работала на Кольском [полуострове], чтобы получить членство в профсоюзе, – без этого нельзя было устроиться на работу», – пишет он.
- ⁴⁵ *Бем А.Л., Срезневский В.И.* Указ. соч. С. 98.
- ⁴⁶ См.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 369. Карт. 252. Д. 51. Л. 4.
- ⁴⁷ Арх. РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 188. Л. 23.
- ⁴⁸ *Решетов А.М.* Страницы жизни Т.А. Крюковой... С. 15.
- ⁴⁹ См.: *Магидова М.* Указ. соч. С. 248, 255;
- ⁵⁰ Арх. РЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 188. Л. 8.

⁵¹ Решетов А.М. Страницы жизни Т.А. Крюковой... С. 16.

⁵² Магидова М. Указ. соч. С. 257.

⁵³ Решетов А.М. Страницы жизни Т.А. Крюковой... С. 12, 32.

Михаэла Соучкова
(Прага)

Научная жизнь Александра Дмитриевича Григорьева в Чехословакии. Из Прешова в Прагу

Известный русский фольклорист, медиевист, лингвист и историк Александр Дмитриевич Григорьев (3 (15) X.1874, Варшава – 4.V.1945, Прага) на территории будущей Чехословакии впервые побывал в 1906 г. во время двухлетней заграничной командировки. Будучи к этому времени приват-доцентом на кафедре русского языка и литературы, выпускник Московского университета не подозревал, что ему будет суждено вернуться и провести здесь более двадцати лет своей жизни.

Несмотря на исторические потрясения начала XX в., научная карьера А.Д. Григорьева разворачивается достаточно обнадеживающе. 13 марта 1912 г. коллежский асессор А.Д. Григорьев назначен на должность лектора русского языка историко-филологического факультета Императорского Варшавского университета. В 1914 г. он утвержден в звании профессора этого университета. В 1917 г. А.Д. Григорьев становится первым деканом новообразованного историко-филологического факультета Томского университета, в октябре 1919 г. входит в должность проректора. Месяц спустя, однако, ситуация в Томске коренным образом меняется. Город оставляют чешские легионеры, и власть переходит к Советам. Вполне возможно, что именно в эту пору А.Д. Григорьев окончательно для себя решил покинуть Россию. О своем намерении он написал: «Когда после ухода чехов из Сибири выяснилось, что в России при коммунистах жить совершенно нельзя, я решил выбраться из России в Чехию, наводя справки о Чехии и доставая чешские газеты у чешского представителя в Томске»¹.

После того как советское правительство в 1922 г. закрывает историко-филологический факультет, А.Д. Григорьев реализует свой план. Для того чтобы уехать с семьей из России, ученый подал прошение о предоставлении ему польского гражданства, основанием для этого считая тот факт, что детство провел в г. Бела, принадлежавшем после войны Польше. О своем отъезде из России он позже вспоминал: «Осенью 1922 года вследствие голодных условий жизни в Советской России я выехал с семьей в Польшу, воспользовавшись тем, что мой отец, находясь там на службе, записался в число граждан г. Белы подле Бреста Литовского»². Польское гражданство благоприятствова-

ло безопасному отъезду из России, однако позднее, в Чехословакии, послужило серьезным препятствием. Как на граждан Польши на А.Д. Григорьева и его семью не распространялась «русская акция помощи», направленная на поддержку исключительно русских эмигрантов.

Оказавшись в Польше, А.Д. Григорьев десять месяцев работал учителем в частной русской гимназии в Бресте. В апреле 1923 г. он в качестве делегата от русских школ в Польше прибывает в Прагу на «Съезд деятелей средней и низшей Русской школы за границей», где сделал сообщение «История русского правописания и основы новейшей его реформы»³, и где получил официальное приглашение перебраться в Чехословакию. А.Д. Григорьев принимает приглашение референта Министерства образования и просвещения и в сентябре 1923 г. занимает место договорного «профессора» в Ужгородской гимназии. Проблемы, связанные с национально-политической ориентацией края, вынуждают ученого два года спустя покинуть Ужгород и переселиться с семьей в Прешов. Здесь в качестве профессора русского языка местной гимназии А.Д. Григорьев проводит следующие двенадцать лет своей жизни.

При всей учебной загруженности в Ужгороде, а потом в Прешове А.Д. Григорьев на протяжении почти что четырнадцатилетнего пребывания в Словакии поддерживал тесные контакты с Прагой. Именно благодаря заступничеству Праги, ходатайству Й. Поливки и В.А. Францева, бывшего сослуживца по Варшавскому университету, А.Д. Григорьев и получает трудоустройство в Прешове. Место преподавателя гимназии позволяет ему наладить быт и вновь взяться за прерванную научную работу.

В 1925 г. А.Д. Григорьев предпринимает первые попытки издать второй том «Архангельских былин и исторических песен». Данное монументальное собрание эпических текстов (Т. I. М., 1904; Т. III. СПб., 1910) было хорошо известно чешским фольклористам. Уже в 1906 г. состоялась его первая встреча с научной общественностью Праги. Имеем в виду лекцию «Общие результаты работ собирателей и исследователей русских былин» (Львов, 1906.), прочитанную в Чешско-Русском обществе. Судить об этом мы можем, хотя бы на основе корреспонденции между Й. Поливкой и его учеником Й. Гораком. В 1908 г. Й. Горак обратился с просьбой к своему учителю: «Полагаю, что ныне, когда лекции завершены, Вы, наверное, скоро уедете из Праги, поэтому я бы хотел, прежде всего, вернуть Вам некоторые книги и попросить у Вас другие. Конкретно меня интересуют: 1) "Архангельские былины", собранные тем господином, который, если не ошибаюсь, был и здесь, в Праге...»⁴

Сборник А.Д. Григорьева увлекает Й. Горака, будущего члена АН и директора Института этнографии и фольклористики ЧСАН. В письме профессо-

ру Поливке он сравнивает его с трудом другого собирателя: «Сборник Голаса⁵ уже изучаю. Слава его неутомимой собирательской деятельности, однако издательский труд равен нулю. Так, например, он нигде не упоминает о певцах, а ведь так важно (психологически и социологически) знать что-то о носителях народных песен. Как красиво, напротив, описывает Григорьев (Арх. был.) – которого я у Вас одолжил – своих информантов. Иногда это просто художественные портреты. У Голаса не знаем даже, к какому сословию певцы относятся, когда поют и т.д.»⁶.

В ноябре 1910 г. Й. Поливка требует возвратить книгу Григорьева: «Дорогой друг! Мне необходим первый том "Архангельских былин". Прошу Вас, будьте любезны их принести»⁷. Как видим, архангельское собрание представляло для Й. Поливки значительный интерес, неудивительно поэтому, что именно к нему обращается А.Д. Григорьев с издательским планом.

В июле 1925 г. А.Д. Григорьев едет в Прагу, где предпринимает первые шаги, направленные на издание второго тома «Архангельских былин». Встреча с Й. Поливкой вселяет надежду, что сборник может быть издан на средства Академии. По независящим от А.Д. Григорьева причинам обсуждение издательского плана отлагается на год. По совету Й. Поливки А.Д. Григорьев направляется к профессорам Махалу и Сметанке, однако, не застает их в Праге – летние месяцы профессора по обыкновению проводят за городом. Необходимо подчеркнуть объективные трудности коммуникации. В течение учебного года А.Д. Григорьев был связан преподаванием в Прешове. Летом, когда ученик мог посетить столицу, разъезжались пражские профессора, оставляя научно-издательские вопросы на потом. Другим обстоятельством, отдалившим рассмотрение вопроса, стала неожиданная болезнь Й. Поливки, постигшая ученого в Москве, во время празднования двухсотлетия Российской академии наук. По этой причине в феврале 1926 г. А.Д. Григорьев обращается к профессору Махалу: «Выехав из России в 1922 году в Польшу, а в 1923 году в Чехию, я вывез с собою и оригинал второго тома "Архангельских былин и исторических песен". Теперь я окончательно подготовил его к печати и озабочен напечатанием его... Ввиду болезни проф. Поливки и своего переселения из Ужгорода в Прешов я задержался с отправлением чистового оригинала второго тома в Чешскую Академию Наук и только теперь, 17-го февраля с. г., послал его в Чешскую Академию Наук с покорнейшей просьбой принять его печатание на свой счет с выдачей мне авторского гонорара».

Для реализации замысла профессор Махал был наиболее подходящим кандидатом. Будучи членом Чешской академии наук и искусств, прославленный историк славянских литератур, он живо интересовался и славянским эпосом. А.Д. Григорьев обращается к нему, как к автору монументального

исследования «O bohatýrském epose slovanském», как к человеку с общими научными интересами: «Мне не приходится говорить перед Вами о важности напечатания этого тома, заключающего в себе эпический запас всей северной реки, впадающей в Ледовитый океан, по которой в 1901 году знание былин-старин еще процветало, а теперь через 25 лет сильно ослабело, если не исчезло совсем... Зная Вашу любовь к славянскому эпосу, я смею надеяться, что Вы сделаете все возможное, чтобы помочь появлению этого тома "Арханг. былин и историч. Песен" в печати на счет Чешской Академии Наук»⁸.

Просьба А.Д. Григорьева не осталась незамеченной и уже в марте 1926 г. второй том «Архангельских были и исторических песен» выносится на обсуждение в третьей секции Чешской академии наук и искусств. За редактирование книги берется именно Ян Махал⁹. Уже на следующем заседании чешский ученый рекомендует книгу к изданию, если «позволит финансовое обеспечение секции»¹⁰. Несмотря на то, что решение принимается достаточно оперативно, второму тому «Архангельских былин» пришлось ждать выхода в свет тринадцать лет. Свою роль сыграли как недостаток финансовых средств, так и объем издаваемого материала.

Причины, отдалившие издание «Архангельских былин», конечно же, этим не ограничиваются. Академия наук по понятным причинам давала предпочтение чешским ученым. Кроме того, третья секция Академии наук практически публиковала не сборники фольклорных текстов, а исключительно авторские, научно-исследовательские труды. Издание А.Д. Григорьева могло создать некий опасный прецедент. Сам вопрос о публикации «Архангельских былин» не возможно было утаить. Вскоре после решения о рекомендации к печати григорьевского собрания к Ю. Поливке обращается Н.Е. Ончуков: «Юрий Иванович! Не возьмется ли издать сборник сказок Уральского края Чешская Академия Наук? Е.Ф. Карский говорил мне, что Чешская АН печатает 2-й том Архангельских былин А. Д. Григорьева. Не заинтересуется ли ЧАН и западносибирскими сказками...?»¹¹ По мере распространения известия российские собиратели, лишенные в СССР печатного простора, могли по примеру Н.Е. Ончукова надеяться на издание их «беспризорных» рукописей. Свою роль мог сыграть и непростой политический климат, когда в конце 1920-х годов налаживаются контакты ЧСР с Советским Союзом. Официальная государственная политика Чехословакии в свете новых отношений не была уже столь щедрой к эмигрантам и не способствовала изданию «неблагонадежных» для России авторов.

Трудно сказать, какая из перечисленных причин оказалась решающей. Фактом остается то, что второй том «Архангельских былин» был напечатан в

1939 г., т. е. спустя 40 лет после непосредственной записи публикуемых текстов.

* * *

После переезда в Прешов А.Д. Григорьев начал вынашивать и планы издания другой своей научной работы, посвященной изучению сибирских диалектов. В письме Ю. Поливке от февраля 1926 г. исследователь пишет: «С просьбой о напечатании русских говоров в Сибири я обращусь еще не так скоро, так как надо продолжить разработку собранных материалов, а квартирная обстановка и мое подавленное самочувствие не благоприятствуют этому»¹².

Интерес А.Д. Григорьева к диалектологии соотносится со временем фольклористических экспедиций по Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. Фольклорные тексты фиксируются с соблюдением местных языковых особенностей, поэтому в издаваемом своде автор, помимо произведений устного народного творчества, видит и диалектологический материал. Позднее многочисленные примеры, почерпнутые из «Архангельских былин», полно-правно вошли в многотомный «Словарь русских народных говоров»¹³. Увлечение диалектологией побудило А.Д. Григорьева организовать лингвистический кружок, который позднее, в январе 1904 г., перерос в Московскую диалектологическую комиссию. Позже, в пору пребывания А.Д. Григорьева за границей, комиссия сыграла значительную роль в процессе формирования научных лингвистических кадров. Стоя у истоков комиссии, учений впоследствии не имел возможности принимать активное участие в ее деятельности, и все-таки нельзя забывать, что непосредственным инициатором создания диалектологической комиссии был наш прешовский гимназический учитель.¹⁴

Будучи в Томске, в 1917/1922 гг., А.Д. Григорьев занимается изучением диалектов старожилов Сибири и, в 1921–22 учебном году читает в Томском университете специальный курс «Русские старожильческие говоры Сибири». Материалы, собранные в этот период, послужили основой работы о языке сибирских старожилов. В 1921 г. появляется первая статья, посвященная данной проблематике, «Устройство и заселение московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров» (Томск). Отметим, что в том же самом году о сибирских диалектах печатает отдельную работу и А.М. Селищев, в 1918–1920 гг. заведующий кафедрой русского языка Иркутского университета. В 1920 г., прервав изучение сибирских диалектов, А.М. Селищев пере-бирается в Казань. В «Диалектологических очерках Сибири» (Иркутск, 1921) автор преимущественно исходит из уже опубликованного материала и только отчасти опирается на свои собственные наблюдения. Внимание исследователя привлекают фонетические и словообразовательные изменения во всем сибир-

ском крае и влияние северо-великорусского языка на сибирские говоры. Следующая часть работы, «Русские диалектологические группы в Сибири», должна была познакомить с членением диалектных групп, но еще в 1928 г. не была издана¹⁵. В 1920–1930 гг. А.М. Селищев занимается южнославянскими языками, а в 1934 г. его карьера прерывается арестом. В 1937 г. ученого выпускают, однако неустроенность быта и подорванное здоровье не благоприятствуют продолжению научных исследований. К проблематике сибирских диалектов А.М. Селищев уже не возвращается, а в декабре 1942 г. ученый умирает. Диалектологические материалы, собранные А.Д. Григорьевым, таким образом, приобретают огромное значение, ибо проливают свет на состояние функционирования сибирских диалектов начала века, развивают и углубляют незавершенное исследование А.М. Селищева.

А.Д. Григорьев работал над темой, находясь вдали от предмета своего изучения, т. е. сибиряков и их языка. Сказывался и недостаток научной литературы по данному вопросу. Невзирая на это, исследователь решил завершить начатое. В фонде А.Д. Григорьева хранится экземпляр диалектологического опросника, на котором томский адрес ученого переправлен на прешовский¹⁶. Дополнительную информацию А.Д. Григорьев получал от женщин-сибирячек, вышедших замуж за чешских легионеров и переехавших в Чехословакию: «Последующие записи у сибирячек, вывезенных чехословаками легионерами ... позволили мне пополнить данные»¹⁷. В 1928 г. при посредничестве Чешской академии наук и искусств А.Д. Григорьев выписал из советской академии заполненные диалектологические опросники из ареала распространения сибирских диалектов и этнографические карты Сибири¹⁸.

В апреле 1928 г. А.Д. Григорьев приезжает в Прагу, чтобы познакомить пражских ученых с результатами своей работы. По этому же случаю состоялось первое выступление ученого в Русском историческом обществе. Отдельный доклад был сделан и в Обществе сибиряков: «Я подготовил к концу 1927 года свою работу о русских говорах Пермской губ. к печати и на Пасхе 1928 года сообщил свои выводы в докладах, читанных мною в Праге в Русском историческом обществе и в Обществе Сибиряков в ЧСР»¹⁹. В 1929 г. на Первом съезде славянских филологов в Праге А.Д. Григорьев выступает на тему: «Происхождение русских говоров Уральских губерний: Пермской, Уфимской и Оренбургской»²⁰.

В дальнейшем А.Д. Григорьев занимался другими вопросами. Только к 1937 г., после выхода на пенсию и переселения в Прагу, ученый возвращается к диалектологии. Причиной, побудившей ученого к этому, стало желание защитить готовый труд – «Русские говоры Уральских губерний (Пермской, Уфимской и Оренбургской) и их происхождение» – в качестве докторской

ного (докторского) исследования. За советом и помощью ученый обратился к коллегам по Варшавскому университету – В.А. Францеву и В.А. Погорелову. Профессор Францев согласился быть вторым оппонентом при условии, что В.А. Погорелов будет первым оппонентом и напишет на предложенную работу отзыв.

Намерение А.Д. Григорьева застало проф. Погорелова врасплох. Он не мог понять, для чего пенсионеру-Григорьеву нужна степень доктора. В письме В.А. Францеву читаем: «Разумеется, принципиально я могу только сочувствовать тому, чтобы А. Д. получил степень доктора (хотя не представляю себе, какой смысл это будет иметь для него)²¹. Значительную трудность рецензент усматривал и в том, что в Братиславе нет подобающей литературы, без которой невозможно по достоинству оценить предложенный труд. Отдаленность Братиславы от Праги затрудняла личные сношения ученых. Сомнение относительно задуманного, укреплялось еще и тем, что В.А. Погорелов не считал себя компетентным в области русской диалектологии и поэтому в качестве оппонента рекомендовал Л. Копецкого.

Сомнения удалось рассеять, и В.А. Погорелов взялся за чтение работы. Его оценка, к несчастью, была не слишком лестной. Майское письмо 1938 г. показывает: и В.А. Францев и В.А. Погорелов сходятся во мнении, что предложенная работа не удовлетворяет серьезным требованиям, а потому ее никак невозможно допустить к защите. Погорелов пишет: «Мне очень не хотелось, чтобы по вопросу о произведении А. Д. Гр-ва наши мнения разделились, а между тем мое суждение могло быть только вполне отрицательным, и я опасался, что Вы по Вашей доброте будете все же желать допустить его работу к защите»²².

Неприятие В.А. Погорелова вызвала сама концепция работы. Григорьев на основе исторических фактов заранее выяснил, что местное сибирское население составляет пришлый элемент. Языковые данные были предназначены для того, чтобы определить, откуда приходят колонисты, и какие изменения претерпел их язык. Может быть, в лингвистическом плане это и представляло бы ценность, если бы не явные просчеты научно-методического характера. А.Д. Григорьев строит свое исследование, черпая информацию из диалектологических опросников, которые называет своими, но они, по утверждению В.А. Погорелова, точно повторяют программу Московского диалектологического кружка. Ограниченнное количество материала при этом не дает право делать столь далеко идущие статистические выводы. Критически В.А. Погорелов относится и к тому, что А.Д. Григорьев включил в предлагаемое исследование и диссертацию своего томского студента В.П. Бирюкова.

Критик выражает обеспокоенность, что, допустив такую работу к защите, чешские ученые еще более разуверятся в достоинствах и качествах русской науки: «Одним словом, дорогой Владимир Андреевич, если мы допустим к защите это "чудище обло, огромно и лаяй", то это будет такое унижение русской науки особенно в глазах наших любезных хозяев, которые не прочь посмотреть свысока на русских ученых, да и вообще на все русское»²³. Данные слова в некоторой мере характеризуют сложные отношения между чешской и русской профессурой конца 1930-х годов.

Выход из положения В.А. Погорелов видит в том, чтобы А.Д. Григорьев забрал свою работу «для внесения некоторых дополнений и поправок».²⁴ Такое решение вопроса кажется ему наиболее приемлемым для всех заинтересованных сторон.

Критические замечания В.А. Погорелова во многом вполне оправданы. Необходимо все же считаться с тем, что А.Д. Григорьев был лишен благоприятных условий для завершения своего начинания. Отсутствие библиотек, новой доступной литературы по изучаемому вопросу, удаленность от научных центров, спорадические контакты с коллегами и невозможность следить за последним словом в русской диалектологии – все это сказалось на качестве исследования и, в конце концов, определило скептическую оценку В.А. Погорелова. Однако подозрение, будто А.Д. Григорьев «списал» программу Московского диалектологического кружка, звучит неубедительно. Он был инициатором данного диалектологического общества и, конечно, соавтором упомянутой программы. Одновременно А.Д. Григорьев не забывает указать, что, используя программу, дополнил ее в целях изучения именно сибирских диалектов. Исправленную и дополненную программу ученый распространял между студентами Томского университета. Рабочая программа, по которой проходил сбор диалектологического материала, в 1919 г. была издана в «Известиях Томского университета» под названием «Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры»²⁵.

А.Д. Григорьев возлагал надежды на издание диалектологических материалов, сбору и систематизации которых посвятил многие годы своей жизни. Вынашивая планы по защите «Русских говоров Уральских губерний» в качестве диссертации, ученый, вполне возможно, питал надежду, что после ее защиты придет очередь и ее опубликования. Но плану А.Д. Григорьева не суждено было осуществиться, а с ним исчезла и надежда когда-либо напечатать ценные материалы. Тематике сибирских говоров он уделил внимание лишь в двух кратких статьях: «Русские старожильческие говоры Сибири»²⁶,

«Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири»²⁷. Определенные надежды на издание своего труда А.Д. Григорьев к концу своей жизни связывал с редактором «Славии» и секретарем третьей секции Чешской академии наук и искусств О. Гуером. Смерть последнего в 1942 г. нарушает эти планы. Приписка на рукописи «Русских говоров Уральских губерний» свидетельствует о том, что подготовленное к печати исследование перешло в фонд А.Д. Григорьева из архива О. Гуера.

* * *

С 1929 г. А.Д. Григорьев уделяет особое внимание истории славян и их соседей. Отрезанность от научных центров, отсутствие хороших библиотек существенно осложняли его исследования также и по данной теме. В мае 1932 г. ученый обращается к директору Славянского института профессору Нидерле: «В Прешове заниматься этой работой весьма трудно: не хватает научных книг. Приходится ездить в столичные библиотеки Праги и Варшавы, заниматься в них в летние месяцы, брать книги под залог на долг... Теперь библиотека Карлова университета требует у меня Slovanské Starožitnosti Шафарика и Ваши. Не можете ли Вы повлиять на нее, чтобы она оставила эти книги в моем распоряжении до окончания работы?»²⁸

В июне 1935 г. А.Д. Григорьев вновь обращается в Славянский институт с просьбой организовать встречу специалистов-историков, на которой он мог бы представить результаты своей шестилетней работы в виде исследования «Западные и восточные Славяне и их соседи в средней и восточной Европе в древнейшее время».²⁹ Письмо адресовано опять же Л. Нидерле: «Так как я теперь живу вне Праги, не был в ней уже 5 лет и поэтому не в курсе научной жизни Праги, то я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой устроить такие собрания специалистов до наступления летних каникул, пока они не разъедутся, и благовременно дать мне знать, чтобы я вовремя мог взять отпуск и приехать в Прагу на несколько дней»³⁰. Данная встреча состоялась только в декабре 1935 г. в Русском историческом обществе, где были прочитаны доклады: «Тюркская народность скифов и кельтов» и «Немцы и славяне в Германии в конце века после Р.Х. по данным Тацита»³¹.

Будучи гимназическим учителем в Прешове, А.Д. Григорьев был изолирован от научного мира, и редкие поездки с научными целями в Прагу и Варшаву ситуацию не спасали. Активизация его научной деятельности наблюдается с 1937 г., когда ученый перебирается в Прагу. Только здесь после переезда, на лекциях в Русском свободном университете, Русском историческом обществе, Научно-исследовательском объединении и Археологическом институте им. Н.П. Кондакова ученый, наконец, получил возможность по досто-

инству представить результаты своего многолетнего научного поиска в области этнографии, фольклора, славянских древностей, диалектологии.

Професор А.Д. Григорьев покинул Родину, чтобы продолжить свою научную деятельность, и, несмотря на то, что в эмиграции никак не был связан с академической университетской средой, он, тем не менее, сохранил приверженность науке, о чем свидетельствуют его научные работы и другие документы, хранящиеся в чешских архивах.

Примечания

- ¹ Literární archiv Památníku Národního Písemnictví (далее – LA PNP). Fond J. Polívka. Karton 6/A/24.
- ² Archiv Kanceláře Prezidenta Republiky, Fond 1919–1947. K. R23281/36.
- ³ Русская школа за рубежом. (Прага). 1923. № 2–3. С. 80–91.
- ⁴ LA PNP. Fond J. Polívka K. 15/B/24.
- ⁵ Голос Ченек (Holas Čeněk) (1855–1939), чешский фольклорист, автор сборника «České národní písň a tanec» в 6 томах.
- ⁶ LA PNP. Fond J. Polívka. K. 15/B/24.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ LA PNP. Fond J.H. Máchal. K. 5/A/23.
- ⁹ Archiv Akademie věd České republiky (далее – Archiv AV ČR), Fond ČAVU. K. 15. Protokol № 205.
- ¹⁰ Там же. Protokol № 207.
- ¹¹ LA PNP. Fond J. Polívka. K.6/A/24.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Словарь русских народных говоров. Л., СПб.. С 1965 г. издано 36 томов.
- ¹⁴ Archiv hlavního města Prahy. F. Ruská svobodná, dříve lidová universita. K. 9. L. 281.
- ¹⁵ См.: К изучению русских старожильческих говоров Сибири. // Slavia. Praha. 1928. Вып. 1. S. 31
- ¹⁶ Archiv AV ČR. Fond A. D. Grigorjev. K. 3.
- ¹⁷ Ibid. «Русские говоры Уральских губерний».
- ¹⁸ Archiv AV ČR. Fond ČAVU. K. 15. Protokol № 217.
- ¹⁹ Ibid. Fond A.D. Grigorjeva. K. 3. «Русские говоры Уральских губерний».
- ²⁰ Sborník práce I. sjezdu slovanských Filologů v Praze 1929. Praha, II. 1932. S. 531–532.
- ²¹ LA PNP. Fond V.A. Francev K. 2/E/5.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ К изучению русских старожильческих говоров Сибири. С. 28.
- ²⁶ Там же. С. 882–883.
- ²⁷ См.: Сборник статей в честь акад. А.И. Соболевского. Прага, 1938. С. 386–389.
- ²⁸ Archiv AV ČR. Fond Slovanský Ústav (SÚ). K. 18. Žádostí o podporu 1932.
- ²⁹ Ibid. Fond A.D. Grigorjev K. 6.
- ³⁰ Ibid. Fond SÚ. K.18. Přednášky SÚ 1935.
- ³¹ Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословакской Республике II. 1919–1929 / Под ред. Л. Белошевской. Прага, 2000,

А.Г. Гачева
(Москва)

К истории пражской Федоровианы

«Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком»¹, – говорил Лев Толстой о Николае Федоровиче Федорове (1829–1903), русском религиозном мыслителе, знаменитом библиотекаре Румянцевского музея. Достоевский, познакомившись с идеями Федорова в изложении его ученика Н.П. Петерсона, писал, что «прочел» их «как бы за свои»². А молодой Владимир Соловьев, прочтя в январе 1882 г. рукопись «Вопроса о братстве...» «с жадностью и наслаждением духа», назвал автора своим «учителем и учителем» и заявил: «Со времени появления христианства Ваш “проект” есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову»³.

Федоров усматривал в эволюционном процессе стремление к порождению сознания, разума, которые, начиная с человека, призваны стать орудиями уже не бессознательного, а сознательного, нравственно и религиозно направленного совершенствования мира. «Природа в нас начинает не только сознавать себя, но и управлять собою»⁴, человек – и венец эволюции, и ее агент, на его плечи ложится труд космизации бытия. В противовес существующему паразитарному, эксплуатирующему отношению человека к природной среде, приводящему цивилизацию на грань катастрофы («Цивилизация эксплуатирующая, но не восстановляющая, не может иметь иного результата, кроме приближения собственного конца»⁵), мыслитель выдвигал идею регуляции природы, «внесения в нее воли и разума». Это и предотвращение стихийных катаклизмов (землетрясений, наводнений, засух, смерчей и др.), и регуляция климата, и управление космическими процессами, и работа над преодолением смерти, и – как пик регуляции, фокусирующий в себе все ее усилия, – возвращение к новой преображенной жизни всех ушедших в небытие, бесконечное творчество в обновленной Вселенной.

Федоров стремился к согласованию научной и религиозной картин мира. Свое учение он называл активным христианством, заложив основы концепции богочеловечества, выдвинув идею соработничества Бога и человека в деле «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения»⁶. Конечные христианские обетования – преодоление смерти, воскрешение умерших, преображение земли и всего безграничного Универсума в Царствие Божие – должны быть совершены, по его мысли, объединенным человечеством как орудием благой воли Творца.

В противовес концепции «краха и неудачи истории», развивавшейся К.Н. Леонтьевым, Федоров выдвинул идею истории как богочеловеческой «работы спасения». Был сторонником «активно-творческого эсхатологизма», настаивая на условности апокалиптических пророчеств: кризисы и катаклизмы, «глади и пагуби», пришествие антихриста, конец мира и «страшный суд» с последующим разделением человечества на горстку спасенных и тьму вечно проклятых, станет реальностью лишь в том случае, если человечество будет упорствовать на противобожеских, ложных путях. Если же род людской сознает себя соработником Творца, начнет творить дело Божие, то история будет не падением в глубины сатанинские, а восхождением к Иерусалиму Небесному, преображением бытия в благобытие, и тогда спасутся, действительно, все.

Пожалуй, ни одна фигура отечественной мысли и культуры XIX в. не вызывала в России XX столетия таких споров и таких духовных волнений, как фигура Федорова, скромного библиотекаря Румянцевского музея, брошившего в ее духовную почву семена идей поистине вселенского, космического масштаба. Эти семена проросли в сфере религиозно-философской (у Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова, А.К. Горского и Н.А. Сетницкого, Г.П. Федотова и В.Н. Ильина), оплодотворили эстетические искания начала века, в которых кристаллизовалась идея искусства как творчества жизни, дали плод в литературе – и дореволюционной, и советского времени. В. Брюсов и В. Маяковский, Н. Клюев и В. Хлебников, М. Горький и М. Пришвин, А. Платонов и Б. Пастернак, в разной степени и в разные годы, подпадали под влияние воскресительных идей мыслителя, его представлений о назначении человека, смысле истории, будущем земли.

Не менее многогранным и разнонаправленным было воздействие «Философии общего дела»^{*} на Русское Зарубежье. Со второй половины 1920-х годов и до самой войны о Федорове писали и говорили философы и богословы, писатели и публицисты, деятели общественных и политических течений. В своих размышлениях о судьбе России, в напряженном поиске новых действенных, убеждающих альтернатив идеалу социалистического «земного рая», новых совершенных форм общежития, они так или иначе отталкивались и от его построений, и шире – от традиции религиозно-философского подъема начала XX в., у истоков которого как раз и стояли федоровские идеи активного христианства, богочеловеческого сотрудничества, истории как «работы спасения». «Многие неясно чувствовали, – вспоминал В. Варшавский, – что, может быть, именно в “Общем деле” Федорова

* «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова издана посмертно (1906–1913. Т.1-2). – Прим. ред

была намечена та новая “соравная коммунизму” идея, которую искала эмиграция⁷.

Федоров оказался удивительно близок эпохе 1920–1930-х годов с ее пафосом активизма, волей к организации истории, к творчески-преобразовательному действию, с ее идеократической устремленностью. «Н.Ф. Федоров – единственный из мыслителей прошлого века, о котором необходимо с полным правом утверждать, что он – *наши современники*, понимая наше время во всей его огромной данности и заданности», – писал А.С. Адлер в 10 выпуске «Евразийской хроники»⁸. Но если в духовную атмосферу Советской России его идеи входили по преимуществу опосредованно и часто в редуцированном, осколочном, прокрустовом виде, то русская эмиграция имела возможность воспринимать и осмысливать их целостно-религиозно, вне узких рамок цензуры и партийной идеологии, в пространстве мировоззренческой и творческой свободы.

В блестательной плеяде имен культурных деятелей Русского Зарубежья, которые оказались затронуты идеями Федорова, особое место, занимает имя Константина Александровича Чхеидзе (1897–1974). Писатель, журналист, оригинальный мыслитель, один из ярких деятелей евразийского движения конца 1920 – 1930-х годов⁹, он высоко ставил «Философию общего дела», неоднократно подчеркивая ее значение для современности, стоящей на пороге глобальных исторических катастроф и остро нуждающейся в новых, созидательных ориентирах развития.

С идеями Федорова К.А. Чхеидзе познакомился в 1928–1929 гг., когда он, ближайший сподвижник П.Н. Савицкого, переехал из Праги в Париж для работы в редакции «Евразии». Имя философа всеобщего дела регулярно появлялось в это время на страницах газеты. Левые евразийцы – Д.П. Святополк-Мирский, П.С. Арапов, П.П. Сувчинский, – определявшие по преимуществу направление нового органа, особенно подчеркивали значение федоровских идей в «самораскрытии евразийства»¹⁰, его самоопределении на современном этапе, этапе перехода от теоретических историософских построений (концепция России-Евразии «как своеобразного по своему существу и своим историческим судьбам культурного мира») к выработке целостного социального идеала, контуров новой государственности и культуры, основанных на религиозных началах и призванных преодолеть изъяны секулярного коммунистического строительства¹¹. В «синтетической концепции Федорова» они находили опору и своей установке на реальное историческое действие, на творчество истории, и «религиозному обоснованию культуры» не как мировоззрения, а как мироделания¹², и утверждению религиозного смысла хозяйства. «Для многих из нас “Философия Общего Дела” была ключом, открывшим нам истинное содержание нашей собственной философии. Он помог нам преодолеть бытовое понимание православия в

сторону истинной христианской онтологии и этики (этики Общего Дела)», — писал Д.П. Святополк-Мирский в программной статье «Путь евразийства»¹³.

Однако стремление Мирского и Сувчинского в построении евразийской идеологии опереться на Федорова вызвало сопротивление правого крыла движения. Да, левые евразийцы подчеркивали укорененность «Философии общего дела» «в религиозной православной традиции»¹⁴, называли Федорова «основоположником новой органически-народной традиции религиозной мысли и дела»¹⁵, что было близко и их оппонентам, прежде всего, В. Н. Ильину, глубоко интересовавшемуся идеями философа. Но при этом Сувчинский и Мирский стремились оправдать федоровским православным активизмом... свое движение к марксизму и порой ставили на одну мировоззренческую доску «Философию общего дела» и систему Маркса: «“Философы до сих пор только разными способами истолковывали мир, но дело в том, чтобы его *переделать*». Эти слова Маркса (“Тезисы о Фейербахе”), которые могли бы быть сказаны и Федоровым, всецело принимаются нами»¹⁶. Между тем П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, В.Н. Ильин серьезно опасались альянса с марксизмом, равно как и слишком уж явного поворота «лицом к СССР», к чему склонял П.П. Сувчинского в своих письмах идеолог сменовеховства Н.В. Устрялов¹⁷. В брошюре «Газета “Евразия” не есть евразийский орган» (Париж, 1929) они разводили евразийскую и марксистскую доктрину по разные стороны баррикад, бросая левым евразийцам упрек в эклектизме, в недопустимом смешении противоположных духовных традиций. Религиозная система Федорова, подчеркивали они, несовместима ни с секулярным марксизмом, ни с тем дуализмом религии и политики, который был заявлен в качестве основоположного принципа в руководящих статьях газеты «Евразия».

Чхеидзе в период кламарского противостояния тоже вел «яростную борьбу» с федоровством в интерпретации Сувчинского. Однако вскоре ему, по его собственному признанию, «пришлось вплотную подойти к этому мыслителю и его учению. Подойти, как Савл подошел к христианству, с тем, чтобы превратиться в Павла»¹⁸.

В декабре 1930 г. Чхеидзе, вновь обосновавшийся в Праге, получил письмо от философа, эстетика, одного из продолжателей идей Федорова Николая Александровича Сетницкого (1888–1937). Последний в это время жил в Харбине, служил на Китайско-Восточной железной дороге, преподавал на юридическом факультете, активно занимался научной и издательской деятельностью, выпуская за свой счет книги и брошюры, посвященные личности и учению Федорова, духовному диалогу мыслителя с Толстым и Достоевским, развитию его проективной философии в свете современности¹⁹. Печатал подборки из неизданных рукописей Федорова в «Пути», «Верстах», «Евразии»²⁰. Начал переиздание двухтомной «Философии общего дела»²¹,

остановившееся, в силу отсутствия средств, на третьем из предполагавшихся 12-ти выпусков. Шесть экземпляров этого выпуска Николай Александрович и отправил Чхеидзе с просьбой передать их авторам «Евразийского сборника» (Прага, 1929)²².

Чхеидзе отреагировал на посылку взволнованно и горячо. Он благодарили за присланные книги как за «самый радостный и драгоценный подарок», демонстрируя неподдельный интерес к идеям Федорова, и даже отправил Сетницкому рукопись небольшой статьи о философе «всеобщего дела», написанной «для иностранцев»²³.

Переписка между пражским и харбинским корреспондентами сразу же стала регулярной, обрела смысловую насыщенность и глубину. В ней обсуждался самый широкий спектр тем: универсальные, религиозно-философские положения и проблемы текущей политики, вопросы об исторических судьбах России и о путях русской литературы, ситуация в СССР и в эмиграции, основы социального действия и принципы культурного строительства. Эпистолярное общение стремительно перерастало в духовное сотрудничество, обретая черты подлинного соратничества. Чхеидзе помогал Сетницкому распространять в Европе харбинские издания, посвященные жизни и судьбе идей Федорова, обсуждал с ним ряд акций по актуализации федоровской проблематики в эмигрантских кругах. Написал большую статью «Проблема идеократии» для второго выпуска сборника «Вселенское дело», посвященного памяти Федорова, составителем, редактором, издателем которого был Сетницкий.

В 1930-е годы статьи Чхеидзе о Федорове появляются в русских эмигрантских изданиях²⁴. Он делает публичные доклады об учении «всеобщего дела» в Пражском философском обществе (8 февраля 1933 г.), семинаре по вопросам естествознания при Русском народном университете (14 марта 1933 г.). Регулярно беседует о Федорове с живущими в Праге философами (Н.О. Лосским, И.И. Лапшиным, С.И. Гессеном, Б.В. Яковенко), писателями и учеными (Вас.И. Немировичем-Данченко, Л.В. Копецким, Д.И. Чижевским, Р.О. Плетневым, В.Н. Тукалевским, В.Ф. Булгаковым, А.А. Вилковым, М.М. Новиковым), общественными деятелями (С.Н. Николаевым, И.А. Якушевым) и др.²⁵ В переписке с митрополитом Антонием (Храповицким), учеником С.Н. Булгакова молодым богословом В.А. Куликовым²⁶, представителями пореволюционных течений П.С. Боранецким²⁷, Н.В. Устряловым, Ю.А. Ширинским-Шихматовым²⁸ и др. он утверждает значение федоровских идей для постановки вопроса о судьбах христианства и церкви в мире, о возможности христианского дела в истории, полагает их в основу того чаямого «третьего пути» для новой России, которого искали религиозные и общественные деятели Русского Зарубежья все двадцатые и тридцатые годы.

На федоровские темы Чхеидзе постоянно говорит и со своими друзьями по евразийскому движению. Сохранившиеся протоколы заседаний Пражской евразийской группы – тому прямое свидетельство²⁹. Для июльского евразийского совещания 1934 г. он пишет записку о философии Федорова³⁰, а 10 октября того же года делает специальный доклад о «Философии общего дела» на евразийском семинаре в Праге³¹. Вопрос о синтетической системе Федорова и ее значении для современности – в центре его переписки с молодыми членами эстонской и литовской евразийских групп С.И. Чуевым, И.С. Снетковым, А.К. Прейнвальцем, В.А. Пейлем, С.Д. Бохан³².

Выход из мировоззренческого и духовного кризиса движения, обозначившегося в эпоху Кламара, Чхеидзе полагает на путях углубления и развития самой евразийской доктрины, расширения ее идейной и философской платформы через обращение к наследию русской религиозно-философской мысли XIX в., в которой, по его убеждению, Федоров занимает центральное место. «...По-видимому, очевидно, – убеждает Константин Александрович П.Н. Савицкого, главу «организованного евразийства» 1930-х годов, – что мы вступили в область создания идеократии как законченной системы. Но законченность системы определяется наличием конечного идеала. До сих пор сверх geopolитики, историософии и теории государства, мы имели еще ряд отдельных дисциплин более или менее разработанных. Но не имеем гносеологии, метафизики, этики. С христианской точки зрения, этика тесно связана с эсхатологией. И, ей-Богу, я не знаю ничего превышающего эсхатологию, заключенную в трудах Н.Ф. Федорова (как, впрочем, и о. Флоренского, и о. Булгакова и нек[оторых] др[угих])»³³.

Определяющее влияние на Чхеидзе оказала книга Н.А. Сетницкого «О конечном идеале» (Харбин, 1932), которую философ прислал своему пражскому корреспонденту сразу после ее выхода в свет. Сетницкий давал в ней определение целостного, абсолютного идеала и идеалов дефектных, ущербных, дробных. «Конечный идеал» основывается на идеях активного христианства, требует победы над хаосом и смертью, предполагает полноту счастья и всеобщность спасения, дробные идеалы не ставят задачи реального преображения мира и человека, проповедуют селекционный подход (неважно – расовый или классовый), полагают в свою основу насилие. Прямо опираясь на эту классификацию, Чхеидзе в свою очередь выводил понятие целостной, совершенной идеократии, основанной на федоровском идеале бессмертия и воскрешения, благого вселенского творчества, противопоставляя ее секулярным, зооморфным идеократиям фашизма и коммунизма.

Учение всеобщего дела Чхеидзе распространял не только в эмигрантских кругах. Вдохновляемый миссией духовного посредничества между чешской и русской культурами, он активно знакомил с идеями «Московского Сократа» чешских читателей, печатая статьи о Федорове в «Обозрениях

литературы и искусства», «Аксе» и других журналах³⁴. Организовал перевод на чешский язык брошюры А.К. Горского «Перед лицем смерти. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров»: в 1933 г. она выпала в издательство «Квасничка и Гампль»³⁵ в переводе Софии Погорецкой. Идеями Федорова Константин Александрович сумел заинтересовать целый ряд лиц из своего чешского окружения: писателя Ф. Кубека, философа В. Вагнера, филолога Я. Калоускову и др.

Но главным начинанием Чхеидзе стало основание при Литературном архиве Чехословацкого национального музея отделения «Fedoroviana Pragensia», задачей которого являлся «сбор и хранение материалов, относящихся к автору “Философии общего дела”»³⁶. Идея такого собрания возникла у него осенью 1932 – зимой 1933 г. 5–6 марта 1933 г. он озвучил ее в письме Сетницкому: «Начать ли устройство отделения Федоровского Музея или я не знаю, как назвать, в Чешском Национальном Музее? ... Там у них есть отделение Толстого. Вполне возможно заложить Федоровское»³⁷. Николай Александрович отреагировал положительно: «Если есть возможность устроить таковое, то, конечно, устраивайте. Я со своей стороны пошлю туда все, что имею. Фотографии, письма и т. под. Это вообще очень хорошая мысль и от души приветствую ее»³⁸.

Инициатива Чхеидзе встретила самый доброжелательный отклик и со стороны тогдашнего заведующего отделением рукописей и архивных материалов чехословацкого Национального музея Милослава Новотного, историка литературы, литературного критика, главного редактора журнала «Обозрения литературы и искусства», в котором Константин Александрович регулярно печатался. Уже 12 апреля Чхеидзе передал Новотному по одному экземпляру имевшихся у него харбинских изданий, свою брошюру «На литературные темы» (Прага, 1932), в которой Федоров упоминался неоднократно, а также две фотографии, снятые с покойного философа³⁹. А в начале мая д-р Новотный был «с докладом о Феодоровиана Прагенсия у г. Директора» Музея, чешского историка и библиографа Йозефа Вольфа, который со своей стороны «всячески приветствовал» новое начинание⁴⁰.

Вскоре после закладки отделения, Национальный музей обратился с официальным письмом к деятелям русской эмиграции, извещая их об этой культурной акции и приглашая к сотрудничеству⁴¹. Среди адресатов письма были С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев, Н.В. Устрялов и П.Н. Савицкий, П. Биццли и Л.П. Карсавин, Д.И. Чижевский и С.И. Гессен, И. Лукаш и Г. Адамович, Ф.А. Степун и В.Н. Ильин⁴². Письмо было отправлено и в СССР – в Библиотеку имени В. И. Ленина, бывшую Румянцевскую, где в свое время Федоров проработал почти четверть века, а также М. Горькому, который глубоко интересовался идеями философа, ценил имморалистический пафос «Философии общего дела», «проповедь “активного” отношения

к жизни»⁴³, разделял федоровскую критику капитализма и мещанства, не-приятие «знания ради знания», призыв к регуляции природы.

Что касается Сетницкого, то он получил специальное письмо от Музея с изъявлением «благодарности за внимание и помощь» «в деле организации Федоровского отделения Музея». Дирекция, подчеркивалось в письме, создавая это отделение, «руководилась стремлением сохранить память о выдающемся культурном работнике», «который, в качестве поборника идеи Славянского единения, одинаково близок каждому славянскому народу; а как музейный деятель – особенно дорог» Национальному музею⁴⁴.

Летом того же 1933 г. Сетницкий переслал в Национальный музей целый ряд печатных и архивных материалов по Федорову, существенно расширив начальную коллекцию. В течение двух последующих лет еще несколько раз передавал в Музей книги и рукописи, а в мае 1935 г. перед отъездом в СССР отправил туда весь свой харбинский архив. Этот архив, вместе с некоторыми бумагами Н.В. Устрялова (статьи, переписка, воспоминания, дневники), стал значительным приращением фонда.

В свою очередь и Чхеидзе регулярно пополнял Пражскую федоровиану экземплярами эмигрантских газет и журналов, в которых писалось о Федорове, рукописями статей, письмами и выдержками из писем, стенограммами докладов о Федорове и другими материалами. Передал он в Музей и свою переписку с Сетницким и Устряловым за 1930–1934 гг., она, в соединении с отложившимися в фонде документами давала богатый материал к изучению истории восприятия идей Федорова в Русском Зарубежье.

Спустя чуть более года после основания *Fedoroviana Pragensia*, в мае 1934 г., по инициативе Чхеидзе, Национальный музей устроил выставку памяти Федорова. Первоначально она должна была открыться в декабре 1933 г., к 30-летию со дня смерти мыслителя. Однако обстоятельства помешали этому, и выставка открылась 26 мая 1934 г. Она проработала почти месяц, до 23 июня 1934 г., вызвав большой интерес среди русской и чешской интеллигенции и получив сочувственные отклики в чешской прессе.

В 1935 г. Сетницкий вернулся в Москву. Переписка с Чхеидзе прервалась навсегда. Осенью 1937 г. Николай Александрович был арестован и вскоре расстрелян. Чхеидзе же продолжал продвижение идей Федорова в русскую и чешскую среду. В 1941 г., когда уже шла Вторая мировая война, он начал публикацию на чешском языке в газете *«Národní listy»* романа «Пророк в отечестве», завершить которую не удалось из-за запрета немецких властей. Главный герой романа был, по собственному признанию Чхеидзе, похож на Федорова и одновременно на другого мыслителя, чеха В. Вагнера, с которым Константин Александрович очень дружил и работал которого ценил высоко. Как писал Чхеидзе Сетницкому еще 22 сентября 1934 г., приступая к работе над романом, его герой – «организатор “Обще-

ства Спасения”, причем всеобщего, в обстановке Праги, в условиях сего дня. Он действует на стыке чехов и русских. По происхождению чех, по культуре русский, по духу христианин... Это будет (в романе) пророк, изобретатель в области духа, аскет, ученый, мудрец и несчастный, хотя и полный огня вдохновения. Люди его не примут и не пойдут за ним. Но эта связь не помешает (я думаю) показать своего героя во весь рост»⁴⁵.

В 1945 г., после освобождения Праги советскими войсками, Чхеидзе был арестован. Десять лет он провел в лагерях. В Чехословакию вернулся лишь в 1955 г. Но и после возвращения, в отпущеные ему судьбой девятнадцать лет, до рокового лета 1974 г., когда его жизнь трагически оборвалась, он продолжал пополнять коллекцию Пражской федоровианы, которая теперь перекочевала в Музей чешской литературы, в знаменитый Страговский монастырь. Большую помошь ему оказала старшая дочь Сетницкого Ольга Николаевна Сетницкая. В апреле 1965 г. в составе туристической группы она приехала в Прагу и встретилась с Константином Александровичем, после чего между ними завязалась регулярная переписка⁴⁶. О.Н. Сетницкая периодически присыпала Чхеидзе статьи и материалы по Федорову, выходившие в Советской России, а он передавал их в Федоровский фонд. Так, собрание пополнилось журналами, книгами, вырезками из газет 1960–1970-х годов, связанными с проблемами футурологии, биологии, иммортиологии, космонавтики⁴⁷.

Чхеидзе стремился сделать основанный им архивный фонд целостным, синтетическим собранием, отражающим основные направления изучения наследия Федорова в России и Европе. Он с радостью поддерживал молодых историков литературы и философии как в Чехии, так и за рубежом, которые интересовались взглядами Федорова и писали о нем.

Когда-то философ и богослов, один из выдающихся мыслителей русского зарубежья Владимир Ильин, назвал Федорова «библиологом и библиософом», «служителем духа вечной памяти»⁴⁸. Таким же «служителем духа вечной памяти», ткавшим всей своей жизнью и творчеством нить живой связи идей и времен, был и создатель Пражской федоровианы Константин Чхеидзе.

Примечания

¹ Этот отзыв Л.Н. Толстого приведен в письме А.А. Фета Н.Ф. Федорову от 6 декабря 1887 г. См.: Н.Ф. Федоров: pro et contra. СПб., 2004. Кн. I. С. 103.

² Ф.М. Достоевский – Н.П. Петерсону. 24 марта 1878 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1988. Т. 30 (I). С. 14.

³ В.С. Соловьев – Н.Ф. Федорову. 12 января 1882 // Соловьев В.С. Письма. СПб., 1909. Т. II. С. 345.

⁴ Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. II. С. 239.

⁵ Там же. М., 1995. Т. I. С. 197.

⁶ Там же. С. 401.

⁷ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Париж, 1956. С. 260.

⁸ Адлер А.С. И.Ф. Федоров (1828–1928) // Евразийская хроника. Париж, 1928. Вып. X. С. 101.

⁹ Подробнее о К.А. Чхеидзе см.: *Zírajici do Slunce. Literárněvědný sborník o životě a díle gruzínského knížete Konstantina Čcheidzeho, spisovatele v Čechách / Sest. V. Bystrøv a J. Vacek. Praha, 2002; Гачева А.Г. Философ-евразиец К.А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен. Материалы Международной научной конференции. М., 2003. Ч. II. С. 212–222.; Она же. Путник с Востока // Чхеидзе К.А. Страна Прометея. Нальчик, 2004. С. 10–34; Она же. Неизвестные страницы евразийства 1920–1930-х годов. К.А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 147–167.*

¹⁰ [Святополк-Мирский Д.П.] Путь евразийства // Евразия. 1929. 12 янв.

¹¹ От редакции // Евразия. 1929. 26 янв.

¹² Арапов П. Культура как форма организации эмпирии // Евразия. 1928. 29 дек.

¹³ Евразия. 1929. 12 янв.

¹⁴ От редакции // Евразия. 1929. 26 янв. № 10.

¹⁵ [Сувчинский П.П.] По поводу писем Н.Ф. Федорова // Евразия. 1929. 4 мая. № 24.

¹⁶ [Святополк-Мирский Д.П.] Путь евразийства // Евразия. 1929. 12 янв.

¹⁷ См. об этом: Гачева А.Г. Философская эмиграция. Сменовеховство // Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг. М., 2003. С. 204–206.

¹⁸ К. А. Чхеидзе. Из воспоминаний // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). М., 2004. С. 446.

¹⁹ Смертобожничество. Харбин, 1926; *Острамиров А. [А.К. Горский]. Николай Федорович Федоров и современность. Харбин, 1928–1933. Вып. 1–4. Горностаев А.К. [А.К. Горский]. Перед лицом смерти. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров. Харбин, 1928; Горностаев А.К. [А.К. Горский]. Рай на земле. К идеологии творчества Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров. Харбин, 1929; Сетницкий Н.А. О конечном идеале. Харбин, 1932.*

²⁰ См.: Путь. 1928. № 10; 1929. № 18; 1933. № 40; Версты. 1928. № 3; Евразия. 1929. 4 мая.

²¹ Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. Харбин, 1928–1930. Вып. 1–3.

²² Н.А. Сетницкий – К.А. Чхеидзе. 17 декабря 1930 // Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. М., 2003. С. 382 (в публикации письмо Сетницкого ошибочно датировано 1929 годом).

²³ LA PNP (Литературный архив Музея чешской литературы). Fond 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.27. К.А. Чхеидзе – Н.А. Сетницкому. 11 января 1931. В дальнейшем ссылки на это собрание даются аббревиатурой FP с указанием номера архивной коробки.

²⁴ Свой путь. 1932. № 2; Знамя России. 1937. № 12; Евразийские тетрали. 1934. Вып. 4.

²⁵ См. переписку К.А. Чхеидзе и Н.А. Сетницкого (FP. I.3.27, I.3.37). Частично опубликована: Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. С. 382–450.

²⁶ См.: ГА РФ. ф. 5911. Оп. 1. Д. 6, 43.

²⁷ Переписка К.А. Чхеидзе с Й.С. Боранецким частично опубликована: В поисках нового синтеза. Пореволюционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов // Диаспора: Новые материалы. Париж–Санкт-Петербург, 2005. Т. 7. С. 437–487.

²⁸ Переписка К.А. Чхеидзе и Н.В. Устрялова за 1930–1933 гг. хранится в собрании Fedoroviana Pragensia (FP I.3.37), за 1934–1935 гг. – в составе личного фонда Чхеидзе в ГА РФ. (ф. 5911.

Оп. I. Д. 78), так же как и переписка Чхеидзе и Ю.А. Ширинского-Шихматова (ГА РФ. Там же. Д. 84).

²⁹ См.: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. I. Д. 469, л. 90–94; FP I.3.27.

³⁰ Чхеидзе К.А. Записка о философии Н.Ф. Федорова // Евразийские тетради. Прага, 1934. № 4. С. 30–34.

³¹ Протокол этого заседания см.: FP I.3.27.

³² См.: ГА РФ. Ф. 5911. Оп. I. Д. 15, 57, 59, 66, 81.

³³ К.А. Чхеидзе – П.Н. Савицкому.

³⁴ «Akce». 1933. № 11–12; 1935. № 1–2; «Rozhledy po literatuře a umění». 1932. № 12; «Ruch filosofický». 1936. № 3–4.

³⁵ Gornostajev A.K. Před tváří smrti. Praha, 1933.

³⁶ FP I.3.37. – Проект официального обращения Чешско-словенского национального музея об открытии фонда Fedoroviana Pragensia.

³⁷ FP I.3.27.

³⁸ Н.А. Сетницкий – К.А. Чхеидзе. 24–25 марта 1933 (FP I.3.27).

³⁹ Список этих материалов – 13 книг и брошюр и две фотографии – см.: FP I.3.27.

⁴⁰ FP I.3.27. – К.А. Чхеидзе – Н.А. Сетницкому. 19 мая 1933.

⁴¹ Текст письма опубликован: На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). М., 2004. С. 441–442.

⁴² Там же. С. 442.

⁴³ А.М. Горький – М.М. Пришвину, 17 октября 1926 г. // Горький и советские писатели. Неизданная переписка (Литературное наследство. Т. 70). М., 1963. С. 335.

⁴⁴ Там же. С. 443.

⁴⁵ FP. I.3.27.

⁴⁶ 88 писем Чхеидзе к О.Н. Сетницкой за 1965–1974 гг. хранятся в Московском архиве А.К. Горского и Н.А. Сетницкого (собрание Е.Н. и Ю.Р. Берковских); письма О.Н. Сетницкой к К.А. Чхеидзе – в собрании Fedoroviana Pragensia (FP I.3.37).

⁴⁷ В настоящее время хранятся в составе фонда: FP I.3.41, I.3.42.

⁴⁸ Музей-библиотека Н.Ф. Федорова. Собрание рукописей (дар вдовы философа В.Н. Ильиной). – В.Н. Ильин Т. II. Философия общего дела. Ксерокопия.

В.И. Косик, О.В. Косик
(Москва)

Архиепископ Пражский Сергий (Королев) и П.Н. Савицкий: два портрета

Будущий архиепископ Сергий – в миру Аркадий Дмитриевич Королев – родился 18 января 1881 г. в многодетной московской купеческой семье, на Большой Пресне. Крещен в церкви Иоанна Предтечи на Средней Пресне¹. Отец умер, когда мальчику было три месяца. Тогда все нелегкие заботы о детях легли на мать Марию Алексеевну, в девичестве Рожкову. Начальное образование он получил в городском училище на Плющихе, а потом последовал переезд в Дмитровский уезд, вначале в с. Селино, потом «в усадьбу того же уезда в версте от Обольянова, Никольское-Горушки тож», имение Олсуфьевых. Видимо материальное положение семьи было тяжелым и после окончания школы в Обольянове Аркадий поступил за отсутствием гимназии в ближайшее учебное заведение, каковым оказалось Дмитровское духовное училище². А дальше все пошло по традиции. В 1896 г. он продолжил учебу в Вифанской духовной семинарии. Тогда его любимой книгой был труд епископа Феофана Затворника «Путь ко спасению»³. В 1902–1906 гг. учился в Московской духовной академии. После ее окончания уехал погостить на Холмщину к своему старшему другу по академии Серафиму Острогумову, наместнику Св. Онуфриевского Яблочинского мужского монастыря. Эта обитель была известна тем, что епархиальный владыка Евлогий (Георгиевский) собирал в ней образованных монахов, необходимых для просветительской работы на западной окраине России. Сам край с его богатейшей историей, монастырь – форпост православия, встреча с преосвященным, одним из деятельнейших и умнейших владык – все это произвело на Аркадия «особое впечатление» и он «не задумался перед решением остаться в монастыре». Вначале был труд послушника, преподавание Закона Божьего во второклассной школе при монастыре, потом и в школе псаломщиков, сельскохозяйственной, ремесленной школах. 7/20 июня 1907 г. пострижен в монашество. В 1908 г. – иеромонах, наместник монастыря, заведующий школой псаломщиков. В 1914 г. уже в сане архимандрита он был назначен

¹Статья написана при поддержке грантов РГНФ: В.И. Косик «Эмиграция и иммиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» № 05-01-01-283а, О.В. Косик «Письма к святителю Афанасию Ковровскому (1921–1962)» № 05-01-01057а.

настоятелем «своего» монастыря и благочинным монастырей Холмской епархии⁴.

Потом была война и 1/14 августа 1916 г. он покинул Холмщину, на которую наступали немцы. Пришли смутные времена с их революциями и войнами, но Холмщина, ставшая польской, его не «отпускала». 17 апреля 1921 г. о. Сергий был хиротонисан во епископа Бельского и назначен управляющим Холмской епархией. В постреволюционную пору церковных разделов и расколов в 1922 г. владыка за отказ признать автокефалию Польской Православной Церкви был выслан из независимой Польши. В Чехословакии, куда он прибыл, стал по распоряжению митрополита Евлогия настоятелем храма св. Николая (Микулаша) в Праге (на Староместской площади), потом митрополичьим викарием с управлением приходами в Чехословакии, Австрии и Венгрии. «В Праге, – вспоминал безымянный почитатель владыки, была тогда очень большая русская колония и очень разнообразная по своим политическим устремлениям. Были в ней в небольшом количестве монархисты, были социал-демократы, кадеты, евразийцы, члены союза "Крестьянская Россия", но больше всего было социалистов-революционеров. Владыка Сергий всегда умел стоять над этими разделениями и потому пользовался у всех неизменным уважением. Любопытно, что, когда умирала "бабушка русской революции" Брешко-Брешковская, она выразила желание, чтобы была похоронена кем-либо из подведомственного владыке Сергию духовенства»⁵.

Его любили и сами пражане, встречая его на улицах, они говорили своим детям, что это «Svatý Mikulaš»⁶. Сам владыка, по воспоминаниям Н.Андреева, «был низкого роста, сложен скорее нескладно, с огромной, казалось, головой, с длинной бородой и с сияющими очами, передающими престранное движение его души»⁷.

В 1923 г. о.Сергий высказался против идеи распространения власти Архиерейского Синода в Сремских Карловцах на всю РПЦЗ, полагая, что он не имеет на это полномочий. Одновременно владыка подчеркивал, что такое решение приведет лишь к разногласиям в самой Церкви, что только утяжелит ее положение, что и произошло. «Скромный, простой, смиренный, – по словам владыки Евлогия, – преосвященный Сергий обладал редким даром сплачивать вокруг себя людей самых противоположных: знатные и незнатные, ученые и неученые, богатые и бедные, правые и левые... – все объединились вокруг него в дружную семью... Благодаря личному авторитету преосвященного Сергия среди русских и симпатий к нему чешского общества положение наше в Чехословакии, хоть юридически и неопределенно, но фактически устойчиво; пока храмы наши (в Праге, Карлсбаде, Мариенбаде, Франценсбаде. – В. К., О.К.), и вопрос о том, на правах ли собственности, или по праву владения, они считаются за нами, просто не ставится. Всем

этим положением мы обязаны преосвященному Сергию, который среди чехов поддерживает движение в пользу православия»⁸.

«Какая покоряющая, активная, смиренная, веселая доброта. В голодное время, — вспоминал Н. С. Арсеньев, — он поднимался рано-рано и шел с мешком на рынок, покупал полный мешок овощей и фруктов, варил свеклу и картошку у себя дома, а потом в том же мешке на спине разносил вареную картошку, томаты, яблоки, груши по больницам — своим всеми заброшенным клиентам, молодым и старым, и подкармливал их. Навещал он и одиночных больных стариков на их квартирах... Как он молился в церкви! — и сам был такой некрасивый, и слуха никакого, а молился так, что плакали и находили утешение. У него была даже своя излюбленная идея — впрочем, глубоко евангельская — о благодати общения»⁹.

Арсеньеву вторила в своих воспоминаниях А. Георгиевская: «Он обладал чистотой и прямотой помышлений без всякого лукавства. Это проявлялось во всем — и в мелочах житейских, и в крупных делах. Эти чистота и прямота происходили от радости найденного смысла жизни. В нем обитала вечная детская доброта и преданная любовь к Церкви. Он был радостно православен; в нем осела вечность радостно-православного чувства: незлобивость и всеобъемлющее чувство долга...»¹⁰

И вся «политика» владыки Сергия в Праге «сводилась к непрестанноличному общению епископа с верующими и равнодушными. На его знаменитых "четверговых чаях" за несколько часов проходило иногда до двухсот посетителей. Большинство из них уходили с чувством умиротворенности и душевной радости, сознания себя какой-то частицей «соборного единства», возглавляемого епископом». Знаменитый евразиец П.Н. Савицкий писал о нем, что во владыке был «огонь веселый»¹¹.

В 1931 г. владыка Сергий вместе с митрополитом Евлогием перешел в юрисдикцию Константинопольского патриарха. По заключении Мюнхенского соглашения (29 сентября 1938 г.), ликвидации весной 1939 г. Чехословакской республики, оккупации гитлеровскими войсками чешских земель русские приходы, управлявшиеся владыкой, были присоединены к Берлинской епархии, которой руководил архиепископ Серафим (Ляде). В то же время по соглашению с архиереем Серафимом за русскими приходами в Чехии и Моравии сохранялась самостоятельность и юрисдикция митрополита Евлогия. После ареста немецкими властями в Бельгии в 1940 г. архиепископа Александра (Немоловского) управление его приходами было передано митрополитом Евлогием в ведение владыки Сергия¹².

В период Второй мировой войны он поддерживал контакт с РПЦЗ, в частности присутствовал на Архиерейском церковном соборе в Вене в 1943 г., не признавшем законность избрания в Москве Патриарха Сергия (Страгородского). Видимо об этом съезде пишет в сборнике, посвященном памяти

владыки, Е. Н. Разумовская, хотя относит его к 1944 г., на котором владыка Сергий, по его утверждению, «присутствовал... только как наблюдатель» и «ничего не подписал»¹³.

В октябре 1945 г. воссоединился с РПЦ. 5 июня 1945 г. (по другим данным – в 1946 г.) указом Патриарха Алексия I был назначен архиепископом Венским. В 1946 г. возведен Патриархом в сан архиепископа. В октябре 1946 г. утвержден Экзархом Среднеевропейских православных церквей РПЦ на правах самостоятельного епархиального архиерея. 23 мая 1947 г. (протокол № 12) принят в советское гражданство. В 1948 г. после упразднения Экзархата назначен архиепископом Берлинским и Германским с жительством в Берлине.

Был замечен «бдительными товарищами» в том, что служил панихида о павших «за веру, царя и отечество». Архиерей Сергий и его ближайшее окружение (келейник Аркадий Струве, сын П. Б. Струве; управляющий делами Г. Г. Белый, сотрудничавший, судя по имеющейся информации, с немцами; священник Дмитрий Кратиров, отказавшийся вернуться в СССР) обвинялись в письме одного из новых патриотов СССР как якобы прямые агенты англо-американских разведок¹⁴.

Хотя и не сразу, но меры по возвращению «неустойчивого» архиерея были приняты. Отзыв владыки Сергия был одобрен Советом Министров СССР решением от 5. 06. 1950 г. Но каких-либо репрессий со стороны властей не последовало. 26 сентября 1950 г. при их молчаливом согласии он был назначен архиепископом Казанским и Чистопольским. Умер 18 декабря 1952 г.

В 1987 г. в Нью-Йорке вышла из печати книга «Памяти Владыки Сергия Пражского», в которой делятся своими воспоминаниями владыка Евлогий (Георгиевский), профессор Николай Арсеньев, протопресвитер Александр Киселев и др. Помещена автобиография владыки, а также его слова и речи: «О подвиге общения», Печеры, Эстония, 1938; «О благобытии», Печеры, Эстония, 1938; «Из бесед Владыки Сергия Пражского», Париж, 1957.

Что же общего есть между владыкой Сергием и Петром Савицким? Вероятно? Да.

Эмиграция – как некая среда, в которой они жили оба? Да.

Уважение к истории? Да. Тут можно вспомнить, что Савицкий был автор книги об архитектуре старого Чернигова, напечатанной Российской Академией наук и погибшей при пожаре типографии в 1919 г.

Любовь к России? Да.

Можно задаться другим вопросом, а что их разъединяло? Надо полагать, что эта была сфера их служения – владыка служил Церкви, евразиец Петр Савицкий – величию православной России, ее сложной культуре. Здесь можно увидеть черты, объединяющие эти сферы, но главное, видимо, за-

ключалось в упомянутой благодати общения. Итак, что можно сказать о знаменитом евразийце? Известность подразумевает детальное знание жизнедеятельности этого деятеля. Здесь, конечно, нельзя обойтись без повторов, которые помогают создать впечатление целостности изложения. Итак, вначале была временная София (январь 1921 г.), где берет начало евразийство (он основал организацию «евразийцы» и издал сборник статей «Исход к Востоку»), идеи которого замешаны на географии и миграции культуры. Потом, в сентябре, бросок в Константинополь к родителям. А с декабря того же года – постоянная Прага и работа на «кус хлеба» в сфере просвещения (курс «политической экономии» в Русском юридическом факультете, библиотекарь с 1931 г. в немецком обществе славяноведения, учрежденном чехословацким правительством, с 1935 г. – лектор русского и украинского языков в немецком университете. с июля 1940 по 2 сентября 1944 г. – директор русской гимназии. Научная работа была ему запрещена немцами. До мая 1945 г. был без работы. Жил на пенсию чехословацкого правительства (выслуженную за 23 года педагогической работы)¹⁵.

И конечно размышления о России, ее путях и назначении в истории. В этом, как верно подметил один из исследователей, отличие русской эмиграции, спорящей, мыслящей, философствующей, от той же французской из XVIII века. Думается, что не будет спорным утверждение о том, что одним из острых вопросов, волновавших Русское Зарубежье было отношение к советской власти, к большевикам, строившим «новые небеса». И здесь Савицкий прошел, можно сказать, обычный путь от идеи свержения коммунистической власти через некое мифическое вооруженное восстание до отстаивания идеи оборончества. Так, в его публикациях («Исход к Востоку» (1921), «Евразийский временник» (1923–1927)) можно было встретить антисоветские высказывания. В 1928 г. в издании «Внутренняя связь» он утверждал, что в ближайшем будущем будет «культурная и политическая победа евразийцев в России». В 1931 г. в статье «Евразийская библиография», опубликованной в книге «Тридцатые годы», содержались «антимарксистские выпады и антикоммунистические взгляды». В 1933 г. в сборнике «Новая эпоха» в статье «Очередные вопросы экономики Евразии» Савицкий подвергал острой критике «мероприятия партии и сов. правительства в области сельского хозяйства». В 1935 г. выступал с «контреволюционной клеветой на мероприятия партии и правительства в области сельского хозяйства в связи с ликвидацией кулачества». В 1937 г. в брошюре «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ» «клеветал» на «мероприятия партии и сов. правительства в области культурного строительства гор. Киева»¹⁶.

Однако дело не ограничивалось только «клеветой» и «антисоветчиной». Напомним, что в 1925 г. в евразийстве была поставлена задача: «1) Свержение правительства и Коммунистической партии с целью установления евра-

зийского государства. 2) Подбор кадров из числа интеллигенции из ведущего слоя Сов. Союза для пропаганды среди населения Сов. Союза». В связи с второй задачей будет интересно вспомнить, что с этой целью в Москву нелегально ездило несколько евразийцев: в их числе был и сам Савицкий. Он прибыл в красную столицу в конце января 1927 г. и пробыл там до середины февраля. В Москве он встречался с главой евразийской группы, через него, участника «Треста», встречался с членами этой организации, вел резкие споры о терроре, противником которого был Савицкий. Потом «Трест» был ликвидирован. Переброска евразийцев была прекращена¹⁷.

Видимо, для Савицкого в той ситуации ставка на вооруженное восстание представлялась мифической. Само усложнение международного положения, угроза его России, подвигали Савицкого к другим действиям. Для лидера евразийства было ясно, что культурные центры человечества, зародившиеся на Ближнем Востоке, передвинулись потом в Средиземноморье, а затем в западную и среднюю Европу, теперь перемещаются в сторону СССР. Германская агрессия ставила, по его убеждению, своей целью помешать, сбить, ликвидировать, сорвать это закономерное движение-развитие и тем самым уничтожить ценности русской культуры, способствующие ему¹⁸.

В марте 1932 г. он публично заявил в Праге, что в обстановке угрозы для его родины со стороны страны Восходящего солнца «каждый русский, оказывающий какую бы то ни было помощь антисоветским агрессорам, является изменником своему Отечеству»¹⁹.

В 1933 г. напечатал на чешском языке книгу «Одна шестая света», в которой подчеркнул соотнесенность географических и исторических положений, обуславливающих политическое и экономическое единство России (СССР). В чешской печати появилось тогда свыше полусотни положительных откликов. Впоследствии этот труд был изъят немцами из библиотек. Можно отметить и выступление Савицкого от 6 февраля 1934 г., заявившего, что он готов с винтовкою в руках защищать границы Советского государства и призывал к оборончеству каждого верного своей Родине, независимо от паспорта и партийной принадлежности. В апреле 1936 г., выступая перед обширной аудиторией на тему «Самобытность и независимость отечества – превыше всего», он призывал забыть о партийных разногласиях перед угрозой нападения на Родину²⁰.

Соответственно в кругу противников оборончества он слыл «агентом большевиков» и «пособником большевизма». И все же Савицкий, как например и младороссы, не отказался от принятой позиции защиты России, даже советской. Он стал инициатором создания «русского оборонческого комитета в Праге», действовавшего до прихода немцев. Туда входило всего 15 человек²¹, но его влияние нельзя отрицать. В 1941–1945 гг. многие русские пражане, возможно под воздействием этого комитета, отстранились от

помощи немцам и стали на патриотические позиции. Нужно отметить и то, что во время работы в гимназии с помощью единомышленников Савицкого велась работа по укреплению среди молодежи патриотических настроений. Результат был очевиден: гимназисты, в отличие от учащихся в аналогичных учебных заведениях в других странах, не пополнили ни немецкие отряды, ни трудовой фронт²².

В марте – апреле 1945 г. у Савицкого была возможность перебраться в западную зону оккупации. Но он не пошел на это, не горя желанием подпасть под власть новых чужеземцев. 21 мая он был арестован соотечественниками из СМЕРШа и по материалам следствия приговорен к десяти годам заключения, которые отбывал в Мордовии. В 1947 г. он просил Вождя об освобождении, но ему отказали еще на уровне рассмотрения в Министерстве госбезопасности СССР²³.

В лагере он близко познакомился с некоторыми иерархами православной церкви, среди которых особо следует выделить епископа Афанасия (Сахарова), канонизированного в 2000 г. как свяценоисповедника. С ним Савицкий вел долгие разговоры о России, ее подвижниках, культуре, истории.

В письме от 27 апреля 1957 г. (в этот день была Пасха) он писал: «Вспоминаю и переживаю содержание своих строк, написанных в ноябре 1948 г., когда мы были вместе:

Меркнут зори. Мчатся дни.
В сумерках ведем беседы
Слова тихие огни.
Полог тишины вечерней.
Русь! Подвижники твои –
Свет во тьме и ночью зимней.
Именуем в темноте
Их немеркнувшее имя»²⁴.

На Пасху 1956 г. Савицкий, влюбленный в Россию, в ее народ, верящий в ее высокое предназначение, искренне писал своему духовному отцу, владыке Афанасию: «...Владыка, я очень, очень грешный человек. Мои грехи и раскаяние горькое меня терзают!

Но колебания и сомнения мне чужды.
Я верю в лучшее, я верю, есть духовные дары у русского человека.
И я знаю, что не умрут семена, посевянные Иларионом, и Клиром, и Петром, и Филофеем, и Чирином.
И не только не умрут, но дадут всходы и урожай!
Убеждением этим проникнуты все мои слова – в стихах и прозе.

Еще не зная, что Вы положили на меня трехчленное послушание (писать стихи: I. Святые. II. Святыни. III. Подвижники и строители), я начал уже его осуществлять.

Ведь "Александр Невский" – это пополнение 1-го отдела ("Святые"), "Константин" – пополнение III-го отдела ("Подвижники и строители").

А "Пахари" – это введение во все три отдела!...»²⁵

Потом, уже освобожденный и высланный в Прагу, он напишет оттуда (17 мая 1959 г., четверг на Фоминой неделе) об отправке владыке четырнадцати стихотворений, среди которых были «Владимир на Клязьме», «Юрьев Польской», «Спас солдатенковской коллекции», «"Житие" Сергея Радонежского», «Корнилий», «Зосима и Савватий», «Царь Феодор Иоаннович»²⁶. Безусловный интерес вызывает идея Савицкого, высказанная им в письме к владыке Афанасию, трудившемуся над составлением «Богослужебных указаний». 28 апреля 1957 г. он писал следующие строки: «...Мне кажется, что в масштабах в с е я Руси следовало бы служить панихиды по А.А.Иванове (100-летие со дня его кончины!) и произнести с амвона проповеди о его творческом деле. Оно одновременно и церковное, и глубоко современное (живопись на технических Иванов предвосхитил развитие живописи на столетие вперед!). Может быть, о необходимости отметить память Иванова можно было бы сделать «примечание» где-либо "на полях" и в "Богослужебных указаниях"?.. Я отметил бы и 110-летие со дня рождения великого и подлинно русского художника Василия Ивановича Сурикова (12/24 января 1848 г.). Его предсмертное "Благовещение" (1916) прекрасно. Оно малоизвестно. Но с ним, мне кажется, хорошо было бы познакомить православных русских людей. Своей "Казнью стрельцов", "Боярыней Морозовой" и др. картинами он многое сделал для познания древней Руси»²⁷. Более того, по его просьбе был составлен по комплектам «Нивы» за 1888-й 1898-й и 1908-й годы дополнительный список юбилеев 1958 г. и отослан владыке Афанасию со следующей припиской: «Далеко не все равноценно в этом списке. Но кое-что, как мне кажется, безусловно стоит внести и в Ваш список - напр., 50-летие со дня кончины композитора Н.А. Римского-Корсакова... и 850-летие Михайловского Златоверхого монастыря. Быть может, Вы найдете в нем и еще некоторые даты, подлежащие включению в Ваш список»²⁸.

Именно любовь к Отечеству, русским людям – труженикам и праведникам, воинам и украшателям земли Русской – была коренной чертой, стержнем всей жизни и деятельности Петра Николаевича. 7 сентября 1967 г. он писал: «Думаю, что за годы, 1945–1956 я увидел в Отечестве в т y с я ч у раз б о л ь ш е , чем я мог бы увидеть, оставаясь в Праге. Но виденье это куплено немалой ценою. – Моя вера в Россию и моя любовь к ней углубились и укрепились в степени необычайной. И теперь во многом вера и лю-

бовь эта оснащены конкретным знанием. — Помните ли Вы, как в 1936—1937 гг. я "слушал землю" и слышал, что есть кому защищаться? — История, как мне кажется, показала, что так оно и было. — В течение одиннадцати лет я видел русских ребят лицом к лицу. Крепкий и стойкий народ. — Думаю, что и крепости и стойкости этой нет равной в мире. — Я пламеннейший патриот моего Отечества (среди всего здешнего "западобесия")... Россия — страна электронная. Возможности ее практически безграничны. — По твердому убеждению моему, наступает русская эпоха всемирной истории. Запад трепыхается со своей водородной бомбой. За наступление этой русской эпохи должны бороться русские люди»²⁹.

Думается, что за ту же «русскую эпоху», вернее за торжество православия, выступал и владыка Сергий. И архиепископ и мирянин всей своей жизнью свидетельствовали любовь к России, православной России с ее могучей культурой, христианской и евразийской. И сейчас, когда закончилась революция 1990-х годов и строятся новые декорации, а «русская эпоха» казалось бы, провалилась, следует знать, что она еще и не наступала. Все впереди.

Примечания

- ¹ Андреев Н. Владыка Сергий (Пражский) к двадцатилетию кончины — 18. XII. // Памяти Владыки Сергея Пражского / Сост. и авт. предисл. Ольга Р.-Х. New York, 1987. С. 3.
- ² Автобиография // Памяти владыки Сергея Пражского. С. 8—9.
- ³ Н.А. Архиепископ Казанский и Чистопольский Сергий (некролог) // Памяти Владыки Сергея Пражского. С. 80.
- ⁴ Автобиография. С. 10—11.
- ⁵ Памяти Владыки Сергея Пражского. С. 27.
- ⁶ Разумовская Е.Н. // Памяти Владыки Сергея Пражского. С. 67.
- ⁷ Андреев Ник. Указ. соч. С. 5.
- ⁸ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 393—394.
- ⁹ Арсеньев Н.С. О русской эмиграции (с 1920 по 1971 г.) и о духовном ее служении // Русское возрождение. Нью-Йорк; Москва; Париж, 1992. № 60—61. С. 228—229.
- ¹⁰ Георгиевская А. // Памяти Владыки Сергея Пражского. С. 23.
- ¹¹ Андреев Н. Указ. соч. С. 7.
- ¹² Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 254.
- ¹³ Разумовская Е.Н. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 426. Л. 55—56; Д. 738. Л. 153, 168—170.
- ¹⁵ Архив авторов.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Архив Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Архив авторов; Архив Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Мартин Байссвенгер

Университет Нотр Дам (США)

**Петр Николаевич Савицкий (1895 – 1968):
славяноведение как религиозный поиск**

В судьбе Петра Николаевича Савицкого отразились многие катастрофические события XX в. – революция в России, эмиграция, жизнь под властью двух тоталитарных режимов. Подобно многим своим современникам, Савицкий пытался найти смысл в пережитом, обнаружить какую-то закономерность и предсказуемость в нестабильной и непредсказуемой эпохе. Эти поиски ведущих принципов проявились не только в публицистическом творчестве его как лидера свразийского движения, но и в его научных исследованиях в области экономики и географии. Славяноведческие работы Савицкого практически не известны и не занимают в его наследии центрального места. Тем не менее они, как представляется, являются собой яркий пример того, как при помощи научных исследований их автор пытался найти метафизический смысл бытия. Этим его работам, исследованию их контекста и смысла посвящен настоящий очерк.

П.Н. Савицкий родился в 1895 г. в Чернигове в семье предводителя уездного дворянства и, позже, председателя Черниговской губернской земской управы¹. Будучи с юности способным и любознательным человеком, он закончил Черниговскую гимназию с золотой медалью и уже в возрасте 18 лет начал публиковать в местной прессе свои первые научные опыты об украинском искусстве и культуре². В 1913 г. он поступил в Санкт-Петербургский политехнический институт, где учился у известного экономиста и общественного деятеля П.Б. Струве. В годы Первой мировой войны при поддержке последнего Савицкий занял должность помощника русского торгового атташе в Норвегии. Политике Норвегии в сфере торговли во время войны была посвящена кандидатская диссертация Савицкого, защищенная в Петрограде в октябре 1917 г., накануне революции. В годы Гражданской войны Савицкий был на стороне антибольшевистских армий на Юге России, где занимал разные дипломатические должности в качестве помощника Струве, являвшегося тогда врангелевским министром иностранных дел³. После эвакуации Крыма Савицкий оказался сначала в Константинополе, позже – в Софии, а затем, в декабре 1921 г., переехал в Прагу. Именно в Праге при поддержке чехословацкого правительства, оказывавшего помощь русским эмигрантам, он смог защитить магистерскую диссертацию по теме «Метафизика хозяйства» на Русском юридическом

факультете, и вскоре занял на том же факультете должность приват-доцента. Впоследствие Савицкий преподавал и в других образовательных учреждениях в Праге. В 1930-е годы он читал курс «Россииеведение» в Пражском немецком университете и одновременно был редактором чешского социологического журнала «Sociální problémy»⁴. В предвоенное десятилетие и во время Второй мировой войны он занимал открыто оборонческую позицию, и в 1941 г. за публичные высказывания о судьбе своей родины – «Россия непобедима», был лишен места в Пражском немецком университете. Тем не менее он имел возможность работать директором русской гимназии в Праге с 1940 г. вплоть до 1944 г.⁵

Несмотря на свою явно просоветскую позицию, в мае 1945 г. Савицкий был арестован СМЕРШ, отправлен в Москву, где и был осужден на 10 лет лагерного заключения за «контрреволюционную деятельность» в годы Гражданской войны. Отбыв весь срок в лагерях в Мордовии, он смог выжить во многом лишь потому, что ему удалось стать лагерным библиотекарем⁶. В январе 1956 г., получив разрешение вернуться к семье, он приехал в Прагу, где жил на доходы от переводов и публикации небольших научных статей⁷. Материальную помощь ему также оказывали друзья-эмигранты, в частности Г.В. Вернадский и Н.Е. Андреев, имевшие работу на Западе. В 1961 г. Савицкий был повторно арестован, теперь уже чешскими властями, за публикацию во Франции стихов о его лагерных впечатлениях⁸. Однако вскоре он был амнистирован благодаря вмешательству влиятельных западных ученых во главе с Берtrandом Расселом. Умер Савицкий в Праге в 1968 г.⁹

* * *

В России П.Н. Савицкий известен, прежде всего, как один из основателей и главный идеолог так называемого «евразийского движения»¹⁰. Оно возникло в 1921 г. в болгарской столице Софии в среде молодых русских интеллигентов, находившихся в эмиграции. Главными основателями движения, кроме Савицкого, были лингвист Н.С. Трубецкой и музыковед П.П. Сувчинский, позже к движению присоединились другие эмигранты, наиболее значимыми фигурами среди которых были историк Г.В. Вернадский и историк и философ Л.П. Карсавин. Сразу после основания евразийство приобрело необычайную популярность среди русской эмиграции благодаря нестандартности своих лозунгов¹¹. Евразийцы провозглашали грядущую гибель Запада и возрождение Востока; заявляли, что Россия не является частью ни Европы, ни Азии, но представляет собой особый географический и культурный мир, который они обозначали термином «Евразия». Следовательно, они порицали «европеизацию» России, начатую Петром I, и положительно оценивали роль Востока, в

частности монголо-татар в русской истории и культуре. Кроме того, они принимали Октябрьскую революцию, видя в ней проявление особого русско-евразийского пути, но считали необходимым в будущем заменить идеологию коммунистов евразийской¹². В 1920-х гг. евразийцы активно публиковали сборники и альманахи и, начиная с лета 1923 г., стали весьма энергично вести политическую пропаганду¹³. В конце этого десятилетия движение раскололось на пробольшевистскую и антимарксистскую – националистическую группы и затем постепенно утратило свое влияние¹⁴.

С самого начала евразийство задумывалось как многодисциплинарный проект, где каждый из участников должен был разрабатывать свое направление, являющееся частью общей евразийской концепции. Например, Н.С. Трубецкой на основе лингвистических и этнографических данных пытался доказать культурную близость русского и инородческого населения Российской империи¹⁵. Г.В. Вернадский осуществил пересмотр российской истории, пытаясь, в частности, доказать положительную роль монголо-татарского завоевания в историческом развитии России¹⁶. В свою очередь, П.Н. Савицкий разрабатывал концепцию России-Евразии как «особого географического мира»¹⁷.

Концепция Савицкого опиралась на следующие аргументы. Географически и климатически Европа, как и Азия, отличаются «мозаически дробным и весьма непростым зональным сложением». В отличие от такой сложной географической картины, Евразия, т.е. «срединные равнины Старого Света» – находятся посередине между Европой и Азией – и характеризуются сравнительно простой географической схемой распространения зон. Последние, по теории учёного, располагаются горизонтально в виде широких параллельных и непрерывных полос, напоминая по форме очертания флага. Как писал Савицкий о Евразии: «В направлении с юга на север здесь сменяют друг друга пустыня, степь, лес и тундра, каждая из этих зон образует сплошную широтную полосу». Эта закономерность и организующий принцип проявлялись как в почвах, так и в климате, и в ботанических особенностях. На основе своих научных наблюдений Савицкий делал далеко идущие выводы. Россия, как он полагал, не являлась частью Европы, но, напротив, имела свой особый географический мир, которому соответствовала своеобразная культура, история и экономика¹⁸.

Неудивительно, что для евразийцев в целом и для Савицкого, в частности, понятие славянства не имело какого-либо особого значения, так как западное славянство очевидно не входило в выстроенную ими «евразийскую цивилизацию». Следовательно, Савицкий положительно оценивал идеи русских славянофилов о самобытности России. Однако он

резко критиковал их концепцию славянского единства как необоснованную, ибо славянские племена друг с другом, и в частности с Россией, имели мало чего общего, помимо языка. Так, Савицкий в программной статье «Евразийство» в 1925 г. отмечал: «Поляки и чехи, в культурном смысле, относятся к западному, «европейскому» миру, составляя одну из культурных областей последнего»¹⁹.

Поэтому может вызвать удивление, почему все же евразиец Савицкий, который почти все свое научное и публицистическое творчество посвятил именно изучению Евразии, в 1930 г. вдруг стал активно заниматься исследованием почвенной географии Чехословакии. Фактическая сторона этой истории заключается в следующем. В первой половине мая 1930 г. Савицкий оказался среди членов чешской научной делегации на проходившем в Югославии III конгрессе славянских географов и этнографов. Несмотря на то, что его основной доклад на пленарном заседании был посвящен евразийской концепции русской географии, на одной из секций он также выступил с докладом «Структуральная география Чехословакии»²⁰. В последнем он применил свои методы, выработанные ранее для описания и объяснения географии Евразии, использовав их для исследования географических и ботанических особенностей Чехословацкой республики. Расширенный вариант этого доклада был напечатан не только в виде обширной статьи на русском языке в русском научном журнале в Праге, но и был полностью переведен на чешский язык и опубликован в том же году в ведущем чешском научном сельскохозяйственном журнале²¹.

В этом докладе Савицкий охарактеризовал основное пространство Чехословакии «как систему котловинных ("островных") степей в их горно-лесном окружении»²². Таким образом, вместо ясного и четкого деления климатических и почвенных зон Евразии, в ЧСР, по его мнению, преобладала географическая мозаика, так типичная и характерная для Европы. Даже почвенные зоны располагались в Чехии не горизонтально, а вертикально, в зависимости от высотности. Савицкий констатировал: «[В]ысоты до 250 м составляют пояс черноземов; высоты от 250 до 500 м образуют пояс коричневоземов; высоты от 500 до 750 м принадлежат подзолам; выше 750 м преобладают "скелетные" почвы»²³. Как и в случае с Россией-Евразией, Савицкий видел в географии первопричину и первооснову культурных и исторических особенностей. Он пояснял: «Не только облик чешской природы, но и ход чешской истории не может быть понят без учета того обстоятельства, что чешский народ есть народ замкнутых котловин и долин-междугорий»²⁴. На основе климатических и географических данных он доказывал даже правомерность границы между Чехией и Словакией. «Словакий материал – указывал Савицкий – дает

своебразную "схему соответствий", аналогичную чешской, но не совсем с ней совпадающую. Интересно, что граница приложимости обеих схем близко отвечает административной границе. Граница эта является границею исторической. История – хороший географ. И проводит границы в точном соответствии с географическими данными»²⁵.

Следует отметить, что несколько лет спустя Савицкий еще раз вернулся к закономерностям климата и растительного мира Чехословакии в статье об урожайности. В ней Савицкий пытался доказать возможность точного прогноза урожайности при применении целого комплекса метеорологических и климатических показателей. Главным аргументом Савицкого здесь было то, что не достаточно применять корреляцию между двумя элементами (например, дождем и урожаем), так как они, в свою очередь, тоже находятся под влиянием других элементов. Он поэтому предлагал комплексную систему, где бы учитывалась и теплота, и влажность, и дождь, и облачность. В этом опять можно узнать поиск Савицким общих закономерностей и выявление имманентных структур в природе²⁶.

Почему же Савицкий обратился все-таки к славянской и в том числе к чешской проблематике?

Безусловно, рождение Пражского лингвистического структурализма в 1929 г., где определяющую роль сыграли его друзья-евразийцы, в частности, Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон, а также и сам Савицкий, имело огромное значение для подобных его опытов²⁷. Как часть структуралистического проекта, он пытался вычленить определенные структуры евразийской географии и их взаимодействие с другими факторами. Но для того, чтобы структурный подход действительно приобрел научность, географические структуры должны были иметься и в других регионах – не только в Евразии. С этим, как я предполагаю, и была связана «славяноведческая» проверка евразийских построений.

Но вместе с тем, как представляется, в самой основе поиска Савицким имманентных структур и закономерностей лежал другой, более глубинный гностический интерес. Как следует из другой его работы того же периода, он в конце 1920-х годов пытался вообще обнаружить и понять закономерности в мировой природе и истории, и объяснить смысл существования природной организованности, которая, по мнению Савицкого, наименее вероятна с физико-математической точки зрения. Считая, что «организация – есть невероятность», и видя, тем не менее, организацию повсюду, он угадал за всем: «Дух», «Источник», «Причину» и «Предопределитель». Он был глубоко убежден, что за явлениями природы скрывается другая, высшая сущность: «Вселенная необъяснима вне

допущения Всемирного Бытия, благодаря которому невероятное становится осуществленным»²⁸. Следовательно, научные исследования приобретали для Савицкого «религиозный упор», становились религиозным занятием.

Мы, конечно, не знаем доподлинно, искал ли Савицкий действительно Бога или иное высшее начало. Но он полагал, что нашел проявление высшей сущности в структурах и закономерностях евразийской географии. Вполне возможно, что Савицкий хотел проверить найденное им «евразийское» откровение на материале другой, чехословацкой почвенной географии. Именно с этим, прежде всего, как мне кажется, были связаны «славяноведческие» опыты Савицкого. Учитывая катастрофичность окружавшей его действительности и изгибы личной судьбы, нетрудно себе представить, что раскрытие организованности и закономерностей в природе и мироздании могло бы быть мотивировано для Савицкого поиском некоторого смысла происходящего. Подобные поиски, впрочем, были вообще характерны для определенных кругов русской интеллигенции того времени. Таким образом, славяноведческие исследования Савицкого, как и его евразийские искания, наверное, больше всего выдают в нем необычного, но весьма интересного, представителя русского религиозного возрождения первой трети XX в.²⁹

Примечания

¹ Sládek J. Život a dílo P.N. Savického (1895–1968) // Volné sdružení českých rusistů. 1992. № 8. S. 48–56; Розенталь И. Петр Николаевич Савицкий // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции (первая треть XX века). Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 562–564; Дурновцев В.И. Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) // Историки России: Биографии / Под ред. А.А. Чернибаева. М., 2001. С. 705–713; Glebov S. A Life with Imperial Dreams: Petr Nikolaevich Savitsky, Eurasianism, and the Invention of ‘Structuralist’ Geography // Ab Imperio. 2005. № 3.

² S.P. Об украинской вышивке XVIII века и современном ее возрождении // Черниговская земская неделя. 1914. 13 июня. № 24. С. 1–5; 20 июня. № 25. С. 1–5.

³ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–15. Curriculum vitae.

⁴ Slovenská knihovna. Praha. Sbírka P.N. Savický. Krabice VII. № 157/2. Curriculum vitae P.N. Savického.

⁵ Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966; Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / Под ред. Е.Н. – Д.Г. Андреевых. Таллинн, 1996. Т.1–2.

⁶ Отец и сын. Евразиец Петр Савицкий и историк Иван Савицкий. Интервью на Радио Свобода, 22 августа 2005 г.: <http://www.svoboda.org/programs/lived/2005/lived.082205.asp>

⁷ Розенталь И. Указ. соч. С. 564.

⁸ Востоков П. Стихи. Boulogne sur Seine, 1960.

⁹ Вернадский Г.В. П.Н. Савицкий (1895–1968) // Новый журнал. 1968. № 92. С. 273–277.

¹⁰ О евразийстве см.: Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; Riasanovsky N. The Emergence of Eurasianism // California

Slavic Studies. 1967. № 4. С. 39–72; Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов / Под ред. Л.В. Пономаревой. М., 1992; Чиняева Е.В. Русские интеллигенты в Праге: теория евразийства // Русская эмиграция в Европе. 20-е – 30-е годы XX века. М., 1996. С. 177–198; Глебов С. Границы империи как границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурных типов в евразийстве // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 267–291.

¹¹ О полемике с евразийцами в 1920-е годы см.: Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-ых годах // Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 1–52.

¹² Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

¹³ См.: Протокол июня 1923 г. К истории евразийства 1922–1924 гг. / Публ. Е. Кривошеевой // Российский архив. М., 1994. Т. 5. С. 493–494.

¹⁴ Шевеленко И. К истории евразийского раскола 1929 года // Stanford Slavic Studies. 1994. № 8. Р. 376–416; Shlapentokh D. Eurasianism Past and Present // Communist and Post-Communist Studies. 1997. № 30. Р. 129–151.

¹⁵ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 351–377.

¹⁶ Вернадский Г.В. Начертание русской истории.. Прага, 1927. Ч. 1.

¹⁷ Савицкий П.Н. Россия: Особый географический мир. I. Континент-океан. II. Географический обзор России-Евразии. Прага, 1927.

¹⁸ Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской географии // Зборник радова III конгреса словенских географа и этнографа у Краљевини Југославији 1930 / Ред. П. Вујевић. Београд, 1930. С. 13–14. Более подробное изложение см.: Савицкий П.Н. Географические особенности России. Прага, 1927. Ч. 1.

¹⁹ Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 10.

²⁰ Савицкий П. Структуральная география Чехословакии (растительность и почвы) // Зборник радова III конгреса словенских географа и этнографа.. С. 323–325.

²¹ Савицкий П.Н. Очерки почвенной географии Чехословакии // Научные труды русского народного университета в Праге. 1930. № 3. С. 233–275. Чешское издание см.: Savickij P. Z půdní geografie Československa // Zemědělský archiv. 1930. T. 21. № 5–6. S. 263–275; № 7–8. S. 362–379.

²² Савицкий П.Н. Очерки почвенной географии Чехословакии. С. 233.

²³ Там же. С. 242.

²⁴ Там же. С. 233.

²⁵ Там же. С. 260.

²⁶ Savickij P. O vlivu komplexu meteorologických prvků v době jarní na výnos polních plodin // Věstník Československé akademie zemědělské. 1932. T. 8. № 2. Р. 114–119.

²⁷ О взаимосвязи Пражского структурализма с евразийством см.: Savický N. O některých méně známých pramenech. Tezí Pražského lingvistického kroužku // Slovo a slovesnost. 1991. № 52. Р. 196–198; Sériot P. Structure et Totalité: Les Origines Intellectuelles du Structuralisme en Europe Centrale et Orientale. Paris, 1999.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–5; частично опубликовано – см.: Единство мироздания // Евразия. С. 173–175.

²⁹ Zernov N. Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century. London, 1963. Русский перевод см.: Зернов Н. Русское религиозное возрождение ХХ века. Париж, 1974.

В.В. Бурега
(Сергиев Посад)

«Пражский период» жизни протоиерея Сергия Булгакова (1923–1925 гг.)

Известный русский религиозный философ Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) принял священный сан летом 1918 г. По благословению Святейшего Патриарха Тихона епископ Феодор (Поздеевский) в Троицкий день (23 июня по новому стилю) в московском Даниловом монастыре рукоположил Сергея Николаевича во диакона, а в Духов день — во иерея. После этого отец Сергий был приписан к храму Ильи Обыденного в Обыденском переулке в Москве.

Однако уже в июле 1918 г. тревожные слухи, доходившие из Крыма, где тогда находилась его семья, заставили отца Сергия покинуть Москву, куда он надеялся вернуться через месяц, но этим планам не суждено было сбыться.

Приехав в Крым, отец Сергий обосновался в Симферополе. Он преподавал здесь богословие и политэкономию в Таврическом университете, а также проводил богослужения в Ялтинском соборе.

После ухода из Крыма Белой армии отец Сергий остался в России. Однако распоряжением новой власти он был уволен из университета, а в декабре 1922 г. «бессрочно» выслан за пределы Советской России. И впоследствии ему никогда не довелось побывать на Родине. Более 20 лет отец Сергий провел в эмиграции, из которых два года прожил в Праге.

После высылки из Крыма протоиерей Сергий Булгаков перебрался в Константинополь и стал искать возможности переехать в какую-нибудь европейскую страну.

К 1923 г. одним из крупнейших центров русской эмиграции стала Чехословацкая республика, где с 1921 года осуществлялась «русская акция». Поэтому неудивительно, что Прага привлекла внимание и отца Сергия Булгакова, оказавшегося на чужбине. Именно в Чехословакии перед ним открывалась возможность продолжить свою педагогическую, научную и пастырскую деятельность.

В 1922 г. из Германии в Прагу перебрался профессор Павел Иванович Новгородцев, который занялся организацией русского высшего учебного заведения. По его инициативе 18 мая 1922 г. здесь был открыт Русский

юридический факультет, деканом которого стал сам Павел Иванович. Он постарался пригласить в Прагу для работы на факультете лучших русских профессоров, оказавшихся в эмиграции. В результате в Чехословакию перебрались Н.О. Лосский, П.Б. Струве, Г.В. Флоровский, Г.В. Вернадский, А.А. Кизеветтер, В.В. Зеньковский и многие другие известные ученые. В начале 1923 г. профессор Новгородцев пригласил в Прагу и протоиерея Сергея Булгакова.

К началу марта отец Сергий получил разрешение на въезд в Чехословакию. Поскольку предполагалось, что он будет преподавать в Праге богословские дисциплины, решено было испросить на это благословение у митрополита Евлогия (Георгиевского). Последний еще весной 1921 г. был назначен управляющим русскими православными храмами в Европе. 6 марта 1923 г. профессор Новгородцев писал митрополиту: «Русский юридический факультет испрашивает Вашего благословения на поручение преподавать Богословие о. протоиерею С.Н. Булгакову, который уже получил визу в Прагу и профессорскую стипендию, так что и материально он будет вполне обеспечен». 10 марта митрополит Евлогий наложил на письме такую резолюцию: «Бог благословит прот. С. Н. Булгакову преподавать богословие на юридическом русском факультете Пражского Университета»¹.

Отец Сергий прибыл в Прагу к началу мая². Сразу же после этого профессор Новгородцев направил еще одно письмо владыке Евлогию. Здесь он просил позволения для протоиерея Сергея кроме чтения лекций совершать еще и богослужения: «Мы хотели бы устроить служение прот. С.Н. Булгакова, а также и его проповеди и церковные поучения для студентов в Праге и Пшибрамс³ (в двух часах от Праги)»⁴. 9 мая митрополит Евлогий наложил на этом письме следующую резолюцию: «Прот. Сергий Булгаков приписывается к Пражской церкви с поручением ему совершать богослужения и вести дело религиозного руководства студентов в Праге и Пшибрамсе». 15 мая епископу Сергию (Королеву), тогда еще исполняющему обязанности настоятеля русского прихода в Праге, был направлен указ о состоявшемся назначении протоиерея Сергия⁵.

Получив этот указ П.И. Новгородцев направил митрополиту Евлогию благодарственное письмо, в котором сообщал и о деятельности отца Сергия следующее: «Он уже начал свое служение и действует на молодежь, увлекая ее необыкновенно к общей молитве... Прага становится очень значительным центром православной церковной жизни»⁶.

30 мая отец Сергий прочел на факультете свою первую лекцию на тему: «Церковное право и кризис правосознания»⁷.

Проживал отец Сергий, как и целый ряд других русских профессоров и преподавателей, в студенческом общежитии «Свободарна», расположенном по адресу: Praha VIII-Libeň, č. p. 1110. «Свободарна» строилась для рабочих промышленных предприятий, которых в этом районе города было немало. Однако с началом «русской акции» здание предоставили русским студентам. Часть «Свободарны» была отведена под преподавательские квартиры. Ее называли «профессорским коридором»⁸. В этом «коридоре» жили философ Н.О. Лосский, экономист П.А. Остроухов, юрист Д.Д. Гримм, социолог Н.С. Тимашев, экономист, историк и политический деятель П.Б. Струве. Здесь же поселился и отец Сергий Булгаков.

Поскольку жилые комнаты в «Свободарне» были совсем маленькие, а многие профессора проживали здесь вместе с семьями, то им предоставлялось, как правило, по несколько комнат. Например, Н.О. Лосский вспоминал, что занимал в «Свободарне» сначала «две, потом три комнаты»⁹.

Отец Сергий Булгаков обустроил в общежитии временную часовню, в которой совершались богослужения для студентов¹⁰.

По инициативе отца Сергия в Праге начал выходить в свет журнал «Духовный мир студенчества» с подзаголовком «Вестник Русского христианского студенческого движения в Европе». Первый его номер был подготовлен к печати уже в мае 1923 г. В предисловии к нему указывалась задача издания: «Этот краткий печатный вестник ставит себе целью освещать действительную картину жизни студенчества и служить братскому единению и пробуждению духовных интересов... Через этот вестник мы будем делиться своим духовным опытом и этим окажем друг другу взаимную поддержку»¹¹.

Первый номер журнала содержал информацию о деятельности Христианских студенческих кружков в Чехословакии, Венгрии, Франции, Югославии, Германии. Со второго номера кроме хроники здесь стали появляться авторские статьи. Авторами журнала были профессор В.В. Зеньковский, С.С. Безобразов, В.Ф. Марцинковский. Публиковались также подборки отрывков из святоотеческой литературы. В третьем и четвертом номерах журнала увидели свет «Протоколы семинария протоиерея С.Н. Булгакова «Новозаветное учение о Царстве Божием»¹².

Просматривая журнал, нельзя не заметить, что он развивался от номера к номеру. Так, объем первого номера составлял 24 страницы, второго – 32,

третьего – 72, в четвертой книжке было уже 78 страниц. В Чехословакии вышло в свет лишь четыре номера (три – в 1923 и один – в 1924 г.).

Говоря о деятельности протоиерея Сергея Булгакова в Чехословакии, нельзя не вспомнить и о воссоздании Братства Святой Софии. Оно существовало в России с конца 1919 г. Однако после начала массовой эмиграции, большинство членов Братства оказалось за ее пределами.

С 1 по 8 октября в моравском городке Пршеров проходил первый съезд Русского студенческого христианского движения, на котором присутствовало множество русских профессоров. Значительная часть собравшихся, как вспоминал протоиерей В.В. Зеньковский, принадлежала к Братству Святой Софии еще в России. Во время их встречи и была высказана идея возрождения Братства в эмиграции. «Мысль эта была принята, решено было пригласить всех русских религиозных мыслителей и писателей»¹³. В воссозданное Братство вошли А.В. Карташев, князь Гр. Трубецкой, А. Ельчанинов, протоиерей С. Булгаков, П.И. Новгородцев, Г.В. Вернадский, П.Б. Струве, П.А. Остроухов, И.И. Лаппо, С.С. Безобразов, Л.А. Зандер, М.В. Шахматов, В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев.

Братство получило благословение митрополита Евлогия, который утвердил Устав организации. Первый пункт этого документа гласил, что задачей Братства является обращение «на служение Православной Церкви преимущественно мирянских культурных сил двумя путями: 1) путем собирания во единый братский союз активных работников церковно-богословского просвещения и церковно-общественного делания и 2) путем объединения и организации их труда на церковно-общественной ниве»¹⁴.

Работа Братства выражалась, главным образом, в регулярных собраниях, где обсуждались различные богословские и философские проблемы, а также насущные вопросы церковной жизни.

Братство действовало в Праге до середины 1925 г., затем его местопребыванием стал Париж.

Здесь следует сказать несколько слов и о ситуации, сложившейся в пражском русском приходе к лету 1923 г. Первым настоятелем прихода после революции владыка Евлогий назначил протоиерея Михаила Стельмашенко. Отец Михаил прибыл в Прагу 25 июня 1921 г. и исполнял настоятельские обязанности до марта 1922 г., после чего был переведен во Флоренцию. Вторым настоятелем пражского прихода стал протоиерей Григорий Ломако. Указ о его назначении был подписан митрополитом 28 февраля 1922 г. В это время отец Григорий находился в Константинополе.

Процесс оформления визы и переезд в Чехословакию растянулся на несколько месяцев. Он прибыл в Прагу лишь 2 июня 1922 г. Но, ознакомившись с состоянием церковных дел, отец Григорий уже 9 июня направил рапорт митрополиту Евлогию, в котором признавал себя не в состоянии исполнять обязанности настоятеля и просил освободить его от этой должности¹⁵.

Протоиерей Г. Ломако пробыл в Праге, видимо, не многим более месяца и уже в июле покинул Чехословакию. Настоятельское место вновь осталось вакантным.

Новое назначение последовало 4 августа 1922 г. В этот день митрополит Евлогий направил указ протоиерею Георгию Спасскому, помощнику управляющего русским военным и морским духовенством, о его переводе в Прагу¹⁶.

Отец Георгий в то время находился вместе с эвакуированным русским флотом в Бизерте (Тунис). Процесс переговоров с чехословакскими правительственные органами о его переезде в ЧСР также растянулся на несколько месяцев. Несмотря на то, что разрешение на его въезд в Чехословакию было получено, протоиерей Георгий не смог прибыть в Прагу по состоянию здоровья.

Таким образом, пражский приход фактически оставался без настоятеля с марта 1922 г. (с момента отъезда из Чехословакии отца М. Стельмашенко). При этом еще в апреле 1922 г. в Прагу прибыл высланный из Польши епископ Бельский, Сергий (Королев), викарий Холмской епархии. Фактически именно он осуществлял руководство приходской жизнью в чехословакской столице во время отсутствия здесь настоятеля.

Из сказанного видно, в какое непростое для пражского прихода время приехал в Чехословакию отец Сергий Булгаков. Он стал правой рукой владыки Сергея в деле организации нормальной приходской жизни среди русских беженцев.

Летом 1923 г., когда стало очевидным, что протоиерей Георгий Спасский не сможет прибыть в Прагу, митрополит Евлогий начал думать о назначении в Чехословакию нового настоятеля. Насколько позволяют судить сохранившиеся документы, им рассматривались две кандидатуры — епископ Сергий (Королев) и протоиерей Сергий Булгаков. Свои суждения на сей счет владыка изложил в частном письме П.И. Новгородцеву от 13 августа 1923 г.¹⁷ Митрополит склонялся к мысли о назначении настоятелем епископа Сергея. Протоиерей Сергий Булгаков казался менее подходящей кандидатурой, поскольку он, во-первых, был вовлечен в активную

преподавательскую деятельность, а во-вторых, в случае его назначения статус епископа Сергия и его взаимоотношения с приходом становились двусмысленными. Поэтому митрополит предлагал избрать настоятелем владыку Сергия, а протоиерея Сергия назначить его помощником.

Вопрос о новом настояtele обсуждался на заседании Приходского совета 20 августа 1923 г. Члены совета вполне согласились с мнением владыки Евлогия: «Преосв. Сергий сказал, — сообщал митрополиту П.И. Новгородцев, — что, по своему монашескому сознанию, он не говорит: соглашаюсь, а ждет Вашего слова и ему повинуется. Серг. Ник. Булгаков от себя высказался, что лучше его *не назначать* ни настоятелем, ни помощником: он и так во всем участвует. Известное же вознаграждение Совет ему может положить и так»¹⁸.

Совет постановил обратиться к митрополиту Евлогию с просьбой утвердить епископа Сергия в должности настоятеля пражского прихода¹⁹. Соответствующее прошение было в тот же день отправлено в Париж. 30 августа епископу Сергию был направлен указ (исх. № 940) об утверждении его в должности настоятеля русских церквей в Чехословакии. В тот же день из Епархиального управления были направлены письма в МИД и Министерство образования и народного просвещения ЧСР, которыми указанные правительственные учреждения извещались о состоявшемся назначении²⁰.

Таким образом, как митрополит Евлогий, так и Пражский приходской совет решили не возлагать на протоиерея Сергия Булгакова бремя настоятельства, и потому главными в его деятельности в Праге остались педагогическая и духовно-просветительская работа. Тем не менее отец Сергий принимал активное участие в жизни прихода. Когда 24 марта 1924 г. Приходской совет избрал из своей среды Комитет по постройке православного храма-часовни на Ольшанском кладбище, то в этот Комитет вошел и протоиерей Сергий Булгаков. Позже, когда Комитет был преобразован в Братство для погребения православных русских граждан и содержания в порядке их могил в Чехословакии («Успенское братство»), отец Сергий также стал членом Совета Братства.

В среде русских беженцев уже с 1922 г. предпринимались попытки открыть в эмиграции высшее духовное учебное заведение. Сначала предполагалось создать Духовную академию в Праге. При чем, в этом деле намечалось сотрудничество с представителями англиканской церкви, которые обещали со своей стороны финансовую поддержку. Но этот план не был реализован. Затем русские профессора в Праге пытались сделать то же

самое с привлечением чехословацких средств. Однако и этот проект не был осуществлен. В результате митрополит Евлогий решил открыть академию в Париже. 18 июля 1924 г. в Сергиев день здесь на аукционе была приобретена бывшая немецкая усадьба. После ремонта в ней было открыто Сергиевское подворье. С весны 1925 г. началась работа по подготовке к открытию здесь богословского института. К работе в новом учебном заведении был привлечен и протоиерей Сергий Булгаков. Уже после Пасхи 1925 г. в институт были приняты первые десять студентов. Видимо, в это же время отец Сергий решил переехать из Праги в Париж. 2 мая 1925 г. из Епархиального управления был направлен указ на имя епископа Сергия, в котором сообщалось, что протоиерей Сергий Булгаков назначен преподавателем богословского института и штатным священником Сергиевского подворья. По этой причине он освобождался от несения пастырского послушания в Праге²¹.

В июле 1925 г. отец Сергий окончательно обосновался в Париже. Он занял здесь кафедру доктринального богословия, а также до конца своей жизни оставался бессменным деканом Свято-Сергиевского института.

Так закончился пражский период жизни протоиеряя Сергея Булгакова.

Примечания

¹ Архив Епархиального управления православных русских церквей в Западной Европе (далее – АЕУП). Папка «Прага 1921–1924». – Письмо П.И. Новгородцева митрополиту Евлогию от 6.03.1923 с резолюцией от 10.03. (25.02.) 1923.

² Елена, монахиня. Профессор протоиерей Сергий Булгаков // Богословские труды. Сборник 27. М., 1986. С. 140.

³ В Пшибраме с 1921 г. существовала значительная русская колония, состоявшая в основном из русских студентов, обучавшихся в местной Горной академии.

⁴ АЕУП. Папка «Прага 1921–1924». – Письмо П.И. Новгородцева митрополиту Евлогию от 5.05.1923 с резолюцией от 9.05.(26.04.) 1923.

⁵ Там же. – Указ от 15 (2). 05.1923 (№ 567).

⁶ Там же. – Письмо П.И. Новгородцева митрополиту Евлогию от 28 (15).05.1923.

⁷ Елена, мон. Указ. соч. С. 140.

⁸ Koprivová A. Sřediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952). S. 18–19.

⁹ Лосский Н.О. Воспоминания // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 92.

¹⁰ Koprivová A. Op. cit. S. 19.

¹¹ Духовный мир студенчества. Прага, 1923. № 1. С. 4.

¹² Там же. № 3. С. 47–69; № 4. С. 51–72.

¹³ Зеньковский В., прот. О Братстве Святой Софии // Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н.А. Струве; Подгот. текста и примеч. Н.А. Струве, Т.В. Емельяновой. М.; Париж. 2000. С. 6.

¹⁴ Проект Устава Православного Братства во имя св. Софии-Премудрости Божией // Братство Святой Софии. С. 17.

¹⁵ АЕУП. Папка «Прага 1921–1924». – Рапорт прот. Г. Ломако митр. Евлогию от 9.06.1922.

¹⁶ Там же. – Указ из Епархиального управления русскими православными заграничными церквами в Западной Европе прот. Георгию Спасскому от 4.08.1922 (Исх. № 364). Копия.

¹⁷ Нам не удалось обнаружить это письмо. Сохранился лишь ответ П.И. Новгородцева, датированный 19 августа 1923 года. См.: ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ АЕУП. Папка «Прага 1921–1924». – Выписка из протокола № 79 заседания Приходского Совета при церкви Св. Николая в Праге 7/20 августа 1923 г.

²⁰ Там же. – Письма от 30. (17.) 08.1923 (Исх. № 941, 942 и 943).

²¹ Указ из Епархиального управления епископу Сергию от 2.05.(19.04.) 1925 (№ 696). 1924–1925».

Мирослав Шнайдер
(Германия)

Формы и каналы чехословацкой эмиграции в Советский Союз (1921–1939)

Европейская историческая наука исследовала многие аспекты темы «белой» эмиграции из Советской России в Чехословакию и выявила значительное число ее представителей, деятельность которых имела большое культурное и политическое значение как в национальном, так европейском и международном масштабе. Были написаны биографии отдельных эмигрантов, освещены общие проблемы, показано, на каком политическом фоне произошел исход российских граждан из своей страны. Однако историки забывают, что в богатый событиями межвоенный период, существовало встречное эмиграционное движение – из ЧСР в Советский Союз. Оно имело, естественно, совершенно противоположные политические причины и цели, но оно может быть точно так же атрибутировано: «политическое» эмиграционное движение, как и «белая» эмиграция в Чехословакию. Именно поэтому представляется уместным раскрыть в рамках настоящей статьи такую проблему, как каналы и формы чехословацкой эмиграции в СССР.

География переселения чехов в Российскую империю с 60-х годов XIX в. была очень широкой (их пути вели даже за Урал, на Амур и к Охотскому морю)¹. Не только среди историков, но и общественности известен термин «волынские чехи»². Данный регион являлся целью чешской сельскохозяйственной массовой иммиграции XIX в. Эмигранты-одиночки, представители интеллигенции, художники и специалисты, наоборот, направлялись в крупные городские центры России. Это направление эмиграции было, в отличие от сельскохозяйственной, не столь многочисленным. Благоприятные условия приема чешских переселенцев после 1861 г. и политическая благосклонность российского правительства чрезвычайно притягивали чехов открывавшимся перед ними перспективами. Чешские иммигранты считались желанными колонистами: как с национально-языковой, так и религиозной³ точек зрения. Они были близки местному населению. Государственная администрация предпочитала ассимилируемые инонациональные субъекты, а не этнические колонии, образующие изолированные языковые и национальные анклавы наподобие создаваемых немецким меньшинством на территории России.

Есть основание говорить не о «чехословацкой», а о «чешской» эмиграции в Россию в XIX в. Словацкая эмиграция имела свою заметную специ-

фику, была больше ориентирована на Запад. В России она не достигла такого объема, как эмиграция из Чешских земель. Причину этого можно искать в венгерском законе об эмиграции 1909 г., ограничивающем миграционное движение населения⁴.

Эмиграция чехов и словаков в Россию в XIX в. не имела выраженных политических предпосылок и, главным образом, носила чисто экономический характер. Чаще всего, это был поиск лучшей доли, более прочной материальной базы, тогда как решающей причиной чехословацкой эмиграции в СССР была идеологически-политическая. Ниже предпринимается попытка представить формы переселения из ЧСР в СССР в межвоенный период и охарактеризовать основные каналы эмиграции. Особое внимание при этом обращается на политический фон рассматриваемого процесса и сложности, связанные с его рассмотрением.

Начало чехословацкой эмиграции⁵ в СССР хронологически совпадает с окончанием Гражданской войны в 1921 г. в европейской части России. Тогда чехи и словаки со всего мира направлялись во вновь основанную Чехословакию. Лишь из Советской России после Первой мировой войны в ЧСР, как считают исследователи, вернулось около 10 тыс. человек⁶. В то же время, по статистическим данным, в межвоенный период из ЧСР в СССР эмигрировало приблизительно 9 тыс. чехословаков⁷. По сравнению с другими направлениями, чехословацкая эмиграция в СССР, на первый взгляд, может показаться незначительной. Однако приведенные цифры, в известной мере, не соответствуют действительности. Во-первых, Государственное статистическое управление Чехословацкой республики было основано в 1921 г., поэтому статистика велась лишь с 1922 г. Во-вторых, с 1937 г. чехословацких эмигрантов не переписывали. Нельзя забывать – это отдельная тема – о тех эмигрантах, которые прибыли в СССР нелегальными путями. Все это позволяет рассматривать упомянутое число чехословацких эмигрантов в СССР как весьма относительное, отражающее лишь количество эмиграционных паспортов, оформленных специально для выезда в СССР⁸. Кроме того, необходимо указать еще на одно обстоятельство. Хотя со стороны советских государственных органов предполагалось введение системы контроля и регистрации численности иммиграции на польско-советских погранпунктах, в отношении эмигрантов из ЧСР на таких переходах, как Волочиск и Шепетовка, эти меры не были осуществлены.

«Сельскохозяйственная колонизация»

За исключением редких случаев с лицами, сочувствующими большевикам, реэмигрантами или различными авантюристами, которые непосредственно после Первой мировой войны покинули Чехословакию, типичными чехословацкими эмигрантами первой половины 1920-х годов были члены

сельскохозяйственных эмиграционных групп. Речь идет о так называемой «сельскохозяйственной колонизации». В 1923 и 1924 гг. в Чехословакии путем объединения людей и капитала сформировались сельскохозяйственные товарищества, за которыми закрепился термин «коммуны». В 1924 и 1925 гг. представители коммун, так называемые «ходоки», получили краткосрочные разрешения на въезд в СССР. В их задачу входили осмотр предоставленных Наркомземом участков и заключение предварительных арендных договоров, так как те получали законную силу лишь после ратификации чиновниками этой инстанции. Все чехословацкие коммуны переехали в Советский Союз в 1925–1926 гг., как правило, поэтапно. В данном случае речь идет о реализованных проектах⁹. Так, коммуна «Интергелло», состоявшая из 953 лиц, получила участок размером в 300 десятин в Карапакской автономной области¹⁰, 185 членов «Кладенской коммуны»¹¹ перебрались в Армавирский округ, где заселили 1 200 десятин земли¹², «Словацкая коммуна» переехала в Сталинградскую губернию (385 лиц / 1 028 десятин), коммуна «Рефлектор» поселилась в Саратовской губернии на участке размером в 2 012 десятин (559 членов)¹³.

Судьба чехословацких коммун в Советском Союзе складывалась нелегко. Непосредственно после прибытия на место они столкнулись с тяжелой финансовой ситуацией. Кроме того, им были выделены незастроенные земельные участки. С помощью привезенной техники и имеющихся у них ограниченных финансовых средств они должны были превратить эти земли в цветущие, образцовые сельскохозяйственные предприятия. Цель оказалась утопичной: уже в течение 1926 г. коммуны покинуло 50% разочарованных членов¹⁴. Наиболее крупной и устойчивой среди них оказалась «Интергелло». Она просуществовала до 1930-х годов. Остальные на протяжении 1920-х годов потеряли большинство поселенцев и, таким образом, утратили характер иностранной коммуны. В результате в конце 1920-х годов отведенные земли были присоединены к близлежащим совхозам и колхозам.

В 1925 и 1926 гг. эмиграционное движение чехословаков в СССР достигло своей первой высшей точки: в 1925 г. переехало 1063 чехословацких коммунаров, а год спустя – еще 1019¹⁵. Согласно статистическим документам, они покинули ЧСР либо навсегда, либо на неопределенный срок. Они эмигрировали, желая принять участие в социалистическом строительстве, уверенные в том, что окажутся в СССР в более стабильной экономической ситуации.

После 1926 г. сельскохозяйственная чехословацкая эмиграция в СССР сошла на нет.

Промышленная эмиграция

Кроме сельскохозяйственной колонизации, существовала также индустриальная эмиграция чехословацких граждан в Советский Союз. Здесь имеются в виду иностранные специалисты, или же «иноспециалисты»¹⁶, которые приехали из-за рубежа в период ускоренной индустриализации страны.

К вопросу о численности чешских «иноспециалистов». До первой пятилетки в советской промышленности их работало мало. Так, в 1926 г. чешских специалистов было всего 85 человек¹⁷, но в 1928 г. – 1 200, а четыре года спустя – более 20 тысяч¹⁸. Однако точное их количество установить трудно. Единственным источником сведений о численности чехословацких иммигрантов в СССР остаются данные Государственного статистического управления (ГСУ) ЧСР. Участвующие в процессе вербовки советские государственные органы не вели собственной статистики. Они посчитали необходимым вести учет лишь иностранных рабочих, что и было поручено Наркомату труда. Для того чтобы восполнить возникший пробел, весной 1933 г. была проведена «маленькая перепись иноспециалистов». Полученные данные не отражают общую численность работавших на территории СССР чехословаков, так как учет был проведен непрофессионально. В частности, термины «национальность» и «гражданство» были неточно истолкованы и зачастую перепутаны переписчиками. Кроме того, учитывались не все регионы страны и не все отрасли промышленности. В результате оказалось, что в Ленинградской области работало лишь 28¹⁹, в Московской – 42²⁰ специалиста из ЧСР. При этом необходимо принять во внимание, что по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Ленинграде проживало 76 чехословацких граждан (286 чехов по национальности), в Москве 335 граждан ЧСР (594 чехов по национальности)²¹. В сводных списках имеется очень важное уточнение, сделанное чьей-то рукой, что чехи и словаки скорее всего попали в группу «прочие»²².

Таким образом, составление точных списков трудившихся на территории СССР чехословацких работников является весьма непростым занятием. Сведения об отдельных чехословацких специалистах можно найти в архивных материалах иностранного отдела Наркомата труда и Всесоюзного центрального совета профсоюзов. Анализ документов показывает, что в годы первой пятилетки расширяется миграционное движение специалистов из Чехословакии. Все чаще оно принимает форму организованных групп, как правило, по профессиям. По данным ГСУ ЧСР, промышленная миграция чехословаков в Советский Союз достигает своей наивысшей точки в 1931–1932 гг. Более 3 тыс. чехословацких специалистов и техников покинули Чехословакию во время мирового экономического кризиса. Они нашли работу в советской горной и металлургической промышленности, а также в строительстве²³. Следует сразу же оговорить, что жизненные перипетии того

или иного чехословака невозможно охарактеризовать. Также нельзя достоверно установить, как они распределялись по территории Советского Союза.

В советских реалиях. Что касается чехословацких эмиграционных групп промышленного характера, то судьбу нескольких из них можно проследить достаточно детально по архивным материалам. К ним принадлежит, например, группа из 30 чехословацких семей сапожников (всего 60 человек), организованная венским чехом (австрийским гражданином) Ладиславом Шмидтом. Она выехала в Советский Союз в сентябре 1930 г., не имея на руках коллективного трудового договора, полагаясь лишь на устное обещание о предоставлении рабочих мест. Они сами оплачивали дорогу (это не являлось правилом), и, что более существенно, по приезде на места не добились обещанного минимального жалования в размере 250 руб. в месяц. Даже при очень высоком темпе сдельной работы они могли получить лишь половину упомянутой суммы. При этом около 20 руб. им выдавали наличными, а оставшуюся часть зарплаты – в виде талонов. Их устроили на работу на юге России – в Ростове-на-Дону, в Таганроге и во Фролове. Так как условия быта и оплаты труда были плохими, вскоре большинство из них решило покинуть СССР²⁴.

Этот случай не был исключением. Условия, в которых оказались чехословаки, часто не соответствовали обещанным. Регистрировалось все больше случаев, когда они были трудоустроены не в соответствии со своей квалификацией. Условия жизни и быта также противоречили зафиксированным в трудовом договоре. Поскольку такие случаи повторялись, чехословацкое Министерство соцобеспечения (МСО) – в его компетенцию входили вопросы эмиграции и иммиграции – рекомендовало не выезжать в СССР без трудового договора, регламентирующего права и обязанности сторон. МСО советовало вносить в такой документ следующие пункты: точное описание характера работы, размер заработной платы, предоставление меблированной квартиры, право перечислять часть зарплаты в иностранной валюте на родину (13–30%). Кроме того, говорилось о предоставлении возможности приобретения продуктов в сети магазинов «Инснаба» и «Торгсина». По мнению МСО (1932 г.), оптимальным являлось жалование в 300–400 руб. для опытных иностранных мастеров, 400–700 руб. – для техников, 700–1 000 руб. – для высококвалифицированных специалистов²⁵.

После кульмиационного 1931 г. наступает стагнация чехословацкой эмиграции в СССР во всех формах. При этом решающую роль сыграл политический фактор. Прежде всего, имеется в виду изменившаяся советская политика по отношению к иностранцам. Вместе с постепенным преодолением последствий мирового экономического кризиса, исчез и важный стимул для привлечения чехословацкой эмиграции в СССР. В советской историографии подобный поворот в вопросе о трудовых ресурсах объяснялся тем,

что в это время в стране подрастала уже собственная техническая элита. В действительности, именно на рассматриваемые годы приходится завершение крупных строительных проектов, сроки договоров с иностранцами истекли и не возобновлялись.

Рассмотренные здесь формы чехословацкой эмиграции – сельскохозяйственная и промышленная – представляли собой формы легальной эмиграции. «Легальная» в данном контексте означает, что переселение происходило по действующему паспорту, оформленному чехословацкими государственными органами. Легальная эмиграция регулировалась Постоянной комиссией Совета труда и обороны по промышленной и сельскохозяйственной иммиграции (КомСТО): при этом промышленная эмиграция дополнительно входила в компетенцию эмиграционного отдела Наркомата труда, а сельскохозяйственная – отдела переселения и колонизации Наркомзема. КомСТО, являясь высшей инстанцией и главным каналом легальной иммиграции, принимала окончательное решение.

Вся информация о дефиците советского рынка труда поступала в эмиграционный отдел Наркомата труда. Ее предоставляли профсоюзы или отделы различных отраслей промышленности при наркомате (отдел электротехнической промышленности, отдел по металлу и пр.). Они регулярно сообщали о своих потребностях в специалистах и квалифицированных работниках из заграницы. Затем их запросы через НКИД получали советские посольства и торговые представительства, которые и вели поиск иностранных работников. При этом в зависимости от страны поисковая работа велась с разной интенсивностью.

Сельскохозяйственной эмиграцией, как уже говорилось, занимался отдел переселения и колонизации Наркомзема. В сотрудничестве с КомСТО он проверял финансовое положение эмигрантов и выделял соответствующий участок земли из Государственного колонизационного фонда. С 1919–1920 гг. в Наркомзем начинает поступать большое количество запросов из заграницы. Первые ходатайства были получены из Германии и США (прежде всего, от русских реэмигрантов, в частности, от бежавших из царской России евреев). В силу этого в начале 1920-х годов были подробно разработаны условия колонизации и предоставления земельных участков. Из колонизационного фонда для эмигрантов в 1922 г. было выделено 200 тыс. десятин земли на юге страны²⁶, в том числе 10 тыс. десятин земли предусматривалось для передачи чехословакам²⁷.

В 1922–1924 гг., за два года своего существования, КомСТО рассмотрела 13 ходатайств на въезд от рабочих коллективов из ЧСР (всего 1 926 лиц – 289 для промышленности, 1 637 – для сельского хозяйства), 435 от отдельных лиц (407 эмигрантов, 28 реэмигрантов; 416 – для промышленности, 19 – для сельского хозяйства)²⁸.

Со стороны советских органов всегда уделялось внимание партийности иммигрантов – считалось важным, чтобы не только руководители сельскохозяйственных коммун были коммунистами, но и большинство коммунаров состояли в коммунистической партии. Партийность чехословацких специалистов проверялась, но решающим критерием при приеме заявлений и вынесении положительных решений оставался их профессионализм.

Политическая эмиграция

IV конгресс Коминтерна, который проходил зимой 1922 г., принял резолюцию, призывающую к международному сотрудничеству в деле строительства социализма. Она была рассмотрена первым съездом Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), состоявшемся в феврале 1923 г. Таким образом, компартия Чехословакии включилась в процесс содействия эмиграции.

Но агитация и вербовка переселенцев не регулировались официально руководством партии. Все зафиксированные случаи коммунистической пропаганды, призывающей к переселению в СССР, являлись инициативой региональных и местных партийных организаций и ячеек. Они могли непосредственно влиять на людей, собирающихся покинуть Чехословакию. Партийные агитаторы выступали на многочисленных демонстрациях, как правило, в областях с высоким уровнем безработицы, например, в угольном бассейне Острава или в Подкарпатской Руси.

Однако по поводу переселения ЦИК КПЧ никаких конкретных инструкций партийным органам не давал. КПЧ как политическая партия не могла вести целенаправленную эмиграционную агитацию. В таком случае она нарушила бы закон об эмиграции 1922 г., запрещавший какую-либо вербовку колонистов или переселенцев, что немедленно вызвало бы скандал. ЦК компартии Чехословакии постоянно отрицал свое участие в эмиграционном движении в СССР.

Вместе с тем встречаются отдельные случаи, когда иностранный отдел Наркомата труда или Наркомат иностранных дел вступали в переговоры с ЦК КПЧ об отправке подходящих рабочих в Советский Союз.

На самом деле действовали и скрытые каналы эмиграции, которые вообще не входили в сферу влияния КомСТО или экономических наркоматов, а находились исключительно в компетенции ВКП(б), Коминтерна и их субъектов. Чехословаки, покинувшие ЧСР при содействии партии – навсегда или на время, – не учитывались чехословацкими статистическими учреждениями. Их выезд из Чехословакии проходил скрытно, часто с помощью поддельного паспорта и через незаконный погранпункт, организованный секретным отделом (позже – отделом международной связи – ОМС). Он был создан специально Коминтерном.

В начале 1920-х годов использовалась возможность «внутрипартийного» перевода в члены ВКП(б)²⁹. На практике это означало, что чехословацкий коммунист, не обращаясь к советским органам, регулирующим иммиграцию, еще перед выездом в пределы СССР становился членом ВКП(б). При содействии советских наркоматов органы ИККИ впоследствии предоставляли подходящую работу этим товарищам. Заявление на перевод в ВКП(б), как свидетельствуют архивные материалы, подавали прежде всего чехословацкие граждане, которые уже проживали на территории СССР, часто в сельскохозяйственных коммунах или в качестве «иноспециалистов». В случае выхода из коммуны либо после истечения срока трудового договора, им практически гарантировался вид на жительство в СССР.

Следующую группу переведенных в ВКП(б) составляли члены КПЧ, которые в результате своей нелегальной партийной деятельности в ЧСР теряли свои рабочие места или даже подвергались репрессиям со стороны чехословацких государственных органов. Они также принимались в члены ВКП(б) с целью углубления их партийной подготовки и переезжали в СССР. Затем в «подходящий» в политическом плане момент предполагалась их отправка на родину для ведения идеологической работы среди масс. Таких политических иммигрантов, как правило, сначала направляли в партийные школы или на курсы. После соответствующего обучения они отправлялись на практику или получали временную работу в органах партийной пропаганды в Коминтерне. Эта группа иммигрантов более всего пострадала от чисток 1930-х годов. В 1933 г. подобные переводы были прекращены, и все иностранные члены партии подверглись тщательной проверке. Особое внимание уделялось тем, кто был замечен в одобрении троцкизма³⁰.

Наряду с группой лиц, по линии партии покинувших ЧСР навсегда, в политических учебных заведениях СССР обучались эмигранты, которые были переведены в ВКП(б) и направлены сюда на короткий или более длительный срок. Речь идет о группе чехословацких слушателей Международной ленинской школы (МЛШ) или ее подразделения, ориентированного на краткосрочную форму обучения, – Московских ленинских курсов. МЛШ делилась на секторы по национальному признаку, причем чехословаки находились в секторе «Б». Внутри каждого сектора создавались ячейки ВКП(б), комсомола и других партийных организаций. Задачей курсов являлась подготовка, как правило, коммунистических деятелей среднего звена с перспективой их дальнейшего продвижения по партийной линии. Целью слушателей курсов было овладение коммунистической и социалистической идеологией так, чтобы они были в состоянии применить ее в ЧСР на практике. В учебный план входили политическая экономия, ленинизм и исторический материализм, история Коминтерна и КПЧ, вопросы партийного строительства и организация профсоюзного движения. Также читались лек-

ции по актуальным проблемам современности – например, о троцкизме, о деятельности правых уклонистов внутри ВКП(б) или нелегальной партработе³¹.

Само существование МЛШ имело строго секретный характер. Слушатели были переправлены в СССР при помощи ОМС; многие из них были заранее переведены в состав ВКП(б). Выезд из страны проходил без уведомления чехословацких государственных органов, поэтому эмигранты-слушатели не входили в какую-либо официальную статистику. Студенты обязывались соблюдать правила конспирации и на территории СССР. Им не разрешалось вести переписку с родственниками в ЧСР, в исключительных случаях они могли воспользоваться условным адресом; кроме того, ни в СССР, ни в ЧСР никто не должен был знать о МЛШ.

Число чехословацких выпускников (среди них и судетских немцев), прошедшее обучение в период с 1926 до 1931 г., составляло 138 человек³². В последующие годы численность слушателей стабилизировалась: по 30 студентов из ЧСР в учебный год. То, что выпускники после обучения в МЛШ оставались в СССР, было редким явлением. Из упомянутых 138 человек в качестве преподавателя в МЛШ остался лишь один выпускник, и один по политическим убеждениям решил больше не возвращаться в ЧСР³³. Он перешел в Международное объединение помощи борцам революции (МОПР) – организацию, отвечавшую за прием и обеспечение иностранных политических иммигрантов.

Следующий поток политической иммиграции шел по линии этой организации. Иностранные коммунисты использовали предоставленное советской конституцией право на политическое убежище в СССР. Совместно с ВКП(б) и Коминтерном МОПР рассматривал заявления претендентов. При этом МОПР можно представить как своеобразный «политический санаторий»: на свои средства объединение принимало и поддерживало политэмигрантов до момента их направления на работу. Они проживали в общежитиях, кроме того, им предоставлялось хорошее содержание и медицинская страховка. Численность чехословацких граждан, эмигрировавших по линии МОПР, можно определить по данным поименных списков политэмигрантов, составленных во время Второй мировой войны. Согласно этим документам, на территории СССР находилось всего 30 политэмигрантов, приехавших из Чехословакии до 1939 г. Из послемюнхенской Чехословакии до конца 1939 г. прибыло 466 человек, их также принял МОПР. В свою очередь, просмотр ежедневных отчетов Общества взаимопомощи политиммигрантов (сначала независимое управление, позднее одна из структур МОПР) за 1923 г. показал, что на содержании МОПР одновременно находилось до восьми политэмигрантов из ЧСР. Они проживали в общежитии и ожидали направления на работу, которое, в свою очередь, могло исходить от ИККИ,

МОПР или ЦК профсоюзов. Работа предоставлялась преимущественно за пределами Москвы.

Таким образом, анализ архивных материалов позволил выделить несколько форм и каналов эмиграции из Чехословакии в СССР: от сельскохозяйственной, промышленной, политической (с косвенным участием КПЧ) – до политической эмиграции в классическом виде, достигающей в 1939 г. своей наивысшей точки.

В связи с этим следует подчеркнуть, что рассмотренные в настоящей работе формы и каналы эмиграции характерны для представителей всех национальностей, эмигрировавших в Россию в межвоенный период. Лишь их интенсивность была различна, она, как правило, зависела от высылающей страны. Таким образом, среди питомцев МОПР в начале 1920-х годов можно найти значительную массу «красных» эмигрантов из «белой» Венгрии; с первой половины 1930-х годов начинается приток коммунистов из гитлеровской Германии.

Точно так же МОПРом были приняты и члены австрийского «Шуцбунда», убежавшие от режима Дольфуса сначала на территорию ЧСР и в 1934–1935 гг. дальше в СССР³⁴. При этом в документах они проходили как эмигранты из Чехословакии.

В рамках настоящего небольшого исследования могли быть рассмотрены лишь наиболее существенные проблемы. Вопрос о национальности эмигрантов из ЧСР также относится к ним. По этому поводу следует заметить, что среди эмигрантов из этой страны в межвоенный период немцы составляли 8%. Однако на территории СССР они считались чехословаками. Существуют два исключения: во-первых, группа судето-немецких эмигрантов 1939 г., спасавшихся от гитлеровского режима и покинувших ЧСР. В статистических документах МОПР они были учтены отдельно. И, во-вторых, немцы, члены КП Германии, оказавшиеся в 1930-е годы в Чехословакии (иногда даже в Австрии), а затем в СССР. К сожалению, на сегодняшний день их число так же, как и количество тех немцев, которые попали на территорию СССР в рамках так называемых «эвакуаций» по линии МОПР или Коминтерна, практически невозможно восстановить.

Необходимо учитывать, что чехословакские иммигранты попадали в СССР не только из ЧСР, но и из других государств. Установить их численность также пока не представляется возможным. В разных архивных материалах иногда встречаются отдельные сведения о «чехословаках», как их обычно называли. Об этом свидетельствует, например, список членов канадской сельскохозяйственной коммуны «Мигаево», в которой в 1922 г. значатся 2 чехословака³⁵. Причем, неизвестно, являлись ли эти два приехавших из Канады иммигранта чехословаками гражданами.

Представленные каналы эмиграции: КомСТО, ВКП(б), Коминтерн и их субъекты и МОПР можно охарактеризовать как легальные каналы иммиграции, так как въезд в СССР проходил при согласии или по распоряжению этих структур. В некоторых случаях, однако, выезд из ЧСР осуществлялся нелегально, например, слушателями МЛШ. Такой же характер имела политическая эмиграция 1939 г. Эмигранты нелегально перешли чехословацко-польскую границу, чтобы затем через Польшу оказаться в СССР. Их выезд был подготовлен и проведен КПЧ. На территории СССР МОПР признало за ними статус политэмигрантов и оказало им материальную помощь.

О нелегальной иммиграции можно говорить также в тех случаях, когда чехословацкие граждане приезжали в СССР по линии Интуриста с краткосрочной визой, с целью остаться здесь навсегда. Они обращались к советским органам с просьбами о предоставлении работы. Такие свидетельства, разбросанные по разным архивам и фондам, доказывают, что чехословацкие эмигранты использовали и этот иммиграционный канал.

Тема чехословацкой эмиграции в СССР до сих пор является недостаточно разработанной. В настоящем исследовании о формах и каналах иммиграции рассмотрен лишь один из аспектов большой проблемы, которую условно можно обозначить как миграция между Западом и Востоком. Его следует воспринимать как попытку заявить о теме, имеющей хорошие исследовательские перспективы.

Примечания

¹ Из некоторых работ см.: Valášková N. Z Čech do Ameriky, z Ameriky do Ruska. Nerealizovaný projekt druhotné emigrace. Češi za hranicemi na přelomu 20. a 21. století. Sympozium o českém vystěhovalectví, exulantství a vztazům zahraničních Čechů k domovu. Praha, 2000. S. 67–73. Robek A. K problematice českého vystěhovalectví do Ruska v druhé polovině 19. století: I. Češi v cizině. II. Praha, 1987. S. 64–97. Nenaševa Z. S. Američtí Češi a Rusko. Nerealizované projekty: Slovanský přehled. 2003. № 1. S. 87–96. Doubek V. Česká emigrace do Ruska v druhé polovině 19. století // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a současnost. Sborník referátů z vědeckého kolokvia 11. června 1998 v Praze. Praha, 2002. S. 171–194.

² См.: Vaculík J. Dějiny Volyňských Čechů Praha, 1997; 1998; 2000. I/II/III. Hofman J. Češi na Volyni. Základní informace. Praha, 1995.

³ Так, во взглядах поздних славянофилов, чехи считались потомками Яна Гуса и поэтому близкими русскому православию, как и болгары, сербы и пр.

⁴ Для того, чтобы показать низкое количество словаков в России во второй половине XIX в., можно в качестве аргумента привлечь переписи населения города Санкт-Петербург: в 1869 г. в российской столице проживало 86 чехов и 24 словацка (впрочем, только мужского пола), 1890 – 220 чехов и 98 словаков, 1900 – 351 чех и 58 словаков и в 1910 г. число чехов возросло до 512, а словаков – до 70 человек. Проведенная в период правления Николая II Всероссийская перепись населения – вообще первая в истории монархии, за исключением упомянутых переписей населения крупных российских

городов – является в этом отношении едва ли полезной: чехи и словаки были переписаны вместе и их количество составляло 50 388 душ. См.: С.-Петербург по переписи 1869 года. СПб., 1872. Вып. I. С. 43; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. СПб., 1891. Вып. I. С. 51–52; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. СПб., 1903. Вып. I. С. 52; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. СПб., 1911. Вып. I. С. 10–11; *Valášková N. Češi v Rusku. // Češi v cizině. Praha, 1996. IX. S. 30.*

⁵ Под «чехословацкой эмиграцией» и «эмиграцией чехословаков» в статье подразумевается эмиграция граждан ЧСР. В конкретных случаях, в которых определение национальности возможно, в тексте статьи приведены точные данные.

⁶ *Heroldová E.: Reemigrace etnických Čechů po první a druhé světové válce. Plány, skutečnost, problémy. Paralely a rozdíly. // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve střední Evropě. / Ed. J. Valenta etc. Praha, 1999. S. 662.*

⁷ См.: *Mitteilungen des tschechoslowakischen statistischen Staatsamtes. 1921, 1922, 1939.*

⁸ Так называемые эмиграционные паспорта действовали для страны (стран), для которых они были оформлены. С 1 июля 1921 г. существовала обязанность передавать все сведения о выданных чехословацким гражданам паспортах Государственному статистическому управлению Чехословацкой республики. С 1 января 1922 г. спектр собираемых данных еще больше увеличился: СУА. PMR. Art. 282, sig. 823.

⁹ Коммуна «Чехоцентр» развалилась еще до выезда в Советский Союз, коммуна «Всетина» не выехала.

¹⁰ Включая дополнительные транспорты 1928 и 1932 гг., всего с «Интергелпо» переселилось 1078 чехословаков. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1977. Т. 2. С. 47.

¹¹ «Кладенская земледельческая коммуна» выступала в 1923 г. еще под названием «Жегротинское земледельческое дружество».

¹² В мае 1927 г. к «Кладенской коммуне» присоединилась организованная немцами в Либерце (г. Рейхенберг) коммуна «Плуг» («Пфлуг»): Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478. Оп. 7. Д. 3179. Л. 17.

¹³ Арендные договоры: СУА. MSP. Art. 3797, s. H8-d1 (Рефлектор); ГА РФ. Ф. Р-364. Оп. 7. Д. 12. Л. 220. (Кладенская коммуна); Документы и материалы. Т. 2. С. 66. (Интергелпо); РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2950. Л. 59. (Словацкая коммуна).

¹⁴ Об этом свидетельствуют донесения чехословацкого дипломатического представительства в Москве: СУА. MSP. Art. 3887. S. H8-d29-b4.

¹⁵ Следует заметить, что общее число эмигрировавших в СССР в этом году по данным официальной статистики составляло 947 лиц. Эта небольшая разница объясняется тем, что коммунары выехали по паспортам, оформленным в предыдущем году.

¹⁶ Термин «иноспециалисты» обозначал специалистов иностранного гражданства, приехавших по линии НКТруда в межвоенный период. Советские органы уделяли недостаточно внимания вопросам обозначения национальности или гражданства. Зачастую национальность заменялась гражданством и наоборот. О ненадежности этих данных свидетельствуют заметки об «иноспециалистах» в списках разных советских предприятий: напр. юго-словак, негр и т.д. см.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 39. Д. 15.

¹⁷ СУА. MSP. Kart. 3887. S. H8-d29-b4.

¹⁸ *День О. От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. М. 1997. С. 9.*

¹⁹ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 39. Д. 58. Л. 12–120.

²⁰ Там же. Л. 123–176.

²¹ См: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1957.

²² ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 39. Д. 58. Л. 6–8.

²³ См: *Zprávy státního úřadu statistického Republiky československé 1931, 1932. Praha, 1931, 1932.*

²⁴ СУА. MSP. Art. 3985/ S. H1-a1.

²⁵ СУА. MV-SR. Art. 2622. S. 5/26I/10/5.

²⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 709. Л. 10.

²⁷ Чехословацким колонистам рекомендовалось переселяться в районы Астраханской губернии и Левобережного Поволжья, прежде всего в Могутинскую и Пришибскую области. Для них предусматривалось в общем объеме около 10 тыс. десятин земли, куда можно было поселить 200 крестьянских семей (из расчета 50 десятин каждой семьи). Между тем советские учреждения готовы были предоставить из колонизационного фонда чехословацким иммигрантам до 40 тыс. десятин: Документы и материалы... Т. 2. С. 66.

²⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2118. Л. 132.

²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 98. В РГАСПИ хранятся все поименные личные дела членов КПЧ, переведенных в ВКП(б). Их число составляет приблизительно 1500 человек. Не все из них являлись чехословацкими гражданами, по приблизительным оценкам, примерно 20% из них были украинцами и русскими.

³⁰ Наглядным примером такого пути может служить случай с чехословацким политэмигрантом Эдуардом Балашяком (род. 30 июля 1896 г. в Словакии). В период 1921–1925 гг. в ЧСР его много раз арестовывали за выступления и коммунистическую пропаганду. Для того, чтобы избежать дальнейших арестов, в конце 1925 г., ИК КПЧ решил отправить его нелегально в Москву. Б. Шмераль, представитель КПЧ при ИККИ, ходатайствовал за него перевод. По желанию Балашяка, он отдал распоряжение выдать ему партийные документы на имя Владимира Михайловича Громского. Шмераль рекомендовал сго на Международные Ленинские курсы в Москве. В 1926 г. Громский был принят в ВКП(б). В 1926–1927 гг. он работал референтом в Профинтерне и Крестинтерне. В 1928 г. он был направлен во Владимир, чтобы занять должность главного редактора недавно открытой газеты «Владимирская правда». Год спустя он перенесся в Москву в издательство «Правды». В 1930 г. он перешел в Союзный комитет по делам печати и одновременно в Центральную комиссию ИККИ по чистке профааппарата. В 1936 г. в ходе партийной чистки он сам был обвинен К. Готвальдом в троцкизме. Более того, тот дал команду провести «внутрипартийное» расследование, в результате которого Громский был снят со всех занимаемых постов и был вынужден уехать на Дальний Восток. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 10561. Л. 1, 3, 9, 10, 19).

³¹ Там же. Ф. 495. Оп. 71. Д. 401. Л. 1–4.

³² Там же. Ф. 531. Оп. 1. Д. 47. Л. 17.

³³ Там же.

³⁴ См. некоторые работы австрийских историков: Rombach Ch. Gelebte Solidarität: österreichische Schutzbundkinder in der Sowjetunion. 1934–1945. Wien, 2003. Schafranek H. Kinderheim № 6: österreichische und deutsche Kinder im sowjetischen Exil. Wien, 1998. McLoughlin B. Österreicher im Exil – Sowjetunion: 1934–1945; Eine Dokumentation. Wien, 1999. Stadler K. Opfer verlorener Zeiten: Geschichte der Schutzbund – Emigration 1934. Wien, 1974. McLoughlin B., Schafranek H. Aufbruch – Hoffnung – Endstation: Österreichrinnen und Österreicher in der Sowjetunion, 1925–1945. Wien, 1997.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 7. Л. 354–360.

Научное издание

Институт славяноведения РАН

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-ГУМАНИТАРИИ
В МЕЖВОЕННОЙ
ЧЕХОСЛОВАКИИ

Сборник статей

М., 2007. 270 с.

Оригинал-макет - Карасев С.А.

Подписано к печати 15. 04. 2008

Объем 16,6 п.л. Тираж 300 экз.

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-ГУМАНИТАРИИ В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ